

2018 № 4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Обращение к читателям журнала

Пимонов В.А.

К 25-летию Конституции Российской Федерации.....1-3

Ювенальная юридическая психология

Гартвик Е.В., Красник В.С.

Опыт сочетания восстановительного и реабилитационного подходов в работе по профилактике рецидивной преступности среди несовершеннолетних в деятельности суда 4-19

Левицкая Т.Е., Тренькаева Н.А., Козлова Н.В., Богомаз С.А., Цехмейструк Е.А.

Безопасность в структуре ценностей молодежи, проживающей в городской среде 20-33

Ошевский Д.С., Кудимова Т.А.

Смысловая сфера несовершеннолетних, употребляющих психоактивные вещества..... 34-43

Коваль Н.В., Зенкин А.Н.

Лишение родительских прав через призму апелляционной инстанции..... 44-54

Тихонова А.Д.

Социальные медиа и молодежь: риск радикализации 55-64

Цапина С.Ю.

Проблема социальной адаптации семьи ребенка с тяжелой психофизической патологией 65-74

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Нуцкова Е.В.

Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек 75-98

Захарова Н.М., Милехина А.В.

Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности.....89-98

Будякова Т.П.

Эффект дезинформации в опознании человека 99-114

Сафуанов Ф.С., Переpravина Ю.О., Черненьков А.Д.

Нейропсихологическое исследование при судебно-психологической экспертной оценке сделкоспособности 115-127

Психология профессиональной деятельности

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю.

Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур 128–141

Аникеева Н.В., Паршутин И.А.

Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов..... 142–154

Горностаев С.В., Поздняков В.М.

Проблемы оценки лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности 155–167

Вахнина В.В., Касперович Ю.Г., Наумов Ю.Г.

Психологические особенности обучения переговорной деятельности в системе дополнительного профессионального образования 168–179

Лаптев Л.Г., Столяренко А.М., Буданов А.В., Грищенко Л.Л., Демин Г.И.

Профессиональная культура субъекта труда как интегративный феномен ...180–191

Скляренко И.С., Курипченко Ю.И., Демин Г.И.

Сетевая технология как педагогический инструмент 192–203

Ковальчук И.А., Сочивко Д.В.

Интеллектуально-личностный потенциал будущих специалистов ФСИН России на этапе первичной подготовки к службе и обучению 204–218

Кубышко В.Л., Крук В.М., Федотов А.Ю.

Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста 219–235

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Диденко А.В., Писарев О.М., Ланина М.Н.

Характеристика некоторых особенностей рисунков осужденных, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, по данным ассоциативного рисуночного теста 236–266

Экстремальная и кризисная психология

Рядинская Е.Н.

Анализ стресс-факторов, влияющих на физическое и психическое здоровье мирных жителей в зоне конфликта на Юго-Востоке Украины 252–266

К 25-летию Конституции Российской Федерации

Пимонов В.А. кандидат юридических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (p_vlad70@mail.ru)

Для цитаты:

Пимонов В.А. К 25-летию Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 1-3. doi: 10.17759/psylaw.2018080401

For citation:

Pimonov V.A. To the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp. 1-3. doi: 10.17759/psylaw.2018080401

В декабре уходящего 2018 года страна отмечает 25-летие Конституции России. Действующая (по счету пятая) Конституция России принималась впервые за историю российского конституционализма всенародным голосованием.

Сейчас есть немало критиков действующего Основного закона России, утверждающих о его нелегитимности (приводя в качестве доказательства аргумент о том, что за Конституцию не голосовало едва ли не половина населения) и даже об антинародном характере, мотивируя это тем, что ликвидирована система Советов, включая Съезд народных депутатов.

Вместе с тем оппоненты не учитывают, что критиковать действующий Основной закон государства они могут теперь свободно, не боясь репрессий.

Конституция РФ закрепила важную норму, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). При этом глава 2 Основного закона полностью посвящена личным, политическим, социально-экономическим правам и свободам личности.

Одно из основных преимуществ Конституции РФ в том, что в её текст вплетены как передовые идеи либеральной социально-правовой философии, так и коммуитаризма.

Сторонники либеральной социально-правовой философии исходят из того, что личность как высшая ценность может рассматриваться абсолютно автономно от общества.

Стоит отметить, что идея либералов о праве как свободе человека, ограниченной лишь свободой другого человека, создаёт предпосылки раскрепощению творческой энергии индивида и является мощным импульсом для правового развития общества и государства. Эта идея получила закрепление в части 3 статьи 17 Основного закона, в которой определено, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать

права и свободы других лиц». Но в этой идее, в её чистом виде, таится и серьезная опасность. Ведь по сути либеральная социально-правовая философия исключает из своего рассмотрения понятие общества и полностью концентрируется на индивиде. В настоящее время процесс расширения свободы личности достиг настолько больших масштабов, что начинают отбрасываться в сторону некоторые моральные ограничения, заложенные природой с целью сохранения человечества. Мы все чаще сталкиваемся с этим в ситуациях, когда человек, возмнивший себя хозяином природы, рассматривает окружающий его мир не как внутренне связанную с ним среду его существования, а как средства, которые он может использовать для своих личных интересов. Эта формирующаяся потребительская психология загоняет все межличностные отношения в схему эгоистической ориентации на собственные блага каждого индивида, что приводит к дефрагментации общества, отделению человека от социума.

Сторонники коммунитаризма исходят из того, что общество первично по отношению к индивиду, а общее благо – не сумма индивидуальных благ, а общие ценности, объединяющие данное общество. С этих позиций правовые установления должны учитывать специфику солидарных представлений о справедливом, присущих социокультурному большинству общности.

Стоит отметить, что этот принцип защиты прав большинства нашел свое отражение в части 3 статьи 55 Конституции, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Органичное сочетание в тексте Конституции России передовых идей либеральной социально-правовой философии и коммунитаризма позволяет сформулировать важный принцип, заложенный в конституционную вторую главу о правах человека: необходимыми являются такие формы свободы индивида, которые не разрушали бы начала солидарности.

Если же сказать конкретнее, то речь идет о том, что:

- вторжение государства в частную жизнь личность, во внутреннюю жизнь семьи должно быть крайне осторожным, оно должно укреплять, а не разрушать отношения между ее членами (т.е. минимум репрессивных мер при максимуме помощи социально уязвимым группам населения, помощи семье, оказавшейся в трудной ситуации);
- защита интересов личности не должна подрывать нравственные устои общества и разрушать его историко-культурную идентичность;
- обеспечение прав граждан не должно создавать угрозу государственному суверенитету;
- защита достоинства личности не должна вести к отказу от тех моральных норм, которые до сих пор позволяли человечеству оберегать себя от саморазрушения.

To the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation

Pimonov V. A., Ph. D. in law, associate Professor, Department of legal psychology and law, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education(p_vlad70@mail.ru)

In December 2018, the country celebrates the 25th anniversary of the Russian Constitution. The current (fifth) Constitution of Russia was adopted for the first time in the history of Russian constitutionalism by popular vote.

Now there are many critics of the current Basic law of Russia, claiming its illegitimacy (citing as evidence the argument that the Constitution did not vote for almost half of the population) and even the anti-people character, citing the fact that eliminated the system of Councils, including the Congress of people's deputies.

At the same time, opponents do not take into account that they can now freely criticize the current Basic law of the state without fear of repression.

The Constitution of the Russian Federation fixed an important norm according to which the person, his rights and freedoms are the highest value (Art. 2). Chapter 2 of the Basic law is devoted entirely to the personal, political, socio-economic rights and freedoms of the individual.

One of the main advantages of the Constitution of the Russian Federation is that both advanced ideas of liberal social and legal philosophy and communitarianism are woven into its text.

Опыт сочетания восстановительного и реабилитационного подходов в работе по профилактике рецидивной преступности среди несовершеннолетних в деятельности суда

Гартвик Е.В., аспирант, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», судья, Калининский районный суд г. Челябинска (gartvik.elena@mail.ru)

Красник В. С., кандидат психологических наук, доцент, доцент факультета психологии и педагогики, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (krasnikvadim@rambler.ru)

В статье рассматривается опыт работы Калининского районного суда г. Челябинска по профилактике преступности среди несовершеннолетних. Профилактика преступности среди несовершеннолетних должна представлять собой сложную систему взаимодействующих друг с другом служб и ведомств, а также форм и методов работы, направленных на: выявление и нейтрализацию неблагоприятных социальных условий, деструктивно влияющих на психику подростка; выявление подростков, попадающих в «группы риска», проведение с ними профилактической, коррекционной работы. Реализуемый в практике работы суда комплекс мер профилактического характера носит сочетанный характер. Применяются процедуры восстановительного подхода в форме медиации, который направлен на восстановление ситуации, признание вины виновным лицом, формирование у него готовности загладить причиненный вред, а также на «излечение» потерпевшего. Для психологического восстановления правонарушителя мы используем реабилитационный подход. Более 90% из обследованных несовершеннолетних, чьи материалы уголовных дел были переданы в суд, имели психическую травму, обусловленную потерей одного из родителей (развод или смерть одного из них). Процедуры реабилитационного характера заключаются в работе с детской психической травмой, которая, нарушая целостность системы «личность—субъект», является предиктором преступного поведения. В результате, за период с 2015 по 2017 г. среди несовершеннолетних, прошедших через процедуры медиации и терапии детской психической травмы, на сегодняшний день не было ни одного случая рецидива.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, детская психическая травма, медиация, несовершеннолетние правонарушители, реабилитационный подход.

Для цитаты:

Гартвик Е.В., Красник В.С. Опыт сочетания восстановительного и реабилитационного подходов в работе по профилактике рецидивной преступности среди несовершеннолетних в деятельности суда. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 4. С. 4-19. doi: 10.17759/psylaw.2018080402

For citation:

Gartvik E.V., Krasnik V.S. Experience in combining rehabilitation and rehabilitation approaches in the work on the prevention of recidivism among minors in the work of the court. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.4-19. doi: 10.17759/psylaw.2018080402

Преступность несовершеннолетних занимает существенное место в структуре общей преступности. Хотя статистика последних лет свидетельствует о снижении преступности среди несовершеннолетних в масштабах Российской Федерации и Челябинской области в том числе, есть основание полагать, что отмеченная тенденция во многом объясняется сокращением общей численности подростков уголовно наказуемого возраста, проживающих в России, и высокой степенью латентности этих преступлений. В тоже время прослеживается тенденция к увеличению тяжести преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Так, количество осужденных в воспитательных колониях, имеющих срок от 8 до 10 лет, в 2016 г. выросло до 20,96% против 1,82% в 2013 г. В связи с этим актуальность совершенствования системы профилактической работы по предупреждению правонарушений и преступности среди несовершеннолетних остается на повестке дня.

В «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы» подчеркивалось, что профилактическим аспектам работы с подростками-правонарушителями и их сопровождению необходимо уделять основное внимание. Данная задача сохраняется в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года и Плана мероприятий на 2017—2020 годы по ее реализации, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации 22 марта 2017 года № 250-р.

На Всероссийском сетевом форуме с международным участием «Национальная стратегия действий в интересах детей: навстречу Десятилетию детства», проходившем 13—14 ноября 2017 г. в Москве, были подведены итоги реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы». На Форуме отмечен ряд положительных моментов, которые удалось достигнуть.

В тоже время участники Форума указали на ряд негативных моментов:

- недостаточность квалифицированных кадров для работы с детьми;
- не разработана эффективная система мониторинга и оценки (включая результаты, связанные с измерением благополучия детей и семей) деятельности организаций социальной сферы, оказывающих услуги семьям и детям, и в целом государственной системы поддержки детей и семей;
- отсутствует система сопровождаемого проживания для «выпускников» специализированных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и приемных семей (которые не могут жить самостоятельно);
- перемещение существенной части девиантного поведения подростков в социальные сети в условиях развития компьютерных технологий способствует росту киберпреступлений; усиливается активность определенных сообществ, групп в Интернете, оказывающих деструктивное влияние на психику ребенка (так называемые группы смерти).

В связи с этим на Форуме отмечалось, что в сфере защиты детей в правовом пространстве необходимо:

- возобновить деятельность рабочей группы Совета судей Российской Федерации по вопросам дружественного к ребенку правосудия;
- разработать концепцию кодификации законодательства в сфере работы с несовершеннолетними, вступившими в конфликт с законом, а также профилактики правонарушений среди несовершеннолетних;
- сформировать квалифицированную рабочую группу по кодификации законодательства, включающую членов Всероссийской ассоциации восстановительной медиации, членов рабочей группы при Совете судей Российской Федерации по вопросам развития дружественного к ребенку правосудия, правоведов, специализирующихся в области правосудия в отношении несовершеннолетних, а также других специалистов в данной области; провести реформирование российской системы судопроизводства путем создания специализированных составов внутри судов, привлечения к их работе педагогов-психологов, социальных работников;
- активизировать работу над законом о пробации и/или ввести в практику социальных служб функции пробации по отношению к судимым несовершеннолетним и молодым взрослым;
- законодательно закрепить возможность применения процедур примирения между подозреваемым/обвиняемым и потерпевшим в уголовном процессе с участием специалиста по восстановительному правосудию;
- включить восстановительный подход в практику работы Уполномоченных по правам ребенка, обеспечить обучение помощников уполномоченных по правам ребенка, создать при уполномоченных службы примирения в целях урегулирования конфликтных и криминальных ситуаций с участием несовершеннолетних;

- продолжить реформирование Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- усилить кадровые и организационные ресурсы комиссий как координирующего органа в системе профилактики;
- ввести в российское законодательство понятие «дети в конфликте с законом» или «дети, нарушившие закон» и прописать критерии определения этой категории;
- внести тип, вид и название «Центр по работе с детьми, находящимися в конфликте с законом»;
- разработать и внедрить комплексную систему защиты жертв преступлений: защиты их прав, обеспечения доступа к правосудию, психологической, медицинской и социальной реабилитации, а также обязательной гуманизации уголовного процесса в том, что касается участия в нем пострадавших;
- обеспечить повышение уровня профессиональной компетентности специалистов органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- осуществлять политику «открытых дверей» для волонтерских, общественных инициатив, развития социальных связей воспитанников с ключевыми агентами ресоциализации.

Другим важным мероприятием в рассматриваемом направлении был Всероссийский научно-практический семинар с международным участием «Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению», проходивший на факультете юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета 09 ноября 2017 г. На семинаре рассматривались проблемы социальной ситуации развития современных подростков, преступности несовершеннолетних, девиантного поведения данной категории лиц, психокоррекции агрессивного поведения, ресоциализации правонарушителей, создания системы межведомственного взаимодействия при решении рассматриваемых проблем. Отмечалось, что важная роль в системе восстановительных процедур принадлежит уголовно-исполнительной системе (далее — УИС). Участниками семинара был внесен ряд предложений:

- принять меры по повышению психолого-педагогической компетенции персонала УИС;
- ФСИН России совместно с местными органами власти и НКО организовать различные формы восстановительного правосудия, включая медиативные технологии, направленные на компенсацию осужденным вреда пострадавшим и примирение сторон;
- более активно внедрять инновационные технологии психотерапевтической и психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными, создавая для этого необходимые научные, организационные и материально-технические предпосылки [3].

Обобщая все вышесказанное, следует отметить, что профилактика преступности среди несовершеннолетних должна представлять собой сложную систему взаимодействующих друг с другом служб и ведомств, а также форм и методов работы, направленных на: выявление и нейтрализацию неблагоприятных социальных условий, деструктивно влияющих на психику подростка; выявление подростков, попадающих в «группы риска», проведение с ними профилактической, коррекционной работы; реализацию программ по предупреждению правонарушений у подростков, уже вступивших в конфликт с законом.

В Калининском районном суде г. Челябинска с 2015 г. в порядке эксперимента проводится работа по профилактике преступности несовершеннолетних. В основу проводимой работы положены два подхода: восстановительный и реабилитационный. Эти подходы, на наш взгляд, не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга. В рамках каждого подхода решаются специфические задачи, которые в своей совокупности направлены на достижение главной цели — профилактику правонарушений среди несовершеннолетних.

Процедуры восстановительного правосудия давно используются для профилактики рецидивной преступности и снижения ее уровня во многих странах мира: Австралии, США, Канаде, странах Европы. 24 декабря 2002 г. Экономическим и Социальным Советом ООН была принята Декларация «Основные принципы использования программы восстановительного правосудия в уголовных делах». [14] В зарубежных системах ювенальной юстиции важное значение придается оценке факторов риска противоправного поведения. [10]

Теоретической основой изучения проблем восстановительного правосудия явились работы Дж. Брейтуэйта, Х. Зера, Л.М. Карнозовой, Р.Р. Максудова, К. Праниса и др.

Обосновывая необходимость реализации восстановительных программ, мы солидарны с Р.Р. Максудовым, который отмечает: «Прежде всего, существующее правосудие отличает невнимание к нуждам жертв преступлений. И хотя лица, признанные потерпевшими, могут в соответствии со ст. 42 УПК РФ заявлять иски, давать показания, подавать ходатайства и т.д., уголовный процесс в его сегодняшнем виде не дает возможности жертве встать на путь исцеления от последствий преступления. Многие жертвы нуждаются в восстановлении чувства безопасности, доверия к людям, в компенсации материального ущерба и ответах на вопросы ("Почему я?", "Не повторится ли это со мной?", "Не я ли виноват в этом?", "Что я ему сделал?"). Болезненные переживания, такие как страх, горе, незащитность, недоверие к людям, самообвинение, могут много лет мучить потерпевшего. Для некоторых жертв преступлений очень важна возможность поделиться личной историей и получить ответы на вопросы непосредственно от правонарушителей» [11]. Восстановительное правосудие позволяет «очеловечить» уголовное судопроизводство через решение ряда задач:

1) удовлетворение потребностей жертвы: возмещение ущерба, восстановление чувства безопасности, обеспечение возможности поделиться личной историей и быть услышанным, получить ответы на волнующие вопросы;

2) принятие ответственности правонарушителем: он должен совместно с жертвой принять решение о размере и форме возмещения ущерба;

3) привлечение ближайшего социального окружения для помощи и поддержки в этих процессах [5].

Восстановительные технологии, акцентируя внимание на работе с жертвой преступления, ее психологической реабилитации, упускают из поля внимания самого правонарушителя. Мы согласны с Л.М. Карнозовой, которая отмечает, что программы восстановительного правосудия сами по себе оказывают слабое влияние на повторные правонарушения, поскольку вмешательство со стороны таких программ точно. Медиацию несовершеннолетнего правонарушителя и жертвы следует сочетать с иными воспитательными мерами. Наиболее успешные результаты достигаются при тесном контакте медиаторов с социальными работниками, психологами и педагогами, вместе образующими структуры по работе с правонарушениями несовершеннолетних — структуры, работающие в восстановительном подходе [6].

Базой эксперимента явился Калининский районный суд г. Челябинска. Выборку составили 40 подростков, осужденных к различным срокам наказания (лица женского пола — 6 человек, мужского пола — 34 человека). Возраст подростков — от 14 до 17 лет. Уголовно-криминологическая характеристика выборки: ст. 158 УК РФ (кража) — 19 подростков (4 девочки и 15 мальчиков); ст. 161 УК РФ ч. 2. (грабеж, совершенный группой лиц) — 11 человек (все мальчики); ст. 166 УК РФ (неправомерное завладение автомобилем...) — 3 подростка (все мальчики); ст. 163 УК РФ (вымогательство с угрозой применения насилия) — 3 человека (все мальчики); ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение и хранение наркотиков) — 4 человека (2 мальчика и 2 девочки). 37 подростков в свое время пережили психотравмирующую ситуацию: 25 (62,5%) подростков — развод родителей, 12 (30%) человек — смерть одного из родителей. Все подростки судимы впервые. На момент совершения преступления все учились (35 человек в общеобразовательных школах, 5 человек в колледжах).

В порядке эксперимента мы предприняли попытку сочетать восстановительный подход с реабилитационным. Применение элементов реабилитационного подхода позволяет преодолеть вышеуказанные ограничения. Если в центре восстановительного подхода стоит, в первую очередь, жертва, то реабилитационный подход направлен на «излечение» виновного лица. Социальными работниками, психологами, психотерапевтами разрабатываются индивидуальные реабилитационные программы. Разработка, принятие и выполнение реабилитационной программы будет связывать на определенное время специалиста с подростком и его родителями [7].

В нашей практике используется реабилитационный подход для работы с детской психической травмой, которая является предиктором агрессивного, противоправного поведения. Признание несовершеннолетним правонарушителем своей вины, возмещение ущерба, осознание того, что причинил горе потерпевшему, к сожалению, не является гарантией того, что в будущем он больше не совершит преступления. Полученная ранее психическая травма, приведшая к формированию негативных личностных свойств подростка, в любой момент может «включить» сложный механизм противоправного поведения.

В основу изучения проблемы психической травмы легли труды П.А. Левина, Е.С. Мазур, Е.А. Мухортовой, С.К. Нартовой-Бочавер, М.И. Несмеяновой, С.А. Терехиной, О.Е. Хухлаева, С.А. Шефова и др.

Методологической основой нашего исследования и понимания проблемы психической травмы как предиктора противоправного поведения подростков является системно-субъектный подход (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анциферова, В.В. Знаков, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко и др).

Л.И. Анциферова указывает, что субъект «...характеризуется через различные формы внешней и внутренней активности. Он иницирует, творит, создает внутренний мир и поступки человека, контролирует чувства, вырабатывает жизненные стратегии, разрешает трудные ситуации, ставит жизненно важные задачи, вырабатывает способность ладить с людьми, создает условия для развития личности и т. д.» [2]. При этом субъект не сводим к личности. «Личность (персона) — это стрессовая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. «Личность задает направление движения, а субъект — его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах — субъект. В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума субъект—личность» [17].

В рамках восстановительных процедур, на наш взгляд, реализуются функции личности: когнитивная, регулятивная и коммуникативная. Когнитивная функция обеспечивает осмысление (порождение личностных смыслов, ценностей, смысложизненных ориентаций); регулятивная — указывает на отношение к событию или ситуации, приводя к возможным изменениям в Я-концепции; коммуникативная функция отвечает за направленность на определенные значимые аспекты реальности [18]. Но в рамках восстановительных процедур не затрагивается субъект, основной характеристикой которого является контроль поведения. Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), основанные на ресурсах индивидуальности; они интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции. Эффективность контроля поведения связана с возможностями реализации психических ресурсов для решения жизненных задач, значимость которых определяется субъектом; им же отбираются осознанно и/или неосознанно стратегии их решения. Контроль поведения — это психологический уровень регуляции, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля [19].

Психическая травма нарушает реципрокность функционального взаимодействия субъекта и личности, что ведет к рассогласованию системы «субъект—личность», а это, в свою очередь, является серьезной предпосылкой к формированию различных форм отклоняющегося поведения.

В специальной литературе описаны различные группы факторов риска противоправного поведения несовершеннолетних: биологические, индивидуально-психологические, социальные. Действительно, все эти факторы выступают предикторами

противоправного поведения подростков. Но, по мнению многих авторов, наиболее весомым предиктором является детская психотравма (Ю.М. Антонян, Е.С. Мазур, П.А. Левин, А.А. Нестерова, С.А. Терехина и др.)

В результате психической травмы нарушается целостность системы «личность— субъект». Под воздействием психотравмирующих обстоятельств происходит деформация на уровне как личности (ценностных и смысложизненные ориентации), так и субъекта (контроль поведения).

Отправной точкой формирования личности подростка служат условия семейного воспитания, которые накладывают отпечаток на всю его дальнейшую жизнь [1]. Именно в семье ребенок, как правило, получает психическую травму. Теоретический анализ специальной литературы по проблемам психической травмы и опыт нашей работы позволяют сделать вывод, что перенесенная в детстве психотравма является предиктором развития агрессивного деструктивного поведения, вплоть до совершения преступления. Под психической травмой мы понимаем вред, нанесенный психическому здоровью человека в результате интенсивного влияния неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику [8; 9]. Одной из серьезных психотравмирующих ситуаций является развод родителей, который рассматривается как один из наиболее мощных стрессогенных факторов, оказывающих значительное негативное влияние на психическое здоровье и психологическое состояние несовершеннолетних членов семьи [4; 12; 21]. Травма, полученная ребенком в результате развода родителей, зачастую ведет к нарушению психологического и психического здоровья детей, что, в свою очередь, способствует возникновению поведенческих нарушений. Эта травма чаще всего проявляется в подростковом возрасте. Как правило, после развода дети остаются с матерью. Ребенок, особенно это касается мальчиков, неверно интерпретирует «мужские» и «немужские» поступки, так как у него перед глазами отсутствовали образцы мужского поведения. Это проявляется в жестокости, стремлении самоутвердиться через унижение других и т. п. За таким поведением часто стоит стремление скрыть свой комплекс неполноценности. Позитивные отношения с отцом влияют на формирование у подростков таких качеств, как самоуважение, способность планировать свое будущее самостоятельно, позитивные когнитивные установки, адаптивные стратегии совладания и способность организовывать свое время [13].

Фрагменты бесед с подростками-правонарушителями.

Индивидуальная беседа с подростком «М» (15 лет, родители в разводе), совершившим кражу чужого имущества.

Вопрос: «Как получилось, что ты попал в эту ситуацию?»

Ответ: «Хотел сильного мужского поступка. Не сдержался».

Вопрос: «Почему для тебя так важен сильный, мужской поступок?»

Ответ: «Мама не доверяет мне. Считает меня слабым и не самостоятельным».

Вопрос: «Почему мама не доверяет тебе?»

Ответ: «Мама говорит мужчинам нельзя доверять. Слабые они».

Вопрос: «На кого и как повлияли твои действия?»

Ответ: «На мои отношения с мамой. Она теперь вообще перестала мне доверять».

Вопрос: «Как ты сейчас относишься к случившемуся?»

Ответ: «Мне стыдно. Я очень устал от случившегося. Я бессилён

вернуть доверие мамы».

Из беседы с подростком «Л» (16 лет), осужденного за причинение вреда здоровью одноклассника.

«...Родители развелись, когда мне было почти 4 года. Я это помню плохо, помню, мама плакала, папа, что-то говорил, потом кричал... мама опять плакала. Потом папа ушел. Первый раз после этого я его увидел, когда пошел в школу. На первой линейке его не было, а у других ребят пришли и папа, и мама. Я, помню, заплакал. Я очень стеснялся признаться учителю и ребятам, что у меня нет папы, вернее, что он не живет с нами. Я врал, что он то в командировке, то болеет, но потом все как-то узнали, что я безотцовщина, так меня назвала мама одного мальчика с которым я подрался во дворе школы в 3-м классе. Мне казалось, что на меня как-то не так смотрят ребята и учителя. Наверное, это не так, я сейчас думаю, но тогда мне казалось. Где-то в 4-м или 5-м классе у меня сильно ухудшились поведение и оценки в школе. Раньше я не хулиганил, а теперь стал часто драться, конфликтовать с детьми и взрослыми. С мамой часто стали возникать конфликты... ».

И в том и другом случае развод родителей серьезно травмировал психику детей, что явилось предиктором их противоправного поведения (эту травму получили 62,5% подростков из нашей выборки).

Другой психотравмирующей ситуацией является смерть одного из родителей. 30% опрошенных нами несовершеннолетних, совершивших преступления, в детстве пережили смерть одного из родителей.

Последствия психической травмы вызванной смертью близкого человека могут проявиться в том, что у подростка резко снижается школьная успеваемость, он отказывается посещать школу, проявляет упорное непослушание или агрессию (дольше шести месяцев), встает в оппозицию к авторитетным фигурам, нарушает права других людей. Возникают частые и необъяснимые вспышки гнева, падения настроения; деструктивные способы выражения гнева; гиперактивность, непоседливость (если раньше этого не было); поведение, свойственное намного более младшему возрасту в течение длительного периода; употребление алкоголя или наркотиков; воровство; половая распущенность; вандализм; противоправное поведение и т. д.[23].

Из беседы с подростком «Н» (16 лет), привлекавшимся к уголовной ответственности за кражу и причинение вреда здоровью.

Вопрос: Сколько тебе было лет, когда у тебя умер папа?

Ответ: 10 лет

Вопрос: Ты помнишь, что с тобой происходило в этот момент, что ты переживал?

Ответ: Помню, что все плакали. Я не плакал и не совсем понимал, что происходит и почему папы с нами больше нет. Так мне сказала мама. Мне было страшно, но как мне сейчас кажется, я боялся, что мама может умереть, и я останусь один.

Вопрос: Ты был на похоронах папы?

Ответ: Нет, меня не взяли. Я слышал, как мама разговаривала с бабушкой, и бабушка сказала, что ребенку нечего делать на похоронах, он еще маленький и все равно ничего не понимает. А я все понимал, я понимал, что больше у меня нет папы. Позднее я много думал об этом, и у меня, мне кажется, появилась на него вроде как злость. Бабушка сказала, что он (мой папа) на «небушке» и ему там сейчас хорошо. Я разозлился и сказал бабушке, что он специально так ушел от нас, что ему там хорошо, а маме здесь плохо...

Вопрос: А ты изменился после смерти папы?

Ответ: В каком смысле изменился? Если в смысле поведения, то вроде нет. Только грустный был. Правда года через три я стал хуже учиться, появились двойки по поведению, потом познакомился с ребятами, которые были немного старше меня, курили, пиво пили...Ну и я с ними стал...

Приведенный фрагмент беседы характерен описанием изменений, произошедших в психике и поведении ребенка, пережившего смерть отца.

В целях восстановления потерпевшего и несовершеннолетнего преступника в Калининском районном суде г. Челябинска создан Координационный совет по развитию дружественного к ребенку правосудия, где обсуждаются вопросы его применения. В состав Координационного совета входят представители судебных органов, администрации г. Челябинска, прокуратуры, правоохранительных органов, служб и органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, уполномоченный по правам ребенка в Челябинской области.

В соответствии с решением Совета предусмотрено непрерывное социальное сопровождение каждого несовершеннолетнего, привлекаемого к уголовной ответственности, начиная со стадии привлечения к уголовной ответственности и до совершеннолетия правонарушителя.

В порядке эксперимента создана и реализуется следующая модель восстановительного правосудия: сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних территориального органа внутренних дел собирают сведения о личности правонарушителя; организуют его психолого-педагогическое обследование с привлечением психолога-педагога. На основе полученных сведений составляется карта социального сопровождения несовершеннолетнего, которая впоследствии передается в суд. После поступления уголовного дела в суд подросток и его родители направляются к медиатору. Восстановительную медиацию мы рассматриваем как «... процесс, в котором медиатор создает условия для восстановления способности людей понимать друг друга и

договариваться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем (при необходимости — о заглаживании причиненного вреда), возникших в результате конфликтных или криминальных ситуаций».[20] Целями и результатами проводимых нами процедур восстановительной медиации являются: налаживание диалога между жертвой преступления и несовершеннолетним правонарушителем; восстановительные действия в виде извинения, прощения, готовности виновного лица загладить причиненный вред. В отдельных случаях может быть заключен примирительный договор.

Изучение личности несовершеннолетних правонарушителей позволяет выявить тех, кто попадает в «группу риска». Критерием отнесения несовершеннолетнего к этой группе является наличие детской психической травмы, которая выступает предиктором противоправного поведения несовершеннолетнего. Чаще всего это развод родителей или смерть одного из них. Работа с травмой начинается на этом этапе (если проблема не была проработана ранее). Осознание подростком своей вины, искренние извинения и готовность искупить свою вину доступны только целостной, здоровой личности. Психотравма нарушает, как уже было указано выше, целостность системы «личность—субъект», что ведет к деформации как ценностной, смысло-жизненной сферы человека, так и его поведения. Проводимая нами работа — это первые попытки пойти дальше традиционно решаемых задач в рамках восстановительных процедур. Реализация реабилитационных программ проводится специалистами психологами в специально отведенном помещении.

Задачи, которые мы ставим:

- 1) осознание подростком смысла травмы и его переработка;
- 2) помощь подростку в восстановлении смысложизненных ориентаций, которые были нарушены в результате травматизации его психики.

Для решения поставленных задач работа строится на основе ряда подходов, сложившихся в психотерапевтической практике:

Элементы экзистенциально-гуманистической психотерапии позволяют раскрыть личностный потенциал подростка, наметить новые для него личностные смыслы.

Элементы логотерапии помогают восполнить утраченные подростком жизненные смыслы.

После рассмотрения дела в суде все материалы передаются в орган, исполняющий наказание, либо в орган профилактики (как правило, это комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, либо подразделение по делам несовершеннолетних территориального органа внутренних дел); если дело прекращено по нереабилитирующим основаниям, то несовершеннолетние направляются на индивидуально-психологические коррекционные занятия в службу коррекции и реабилитации, где работа с психической травмой при необходимости продолжается.

По результатам двух лет работы мы можем констатировать, что положительные результаты есть. По статистике с 2015 по 2017 г. среди несовершеннолетних правонарушителей, прошедших через эти восстановительные и реабилитационные

процедуры в Калининском районном суде г. Челябинска, рецидива преступлений на сегодняшний день не было.

Таким образом, сочетание восстановительного и реабилитационного подходов дают возможность не только восстановить потерпевшего, не только урегулировать конфликт между двумя участниками уголовного процесса, но и выйти за пределы этой ситуации. Психологическая реабилитация, «излечение» психотравмы у правонарушителя ведет к восстановлению целостности его личности, делая ее более адаптивной, возвращая ей способность контролировать свое поведение.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г.* Неблагоприятные условия формирования личности. Психологические механизмы насильственного преступного поведения. М.: ВНИИ МВД, 1983. 78 с.
2. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 362.
3. *Дебольский М.Г.* Актуальные направления психологического обеспечения деятельности воспитательных колоний // Сборник тезисов участников Всероссийского научно-практического семинара с международным участием «Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению». М.: МГППУ, 2017. С. 87—89
4. *Захаров А.И.* Неврозы у детей и подростков: Анализ, этимология и патогенез. Л.: Медицина, 1988. С. 244 с.
5. *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой; коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 328 с.
6. *Карнозова Л.М.* Программы восстановительного правосудия с несовершеннолетними правонарушителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56611.shtml> (дата обращения: 07.01.2018).
7. *Ливенцева Е.Н., Максудов Р.Р., Кузнецова А.Н., Рябинин А.Л.* Восстановительный подход в работе специалистов системы профилактики правонарушений и поддержки социализации несовершеннолетних. Череповец, 2015. 30 с.
8. *Левин П.А.* Пробуждение тигра — исцеление травмы. Природная способность трансформировать экстремальные переживания: пер. с англ. / Питер А. Левин, Энн Фредерик; науч. ред. Е.С. Мазур. М.: АСТ, 2007. 316 с.
9. *Мазур Е.С.* Психотравма и психотерапия // Консультативная психология и психотерапия. 2003. № 1. С. 31—52.

10. *Мартынова И.Р.* Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2016(6). № 2. С. 41—56. doi: 10.17759/psylaw.2016060204)
11. Нартова-Бочавер С.К., Несмеянова М.И., Малерова Н.В., Мухортова Е.А. Ребенок в карусели развода. Мнение психолога. М.: Дрофа, 2001. 192 с.
12. Нестерова А.А. Жизнеспособность личности как условие снижения факторов риска в развитии детей и подростков // *Психическая депреация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: сб. научных статей*. М, 2013. С. 143—148.
13. Общая Декларация «Основные принципы использования программы восстановительного правосудия в уголовных делах», принятая 24.12.2001 г. Экономическим и Социальным Светом ООН.
14. Посредничество в уголовных делах. Рекомендация NR (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 года, и пояснительные заметки. Впервые на русском языке опубликовано в: *Вестник восстановительной юстиции*. 2001. № 2. С. 95.
15. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в РФ
16. Сергиенко Е.А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 2. С. 5—16.
17. Сергиенко Е.А. Современная тенденция в психологии развития: переход к общим моделям // *Мир психологии. Научно-практический журнал*. 2016. № 1.- С. 48
18. Сергиенко Е.А. Современная тенденция в психологии развития: переход к общим моделям // *Мир психологии. Научно-практический журнал*. 2016. № 1. С. 49.
19. Стандарты восстановительной медиации. Разработаны и утверждены Всероссийской ассоциацией восстановительной медиации 17 февраля 2009 г. М, 2009. С. 3
20. Терехина С.А. Подходы к оценке психологического благополучия несовершеннолетних при разводе родителей // *Психология и право*. Т. 5. № 1. С. 119—128.
21. Указ Президента Р.Ф. от 01.июня 2012 г. «Национальная Стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 годы».
22. Шефов С.А. Психология горя. М.: Речь, 2006. 144 с.

Experience in combining rehabilitation and rehabilitation approaches in the work on the prevention of recidivism among minors in the work of the court

Gartvik E.V., PhD-student, Chelyabinsk State University, judge, Kalininsky District Court of Chelyabinsk (*gartvik.elena@mail.ru*)

Krasnik V.S., PhD in Psychology, associate professor, Chelyabinsk State University (*krasnikvadim@rambler.ru*)

The article deals with the experience of the Kalininsky District Court of Chelyabinsk on the prevention of juvenile delinquency. It is noted that for effective prevention of relapse among juvenile offenders it is not enough only to confess guilt, to apologize to the victim, to compensate for the damage caused. Prevention of juvenile delinquency should be a complex system of interacting services and departments, as well as forms and methods of work aimed at: identifying and neutralizing adverse social conditions that adversely affect the adolescent's psyche; identification of adolescents falling into "risk groups", carrying out preventive and corrective work with them. A complex of preventive measures implemented in the practice of the court is of a combined nature. Restorative procedures are applied in the form of mediation, which is aimed at restoring the situation, admission of guilt by the person guilty of forming a readiness to make amends for the harm done and "cure" the victim. For the psychological rehabilitation of the offender, we use a rehabilitation approach. More than 90% of the examined minors whose criminal records were referred to the court had a mental trauma caused by the loss of one of the parents (divorce or death of one of them). Procedures for rehabilitation are in the work with child psychic trauma, which, violating the integrity of the "personality-subject" system, is a predictor of criminal behavior. As a result, for the period from 2015 to 2017. among minors who have gone through the mediation and therapy of child psychiatric trauma, to date, there has not been a single case of relapse.

Key words: restorative justice, child mental trauma, mediation, juvenile delinquents, rehabilitation approach.

References

1. Antonyan Yu.M. Samovichev E.G. Neblagopriyatnyye usloviya formirovaniya lichnosti. Psikhologicheskiye mekhanizmy nasilstvennogo prestupnogo povedeniya [Samovichev Adverse conditions of identity formation. Psychological mechanisms of violent criminal behavior]. M.: VNII MVD. 1983. 78 p.

2. Antsyferova L.I. Razvitiye lichnosti i problemy gerontologii [Personality development and problems of gerontology]. M.: Institut psikhologii RAN. 2004. 362 p.
3. Debol'skij M.G. Aktual'nye napravleniya psichologicheskogo obespecheniya deyatel'nosti vospitatel'nyh kolonij [Actual directions of psychological support of activity of educational colonies]//Sbornik tezisev uchastnikov Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye problemy i tekhnologii yuridicheskoy psikhologii detstva: ot deviantnogo razvitiya k normativnomu povedeniyu» [Collection of theses of participants of the all-Russian scientific and practical seminar with international participation "Actual problems and technologies of legal psychology of the childhood: from deviant development to normative behavior"]. M.: MGPPU, 2017. pp. 87-89
4. Zakharov A.I. Nevrozy u detey i podrostkov: Analiz. etimologiya i patogenez [Neuroses in children and adolescents: Analysis, etymology and pathogenesis]. L.:Meditsina.1988. 244 p.
5. Zer Kh. Vosstanovitelnoye pravosudiye: novyy vzglyad na prestupleniye i nakazaniye [Restorative justice: a new perspective on crime and punishment]. M.: MOO Tsentr «Sudebno-pravovayareforma». 2002. 328 p.
6. Karnozova L.M. Programmy vosstanovitel'nogo pravosudiya s nesovershennoletnimi pravonarushitelyami: [Elektronnyy resurs] // Psikhologiya i pravo. 2012. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n4/56611.shtml> (Accessed: 07.01.2018).
7. Livenceva E.N., Maksudov R.R., Kuznecova A.N., Ryabinin A.L. «Vosstanovitel'nyj podhod v rabote specialistov sistemy profilaktiki pravonarushenij i podderzhki socializacii nesovershennoletnih [Restorative approach in the work of specialists of the system of crime prevention and support of juvenile socialization]. Cherepovec, 2015. 30 p.
8. Levin. P.A. Probuzhdeniye tigra—istseleniye travmy. Prirodnaya sposobnost transformirovat ekstremalnyye perezhivaniya [Waking the tiger — healing trauma. Natural ability to transform extreme emotions]. M: ACT. 2007. 316 p.
9. Mazur E.S. Psihotravma i psikhikhoterapiya [Psychological Trauma and psychotherapy] //Konsultativnaya psikhologiya i psikhikhoterapiya [Counseling psychology and psychotherapy]. 2003. no 1. pp 31-52.
10. Martynova I.R. Sovremennyye zarubezhnyye napravleniya issledovaniy faktorov riska protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnikh. [Elektronnyy resurs] // Psikhologiya i pravo. 2016(6). № 2. pp. 41-56. doi: 10.17759/psylaw.2016060204.
11. Nartova-Bochaver S.K., Nesmeyanova M.I., Malerova N.V., Mukhortova E.A. Rebenok v karuseli razvoda. Mneniye psikhologa [the Child in the merry-go-round of divorce. According to the psychologist]. M.:Drova. 2001.192 p.
12. Nesterova A.A. Zhiznesposobnost' lichnosti kak uslovie snizheniya faktorov riska v razvitiy detey i podrostkov [the Viability of the individual as a condition of reducing risk factors in the development of children and adolescents] // Psihicheskaya deprevaciya

detey v trudnoj zhiznennoj situacii: obrazovatel'nye tekhnologii profilaktiki, rehabilitacii, soprovozhdeniya: sb. nauchnyh statej [Mental depression of children in difficult life situations: educational technologies of prevention, rehabilitation, support. scientific article]. М, 2013. pp. 143—148.

13. Obshchaya Deklaratsiya "Osnovnyye printsipy ispolzovaniya programmy vosstanovitel'nogo pravosudiya v ugovolnykh delakh . prinyataya 24.12.2001 g. Ekonomicheskim i Sotsialnym Svetom OON [General Declaration "Basic principles of the use of the restorative justice program in criminal cases", adopted on 24.12.2001 by the economic and Social Light of the United Nations].
14. Posrednichestvo v ugovolnykh delakh. Rekomendatsiya N R (99) 19. prinyataya Komitetom Ministrov Soveta Evropy 15 sentyabrya 1999 goda. i pojasnitelnyye zametki [Mediation in criminal cases. Recommendation NR (99) 19 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 15 September 1999 and explanatory notes]// Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii [Bulletin of restorative justice]. 2001. no. 2. P. 95.
15. Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 30 iyulya 2014 g. N 1430-r Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya do 2017 goda seti sluzhb mediatsii v tselyakh realizatsii vosstanovitel'nogo pravosudiya v otnoshenii detey. v tom chisle sovershivshikh obshchestvenno opasnyye deyaniya. no ne dostigshikh vozrasta. s kotorogo nastupayet ugovonnaya otvetstvennost v RF [Order of the government of the Russian Federation of July 30, 2014 № 1430-p on approval of the Concept of development until 2017 of a network of mediation services for the implementation of restorative justice in respect of children, including those who have committed socially dangerous acts, but have not reached the age from which criminal liability in the Russian Federation].
16. Sergiyenko E.A. Problema sootnosheniya ponyatij subyekta i lichnosti [The problem of the relationship between the concepts of the subject and the individual]// Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2013. Tom 34. no. 2. pp. 5-16.
17. Sergienko E. A. Sovremennaya tendenciya v psihologii razvitiya: perekhod k obshchim modelyam [the current trend in developmental psychology: transfer to General models]//Mir psihologii. Nauchno - prakticheskij zhurnal [the World of psychology. Scientific and practical journal]. no1, 2016. 48 p.
18. Terekhina S.A. Approaches to assessing the psychological well-being of minors when the parents divorce [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015. no. 1, pp. 119–128. (In Russ., abstr. in Engl.)
19. Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. N 761"O Natsionalnoy strategii deystviy v interesakh detey na 2012 - 2017 gody [The decree of the President of the R. p. 01.June 2012 "national Strategy for action for children 2012-2017"].
20. Standarty vosstanovitel'noj mediatsii. Razrabotany i utverzhdeny Vserossijskoj asociaciej vosstanovitel'noj mediatsii 17 fevralya 2009 g . М, 2009. P.3
21. Shefov S.A. Psikhologiya gorya [the Psychology of grief]. М.: "Rech". 2006. 144 p.

Безопасность в структуре ценностей молодежи, проживающей в городской среде

Левицкая Т.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (levic69@mail.ru)

Тренькаева Н.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (tna@sibmail.com)

Козлова Н.В., доктор психологических наук, заведующая кафедрой генетической и клинической психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (akme_2003@mail.ru)

Богомаз С.А., доктор психологических наук, заведующий кафедрой организационной психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (bogomazsa@mail.ru)

Цехмейструк Е.А., аспирантка кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (tea2887@mail.ru)

В статье представлено исследование психологической безопасности в структуре ценностей молодежи, проживающей в городской среде. При этом учитывается фактор гендера для понимания социальных ожиданий молодежи и в качестве объяснительной рамки индивидуальной судьбы каждого человека. Результаты позволяют свидетельствовать о том, что как у юношей, так и девушек ценность безопасности встраивается именно в тот ценностный контекст, который является для молодых людей на определенном жизненном этапе основополагающим. Данные исследования показывают, что именно ощущение безопасности создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей в настоящем и дает основания для уверенности в будущем.

Ключевые слова: личностная безопасность, общественная безопасность, базисные ценности, ценностные ориентации, гендерные особенности, городская среда, городская молодежь.

Для цитаты:

Левицкая Т.Е., Тренькаева Н.А., Козлова Н.В. и др. Безопасность в структуре ценностей молодежи, проживающей в городской среде. [Электронный ресурс] // Психология и

право. 2018(8). № 4. С. 20-33.
doi: 10.17759/psyandlaw.2018080403

For citation:

Levickaya T.E., Trenkaeva N.A., Kozlova N.V. et al Safety in the structure of values of young people living in an urban environment. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.20-33.
doi: 10.17759/psyandlaw.2018080403

Введение

Городская среда является важным фактором поддержания психологического благополучия современного человека, его психологической безопасности, персонального, личностного выбора человеком своей позиции, пути развития, мест и пространств реализации своего потенциала [7; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15].

Важно отметить, что современной ведущей психологической проблемой является взаимодействие среды и личности. При этом актуализируется вопрос о средовых условиях: с одной стороны, тех, которые используются человеком как возможности для реализации личностно значимых целей и базисных ценностей, а с другой, передают бессмысленность действий и размытость определенных ценностей. Взаимодействие детерминант городской среды с целями и ценностями проживающих в ней людей является специфическим по отношению к молодежи, что позволяет сфокусироваться на проблеме сохранения устойчивости в среде с определенными параметрами, т.е. психологической безопасности [3; 5; 6]. В этом смысле важной исследовательской задачей является изучение совокупности индивидуально-психологических особенностей молодежи, их системы взглядов, ценностей, которые определяют потенциал возможностей, помогающих преодолевать различного рода неблагоприятные воздействия, тем самым обеспечивая психологическую безопасность в условиях городской среды [2]. С точки зрения практических следствий, подобные исследования могут способствовать разработке современных гуманитарных технологий для вовлечения молодежи в активную деятельность.

Базовым положением данного исследования является понимание того, что безопасность является условием полноценного развития человека в современном обществе, входит в структуру его ценностей, позволяет сохранять целостность, саморазвиваться, реализовывать собственные цели в процессе жизнедеятельности, т. е. быть самоидентичным в среде своего жизнеосуществления. Исследование проводилось с учетом гендерного фактора для понимания социальных ожиданий молодежи и в качестве объяснительной рамки индивидуальной судьбы каждого человека.

Методы исследования

Методическая база исследования включала ряд методик, направленных на изучение реализуемости базисных ценностей у молодежи в городской среде, а также особенностей их ценностных ориентаций:

- методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (СОРБЦ), разработанная С.А. Богомазом на основе метода семантического дифференциала Ч. Осгуда,

позволяющая оценить специфику ценностных ориентаций человека в соответствующей социокультурной среде [1; 5];

- методика «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца для оценки характера ценностных ориентаций молодежи [11].

Характеристика испытуемых

Психологическое исследование проводилось в 2015—2016 гг. В нем приняли участие 2162 респондента в возрасте от 18 до 25 лет, относящихся к вузовской молодежи и проживающих в российских городах: Барнауле, Владивостоке, Екатеринбурге, Петропавловске-Камчатском, Санкт-Петербурге, Томске [4]. Такой массив данных является уникальным и дает возможность обоснования некоторых закономерностей, характерных для данной категории респондентов.

Статистика и анализ данных

Все результаты, полученные в процессе исследования, обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS, версия 18.0 (SPSS Inc., USA): описательной статистики; сравнительного анализа (непараметрический критерий Манна—Уитни); факторного анализа (критерий «каменистой осыпи» Р.Б. Кеттелла, метод «главных компонент» с ротацией факторов «варимакс»). Проверка на нормальность распределения осуществлялась с помощью критерия Колмогорова—Смирнова. Данные представлены $M \pm \sigma$. Уровень значимости — $p \leq 0,05$.

Результаты и их обсуждение

С помощью методов описательной статистики были получены средние значения по всем исследуемым нами ценностям. Эти данные можно считать уникальными в силу количества молодежной выборки и ее распределения по городам России. В контексте нашего исследования нас в большей степени интересовали гендерные аспекты структуры ценностей, поэтому мы приведем лишь те ценности, по которым юноши и девушки данной выборки значимо различались между собой (табл. 1).

Анализируя полученные данные, мы обратили внимание на несколько интересных закономерностей. Как видно из табл. 1, у юношей по сравнению с девушками прагматичные, статусные цели, направленные на завоевывание и поддержание престижа в обществе, такие как «быть обеспеченным», «быть уважаемым», «быть знаменитым», «иметь власть», «быть примером», «быть доминантным» и т. д., выражены в большей степени. Причем реализуемые ценности как бы перекликаются и дополняются ценностями значимыми, т. е. теми, которые являются идеальными и к чему молодым людям хочется стремиться в будущем.

Таблица 1

Различия ценностей по методике Ш. Шварца и базисных ценностей по методике СОРБЦ С. Богомаза у городских юношей (n=770) и девушек (n=1392), (M±σ, баллы)

Ценности	Юноши	Девушки	p
Быть здоровым R	5,45±1,7	5,26±1,74	0,05
Быть обеспеченным R	4,98±2,03	4,60±2,18	0,005
Быть уважаемым R	5,14±1,97	4,79±2,13	0,01
Стать свободным R	4,75±1,91	4,38±1,96	0,005
Стать знаменитым R	4,86±1,71	4,66±1,68	0,001
Достичь цели R	5,02±2,08	4,64±2,23	0,001
Получить знания R	4,88±1,78	4,56±1,89	0,01
Быть оригинальным R	4,56±2,02	4,16±2,11	0,001
Иметь власть R	5,06±1,63	4,85±1,63	0,01
Быть уважаемым I	5,75±1,37	5,66±1,33	0,025
Стать знаменитым I	4,21±1,99	3,73±1,95	0,001
Получить знания I	5,07±1,78	4,91±1,67	0,005
Быть примером I	5,10±1,70	4,88±1,67	0,01
Иметь власть I	4,36±1,97	3,74±1,94	0,001
Поступки	4,31±1,05	4,12±1,04	0,001
Мысли	4,27±1,05	4,18±1,01	0,001
Стимуляция	3,98±1,04	3,81±1,00	0,001
Ресурсы	3,20±1,13	2,89±1,07	0,001
Доминирование	3,19±1,13	2,78±1,06	0,001
Безопасность общественная	4,11±1,12	3,90±1,10	0,005
Иметь семью R	5,83±1,63	5,99±1,58	0,025
Быть любимым R	5,83±1,59	5,98±1,59	0,005

Быть здоровым I	6,21±1,20	6,43±1,04	0,001
Быть любимым I	6,20±1,28	6,49±1,08	0,001
Иметь семью I	6,30±1,23	6,60±0,95	0,001
Чувствовать себя в безопасности I	5,57±1,54	6,03±1,29	0,001
Жить полной жизнью	6,13±1,25	6,33±1,07	0,001
Найти смысл	5,84±1,52	6,12±1,36	0,005
Безопасность личная	3,92±1,04	4,10±1,02	0,001

Примечание: R — реализуемые (реальные) ценности; I — значимые (идеальные) ценности.

У девушек же преобладают более «земные» ценности, такие как «иметь семью», «быть любимой», «чувствовать себя в безопасности», «найти смысл», «жить полной жизнью». Причем ценности «иметь семью» и «быть любимой» являются как важными реализуемыми ценностями, так и идеальными, т. е. для девушек они имеют большое значение и в настоящем и в будущем. Семья для них является той платформой, которая позволяет найти смысл и чувствовать себя защищенными.

Также хотелось бы отметить интересный факт, касающийся ценности «Быть здоровым». Из таблицы видно, что в мужской выборке выше показатель «Быть здоровым R», а в женской «Быть здоровым I»). Это позволяет предполагать, что юношам, чтобы достичь желаемых ценностей, важно быть здоровым уже сейчас, когда они стоят на пороге самореализации. У девушек же в приоритете — быть здоровой в будущем, потому что их ценности, такие как «быть любимой», «иметь семью», в силу их возраста еще не успели реализоваться в полной мере, и все ожидания в большей степени связаны с будущим.

Таким образом, мы видим, что у юношей и девушек, проживающих в городской среде, определяется совершенно различный набор ценностей, и на наш взгляд это совершенно логично, так как это связано с определенными жизненными устоями и правилами, сложившимися в обществе, ролевыми функциями мужчин и женщин, которые закладываются и формируются в процессе воспитания.

Но интересен тот факт, что ценность безопасности юноши и девушки рассматривают в контексте именно тех ценностей, которые для них являются наиболее важными. Так, в женской выборке более высокие значения имеет показатель «безопасность личная», т. е. безопасность непосредственного окружения, а в мужской — «безопасность общественная», которая характеризует безопасность и стабильность общества в целом (рис.).

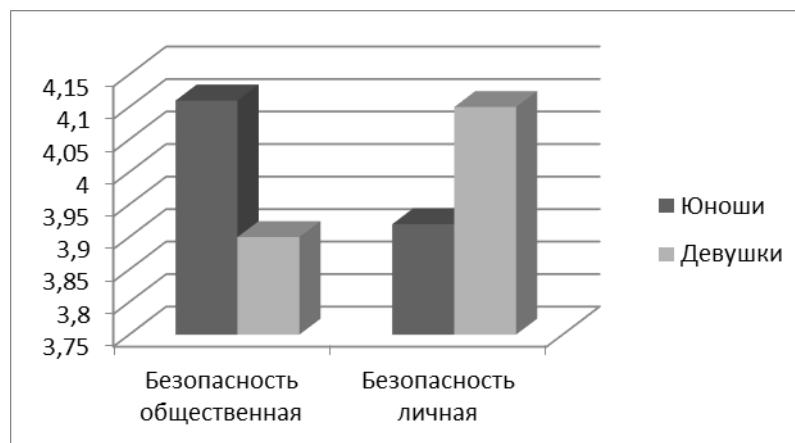

Рис. Общественная и личная безопасность (баллы) в группах юношей (n=770) и девушек (n=1392)

С целью более глубокого понимания взаимосвязи ценности безопасности с другими показателями ценностно-смысловой сферы юношей и девушек мы использовали факторный анализ отдельно для мужской и женской выборок. Всего было включено 59 переменных. В качестве критерия значимости показателя была использована факторная нагрузка более 0,40.

В процессе факторизации в женской выборке было выделено 10 факторов, которые объясняют 61,0% дисперсии исходной корреляционной матрицы (табл. 2).

Таблица 2

Обобщенные факторы, выделенные в результате применения метода «главных компонент» с ротацией «варимакс» (n=1392, девушки)

Фактор	Компоненты фактора (значимая факторная нагрузка)
Фактор 1	Поступки (0,720), Мысли (0,785), Стимуляция (0,622), Гедонизм (0,608), Достижение (0,717), Репутация (0,691), Безопасность общая (0,753), Безопасность личная (0,730), Правила (0,602), Конформизм: межл. (0,649), Традиция (0,608), Скромность (0,668), Чувство долга (0,793), Забота/благожелательность (0,789), Забота о других (0,801), Забота о природе (0,703), Толерантность (0,697)
Фактор 2	Иметь работу R (0,740), Быть здоровым R (0,438), Иметь семью R (0,725), Достичь в профессии R (0,783), Достичь в карьере R (0,789), Быть любимым R (0,707), Чувствовать в безопасности R (0,472), Стать знаменитым R (0,522), Жить полной жизнью R (0,749), Найти смысл R (0,727), Быть примером R (0,702), Самоутвердиться R (0,806), Иметь власть R (0,572), Быть справедливым R (0,635)
1	2
Фактор 3	Быть здоровым I (0,620), Иметь семью I (0,683), Быть любимым I (0,739), Чувствовать в безопасности I (0,627), Жить полной жизнью I

	(0,429)
Фактор 4	Быть обеспеченным R (0,761), Быть уважаемым R (0,833), Стать свободным R (0,750), Достичь цели R (0,834), Получить знания R (0,805), Быть оригинальным R (0,702)
Фактор 5	Стать знаменитым I (0,509), Достичь цели I (0,427), Найти смысл I (0,506), Получить знания I (0,670), Быть примером I (0,724), Самоутвердиться I (0,590), Быть оригинальным I (0,677), Иметь власть I (0,475), Быть справедливым I (0,525)
Фактор 6	Иметь власть I (0,579), Ресурсы (0,774), Доминирование (0,721)
Фактор 7	Стимуляция (0,443), Гедонизм (0,469), Правила (-0,469)
Фактор 8	Иметь работу I (0,787), Быть обеспеченным I (0,686), Достичь в профессии I (0,772), Быть уважаемым I (0,545), Достичь в карьере I (0,769)
Фактор 9	Быть здоровым R (0,678), Чувствовать в безопасности R (0,642)
Фактор 10	Стать свободным I (0,716)

В мужской же выборке обозначилось 9 факторов, которые объясняют 61,7% вариативности исходной корреляционной матрицы (табл. 3).

Таблица 3

Обобщенные факторы, выделенные в результате применения метода «главных компонент» с ротацией «варимакс» (n=770, юноши)

Фактор	Компоненты фактора (значимая факторная нагрузка)
Фактор 1	Достижение (0,508), Безопасность общая (0,518), Безопасность личная (0,678), Правила (0,796), Конформизм: межл. (0,738), Традиция (0,648), Скромность (0,643), Забота о других (0,654), Забота о природе (0,648), Толерантность (0,619)
Фактор 2	Иметь семью R (0,688), Достичь в профессии R (0,704), Достичь в карьере R (0,689), Быть любимым R (0,679), Чувствовать в безопасности R (0,624), Стать знаменитым R (0,556), Жить полной жизнью R (0,760), Найти смысл R (0,723), Быть примером R (0,657), Самоутвердиться R (0,806), Иметь власть R (0,568), Быть справедливым R (0,678)
1	2
Фактор 3	Иметь работу I (0,779), Быть здоровым I (0,530), Быть обеспеченным I (0,760), Иметь семью I (0,461), Достичь в профессии I (0,670), Быть уважаемым I (0,544), Достичь в карьере I (0,740), Достичь цели I

	(0,569), Жить полной жизнью I (0,412), Самоутвердиться I (0,430)
Фактор 4	Быть обеспеченным R (0,762), Быть уважаемым R (0,806), Стать свободным R (0,758), Достичь цели R (0,808), Получить знания R (0,768), Быть оригинальным R (0,664)
Фактор 5	Иметь власть R (0,428), Стать знаменитым I (0,488), Иметь власть I (0,717), Ресурсы (0,707), Доминирование (0,731)
Фактор 6	Стать свободным I (0,588), Чувствовать в безопасности I (0,437), Стать знаменитым I (0,580), Жить полной жизнью I (0,467), Найти смысл I (0,514), Получить знания I (0,656), Быть примером I (0,635), Самоутвердиться I (0,532), Быть оригинальным I (0,669), Быть справедливым I (0,457)
Фактор 7	Поступки (0,795), Мысли (0,805), Стимуляция (0,797), Гедонизм (0,737), Достижение (0,558), Репутация (0,613), Безопасность общая (0,518), Чувство долга (0,753), Забота/благожелательность (0,740), Забота о других (0,428)
Фактор 8	Иметь семью I (0,665), Быть любимым I (0,689)
Фактор 9	Найти смысл I (0,404)

Обращает на себя внимание тот факт, что реализуемые базисные ценности, которые актуальны на текущий момент времени как в мужской, так и в женской выборке, распределяются одинаково, попадая во 2-ой и 4-ый факторы примерно с одинаковыми факторными нагрузками. Вероятно, это связано с тем, что актуальная ситуация, в которой молодые люди находятся в данный момент, определяет набор ценностей, позволяющий им сохранять целостность, саморазвиваться в процессе жизнедеятельности, т. е. быть самоидентичными в среде своего жизнеосуществления. А вот значимые и портретные ценности, т. е. те ценности, к которым человек стремится в идеале, у девушек и юношей распределяются несколько по-разному, так как картина будущего девушкам и юношам представляется в различном контексте и, соответственно, цели и устремления у них разные. Но в данном исследовании наибольший интерес для нас представляла безопасность в ценностной структуре юношей и девушек, поэтому остановимся более подробно именно на этом аспекте.

Как видно из представленных выше таблиц, в выборке девушек в первый фактор (15,1% дисперсии), наряду с «общественной безопасностью» (0,753) и «личной безопасностью» (0,730), вошли такие значимые показатели, как «поступки» (0,720), «мысли» (0,785), «стимуляция» (0,622), «гедонизм» (0,608), «репутация» (0,691), «чувство долга» (0,793), «благожелательность» (0,789) «достижение» (0,717), «правила» (0,602), «межличностный конформизм» (0,649), «традиция» (0,608), «скромность» (0,668), «забота о других» (0,801), «забота о природе» (0,703), «толерантность» (0,697). Самая высокая нагрузка в этом факторе — «забота о других» (0,801).

В мужской выборке все вышеуказанные показатели разошлись по двум независимым факторам. В 1-ый фактор (9% дисперсии) объединились такие показатели как

«общественная безопасность» (0,518), «личная безопасность» (0,678), «правила» (0,796), «межличностный конформизм» (0,738), «традиция» (0,648), «скромность» (0,643), «забота о других» (0,654), «забота о природе» (0,648), «толерантность» (0,619). Максимальная нагрузка в этом факторе — «правила» (0,796).

Показатели «поступки» (0,795), «мысли» (0,805), «стимуляция» (0,797), «гедонизм» (0,737), «достижение» (0,558), «репутация» (0,613), «чувство долга» (0,753), «благожелательность» (0,740) выделились в самостоятельный 7-ой фактор (10,0% дисперсии). Причем ценность «общественная безопасность» вошла как в 1-ый, так и в 7-й фактор с одинаковой факторной нагрузкой 0,518.

Мы полагаем, что, так как для юношей ведущими ценностями являются те, которые связаны с достижением престижа в обществе, в их системе ценностей они как бы разбиваются на 2 подсистемы: ценности, которые связаны с «сопричастностью» с обществом (1-й фактор) и ценности, которые связаны с «утверждением» в обществе (7-й фактор). Соответственно, ценность «общественная безопасность» расщепляется тоже на 2 фактора. Одинаковая факторная нагрузка свидетельствует в пользу того, что и в той и в другой подсистеме ценность безопасности является значимой.

Интересно, что ценность «чувствовать себя в безопасности I» (0,437), т. е. идеальная ценность, в выборке юношей вошла в 6-ой фактор (6,6% дисперсии) с такими идеальными ценностями, как «стать свободным I» (0,558), «стать знаменитым I» (0,580), «жить полной жизнью I» (0,467), «найти смысл I» (0,514), «получить знания I» (0,656), «быть примером I» (0,635), «самоутвердиться I» (0,532), «быть справедливым I» (0,457). Ценности этого фактора определяют карьерный рост мужчины, его становление и самоутверждение в обществе. У девушек же идеальная ценность «чувствовать себя в безопасности I» объединились в 3-ем факторе (5% дисперсии) с такими ценностями, как «быть здоровым» (0,620), «быть любимым» (0,739), «иметь семью» (0,683), «жить полной жизнью» (0,429).

Таким образом, обобщая результаты сравнительного и факторного анализов, мы видим, что у юношей и девушек ценность безопасности независимо от того, является она идеальной или реализуемой, встраивается именно в тот ценностный контекст, который является для молодых людей на определенном жизненном этапе основополагающим, поскольку именно ощущение безопасности создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей в настоящем и дает основания для уверенности в будущем.

Финансирование

Исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-013-00781 «Ценностные ориентации и психологическая система деятельности молодежи в меняющемся мире: кросс-культурный анализ».

Литература

1. Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 191—194.
2. Богомаз С.А., Козлова Н.В. Модель личностного развития подростков и юношей с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности в условиях трансформации российского общества // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 14—19.
3. Богомаз С. А. Козлова Н. В., Атаманова И. В. Значимость для вузовской молодежи ценности безопасности и ее реализуемость в городской среде // Психологическая безопасность личности в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции (г. Владивосток, 9—12 июля 2015 г.). Владивосток, 2015. С. 169—172.
4. Богомаз С.А., Левецкая Т.Е., Козлова Н.В., Атаманова И.В. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2018620306 «Психологические факторы средовой самоидентичности вузовской молодежи» / Правообладатель: ФГАОУВО «НИ ТГУ» (RU).
5. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67—75.
6. Галай И.А., Айзман Р.И., Богомаз С.А. Гендерные особенности субъективной оценки значимости базисных ценностей и возможности их реализации у студентов первого курса педагогического вуза // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 167—176.
7. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. 118 с.
8. Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 135—139.
9. Понукалина О.В., Логинова Л.В. Имидж территории в контексте повышения привлекательности региона // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 1 (31). С. 65—72. doi: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.9>
10. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 2008. № 4. С. 99—106.
11. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал

Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 43—70.

12. *Anton C.E., Lawrence C.* The relationship between place attachment, the theory of planned behaviour and residents response to place change // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 47. P. 145—154. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2016.05.010>
13. *Bernardo F., Palma-Oliveira J-M.* Urban neighborhoods and intergroup relations: The importance of place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 45. P. 239—251. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2016.01.010>
14. *Ujanga N., Zakariya K.* The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // *Procedia — social and behavioral sciences*. 2015. Vol. 170. P. 709—717. doi: <http://10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
15. *Williams D.R.* Making sense of «place»: Reflections on pluralism and positionality in place research // *Landscape and Urban Planning*. 2014. Vol. 131. P. 74—82. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>

Safety in the structure of values of young people living in an urban environment

Levickaya T. E., PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, National Research Tomsk State University (levic69@mail.ru)

Trenkaeva N.A., PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Genetic and Clinical Psychology, National Research Tomsk State University (tna@sibmail.com)

Kozlova N. V., PhD (Psychology), Professor, Head of the Department of Genetic and Clinical Psychology, National Research Tomsk State University (akme_2003@mail.ru)

Bogomaz S.A., PhD (Psychology), Professor, Head of the Department of organizational Psychology, National Research Tomsk State University (bogomazsa@mail.ru)

Cexmejstruk E. A., PhD student of the Department of Genetic and Clinical Psychology, National Research Tomsk State University (mea2887@mail.ru)

The article presents a study of psychological safety in the structure of values of young people living in an urban environment. Also, the gender factor was taken into account to understand young people's social expectations and as an explanatory framework for the individual fate of each person. The results show that in both young men and women the value of safety is built into the very value context that is fundamental for young people at a certain stage of their life. These studies show that it is a sense of safety that creates real opportunities to meet the natural and social needs of the present and provides grounds for confidence in the future.

Key words: personal safety, public security, basic values, value orientations, gender features, urban environment, urban youth.

References

1. Bogomaz S.A., Gladkikh A.G. Psikhologicheskaya bezopasnost' i ee izmerenie s pomoshch'yu shkaly bazisnykh ubezhdenii [Psychological Safety and Its Measurement with the Basic Belief Scale]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2009, no. 318, pp. 191—194.
2. Bogomaz S.A., Kozlova N.V. Model' lichnostnogo razvitiya podrostkov i yunoshei s uchetom perezhivaemogo imi chuvstva sobstvennoi bezopasnosti v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva [Model of personal development of adolescents and young adults taking into account the sense of their own safety being experienced in the case of transformation of the Russian society.]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 2010, no. 36, pp. 14—19.

3. Bogomaz S. A. Kozlova N. V., Atamanova I. V. Znachimost' dlja vuzovskoj molodezhi cennosti bezopasnosti i ee realizuemosť v gorodskoj srede [Importance of safety value and its feasibility in the urban environment for university youth] // *Psikhologičeskaja bezopasnost' lichnosti v jekstremal'nyh uslovijah i krizisnyh situacijah zhiznedejatel'nosti: sbornik nauchnyh statej V Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii [Psychological security of a person in extreme conditions and crisis situations of life: a collection of scientific articles of the V International Scientific and Practical Conference]* (g. Vladivostok, 9-12 ijulja 2015 g.). Vladivostok, 2015. S. 169-172
4. Bogomaz S.A., Levitskaya T.E., Kozlova N.V., Atamanova I.V. Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii bazy dannykh № 2018620306 *Psikhologičeskie faktory sredovoi samoidentičnosti vuzovskoj molodezhi* [Psychological factors of environmental self-identity of university youth]. Pravoobladatel': FGAOUVO «NI TGU» (RU) [перевод].
5. Bogomaz S.A., Matsuta V.V. Sub"ektivnaya otsenka realizuemosťi bazisnykh tsennostei v gorodskoj srede [Subjective evaluation of basic value's realizability in urban environment]. *Sibirskii psikhologičeskii zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 2012, no. 46, pp. 67—75.
6. Galai I.A., Aizman R.I., Bogomaz S.A. Gendernye osobennosti sub"ektivnoi otsenki znachimosti bazisnykh tsennostei i vozmožnosti ikh realizatsii u studentov pervogo kursa pedagogičeskogo vuza [Gender features of subjective evaluation of the basic values and possibilities of their implementing among the first year students of a pedagogical university]. *Sibirskii psikhologičeskii zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*, 2015, no. 56, pp. 167—176.
7. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. Sotsial'naya identičnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya [Social identity: content, structure, mechanisms of formation]. Saint-Petersburg: Publ. RGPU, 2008, 118 p.
8. Ozerina A.A. Gorodskaya identičnost' kak sotsial'no-psikhologičeskii fenomen [City identity as a social and psychological phenomenon]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii [Logos et Praxis]*, 2016, no. 4 (34), pp. 135—139.
9. Ponukalina O.V., Loginova L.V. Imidzh territorii v kontekste povyšeniya privlekatel'nosti regiona [The image of the territory in the context of increasing the tourist attractiveness of the region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii [Logos et Praxis]*, 2016, no. 1 (31). pp. 65—72. doi: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.9>.
10. Samoshkina I.S. Territorial'naya identičnost' kak sotsial'no-psikhologičeskii fenomen [Territorial identity as a socio-psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]*, 2008, no. 4, pp. 99—106.
11. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primenenie v Rossii [Theory of basic personal values: validation in russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2012, no. 1, pp. 43—70.

12. Anton C.E., Lawrence C. The relationship between place attachment, the theory of planned behaviour and residents response to place change // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 47. pp. 145—154. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2016.05.010>
13. Bernardo F., Palma-Oliveira J-M. Urban neighborhoods and intergroup relations: The importance of place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2016. Vol. 45. pp. 239—251. doi: <http://10.1016/j.jenvp.2016.01.010>
14. Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // *Procedia — social and behavioral sciences*. 2015. Vol. 170. pp. 709—717. doi: <http://10.1016/j.sbspro.2015.01.073>
15. Williams D.R. Making sense of «place»: Reflections on pluralism and positionality in place research // *Landscape and Urban Planning*. 2014. Vol. 131. pp. 74—82. doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>

Смысловая сфера несовершеннолетних, употребляющих психоактивные вещества

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права, ФГБОУ ВО МГППУ (oshevsky@serbsky.ru)

Кудимова Т.А., клинический психолог, Московский институт психоанализа (gromova-tatyana94@mail.ru)

В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление особенностей смысловой сферы у несовершеннолетних, злоупотребляющих психоактивными веществами. Обследовано 30 подростков в возрасте от 14 до 16 лет. В основную группу вошли несовершеннолетние, употребляющие психоактивные вещества и проходящие реабилитацию в наркологическом диспансере. Применялся комплекс методик исследования смысловой сферы. На основании полученных результатов делается вывод о том, что подростки, употребляющие психоактивные вещества, демонстрируют менее развитую структуру смыслов. При формировании химической зависимости в подростковом возрасте наблюдается явный дефицит смысловой регуляции деятельности. Просоциальные ценности в смысловой структуре не занимают ведущих позиций. Для них характерно слабое самопонимание и рефлексивность, которые сочетаются с повышенным эгоцентризмом. У несовершеннолетних с аддиктивным поведением положительно окрашенные оценки и самооценочные категории связаны с употреблением наркотиков. Подобную закономерность можно рассматривать как фактор риска дальнейшей наркотизации и недостаточной направленности на преодоление имеющейся зависимости.

Ключевые слова: смысловая сфера, психоактивные вещества, психический дизонтогенез, несовершеннолетние.

Для цитаты:

Ошевский Д.С., Кудимова Т.А. Смысловая сфера несовершеннолетних, употребляющих психоактивные вещества. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 34-43.
doi: 10.17759/psylaw.2018080404

For citation:

Oshevsky D.S., Kudimova T.A. The semantic sphere of adolescents who use psychoactive substances. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.34-43.

doi: 10.17759/psylaw.2018080404

Злоупотребление несовершеннолетними психоактивными веществами (ПАВ) характеризуется рядом разнонаправленных тенденций. С одной стороны, по данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, в 2016 г. число несовершеннолетних с диагнозом зависимости от наркотиков снизилось примерно на 9% [13]. Однако, как свидетельствуют результаты скринингового обследования, проведенного в 226 образовательных учреждениях РФ в период с 2014 по 2015 г., положительные пробы были зафиксированы более чем у 1% учащихся [5]. Подчеркивается, что это только объективно верифицированные случаи и что в среде молодежи в возрасте 15—18 лет как минимум один раз употреблял ПАВ каждый пятый подросток. Уровень употребления веществ опийного ряда в молодежной среде снизился, однако отмечается рост употребления синтетических наркотиков. Проблема аддиктивного поведения тесно связана с другими негативными социальными последствиями. Доказано, что среди молодежи, злоупотребляющей ПАВ, на порядок выше уровень распространенности инфекционных форм гепатита и ВИЧ [6]. Происходит усугубление психических расстройств, изменяется ход психического развития, вплоть до психического дизонтогенеза, нарушается контроль за социально значимым поведением и повышается риск совершения правонарушений [4]. Большинство агрессивно-насильственных общественно опасных деяний совершается подростками в состоянии алкогольного и наркотического опьянения [10]. Все это требует разработки новых междисциплинарных подходов по профилактике аддиктивного поведения среди молодежи.

Процесс наркотизации и алкоголизации с последующим формированием зависимого поведения является многофакторным феноменом. В работах клиницистов [9; 13] особая роль в возникновении зависимости от ПАВ отводится преморбидной структуре личности. Однако авторы подчеркивают, что заострение характерологических черт может выступать только в качестве предрасположения к зависимому поведению. Показано, что широко используемое в 60—70 гг. XX в. понятие «преднаркотическая личность» не является корректным, поскольку в генезе формирования аддикции ведущую роль играют социальные и психологические факторы. Исследования американских ученых [16], проведенные среди ветеранов Вьетнамской войны, выявили связь между перенесенным стрессом и особенностями его переживания с риском возникновения химических зависимостей. Изучение семейного контекста лиц, зависимых от ПАВ, позволило доказать, что особенности воспитания вносят гораздо больший вклад в процесс формирования аддикции, чем биологические предпосылки [14]. На модели алкогольной зависимости [3] было показано, что нарушение структуры и иерархии смыслов может стать одним из весомых факторов в генезе аддиктивного поведения. В этой связи следует отметить, что подростковый возраст является сензитивным периодом в плане развития рефлексии, формирования представлений и смыслов о будущем и ценностных ориентаций. На этом этапе закладываются основы будущих устойчивых личностных конструктов. Поэтому изучение смысловой сферы представляется важным для решения вопросов профилактики зависимого поведения у несовершеннолетних. В эмпирических исследованиях [1; 11] было

показано, что для несовершеннолетних, склонных к употреблению ПАВ, характерны специфические особенности смысловой сферы. Однако закономерности выделялись на группах подростков без верифицированного наркологического диагноза. Обследование несовершеннолетних с клинически очерченными формами зависимого поведения позволит получить объективные результаты.

Перечисленными выше причинами обусловлена актуальность настоящего исследования.

Цель исследования — выявление особенностей смысловой сферы несовершеннолетних, употребляющих ПАВ.

Материал, методы и организация исследования

Для выявления особенностей смысловой сферы подростков, употребляющих ПАВ, обследованы 2 группы несовершеннолетних.

Основная группа.

Несовершеннолетние, употребляющие ПАВ и проходящие курс реабилитации на базе детского отделения Одинцовского наркологического диспансера Московской области (n=15, из них 8 мальчиков и 7 девочек). Подросткам установлены наркологические диагнозы (F.10—F.19). Из выборки были исключены подростки с сопутствующей психической патологией и находящиеся в состоянии острой интоксикации. Обследование проводилось на реабилитационном этапе работы с пациентами. Средний возраст обследованных — 15,2±1,5 лет.

Контрольная группа.

Школьники с условно-нормативным поведением (n=15, из них 8 мальчиков и 7 девочек), не имеющие верифицированных эпизодов употребления ПАВ. Средний возраст обследованных — 15,3 ± 1,6 лет.

Группы были уравнены по возрастному и гендерному факторам.

Исследование проводилось в индивидуальной форме с каждым испытуемым. В качестве исследовательского инструментария были выбраны следующие диагностические **методики**:

- методика предельных смыслов (МПС) [8] — для выявления особенностей смысловой сферы;
- цветовой тест отношений (ЦТО) [15] в психосемантической модификации [7; 10] — для определения эмоциональных элементов отношений личности и ее смысловых конструкторов.

Для верификации полученных данных применялись математико-статистические методы, реализованные в программной среде STATISTICA 6.0. rus. Сравнительный анализ независимых выборок проводился с помощью t-tests (критерий Стьюдента) с предварительной проверкой на нормальность распределения, а также с использованием

критерия Mann—Whitney (U). Кластерный анализ проводился с помощью методов Single Linkage («Метод одиночной связи») с определением расстояния между переменными и кластерами в Евклидовом пространстве. Наряду с количественным, применялся качественный анализ индивидуальных протоколов испытуемых.

Результаты эмпирического исследования

Сравнительный анализ в исследуемых группах позволил выявить ряд значимых различий по методике «Предельные смыслы» (табл. 1).

Подростки, употребляющие ПАВ, демонстрируют менее развитую, упрощенную структуру смыслов. Об этом свидетельствует достоверно меньшие значения по параметру «Абсолютное число всех категорий». Полученные данные корреспондируют с мнением о том, что при формировании химической зависимости в подростковом возрасте наблюдается явный дефицит смысловой регуляции деятельности. Об этом также свидетельствуют достоверно меньшие усредненные показатели экспериментальной группы по параметру «Средняя длина цепей». Условно-нормативная группа отличается большей сформированностью мировоззрения и ценностно-смысловой сферы, что видно по средней длине цепей. Для подростков, употребляющих ПАВ, более характерны фрагментарность и мозаичность ценностных ориентаций.

Наблюдаются различия в группах по параметру «Индекс децентрации». Из этого следует, что подростки условно-нормативной группы в большей мере рассматривают свою жизнь в контексте жизни других людей и во взаимосвязи с ними. Подростки, употребляющие ПАВ, в меньшей степени соотносят свои поступки и желания с интересами других. Для них не так важны чужие интересы, акцент делается на собственных проблемах. Не исключено, что это связано с непреодоленным личностным эгоцентризмом.

Подростковый возраст характеризуется развитием рефлексии и самосознания как главным новообразованием этого периода. По полученным результатам сравнения двух групп, можно говорить, что более развитый внутренний мир — у условно-нормативной группы. Об этом свидетельствуют достоверно более высокие показатели по параметру «Индексу рефлексивности». Подростки с зависимым поведением склонны заменять рефлексию иллюзорным миром, в который они попадают посредством принятия ПАВ. Возможно, это свидетельствует о снижении регулирующей роли сознания по отношению к практической деятельности у подростков с аддиктивным поведением.

Таблица 1

Особенности смысловой сферы у несовершеннолетних, употребляющих ПАВ (по данным МПС)

Параметры методики	Средние показатели в основной группе	Средние показатели в контрольной группе	P (U-критерий Манна-Уитни)
Предельные категории	5±3,1	4,8±1,6	0,659
Узловые категории	3,33±2,1	2,93±1,03	0,982
Индекс связности	0,67±0,1	0,62±0,1	0,54
Абсолютное число всех категорий	15,66±6,6	21,33±5,9	0,016
Средняя длина цепей	4,06±1,8	4,93±1,2	0,034
Продуктивность	0,91±0,09	0,94±0,04	0,513
Индекс негативности	1,73±1,5	2,53±1,1	0,038
Индекс рефлексивности	0,6±0,8	1,6±1,1	0,011
Индекс децентрации	1,06±1,1	1,73±1,03	0,047

Достоверно более низкие показатели по параметру «Индекс негативности» у подростков, употребляющих ПАВ, свидетельствует о недостаточно критичном отношении к возможным негативным последствиям своих действий, в том числе и тех, которые связаны с употреблением наркотиков.

Кластерный анализ ЦТО дал возможность проследить структурные связи между различными понятиями в исследуемых группах несовершеннолетних (рис. 1, 2).

Полученные в основной группе результаты свидетельствуют о конфликтности самооценки испытуемых и их представлений о себе, с точки зрения других людей. Обращает на себя внимание тот факт, что в эмоционально положительно окрашенные понятия и самооценочные категории («я сам», «я, каким хотел бы быть») несовершеннолетние с аддиктивным поведением включают стимул «кайф» (рис. 1, фрагмент кластерной плеяды II). Это свидетельствует о том, что установки на отказ от приема наркотиков носит во многом декларативный характер. При этом подростки основной группы связывают приятные впечатления с употреблением ПАВ. Подобные тенденции можно рассматривать как фактор риска дальнейшей наркотизации и недостаточной направленности на преодоление имеющейся зависимости.

Следует отметить, что временная категория «прошлое» включена в кластерную пляду отрицательно оцениваемых стимулов, в том числе касающихся злоупотребления ПАВ. Это, по-видимому, обусловлено имеющимся негативным опытом.

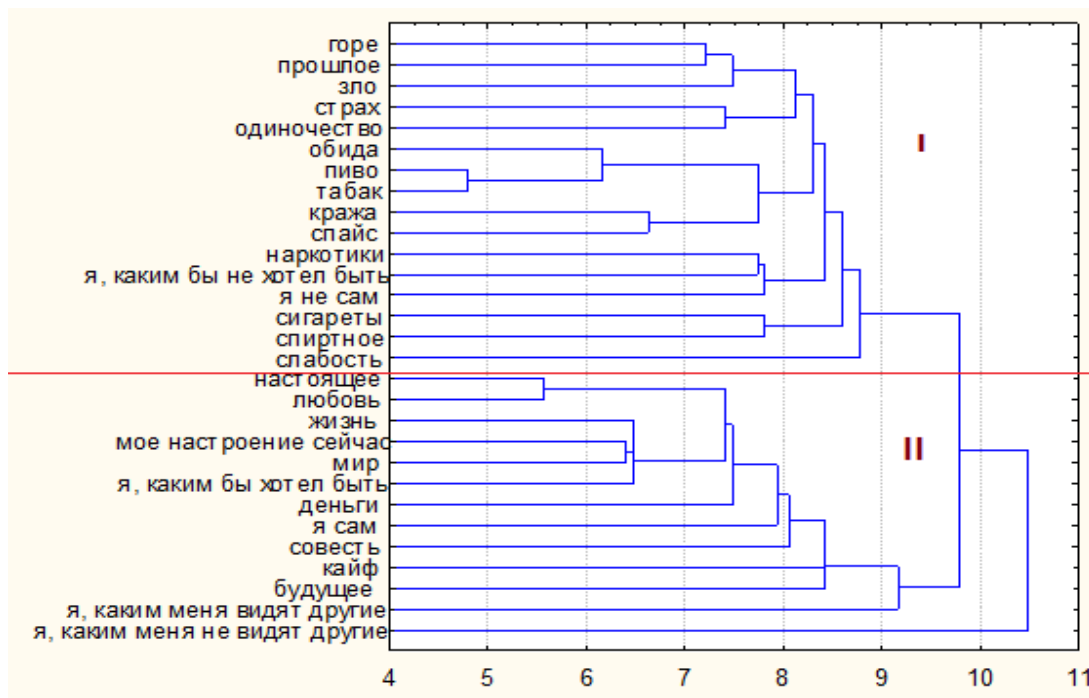

Рис. 1 Особенности смысловой сферы несовершеннолетних, употребляющих ПАВ (по результатам кластерного анализа методики «ЦТО»)

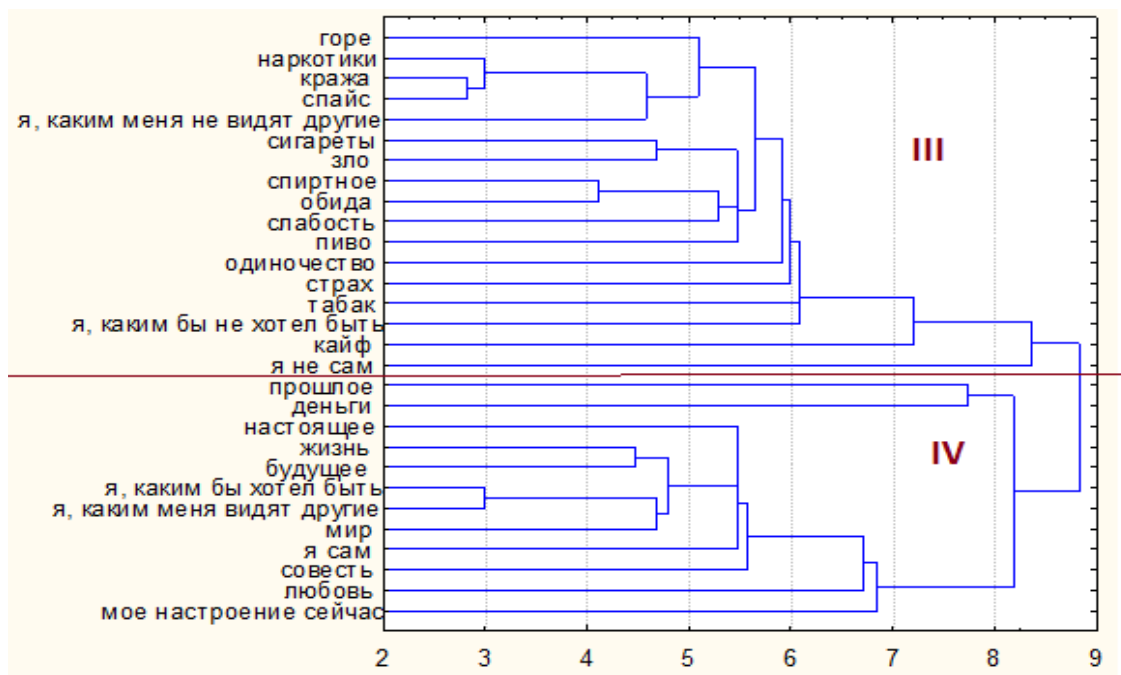

Рис. 2. Особенности смысловой сферы несовершеннолетних контрольной группы (по результатам кластерного анализа методики «ЦТО»)

В условно-нормативной группе подростков самооценочные категории («я сам», «я, каким хотел бы быть», «я, каким меня видят другие») полностью изолированы от стимулов (рис. 2, фрагмент кластерной плеяды IV), связанных с ПАВ. Последние входят в кластерную плеяду с отвергаемыми и негативно окрашенными понятиями (рис. 2, фрагмент кластерной плеяды III).

Заключение

Обобщенный анализ результатов показывает, что подростки, употребляющие ПАВ, демонстрируют менее развитую, слабо иерархизированную и упрощенную структуру смыслов, которые при этом отличаются слабой реалистичностью. Полученные данные корреспондируют с мнением о том, что при формировании химической зависимости в подростковом возрасте наблюдается явный дефицит смысловой регуляции деятельности. Для подростков, употребляющих ПАВ, более характерны фрагментарность и мозаичность ценностных ориентаций и смыслов. Просоциальные ценности в смысловой структуре таких несовершеннолетних не занимают ведущих позиций. Центральными ценностными категориями являются стремление к получению ярких внешних впечатлений и желание гедонистического времяпрепровождения. Для несовершеннолетних, употребляющих ПАВ, характерно слабое самопонимание, рефлексивность, которые сочетаются с повышенным эгоцентризмом и неумением встать в позицию другого человека. Они в меньшей степени соотносят свои поступки и желания с интересами других. Подростки с зависимым поведением склонны заменять рефлексию иллюзорными представлениями. Эти состояния достигаются преимущественно посредством употребления ПАВ. У несовершеннолетних с аддиктивным поведением эмоционально-положительно окрашенные оценки и самооценочные категории связаны с употреблением ПАВ. Это свидетельствует о том, что установки на отказ от приема ПАВ носят во многом декларативный характер. Подобную закономерность можно рассматривать как фактор риска дальнейшей наркотизации и недостаточной направленности на преодоление имеющейся зависимости. При проведении психопрофилактических и коррекционных мероприятий с несовершеннолетними, употребляющими ПАВ, необходимо учитывать особенности их ценностно-смысловой сферы. Направлениями работы может стать развитие рефлексии, преодоление эгоцентризма и формирование просоциальных ценностных ориентаций.

Литература

1. Балашова Е.О. Ошевский Д.С. Особенности ценностно-смысловой сферы несовершеннолетних как предикторы употребления психоактивных веществ // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. Вып. 14 // Под. ред. В.В. Вандыша. М.: ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, 2017. С. 14—25.
2. Березин С.В., Лисецкий К.С., Мотынга И.А. Психология ранней наркомании. М.: Москва-Самара, 2000. 64 с.
3. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 304 с.
4. Гиленко М.В., Вандыш-Бубко В.В. Клиническая динамика коморбидных органических психических расстройств и зависимости от алкоголя / Психическое здоровье. 2015. Т. 13. № 9 (112). С. 18—22.

5. Деменко Е.Г, Есакова А.П. Профилактика наркологических расстройств среди несовершеннолетних // Материалы Второй ежегодной научно-практической конференции с международным участием «Дроздовские чтения». Москва 8—9 декабря 2015. М.: РУДН, 2015. С. 169—172.
6. Дмитриева Т.Б., Игонин А.Л., Клименко Т.В. и др. Зависимость от психоактивных веществ // Наркология 2002. № 9. С. 2—9.
7. Дозорцева Е.Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: РИО «ГНЦ ССП Росздрава», 2004. 352. с.
8. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС): метод. Руководство. М.: Смысл, 1999. 28 с.
9. Личко А. Е., Битенский В.С. Подростковая наркология: руководство для врачей. Л.: Медицина, 1991. 304 с.
10. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения (психологический аспект): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 22 с.
11. Ошевский Д.С., Балашова Е.О. Искажение ценностных ориентаций как фактор риска употребления подростками психоактивных веществ [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52031.shtml>
12. Официальный сайт Министерства здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/>
13. Пятницкая И.Н., Шаталов А.И. Девиантное поведение подростков: наркотизм, криминальность, экстремизм. М.: Анахарис, 2004. 120 с.
14. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркоманий и алкоголизма. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 175 с.
15. Эткин А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Наука, 1987. С. 221—228.
16. Cunningham J.A. Remissions from drug dependence: is treatment a prerequisite? // Drug Alcohol Depend. 2000. Vol. 59. № 3. P. 23—34.

The semantic sphere of adolescents who use psychoactive substances

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology» of the Ministry of Health of the Russian Federation (oshevsky@serbsky.ru)

Kudimova T.A., clinical psychologist, Moscow University of Psychoanalysis (gromova-tatyana94@mail.ru)

The article presents the results of an empirical study aimed at revealing the features of the semantic sphere in juveniles abusing psychoactive substances. Thirty teenagers aged from 14 to 16 were examined. The main group included minors who use psychoactive substances and undergo rehabilitation at the narcological dispensary. A set of methods for studying the semantic sphere was used. Based on the results obtained, it is concluded that adolescents who use psychoactive substances show a less developed structure of meanings. In the formation of chemical dependence in adolescence, there is a clear deficit in the sense regulation of activity. Prosocial values in the semantic structure do not occupy leading positions. They are characterized by weak self-understanding and reflectivity, which are combined with increased egocentrism. In juveniles with addictive behavior, positively stained assessments and self-evaluation categories are associated with drug use. This pattern can be considered as a risk factor for further narcotization and inadequate focus on overcoming the existing dependence.

Key words: semantic sphere, psychoactive substances, mental dysontogenesis, adolescents.

References

1. Balashova E.O., Oshevskij D.S. Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery nesovershennoletnih, kak prediktory upotrebleniya psihoaktivnyh veshchestv [the Peculiarities of value-semantic sphere of a minor as predictors of substance use] / Sudebnaya psihiatriya. Aktual'nye problem [Forensic psychiatry. Actual problem]. Vol. 14. M.: FGBU «FMICPN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2017. pp. 14-25.
2. Berezin S.V., Liseckij K.S., Motynga I.A. Psihologiya rannej narkomanii [Psychology of early addiction]. M.: Moskva-Samara, 2000. 64 p.
3. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [the Anomalies of the individual]. M.: Mysl, 1988. 304 p.
4. Gilenko M.V., Vandysh-Bubko V.V. Klinicheskaya dinamika komorbidnyh organicheskikh psihicheskikh rasstrojstv i zavisimosti ot alkogolya [Clinical dynamics of comorbid organic mental disorders and alcohol dependence] / Psihicheskoe zdorov'e [Mental health]. 2015. Vol. 13. no 9 (112). pp. 18-22.

5. Demenko E.G, Esakova A.P. Profilaktika narkologicheskikh rasstrojstv sredi nesovershennoletnih [Prevention of substance abuse disorders among youth] /Materialy Vtoroj ezhegodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Drozdovskie chteniya». Moskva 8-9 dekabrya 2015 [proceedings of the Second annual scientific-practical conference with international participation "Drozdowski reading." Moscow 8-9 December 2015]. M.: RUDN, 2015. pp. 169-172.
6. Dmitrieva T.B., Igonin A.L., Klimenko T.V. i dr. Zavisimost' ot psihoaktivnyh veshchestv [The substance Dependence]// Narkologiya [Addiction]. 2002. no9. pp. 2-9.
7. Dozorceva E.G. Anomal'noe razvitie lichnosti u podrostkov s protivopravnym povedeniem [Abnormal development of personality in adolescents with illegal behavior]. M.: RIO «GNC SSP Roszdrava», 2004. 352. p.
8. Leont'ev D.A. Metodika predel'nyh smyslov (MPS): Metodicheskoe rukovodstvo [Methodology marginal meanings (MEAs): method. Guide]. M.: Smysl, 1999. 28 p.
9. Lichko A. E., Bitenskiy V.S. Podrostkovaya narkologiya: Rukovodstvo dlya vrachej [Teenage narcology: a guide for physicians]. L.: Medicina, 1991. 304 p.
10. Oshevskiy D.S. Psihicheskoe razvitie u podrostkov s psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih agressivno-nasil'stvennye pravonarusheniya (psihologicheskij aspekt) [Mental development in adolescents with mental disorders who have committed aggressive-violent offenders (psychological aspect)]: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2006. 22 p.
11. Oshevskiy D.S., Balashova E.O. Distortion of value orientations as a risk factor of adolescents' use of psychoactive substances [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2012. no. 2 (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Oficialnyj sayt Ministerstva zdavoohraneniya Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.rosminzdrav.ru/>
13. Pyatnickaya I.N., Shatalov A.I. Deviantnoe povedenie podrostkov: narkotizm, kriminal'nost', ehkstremizm [Deviant behavior of adolescents: drugs, criminality, extremism]. M.: Anaharios, 2004. 120 p.
14. Sirota N.A., YAltonskij V.M. Profilaktika narkomaniy i alkogolizma [Prevention of drug addiction and alcoholism]. M.: Akademiya, 2003. 175p.
15. Etkind A.M. Cvetovoj test otnoshenij [Color test relations]// Obshchaya psihodiagnostika [General diagnostics]/ In A. A. Bodaleva, V. V. Stolina red. M.: Nauka, 1987. pp. 221-228.
16. Cunningham J.A. Remissions from drug dependence: is treatment a prerequisite? / Drug Alcohol Depend. 2000. Vol. 59. № 3. pp. 23-34.

Лишение родительских прав через призму апелляционной инстанции

Коваль Н.В., кандидат юридических наук, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры Российской Федерации (fpkkoval@yandex.ru)

Зенкин А.Н., кандидат юридических наук, доцент, прокурор Зареченского района г. Тулы, профессор ТГПУ им. Л.Н. Толстого (artzen071@mail.ru)

В статье поднимается вопрос о применении к родителям крайней меры семейно-правовой ответственности - лишение родительских прав. Обращаясь к конституционному статусу семьи в Российской Федерации, определяя политику государства, авторы показывают основополагающее значение семьи и роль родителей в воспитании детей. Рассуждая над природой свободы их действий при выполнении обязанностей по воспитанию детей, авторы анализируют законодательные запреты, которые ограничивают такую свободу в случаях, когда последние начинают действовать вопреки интересам ребенка. Раскрывается цель и закрытый перечень оснований для применения меры наказания в виде лишения родительских прав (ст.69 СК РФ), указывается на их подробные разъяснения Верховным Судом Российской Федерации. Ознакомление с ними показывает сложность и неоднозначность в оценке одних и тех же обстоятельств, которые приводят различные судебные инстанции к диаметрально противоположным решениям о возможности лишения родительских прав. Проведенный анализ региональной судебной практики позволил авторам посмотреть на проблему глазами суда апелляционной инстанции, а также обобщить и сформулировать те основания, которые были положены в основу апелляционных определений, отменяющих решения нижестоящих судов по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: ребенок, родители, семья, общество, интересы ребенка, защита прав ребенка, семейное неблагополучие, злоупотребление родительскими правами, лишение родительских прав, суд апелляционной инстанции.

Для цитаты:

Коваль Н.В., Зенкин А.Н. Лишение родительских прав через призму апелляционной инстанции. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 44-54. doi: 10.17759/psylaw.2018080405

For citation:

Koval N.V., Zenkin A.N. Deprivation of parental rights through the prism of appeal. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.44-54. doi: 10.17759/psylaw.2018080405

В юбилей 25-летия Конституции Российской Федерации, мы чаще, чем обычно обращаемся к нормам основного закона, к его конституционным категориям, в числе которых особое место занимает институт семьи, как главное связующее звено между обществом и государством. Государство, признавая ценность семьи, конституционно гарантирует ей всестороннюю помощь и защиту [1]. Определив Концепцию государственной семейной политики в Российской Федерации, как целостную систему принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей [11].

Глубоко не вдаваясь в исследование многослойности семьи как социального образования, хотелось бы обратить внимание на те неизменные функции, которые исторически определяют ее значимость, исключительность и специфичность, так как по своей природе направлены на решение главной государственной задачи – воспроизводства населения. Для этого семья выполняет функции, которые представляют собой трехзвенную структуру: - рождение детей (функция репродуктивная), содержание детей (экзистенциальная функция) и воспитание детей (функция социализации).

По традиции «ядром семьи» является супружеская пара, приобретающая с выполнением репродуктивной функции (рождением ребенка) статус «родителей» - мамы и папы. Классик русской цивилистики Д.И.Мейер отмечал, что в отношениях между родителями и детьми срабатывают законы физиологии и законы нравственности, действующие соединенными силами. Однако не всегда они обеспечивают достаточно надлежащие отношения между сторонами, «поскольку в человеческом обществе не все явления нормальны, встречаются и уродливые отклонения от нормы, на случай этих отклонений нужны определения положительного права, которые, по возможности, поддерживали бы явления в их нормальном виде» [8]. Понимая, что вопрос воспитания детей это обязанность родителей, реализующих функцию социализации ребенка, государство признает основополагающим правом ребенка - жить и воспитываться в семье [12]. При этом семье конституционно гарантируется государственная поддержка, а родителям равные права и обязанности по воспитанию и содержанию своих детей [3].

Данное положение берет свое начало в нормах международного права, где закреплен как принцип общей и одинаковой ответственности родителей за воспитание и развитие ребенка, так и предмет их основной заботы, который определяется наилучшими интересами ребенка [4].

Оценочная категория «интересы ребенка» аналогичным образом определяет обязанности родителей и в нормах Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) (ст.65 СК РФ). Хоть содержательно она больше относится к плоскости нравственности и в законе сложно найти ей определение, наука предпринимает попытки и познавательный усилием в этом представляется мнение Ю.Ф. Беспалова. Он рассматривает интересы ребенка, как его потребности в создании условий, необходимых для надлежащего воспитания, содержания, образования, подготовки его к самостоятельной жизни, благополучного развития [2].

Свобода действий родителей при выполнении обязанностей по обучению, содержанию и воспитанию детей в семье определяется категорическим запретом любого произвольного вмешательства со стороны кого-либо в этот процесс (ст.1 СК РФ). «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вред другому..., и ее пределы могут быть определены только законом», и «закон может запрещать лишь то, что является вредным для общества», такой подход нашел свое отражение в статьях 4 и 5 французской Декларации прав человека и гражданина (1789 г.).

В настоящее время Семейный кодекс идет по аналогичному пути, определяя свободу поведения родителей в процессе воспитания детей через запрет – причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, употребление способов воспитания, направленных на пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение (ст. 65 СК РФ). Иными словами родители при выполнении своих функций делают все, не причиняя вред ребенку.

В своих трудах известный ученый цивилист Г.Ф.Шершеневич истолковывал превышение в действиях через противоречие цели, ради достижения которой они были предоставлены. «Юридическое господство над детьми ручается родителям не ради одного удовольствия, а ввиду общественных задач воспитания...». А так как любое нарушение запрета влечет ответственность, он отмечал «отношение родителей к детям, обнаруживающее недостаточное понимание первыми своих обязанностей, должно повести к отнятию у недостойных власти» [13].

Мнению классика в Семейном кодексе просматривается посредством перечисления оснований (ст. 69 СК РФ), для возможности применения к родителям крайней меры семейно-правовой ответственности - лишения родительских прав. Это право принадлежит только государству, которое в лице суда может признать поведение родителей виновным и в целях защиты прав ребенка применить указанную меру наказания. Ее исключительный характер берет свое начало в положениях Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года, где отмечено, что обязанность государства обеспечивать неразлучность ребенка с родителями кроме случаев, когда на основании судебного постановления уполномоченные органы определяют в установленном законом порядке, что разлучение необходимо в его интересах, в частности, когда родители жестоко обращаются с ребенком, не заботятся о нем [4]. Аналогичный подход применяется в практике Европейского Суда по правам человека, согласно которой лишение родительских прав составляет наиболее серьезное вмешательство в отношения между родителями и детьми, когда нарушение родительских обязанностей столь серьезно, что прекращение родительских прав является единственным способом защиты интересов ребенка [9].

Для возможности применения такой суровой меры ответственности как лишение родительских прав законодатель определил закрытый перечень оснований, приведенный в ст. 69 СК РФ. К их числу относятся:

- уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе злостное уклонение от уплаты алиментов;
- отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной

организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций;

- злоупотребление своими родительскими правами;
- жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность;
- болезнь хроническим алкоголизмом или наркоманией;
- овершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Для единообразного применения судом указанных оснований Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении Пленума от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав», дал им детальное разъяснение. Однако достаточность подтверждающих их обстоятельств как ранее, так и в настоящее время, носит оценочный характер, зависит от конкретных установленных по делу обстоятельств и подлежит оценке только судом индивидуально в каждой конкретной ситуации.

Казалось бы решение Кимовского городского суда Тульской области от 17.11.2016, которым Н. лишен родительских прав в отношении своего несовершеннолетнего сына Д., 2010 г.р. не вызывает никаких сомнений. Ведь удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции установил, что развитием мальчика занимается мама и это нашло свое подтверждение в характеристике на воспитанника детского сада Д., в ней отмечено, что на протяжении всего периода нахождения ребенка в детском саду его отец в дошкольном учреждении не появлялся.

В числе других доказательств, которые подтверждали основания для лишения Н. родительских прав, представлено заключение управления социальной защиты населения администрации Белгородской области, исполняющего функции органа опеки и попечительства, в котором отмечено, что лишение родительских прав Н. является целесообразным, т.к. он злоупотребляет спиртными напитками, имеет значительную задолженность по алиментным обязательствам (более 300 000 руб.), ребенка не навещает. Кроме этого Н. согласно характеристике УМВД России по Белгородской области в 2014 году совершал административные правонарушения, предусмотренные главой 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Внутреннее состояние ребенка, находящегося в таких условиях, отражено в психолого-педагогической характеристике, в которой отмечено, что самым значимым человеком в его личном пространстве является мама, а по отношению к отцу выявлены эмоциональная напряженность, повышенный уровень тревожности, чувство дискомфорта и обиды.

Вполне обоснованно с учетом указанных доказательств суд в своем решении посчитал необходимым лишить Н. родительских прав в силу ст.69 СК РФ, поскольку он на

протяжении длительного периода времени уклонялся от выполнения обязанностей родителя, не заботился о здоровье и развитии сына, не содержал его материально. Пребывая в трудоспособном возрасте, не мог и не желал обеспечивать нормальные потребности ребенка, отказался от воспитания сына. В ходе судебного разбирательства не было установлено перспектив на улучшение ситуации с воспитанием ребенка. Однако судебная коллегия по гражданским делам Тульского областного суда от 16.02.2017 с решением Кимовского городского суда Тульской области не согласилась и отменила его, отмечая преждевременный характер применения, ввиду того, что в отношении Н. использованы не все возможные и предусмотренные законом меры профилактического характера [6].

Аналогичная ситуации сложилась и по другому делу. Заволжским районным судом г. Ульяновска 29.09.2017 вынесено решение о лишении А. родительских прав в отношении ее трех несовершеннолетних детей И., 2004 г.р., В., 2006 г.р., Н., 2012 г.р., поскольку ответчица продолжительное время не создавала условия для воспитания детей в семье, результатом чего явилось их длительное проживание в госучреждениях.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что с 2004 года семья состояла на профилактическом учете. С марта по октябрь 2012 года несовершеннолетние И. и В. помещались в реабилитационный центр до определения юридического статуса в связи с их оставлением без попечения одинокой матерью, местонахождение которой было неизвестно. С октября 2012 года по декабрь 2015 года И. и В. проходили реабилитацию в центре.

В октябре 2016 года несовершеннолетние И., В. и Н. вновь помещены в реабилитационный центр на основании заявления А., в связи с отсутствием условий для проживания в квартире из-за произошедшего в ней пожара. Одновременно постановлением комиссии по делам несовершеннолетних от 31.10.2016 семья А. поставлена на профилактический учет как находящаяся в социально-опасном положении.

При неоднократных обследованиях жилищно-бытовых условий жизни детей в семье специалистами реабилитационного центра отмечалось, что в квартире созданы антисанитарные условия, в местах общего пользования складировались предметы, принесенные с городских свалок, а ремонт жилья после пожара в течение года так и не был произведен.

Согласно истребованным из образовательных организаций характеристикам А. игнорировала рекомендации педагогов и специалистов, успеваемостью детей не интересовалась, родительские собрания не посещала, позволяя себе неоднократно приходить в детский сад в состоянии алкогольного опьянения.

По фактическим данным с 2004 года на момент рассмотрения дела (2017 год) мать не поддавалась профилактической работе, что подтверждалось информацией инспектора ОПДН ОП № 3 УМВД России по г.Ульяновску, согласно которой на контакт с сотрудниками полиции А. не шла и проведение с ней профилактической работы являлось затруднительным. Кроме того, в феврале 2017 года А. привлечена к административной ответственности по ст.6.1.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за нанесение побоев соседке.

Несмотря на изложенные факты, апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда от 19.12.2017 вышеназванное решение отменено. Судебная коллегия указала, что суд первой инстанции не учел объективные причины, в том числе бездействие со стороны муниципальных властей по своевременному проведению ремонтных работ в муниципальной квартире, в силу которых А. не могла привести жилое помещение в пригодное для проживания состояние.

Кроме того, суд второй инстанции отметил, что последнее привлечение А. к административной ответственности за уклонение от воспитания несовершеннолетних детей имело место в 2010 году. В настоящее время она имеет постоянное место работы – санитарка в медицинской организации, характеризуется с положительной стороны, на учете у нарколога и психиатра не состоит. Материалами дела подтверждены неоднократные факты обращения А. в органы местного самоуправления, иные компетентные органы по вопросу нахождения ее семьи с детьми в социально-опасном положении, что свидетельствует о ее заинтересованности в благополучии детей. В судебных заседаниях А. утверждала, что имеет желание заниматься воспитанием детей, намерена навести в занимаемом жилом помещении порядок и забрать детей, что, по мнению суда, также подтверждает ее небезразличное отношение к своим детям. В свою очередь излишне эмоциональное поведение ответчицы в учреждениях, ведающих вопросами социальной реабилитации детей, невзирая на наличие достаточного количества доказательств ненадлежащего поведения А., не может служить основанием для применения крайней меры семейно-правовой ответственности [1].

Новым решением судебная коллегия предупредила А. о необходимости изменения своего отношения к воспитанию и содержанию детей и возложила на орган опеки и попечительства контроль за выполнением ответчицей родительских обязанностей.

Не однозначной является ситуация по решению Раменского городского суда Московской области от 29.06.2017 г., которым В. лишена родительских прав в отношении двух несовершеннолетних детей П., 2008 г.р., и П., 2012 г.р. Прийти к такому выводу суду первой инстанции при рассмотрении дела позволили следующие доказательства вины В.: решение комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 13.11.2011 г., которым В. предупреждена о возможности лишения ее родительских прав; заключение органа опеки и попечительства о ненадлежащем исполнении В. своих родительских обязанностей, употреблении ею спиртных напитков, бродяжничестве, отсутствии работы и ведении асоциального образа жизни; нахождение на учете у всех субъектов профилактики Раменского муниципального района; неоднократное привлечение к ответственности по ст. 5.35 КоАП РФ за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей.

Однако суд апелляционной инстанции указал, что в материалах дела не имеется бесспорных доказательств о хроническом заболевании В. алкоголизмом; субъектами профилактики с В. не проводилась длительная профилактическая работа, не оказывалось содействие в организации ее лечения и дальнейшей реабилитации от алкогольной зависимости, организации досуга и обучения несовершеннолетних, не осуществлялись профилактические беседы. Также отсутствуют доказательства предупреждения ответчицы о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей [7].

Анализ приведенных решений, а также результаты обобщения правоприменительной практики иных субъектов Российской Федерации (Московской, Волгоградской,

Ульяновской, Тульской областей, а также города Москвы), позволяют выделить обстоятельства, на основании которых решения о лишении родительских прав, принятые судом первой инстанции, отменялись вышестоящим судом:

- ответчик ранее не был предупрежден органами опеки или судом о необходимости изменения своего отношения к исполнению родительских обязанностей;
- неисполнение обязанностей по воспитанию ребенка и уплате алиментов является следствием нахождения ответчика в местах лишения свободы;
- частичное погашение алиментных обязательств;
- отсутствие общения с ребенком вследствие конфликтной ситуации с супругом;
- возражения несовершеннолетнего ребенка против лишения ответчика родительских прав;
- вынесение решения о лишении родительских прав заочно;
- отсутствие доказательств проведения с ответчиком профилактических мероприятий либо непродолжительный период их реализации (менее года);
- отсутствие доказательств применения к ответчику мер административного воздействия;
- прохождение курса кодирования от употребления алкоголя, лечения от наркозависимости.

Следует отметить, что в случае признания ответчиком (родителем) иска о лишении его родительских прав, при решении данного вопроса суд не может удовлетворить требования о лишении родительских прав только лишь на основании такого признания, исследованию подлежат все, предусмотренные в статье 69 СК РФ обстоятельства.

Верховный суд разъяснил, что, исходя из самой природы лишения родительских прав как крайней меры ответственности родителей, *в исключительных случаях* при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств, а также с учетом интересов ребенка может отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей [10].

Рассматривая лишение родительских прав как крайнюю, то есть самую суровую меру семейно-правовой ответственности, не следует забывать о том, что основная цель ее применения состоит в том, чтобы защитить ребенка. В своем исследовании по данному вопросу Л.З. Лысова отмечает природу такой защиты, что, применяя лишение родительских прав, государство в лице суда ограждает ребенка от неблагоприятного влияния родителей, чем защищает его права и интересы [5].

В таком случае возникает вполне резонный вопрос, как соотносится рассматриваемая позиция суда апелляционной инстанции по делам о лишении родительских прав с вопросом защиты детей, которых фактически оставляют в обстановке, представляющей для них

опасность. Ведь никто и никогда не гарантирует, что в очередной раз «горе» родители (которые употребляют алкогольные напитки, не работают, бродяжничают, оставляя детей без присмотра, совершают административные правонарушения, в том числе и в отношении своих детей и др.) не забудут о своих родительских обязанностях, а дети не пострадают в результате их неправомерных действий.

С нашей точки зрения, наиболее целесообразно в таких случаях перенести акцент с карательной меры (лишения родительских прав), если основания не установлены, в плоскость реабилитационной меры – ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ). Право суда применить ее если не установлены основания для лишения родительских прав, а оставление ребенка в семье не безопасно для последнего. Ограничение родительских прав позволяет создать условия для оздоровления обстановки в семье, дает время использовать весь арсенал профилактических средств для восстановления детско-родительских отношений в целях создания благоприятного внутрисемейного климата и профилактики семейного неблагополучия.

Литература

1. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 19.12.2017 по делу № 33-5308/2017
2. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. Владимир: Атлас, 2000. 324 с.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237; СЗ РФ. 03.03.2014. N 9. Ст. 851.
4. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.). [Электронный ресурс.] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 30.10.2017 г.)
5. Лысова А.З. Обеспечение прав ребенка на воспитание средствами гражданско-процессуального права при рассмотрении дел о лишении родительских прав.// Авт. дис. на соис. ст. к.ю.н., Саратов 2003ю 22 с.
6. Надзорное производство Кимовской межрайонной прокуратуры от 01.10.2016 № 18-02-2016
7. Обзор практики участия прокуроров в рассмотрении судами дел о лишении родительских прав прокуратуры Московской области за 2017 год – 2 месяца 2018 года.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2-х ч. Часть 2) По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902 г. М.: Статут, 1997. 453 с.
9. Постановление ЕСПЧ от 11.12.2014 «Дело «Громадка и Громадкова (Hromadka and Hromadkova) против Российской Федерации» (жалоба № 22909/10).

10. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №44
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 №1618
12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ //
Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.
13. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.:СПАРК, 1995. 556 с.

Deprivation of parental rights through the prism of appeal

Koval N. V., PhD in law, Dean of the faculty of professional retraining and advanced training, University of Prosecutor's office of the Russian Federation (fpkkoval@yandex.ru)

Zenkin A. N., PhD in Law, Associate professor, Prosecutor of Zarechensky district of Tula, Professor, Tula state pedagogical University named after. L. N. Tolstoy (artzen071@mail.ru)

The article raises the question of the application to parents of extreme measures of family legal responsibility-deprivation of parental rights. Turning to the constitutional status of the family in the Russian Federation, determining the policy of the state, the authors show the fundamental importance of the family and the role of parents in the upbringing of children. Arguing over the nature of their freedom to act in the performance of their child-rearing duties, the authors analyze the legislative prohibitions that restrict such freedom in cases where the latter begin to act contrary to the interests of the child. The purpose and the closed list of the bases for application of a punishment measure in the form of deprivation of parental rights (Art. 69 of the RF IC) is opened, it is specified on their detailed explanations by the Supreme Court of the Russian Federation. Familiarization with them shows the complexity and ambiguity in the assessment of the same circumstances that lead various courts to diametrically opposed decisions on the possibility of deprivation of parental rights. The analysis of the regional judicial practice allowed the authors to look at the problem through the eyes of the court of appeal, as well as to summarize and formulate the grounds that formed the basis of the appellate rulings that overturn the decisions of lower courts on the issue under consideration.

Key words: child, parents, family, society, interests of the child, protection of the rights of the child, family trouble, abuse of parental rights, deprivation of parental rights, court of appeal.

References

1. Apellyatsionnoe opredelenie Ul'yanovskogo oblastnogo suda ot 19.12.2017 po delu № 33-5308/2017 [Appeal determination of the Ulyanovsk regional court of 19.12.2017 in case No. 33-5308 / 2017].
2. Bespalov YU.F. Semejno-pravovoe polozhenie rebenka v Rossijskoj Federatsii [Legal status of the child In the Russian Federation]. Vladimir: Atlas, 2000. 324p.
3. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii: prinyata vsenarodnym referendumom 12 dekabrya 1993 g. (s izm. i dop. ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ) [Constitution of the Russian Federation: adopted by national referendum on December 12, 1993 (amended). and extra from 30.12.2008 N 6-FKZ, from 30.12.2008 N 7-FCL from 05.02.2014 No. 2-FKZ)]// Rossijskaya gazeta [Russian newspaper]. 1993. 25 dek. № 237; SZ RF. 03.03.2014. N 9. St. 851.
4. Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989 g.). [Convention on the rights of the child (approved by the UN General Assembly on

-
- 20.11.1989)] [Elektronnyj resurs.] URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (Accessed
30.10.2017)
5. Lysova A.Z. Obespechenie prav rebenka na vospitanie sredstvami grazhdansko-protsessual'nogo prava pri rassmotrenii del o lishenii roditel'skikh prav [Ensuring the rights of the child to education by means of civil procedure in cases of deprivation of parental rights]// Avt. dis. na sois. st. k.yu.n., Saratov 2003. 22 p.
  6. Nadzornoe proizvodstvo Kimovskoj mezhrajonnoj prokuratury ot 01.10.2016 № 18-02-2016 [Supervising the production of Kimovsky Interdistrict Prosecutor from 01.10.2016 No. 18-02-2016].
  7. Obzor praktiki uchastiya prokurorov v rassmotrenii sudami del o lishenii roditel'skikh prav prokuratury Moskovskoj oblasti za 2017 god 2 mesyatsa 2018 goda [Review of the practice of participation of prosecutors in court proceedings on deprivation of parental rights of the Prosecutor's office of the Moscow region for 2017 – 2 months of 2018.].
  8. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo (v 2-kh ch. CHast' 2) Po ispravlennomu i dopolnennomu 8-mu izd. [Russian civil law (in part 2) on the amended and supplemented 8th ed]., 1902 g. M.: Statut, 1997. 453 p.
  9. Postanovlenie ESPCH ot 11.12.2014 «Delo «Gromadka i Gromadkova (Hromadka and Hromadkova) protiv Rossijskoj Federatsii» (zhaloba № 22909/10) [Resolution of the ECHR of 11.12.2014 "case" Hromadka and Hromadkova (Hromadka and Hromadkova) against the Russian Federation" (complaint No. 22909/10).].
  10. Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii №44 [Resolution Of The Plenum Of The Supreme Court Of The Russian Federation №44].
  11. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 25.08.2014 №1618 [Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 №1618].
  12. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ [Family code of the Russian Federation of December 29, 1995 № 223-FZ] // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii ot 1 yanvaryaya 1996 g. № 1 st. 16 [Collection of legislation of the Russian Federation of January 1, 1996 № 1 article 16].
  13. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [The textbook of Russian civil law]. M.:SPARK, 1995. 556 p.

Социальные медиа и молодежь: риск радикализации

Тихонова А.Д., аспирантка кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (GutnikAD@bez.mos.ru)

Цель настоящей статьи заключается в социально-психологическом анализе процесса радикализации молодежи посредством использования социальных медиа. В статье рассматривается роль социальных сетей в жизни современной молодежи, затрагивается проблема «клипового» сознания при восприятии медиапространства, а также анализируются особенности процесса радикализации посредством использования современных медиа-платформ, таких как Twitter, Facebook. Отмечается, что онлайн-чаты сегодня являются ключевым инструментом радикализации молодежи. Подчеркивается, что социальные медиа способствуют тому, что у молодежи формируется искаженная картина мира, что, в конечном итоге, способствует потере чувства самоидентификации и возникновению неопределенности. Экстремизм и радикализация рассматриваются как способ преодоления неопределенности в современном мире, а также как попытка решения незаполненности времени. В статье обсуждается, что состояние скуки и чувство неопределенности являются благодатной почвой для радикализации молодежи.

Ключевые слова: радикализация, социальные медиа, неопределенность, скука, пропаганда.

Для цитаты:

Тихонова А.Д. Социальные медиа и молодежь: риск радикализации. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 55-64. doi: 10.17759/psylaw.2018080406

For citation:

Tikhonova A.D. Social media and youth: the risk of radicalization. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.55-64. doi: 10.17759/psylaw.2018080406

Мир стал иным, мы живем в условиях колоссальной перегруженности информационного пространства, недаром современное общество все чаще называют «сверхинформированным» [1]. И неотъемлемой характеристикой этого мира является неопределенность. Идея о том, что неопределенность играет важную мотивационную роль в поведении человека не нова [13]. Неопределенность многогранна: она может быть слабой или сильной, временной или устойчивой, важной или тривиальной. Люди могут чувствовать неопределенность в целом или в конкретных вещах, например, в своих

убеждениях, взглядах, ценностях, взаимоотношениях с другими людьми, в своем будущем и своем месте в мире, и более фундаментально — в самих себе, в своей идентичности [21]. И сегодня радикализация является опасным последствием неопределенности, история XX века дает значительное количество примеров роста экстремизма как реакции на этот феномен [10].

Современную жизнь сложно представить без социальных медиа. Этот феномен плотно вошел в нашу жизнь, в первую очередь, в жизнь современной молодежи, и повлек за собой трансформацию процесса коммуникации [2]. Для обозначения изменений коммуникативного процесса, который разворачивается в социальных сетях, можно апеллировать к идее Ф. Бушини [19]. Он предлагает использовать понятие *эффузии*, которое указывает на специфику коммуникации посредством новых медиа, ибо участники находятся в симметричных отношениях; по умолчанию, все участники этого процесса имеют равный доступ к знаниям, к информации. Ситуация взаимодействия предписывает не только иметь мнение, но и высказывать его, действовать, давая советы друг другу и делая оценки, высказывая суждения, словом, активно участвовать в этом коммуникативном процессе. Причем реакции участников должны быть моментальными. О вытеснении на второй план традиционных досуговых практик новыми, опосредованными интернет-технологиями указывается в ряде исследований [4]. Д. Бойд обращает внимание на то, что для подростков всегда было характерно находиться в так называемых сетевых общественных средах. Раньше такая среда включала в себя парки и дворы, но для современной молодежи такой средой стал интернет, а именно, социальные медиа [18]. Так, Д. О. Королева в исследовании повседневности современных подростков отмечает, что проверка личных сообщений в социальных сетях, обновление новостной ленты является неотъемлемой частью будничной жизни подростков. П. Арсандом было отмечено, что события, происходящие в жизни современной молодежи «онлайн», имеют равное значение с событиями, которые происходят «оффлайн» [16]. Таким способом подростки удовлетворяют потребность в «постоянной событийности», т. е. в необходимости получения новых впечатлений [5]. Таким образом, согласно Д. О. Королевой, проверку новостей и сообщений в социальных сетях сегодня можно рассматривать как новый, свойственный подростковой повседневности ритуал, как попытку решения незаполненности времени [5].

Как утверждает Т.Д. Марцинковская, «... подрастающее поколение развивается в принципиально новом социальном и информационном пространстве, в котором слова «информационная культура» являются не абстрактным понятием, но живой реальностью» [7].

Результаты глобального исследования «EU kids online», проведенного в двадцати пяти европейских странах (выборка: N =25142 человека) [23], дают основания утверждать, что использование интернета «... индивидуализировалось, приватизировалось и стало мобильным» [23, р. 2]. Проведение в интернете все большей части времени стало привычной повседневной практикой современных детей и подростков. Анализ литературы позволяет утверждать, что процесс постоянного нахождения в интернете в группах детей, подростков и молодежи «нормализуется», привычным становится постоянное пребывание в контакте с другими. В результате возникает проблема так называемого «проблемного использования интернета», которой соответствует некоторая когнитивная озабоченность интернетом, когда индивид с трудом может контролировать использование интернета, а доступ в сеть позволяет избавиться от эмоционального дистресса, успокоиться [23; 27].

Согласно работе Остапенко, пустота, образовавшаяся вследствие отсутствия событийности, заполняется либо скукой, либо суетой [8]. Незаполненность времени, отсутствие событийности могут стать причинами возникновения скуки как особого психического состояния человека, развивающегося в связи с дефицитом внешней и внутренней активности [10]. Согласно результатам исследований Посоховой и Рохиной, подростки переживают скуку в результате дефицита новых впечатлений, желания испытать положительные эмоции, а также вследствие неудовлетворенности актуальным положением дел (социальной средой, однообразием жизни, ее монотонностью). Подростки испытывают состояние скуки так как не знают, как решить проблему незаполненности времени [9], при этом в настоящее время для преодоления скуки подростки чаще всего используют социальные медиа [10]. Таким образом, переживание скуки провоцирует поиск новых ощущений, новой информации, за которыми современные молодые люди отправляются в социальные медиа.

Надо отметить, что под влиянием социальных медиа у молодежи может формироваться картина мира, которая не всегда адекватно отражает действительность. В результате невозможность воплощения тех или иных идей может привести к нарушению ожиданий (по отношению к собственной культуре), потере чувства самоидентификации и, как следствие, появлению неопределенности, что выгодно для тех, кто занимается вовлечением молодежи в противоправную деятельность. Таким образом, социальные медиа превращаются в эффективный инструмент радикализации, чем в последнее время озадачены в европейских странах, в частности, во Франции [23].

Сегодня интернет позволяет создавать не только профессиональные медийные сайты, которые редактируются журналистами-специалистами, но и непрофессиональные самостоятельные интернет-ресурсы, содержание которых регулируют рядовые пользователи. Надо отметить, что такие популярные социальные медиа, как Facebook, Twitter, LiveJournal, Wikipedia, YouTube и т. д. благодаря особым возможностям интерфейса являются уникальным средством коммуникации. Особенность таких социальных медиа, их уникальность состоит в том, что, в сочетании с развитием мобильных технологий, сегодня о произошедшем резонансном событии мы можем узнать намного раньше, чем это будет объявлено в официальных СМИ. Это происходит благодаря обычным пользователям социальных медиа, которые имеют возможность сообщать о событиях, происходящих в непосредственной близости от них [20]. При этом социальные медиа сейчас активно используются не только для оперативного освещения каких-либо событий, но и для создания определенного представления об этом событии у целевой аудитории. Согласно исследованиям зарубежных коллег, для продвижения бренда «Исламское государство»* (организация, запрещенная в РФ) указанная террористическая организация использует в основном такие медиа-платформы, как Twitter и Facebook [21]. Надо отметить, что по оценкам зарубежных авторов, в социальной сети Twitter в среднем генерируются 350 000 твитов в минуту и около 500 млн твитов в день (это приблизительно 6 тысяч постов в секунду), а медиа-платформа Facebook остается крупнейшей социальной сетью с 500 млн активных пользователей [21]. Так, согласно отчету Чарли Уинтера, сотрудника Международного центра по изучению радикализации и политического насилия, так называемая «исламская утопия» является основным инструментом пропаганды организации «Исламское государство», признанной террористической [15]. Идея «исламской утопии» или «фантастического исламского государства» базируется на шести темах: религия, экономика, экспансия, природа, справедливость, социальная жизнь. Среди этих тем основными являются религия, экономика и экспансия. Посредством манипуляций

указанными темами в социальных медиа формируется представление об организации «Исламское государство» как об эффективной правительственной системе с процветающей экономикой и социальной обеспеченностью. Также утверждается, что организация «Исламское государство» является отражением истинного ислама [26]. Такой образ подкрепляется видеороликами и фотоизображениями в социальных медиа, демонстрирующими людей, совместно практикующих религиозную деятельность, такую как молитва и пост. Еще одним популярным способом создания положительного образа организации «Исламское государство», помимо публикаций в социальных сетях медиа-контента, является переписка с потенциальными новобранцами в онлайн-чатах. Марк Сайджеман утверждает, что такие онлайн-чаты сегодня являются ключевым инструментом радикализации молодежи [26]. В такой переписке у адресата формируется образ «фантастического исламского государства», ему обещают «лучшую жизнь» — ежемесячные пособия, а также бесплатное питание и медицинское обслуживание. Однако, согласно информации новостного портала ВВС, те, кто возвращается домой после пребывания на территории, подконтрольной указанной организации, признаются, что исламское государство, которое они себе представляли, полностью отличается от реальности.

В наше время в постоянно глобализирующемся и все менее понятном мире одним из результативных защитных механизмов для психики людей является так называемое *клиповое сознание*, т. е. поверхностность анализа, его селективность [12]. Клиповость сознания набирает обороты при восприятии человеком медиaprостранства. В ситуации такого восприятия человека интересует не смысл происходящего события, освещенного в социальных медиа, а его оценка как «чужого» или «своего», «нужного» или «ненужного». Преимущества *клипового* сознания — высокая скорость обработки информации; при этом увеличивается риск попасть под чужое влияние, оказаться жертвой манипуляции. Тем самым справедливо утверждение о том, что радикализация имеет и психологические истоки, связанные с влиянием современной массовой культуры, разрушающей традиционное общество и устойчивые формы идентификации [12]. В качестве одного из примеров влияния массовой культуры можно привести феномен *одноразовой культуры*, популяризация которой имеет важные психологические последствия. Увеличивается количество предметов одноразового использования, нас окружает неустойчивая архитектура, мобильные и модульные изделия, предоставляемые внаем товары и предметы потребления, изготовленные на короткий срок, — все это провоцирует интенсивный рост общей атмосферы временности и неустойчивости (перемены ускоряются, а трудности множатся) [12]. Тем самым распространение *одноразовой культуры* является реакцией человека на непрерывно ощущаемое давление, беспорядочную суету и неустойчивость в обществе, что усиливает тенденцию к переживанию человеком чувства неопределенности.

Восприимчивость людей к социальному влиянию в условиях переживания скуки и неопределенности имеет глубокие социальные последствия. Состояние скуки и чувство неопределенности становятся благодатной почвой для радикализации молодежи, ведь радикальные идеи в основном просты для восприятия, они категоричны и, самое главное, прекрасно укладываются в концепцию «черно-белого» мира, двоичной классификации (правильно—неправильно, хорошо—плохо, свой—чужой).

Если радикализация — это форма коллективного ответа в ситуации межгруппового конфликта [27], очевидно, что люди не радикализируются в одиночестве, но только как часть группы, которая задает их социальную идентичность.

Интернет сам по себе есть средство радикализации, ибо каждый может высказывать свою позицию свободно. Для маргинализированных групп, оказавшихся исключенными из официальных медиа, эта арена становится местом публичного высказывания своей позиции [27].

Интернет являет собой способ распространения информации, способствующей радикализации, при этом преодолеваются как физические, так и легальные препятствия на пути. Информацию разделяют тысячи и тысячи подписчиков, распространяя ее мгновенно. Сомнению подвергается сам факт наличия информации, предполагается говорить о наличии некоторой predisposition [23].

Литература

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Изд. перераб. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
2. Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. С. 5.
3. Есипов Д.Е., Есипова И.Ф. Влияние медиапространства на межкультурные коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 1. С. 73—77. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n1/Esipov_Esipova.shtml (дата обращения: 05.12.2017).
4. Кондрашкин А.В., Хломов К.Д. Постановка проблемы: девиантное поведение подростков, социальная ситуация и Интернет [Электронный ресурс] // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 18—24. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283395448/Kondrashkin_Hlomov_9-03pp102-113.pdf (дата обращения: 03.06.2016).
5. Королева Д.О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 55—61. doi:10.17759/jmfp.2016050207.
6. Купрейченко А.Б., Шляхова Е.В. Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2012. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n1/50284.shtml (дата обращения: 05.12.2017).
7. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.04.2018).
8. Остапенко А.А. Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного» // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 2—6.

9. *Посохова С.Т., Рохина Е.В.* Скука как особое психическое состояние человека [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2009. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skuka-kak-osoboe-psiicheskoe-sostoyanie-cheloveka> (дата обращения: 29.03.2018).
10. *Посохова С.Т., Рохина Е.В.* Предрасположенность к скуке как признак психологической уязвимости личности [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predraspolozhennost-k-skuke-kak-priznak-psiichologicheskoy-uyazvimosti-lichnosti> (дата обращения: 29.03.2018).
11. *Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б.* Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 32—40. doi:10.17759/chp.2017130305.
12. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ, 2003. 256 с.
13. *Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г.* Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 16—24.
14. *Фромм Э.* Человек для самого себя. Исследование психологических проблем этики / Перевод Э.М. Спировой. — М.: АСТ, 2010. 352 с.
15. Министерство Юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 03.03.2018).
16. *Aarsand P.A.* Around the screen: Computer activities in children's everyday lives [Электронный ресурс] // Digitala Vetenskapliga Arkivet. Linköping: The Department of Child Studies; Linköping University, 2007. 76 p. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:23606/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 03.06.2016).
17. *Berne E.* Games people play: the psychology of human relationships. New York: Grove Press, 1964. 216 p. Publ. for the San Francisco Social Psychiatry Seminars.
18. *Boyd D.* It's complicated: The social lives of networked teens. Нью-Хейвен, СТ, USA: Yale University Press, 2014. 296 p.
19. *Buschini F.* Diffusion, propagation, propagande : et après? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales // Paper presented at the Conference «Tribute to Serge Moscovici». 2016. 17—18 November.
20. *Cashmore P.* Denver Plane Crash: Twitter as Usual [Электронный ресурс] / Mashable: The Social Media Guide, 21.12.2008. URL: <http://mashable.com/2008/12/21/denver-plane-crash/> (дата обращения: 03.12.2017).
21. *Imran Awan.* Cyber-Extremism: Isis and the Power of Social Media [Электронный ресурс] // Social Science and Public Policy. 2017. Vol. 54. № 2. P. 138—149. URL:

<https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs12115-017-0114-0.pdf>____(дата обращения: 05.03.2018).

22. *Hogg M.* Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues.* 2013. Vol. 69. № 3. P. 407—418.
23. *Galland O., Muxel A.* La tentation radicale. Paris : Presses Universitaire de France, 2018. 464 p.
24. Livingstone S., Haddon L. Theoretical framework for children's internet use // *Children, risk and safety on the Internet: research and policy challenges in comparative perspective* / Eds. by S. Livingstone, L. Haddon, and A. Görzig. Bristol: The Policy Press, 2012. P. 1—12.
25. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London, Final report, September, 2011. 54 p.
26. *Sageman, M.* Leaderless Jihad. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2008.
27. *van Stekelenburg J., Oegema D., and Klandermans B.* No Radicalization without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies*/ Eds. by Assaad E. Azzi, Xenia Chrysochoou, Bert Klandermans, Bernd Simon // Wiley Blackwell. 2010. P. 181—194.
28. *Winter C.* 'The virtual 'caliphate': understanding Islamic State's propaganda strategy'. The Quilliam Foundation. July 2015.

Social media and youth: the risk of radicalization

***Tikhonov A. D.**, post-graduate student of the Department of clinical and forensic psychology, faculty of legal psychology, Moscow State University of Psychology and Education
(GutnikAD@bez.mos.ru)*

The purpose of this article is the socio-psychological analysis of the process of radicalization of young people through the use of social media. The article considers the role of social networks in the life of modern youth, touches upon the problem of "clip" consciousness in the perception of media space, and analyzes the features of the radicalization process through the use of modern media platforms such as Twitter, Facebook. It is noted that online chats today are a key tool for radicalization of young people. It is emphasized that social media contribute to the fact that young people have a distorted picture of the world, which ultimately contributes to the loss of a sense of self-identification and the emergence of uncertainty. Extremism and radicalization are considered as a way to overcome uncertainty in the modern world, as well as an attempt to solve the lack of time. The article discusses that the state of boredom and a sense of uncertainty are fertile ground for radicalization of young people.

Key words: radicalization, social media, uncertainty, boredom, propaganda.

References

1. Aronson Je., Pratkanis Je. R. Jepoha propagandy: Mehanizmy ubezhdenija, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie [The age of propaganda: mechanisms of persuasion, daily use and abuse]. SPb.: prajm-EVROZNAK, 2003. 384 p.
2. Belinskaja E.P. Informacionnaja socializacija podroستkov: opyt pol'zovanija social'nymi setjami i psihologicheskoe blagopoluchie [Informational socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being]// Psihologicheskie issledovanija [Psychological research]. 2013.Vol. 6, no 30. P. 5.
3. Esipov D.E., Esipova I.F. Vlijanie mediaprostranstva na mezhkul'turnye kommunikacii [Jelektronnyj resurs] the influence of the media on intercultural communication [The influence of the media on intercultural communication]// Jazyk i tekst [Language and text]. 2015. Vol 2. no 1. pp. 73—77. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n1/Esipov_Esipova.shtml (Accessed 05.12.2017).
4. Kondrashkin A.V., Hlomov K.D. Postanovka problemy: deviantnoe povedenie podroستkov, social'naja situacija i Internet [Problem statement: deviant behavior of adolescents, social situation and the Internet][Jelektronnyj resurs] // Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]. 2013. no 1. pp. 18—24. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283395448/Kondrashkin_Hlomov_9-03pp102-113.pdf (Accessed 03.06.2016).

5. Koroleva D.O. Issledovanie povsednevnosti sovremennyh podrostkov: prisutstvie v social'nyh setjah kak neot#emlemaja sostavljajushhaja obshhenija [Research of everyday life of modern teenagers: presence in social networks as an integral component of communication] [Elektronnyj resurs] // Sovremennaja zarubezhnaja psihologija [Modern foreign psychology]. 2016. Vol 5. no 2. pp. 55—61. doi:10.17759/jmfp.2016050207.
6. Kupreichenko A.B., Shlyakhovaya E.V. Confidence in information as a factor of confidence in electronic mass media [Elektronnyi resurs]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru], 2012. no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Marcinkovskaja T.D. Informacionnaja socializacija v izmenjajushhemsja informacionnom prostranstve [Information socialization in the changing information space] [Elektronnyj resurs] // Psikhologicheskie issledovanija [Psychological research]. 2012. Vol. 5. no 26. P. 7. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 20.04.2018).
8. Ostapenko A.A. Chronotopos as the Intersection of Past and Future, Present and ... “a Make-Beliefs”. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2010. no. 1, pp. 2–6. (In Russ., abstr. in Engl.)
9. Posohova C.T., Rohina E.V. Skuka kak osoboe psihicheskoe sostojanie cheloveka [Boredom as a special mental condition of the person] // Vestnik SPbGU. Serija 12. Sociologija [Vestnik SPbGU. Episode 12. Sociology]. 2009. no 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skuka-kak-osoboe-psihicheskoe-sostoyanie-cheloveka> (Accessed 29.03.2018).
10. Posohova C.T., Rohina E.V. Predraspolozhennost' k skuke kak priznak psihologicheskoy uязvimosti lichnosti [Predisposition to boredom as a symptom of psychological vulnerability of the individual]// Vestnik SPbGU. Serija 16: Psikhologija. Pedagogika [Vestnik SPbGU. Series 16: Psychology. Pedagogy]. 2015. no 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predraspolozhennost-k-skuke-kak-priznak-psihologicheskoy-uyazvimosti-lichnosti> (Accessed 29.03.2018).
11. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology], 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Toffler Je. Shok budushhego [Future shock]. M.: AST, 2003. 256 p.
13. Thostov A.Sh., Surnov K.G. Vlijanie sovremennyh tehnologij na razvitie lichnosti i formirovanie patologicheskikh form adaptacii: obratnaja storona [Influence of modern technologies on the development of personality and the formation of pathological forms of adaptation: the reverse side]// Psikhologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2005. no 6. pp. 16—24.
14. Fromm Je. Chelovek dlja samogo sebja. Issledovanie psihologicheskikh problem jetiki [Man for himself. Research of psychological problems of ethics]. M.: AST. 2010. 352 p.

15. Ministry of Justice of the Russian Federation [Electronic resource] – URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (Accessed 03.03.2018).
16. Aarsand P.A. Around the screen: Computer activities in children's everyday lives [Электронный ресурс] // *Digitala Vetenskapliga Arkivet*. Linköping: The Department of Child Studies; Linköping University, 2007. 76 p. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:23606/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 03.06.2016).
17. Berne E. Games people play: the psychology of human relationships. New York: Grove Press, 1964. 216 p. Publ. for the San Francisco Social Psychiatry Seminars.
18. Boyd D. It's complicated: The social lives of networked teens. Нью-Хейвен, СТ, USA: Yale University Press, 2014. 296 p.
19. Buschini F. Diffusion, propagation, propagande : et après? L'effusion, un nouveau mode de communication médiatique pour l'étude des représentations sociales // Paper presented at the Conference «Tribute to Serge Moscovici». 2016. 17—18 November.
20. Cashmore P. Denver Plane Crash: Twitter as Usual [Электронный ресурс] / Mashable: The Social Media Guide, 21.12.2008. URL: <http://mashable.com/2008/12/21/denver-plane-crash/> (дата обращения: 03.12.2017).
21. Imran Awan. Cyber-Extremism: Isis and the Power of Social Media [Электронный ресурс] // *Social Science and Public Policy*. 2017. Vol. 54. № 2. P. 138—149. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs12115-017-0114-0.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).
22. Hogg M. Uncertainty and the Roots of Extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. № 3. P. 407—418.
23. Galland O., Muxel A. La tentation radicale. Paris : Presses Universitaire de France, 2018. 464 p.
24. Livingstone S., Haddon L. Theoretical framework for children's internet use // *Children, risk and safety on the Internet: research and policy challenges in comparative perspective* / Eds. by S. Livingstone, L. Haddon, and A. Görzig. Bristol: The Policy Press, 2012. P. 1—12.
25. Livingstone S., Haddon L., Görzing A., Ólafsson K. With members of the EU kids online network. EU kids online. London, Final report, September, 2011. 54 p.
26. Sageman, M.. *Leaderless Jihad*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 2008.
27. van Stekelenburg J., Oegema D., and Klandermans B. No Radicalization without Identification: How Ethnic Dutch and Dutch Muslim Web Forums Radicalize Over Time // *Identity and Participation in Culturally Diverse Societies*/ Eds. by Assaad E. Azzi, Xenia Chrysochoou, Bert Klandermans, Bernd Simon // Wiley Blackwell. 2010. P. 181—194.
28. Winter C. 'The virtual 'caliphate': understanding Islamic State's propaganda strategy'. The Quilliam Foundation. July 2015.

Проблема социальной адаптации семьи ребенка с тяжелой психофизической патологией

Цапина С.Ю., аспирантка, кафедра детской и семейной психотерапии ФГБОУ ВО МГППУ (*tsapina@bk.ru*)

Статья посвящена выявлению и преодолению психологических проблем семьи ребенка с тяжелой психофизической патологией. Выдвинута гипотеза о том, что психологические трудности препятствуют родителям в реализации своих прав, предоставляемых им российскими законами. В целевую группу вошли 39 детей с детским церебральным параличом в сочетании с тяжелой умственной отсталостью и 46 взрослых членов семей (33 женщины, 7 мужчин). Контрольная группа – 37 здоровых детей и 37 взрослых членов семей (30 матерей, 7 отцов). Были применены методика психолого-педагогического обследования детей, стандартные и авторские опросники для родителей. Показано, что пассивность родителей в поиске социальной поддержки вызвана неопределенностью их представлений о будущем, снижением уровня осмысленности жизни, депрессивными состояниями. Психологическая помощь, оказанная родителям в ходе исследования, привела к повышению социальной адаптации семей. Сделан вывод о том, что система поддержки семей с детьми, страдающими тяжелыми психофизическими нарушениями, должна быть дополнена социальным патронажем и психологическим мониторингом.

Ключевые слова: ребенок с психофизической патологией, ДЦП, тяжелая умственная отсталость, психологические проблемы семьи, социальная дезадаптация, государственная социальная помощь, психологическая помощь.

Для цитаты:

Цапина С.Ю. Проблема социальной адаптации семьи ребенка с тяжелой психофизической патологией. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 65-74.
doi: 10.17759/psylaw.2018080407

For citation:

Tsapina S.Yu. The problem of social adaptation of the family of a child with severe psychophysical disorder. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 4. pp.65-74.
doi: 10.17759/psylaw.2018080407

Наличие у ребенка тяжелой психофизической патологии является для его семьи травмирующим событием исключительной силы. Специфика семейной ситуации такого ребенка определяется необходимостью экстраординарного пожизненного ухода. Это служит источником тяжелого стресса и часто приводит к глубокой социальной дезадаптации [10]. Родители приобретают особый социальный статус, связанный со стигматизацией ребенка; нарушаются социальные связи семьи, возникают серьезные социальные ограничения [7].

Для матерей таких детей характерны депрессивные состояния, у них повышен суицидальный риск [6]. И.Ю. Левченко и О.Г. Приходько указывают, что суицидальные мысли посещали более 40% матерей с детьми, страдающими тяжелой формой детского церебрального паралича (ДЦП) [4]. У отцов частым следствием неспособности справиться с трудностями поведения ребенка и со своими тяжелыми переживаниями становится алкоголизация [1]. Многие отцы уходят из семьи. По данным И.Ю. Левченко и В.В. Ткачевой, в 32 % случаев после рождения больного ребенка браки распадаются [3].

Все это свидетельствует о необходимости системы социальной поддержки семьи, воспитывающей ребенка с тяжелой психофизической патологией. Соответствующие положения отражены в международных документах и законах Российской Федерации (Постановление Правительства Российской Федерации от 23.08.1993г. № 848 «О реализации Конвенции ООН о правах ребенка и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей»; Федеральный закон от 24.11.1995г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и др.).

Вместе с тем, на практике родители часто не могут воспользоваться правами, предоставленными им законом [10]. Функционирующие повсеместно «Центры социальной помощи семье и детям» номинально оказывают социально-психологические услуги населению (психологическая поддержка и консультирование, содействие в восстановлении социальных связей, содействие дальнейшему жизнеустройству, содействие родителям в воспитании детей и помощь в конфликтных ситуациях), однако такие услуги оказываются бессистемно, без соответствия со специальными программами. Родители ребенка с нарушениями развития нередко отказываются от привлечения внешних ресурсов даже в тех случаях, когда потенциально этих ресурсов достаточно [9]. Таким образом, на сегодняшний день сохраняет актуальность разработка государственного регламента психологической помощи семье ребенка с инвалидностью, в том числе семье ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями.

Наше исследование было направлено на выявление психологических причин, ограничивающих инициативу родителей в поиске и использовании внешних ресурсов, которые могли бы повысить степень социальной адаптированности семьи ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями. Исследование проводилось под руководством А.Л. Венгера. Изучались семьи, воспитывающие с детей 2-7 лет с тяжелой степенью ДЦП в сочетании с тяжелой или глубокой умственной отсталостью. Была выдвинута гипотеза о том, что психологические трудности препятствуют родителям в реализации своих прав на социальную поддержку, предоставленных им законом.

Методы исследования

Исследование проводилось на базе Евпаторийского детского клинического санатория, в который приезжают на лечение дети с ДЦП из разных регионов. Включение семьи в исследование осуществлялось на основании анализа медицинской документации. Всего было обследовано 39 семей, из них 7 семей были представлены обоими родителями и ребенком, 29 – диадой мать-ребенок и 3 – диадой бабушка-ребенок. 6 взрослых в связи с отъездом из санатория не успели пройти полное обследование, однако получили первичную психологическую помощь по итогам обследования ребенка и беседы; 40 взрослых (33 женщины и 7 мужчин) прошли полное обследование. Средний возраст матерей целевой группы составил 31,6 лет, средний возраст отцов – 35 лет.

Участники контрольной группы набирались в соответствии со следующими параметрами: наличие в семье не менее одного ребенка в возрасте от 2 до 7 лет; отсутствие в семье детей с нарушениями здоровья; соответствие по возрасту целевой группе. Контрольную группу составили 37 детей и 37 взрослых (30 матерей, 7 отцов). Средний возраст матерей контрольной группы – 32,6 лет; средний возраст отцов – 35 лет.

Исследование включало 3 этапа:

- 1) констатирующее обследование;
- 2) психологическое сопровождение семьи;
- 3) контрольное обследование.

Констатирующий этап осуществлялся очно, в период пребывания семьи в санатории. По мере выявления проблем начиналось осуществление психокоррекционного вмешательства; таким образом, переход от первого ко второму этапу осуществлялся плавно и непрерывно. Психологическое сопровождение в период пребывания семьи в санатории реализовывалось в очной форме, а после отъезда семьи из санатория на место жительства – в дистанционной форме (по скайпу). Затем было проведено контрольное обследование (дистанционно).

В задачи *констатирующего этапа* входило:

Оценка уровня психического развития ребенка. Для этого была использована методика Е.А.Стребелевой [8].

Выявление родительских представлений о возможностях ребенка. Оно проводилось с помощью авторского опросника «Возможности ребенка». Сопоставление данных, полученных в обследовании ребенка, с ответами родителей позволяло определить степень адекватности их представлений о возможностях ребенка.

Сбор социальных данных о родителях. Для этого применялась оригинальная анкета социального опроса, предоставлявшая данные о том, как повлияло рождение ребенка с нарушениями на круг общения семьи, какие виды социальной помощи известны семье, какой социальной помощью в действительности пользуется семья и испытывает ли потребность в дополнительной социальной поддержке, достаточно ли у семьи средств на покрытие расходов по лечению и развитию ребенка и т.п.

Изучение отношения родителей к разным жизненным сферам. Для этого использовался модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Л.М. Шипицыной [11]. Высказывания были распределены на 4 тематические категории: «Отношение к состоянию здоровья ребенка», «Семейные отношения», «Представления о будущем», «Отношение к возможным ресурсам».

Выявление особенностей осмысления родителями своей жизни. Для этого использовался тест «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева [5].

Определение эмоционального состояния родителей. Для этого использовался адаптированный вариант теста «Шкала депрессии» (BDI) А. Бека [2].

«Шкала депрессии» и тест СЖО были проведены как в целевой, так и в контрольной группе, остальные методики – только в целевой группе.

На *коррекционном этапе* исследования использовались неформальные техники и приемы, уменьшающие риск причинения вреда клиенту (формы общения, приближенные к нетерапевтическим; арт-терапевтические методы – рисуночные методики, проективные метафорические карты, игры с использованием элементов народного фольклора), релаксационные техники, психолого-педагогическое обучение.

На *контрольном этапе* было проведено повторное обследование родителей целевой группы с помощью методик «Смыслжизненные ориентации» и «Шкала депрессии».

Результаты

Сопоставление ответов родителей на опросник «Возможности ребенка» с данными объективного обследования уровня умственного развития детей показало, что 36 респондентов целевой группы (78,3%) оценивали состояние ребенка неадекватно. Из них у 20 человек (43,5%) выявился средний уровень расхождения оценки возможностей ребенка с объективными данными (от 50% до 75% адекватных ответов). У 16 человек (34,8%) представления о возможностях ребенка особо резко расходились с его реальными возможностями (менее 50% адекватных ответов). У этих родителей были выраженные трудности с принятием состояния ребенка, активное отрицание проблем, связанных со здоровьем ребенка.

Грубая переоценка родителями возможностей ребенка чревата негативными последствиями как для него, так и для них самих. Если родители недостаточно осознавали степень тяжести состояния здоровья ребенка, цели и перспективы реабилитации, мотивация на реабилитацию ребенка являлась чрезмерной. Это проявлялось в лечебной и психолого-педагогической перегрузке, превышающей возможности ребенка. Несмотря на ожидания родителями скорейшего излечения ребенка, эффект получался противоположным.

У 10 респондентов (21,7%) обнаружился достаточный уровень совпадения ответов по опроснику «Возможности ребенка» с данными психолого-педагогического обследования ребенка и наблюдений (совпадение при ответах более чем на 75% вопросов). Тем не менее, и у некоторых из этих родителей имелась тенденция к незначительной переоценке возможностей ребенка. Однако такую тенденцию мы считали позитивной, поскольку

незначительная переоценка способствовала ориентации родителей на зону ближайшего развития ребенка и не приводила к негативным последствиям.

Результаты анкетирования показали, что для большинства родителей, воспитывающих детей с тяжелой психофизической патологией, характерна та или иная степень социальной дезадаптации (выявилась у 39 респондентов - 84,8%). Это такие изменения в жизни семьи как редукция профессионального общения, частичное ослабление дружеских связей, сокращении общего числа социальных контактов. Одной из причин сокращения числа социальных контактов респонденты часто называли сложности с выходом из дома, обусловленные тяжелым физическим состоянием ребенка и отсутствием соответствующей инфраструктуры (лифта, пандуса и т.д.).

Анкетирование показало, что сведения родителей о доступной им социальной поддержке в основном относились к материальной помощи (пенсиям и выплатам), а также возможности лечения в тех или иных реабилитационных центрах. 34 из 46 респондентов (73,9 %) сообщили, что семья нуждается в таком виде государственной поддержки как социальный патронаж, то есть помощь по уходу за ребенком, В то же время все респонденты указали, что социальный патронаж им фактически недоступен. Подавляющее большинство матерей, воспитывающих ребенка с тяжелыми психофизическими нарушениями, осуществляют экстраординарный уход за ребенком, несовместимый с возможностью профессиональной реализации, не имея социальной помощи по уходу за ребенком. Все респонденты сообщили также о финансовых трудностях, связанных с экстраординарными потребностями ребенка.

Рассмотрим *результаты выполнения родителями методики «Незаконченные предложения»*. Обобщение всех высказываний категории «Отношение к состоянию здоровья ребенка» показало наличие у респондентов состояний, соответствующих различным стадиям переживания горя. Несмотря на длительность психотравмирующей ситуации, более чем у трети респондентов (17 человек, 37%) проявилось *защитное отрицание* («нет ничего страшного в его болезни» и т. п.; иногда – отказ от ответа на соответствующие вопросы). Данные, полученные в категории высказываний «семейные отношения», выявили устойчивую семейную поддержку только у 12 респондентов (26,1%) («мы вместе все преодолеем»). Остальные 34 респондента (73,9%) в той или иной степени нуждались в психологической помощи для нормализации внутрисемейных отношений («мои близкие от меня ничего не ждут», «не знаю, о чем они думают, и знать не хочу», «мой муж ожидает от меня чуда»). В высказываниях, относящихся к категории «Представления о будущем», отразилось значительное количество психологических проблем, связанных с временной перспективой. Трудности в выстраивании временной перспективы были связаны как с инкурабельностью состояния ребенка, так и с недостаточной социальной поддержкой.

Остановимся подробнее на высказываниях, относящихся к категории «Отношение к внешним ресурсам». Эта категория высказываний представляла наибольший интерес с точки зрения изучавшейся проблемы, так как позволяла определить, справляется ли семья с переживанием психотравмирующей ситуации самостоятельно, привлекает ли внешние ресурсы, необходимо ли формирование активности по их привлечению. Совокупный анализ данных, полученных в этой категории, показал, что, несмотря на сформированные представления о необходимости внешней помощи («государство должно заботиться о детях-инвалидах»), 78,3% респондентов (36 человек) были пассивны по отношению к внешним ресурсам и нуждались в побуждении к поиску социальной и психолого-

педагогической помощи. В продолжении высказывания «Я хотел(а) бы, чтобы государство...» в 18 случаях (39,1%) отражалась нехватка государственной поддержки («Я хотел(а) бы, чтобы государство не оставляло наедине со своими проблемами»), в 6 случаях (13,0%) отражалась нехватка финансов («...давало нам возможность зарабатывать деньги, чтобы лечиться»), в 9 случаях (19,6%) отражалась недостаточная доступность медицинской помощи («...чтобы создали отдельный мед.центр, куда можно было бы приходить со своей проблемой»). У 11 респондентов (23,9%) высказывания были нерелевантными или представляли собой уход от ответа.

С помощью теста «Смыслжизненные ориентации» были обследованы 40 респондентов из группы исследования (33 матери, 7 отцов) и 37 респондентов из контрольной группы (30 матерей, 7 отцов). Результаты оценивались в соответствии с нормативными значениями (по данным Д.А. Леонтьева [5]).

В группе исследования низкие значения встречались чаще всего по субшкалам «Процесс жизни» – 20 человек (50 %) и «Локус контроля жизни» – 19 человек (47,5 %). Низкий итоговый показатель «Осмысленность жизни» выявился у 16 человек (40 %). Эти показатели в контрольной группе составили, соответственно: 2 человека (5,4 %); 4 человека (10,8 %); 1 человек (2,7 %). По всем пяти субшкалам и по общему показателю «осмысленность жизни» различия между группами значимы при $p \leq 0,01$ (здесь и далее статистическая значимость различий проверялась с помощью углового преобразования ϕ Фишера). Таким образом, результаты выполнения теста СЖО свидетельствовали о ярко выраженной тенденции к снижению уровня осмысленности жизни у родителей целевой группы, причем в наибольшей степени – у матерей.

Опросник «Шкала депрессии» выявил у 34 из 46 (73,9%) респондентов целевой группы депрессивную симптоматику той или иной степени выраженности. С наибольшей частотой и интенсивностью отмечались такие симптомы, как раздражительность, ожидание наказания, снижение сексуального влечения, пессимизм и слезливость. У родителей, отрицающих проблемы с состоянием здоровья ребенка, выявлены наиболее высокие показатели депрессивной симптоматики (среднее значение по шкале депрессии у них составило 21,3 балла, что соответствует депрессии средней тяжести; по группе в целом – 15,8; соответствует умеренной депрессии). Наиболее часто выявлялась депрессивная симптоматика у матерей: в 83,3% случаев (30 матерей, из них у 12 – субдепрессия, у 18 – более выраженная депрессивная симптоматика, вплоть до тяжелой). В группе контроля признаки депрессии проявлялись значительно реже – у 17 родителей из 37 (45,9%). При этом они встречались примерно с одинаковой частотой и у женщин, и у мужчин (у 14 из 30 матерей – 46,7% и у 3 из 7 отцов – 42,9%). Различия между группами оказались значимы при $p \leq 0,01$.

Психологическое сопровождение семьи

Психокоррекционное вмешательство было направлено на нормализацию эмоционального состояния членов семей из целевой группы, принятие ими состояния ребенка, поиск внешних и внутренних ресурсов, формирование содержательных представлений о будущем. Частота очных встреч с членами семей зависела от потребности семьи в психологической помощи и варьировалась от 1 до 3 раз в неделю. Далее психологическое сопровождение осуществлялось дистанционно (по скайпу). Частота и

количество дистанционных встреч определялись потребностью семьи в психологической помощи и составляли от 1 раза в неделю до 1 раза в месяц на протяжении 3-х-12 месяцев.

Психологом совместно с родителями осуществлялся поиск внешних ресурсов, которые помогли бы освободить часть жизненного пространства родителей для социальной и профессиональной реализации. В качестве потенциально возможных ресурсов рассматривались социальные службы по месту жительства, помощь ближайшего окружения (друзей и родственников), оплачиваемые помощники (няни). У родителей обычно было сформировано предубежденное негативное отношение к государственным социальным учреждениям. Психолог побуждала родителей к взаимодействию с такими учреждениями, к поиску компромиссных вариантов пребывания ребенка на попечении государства (например, неполный день пребывания в социальном учреждении). На сегодняшний день официальной программы неполного пребывания не предусмотрено, однако не следовало исключать возможность индивидуального подхода по месту жительства.

Контрольный этап исследования

Результаты повторного обследования показали, что выбранная стратегия психологической помощи в целом была успешной. Низкие показатели осмысленности жизни были выявлены только у 11% (при первичном обследовании – 40%; различия статистически значимы при $p \leq 0,01$). Среднее значение по «Шкале депрессии» изменилось с 15,8, что соответствует умеренной депрессии, до 11,3, что соответствует субдепрессии. При анализе отдельных случаев было отмечено, что улучшение более явно выражено у тех респондентов, чьи показатели были наиболее низкими при первичном обследовании. На положительную динамику указывали и качественные изменения, о которых сообщали респонденты (улучшение семейных отношений, появление жизненных планов, успешный поиск вариантов самореализации, направленность на поиск возможных источников социальной поддержки).

Заключение

Совокупность результатов обследования указала на особую трудность жизненной ситуации матерей группы исследования. Подавляющее большинство матерей (94,3%) осуществляют экстраординарный уход за ребенком, не имея достаточной семейной и социальной поддержки. Отсутствие семейной поддержки в вопросах ухода за ребенком связано с деформацией отношения между членами семьи; в значительном количестве случаев выявлено недостаточное взаимопонимание. Отсутствие семейной и социальной поддержки препятствует реализации профессионального потенциала матерей и фрустрирует их потребность в самореализации.

Установлено, что семьи, воспитывающие детей с тяжелыми психофизическими нарушениями, испытывают высокую потребность в таком внешнем ресурсе, как социальный патронаж. Доступность данного ресурса во многих случаях необходима для личностного роста матерей; в то же время выявлено, что социальный патронаж фактически недоступен ни одной семье. Результаты бесед и наблюдений показали, что по мере взросления ребенка потребность в профессиональной реализации матерей угасает.

Несмотря на то, что российские законы предоставляют таким семьям значительные права по получению социальной поддержки, реализация этих прав крайне затруднена. В

современной практике нет четкого определения, когда и какого именно специалиста следует привлекать к работе с семьей, кто должен заниматься организационными вопросами, от каких факторов зависит направленность и интенсивность психологической помощи. Алгоритм взаимодействия семьи с психологическими службами не разработан, взаимодействие социальных, психологических служб и семьи осуществляется стихийным образом, действия специалистов не согласовываются между собой.

В результате большинство семей с детьми, страдающими тяжелыми психофизическими нарушениями, оказывается социально дезадаптировано. У родителей резко снижается уровень осмысленности жизни, становятся неопределенными представления о будущем, часты депрессивные состояния. Все это приводит к пассивности в поиске социальной поддержки и тем самым еще более снижает возможность воспользоваться потенциально имеющимися у них правами. Поэтому в дополнение к социальному патронажу необходим психологический мониторинг состояния родителей, обеспечивающий своевременное оказание им психологической помощи. Одним из важных направлений является побуждение родителей к поиску и использованию различных форм социальной поддержки. Как показало проведенное исследование, такая помощь способствует повышению качества жизни семей и их социальной адаптации.

Литература

1. Демьянов Ю.Г. Человек с отклонениями в психической деятельности и его микросоциальный мир // Мнухинские чтения: Материалы конференции. СПб.: Синтез-Полиграф, 2004. С. 36-40.
2. Когнитивная терапия депрессии / А. Бек [и др.]. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
3. Левченко И.Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии / И.Ю. Левченко, В.В. Ткачева. М.: Просвещение, 2008. 240 с.
4. Левченко И.Ю. Технологии обучения и воспитания детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата / И.Ю. Левченко, О.Г. Приходько. М.: Академия, 2001. 192 с.
5. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2006. 22 с.
6. Маллер А.Р. Педагог и семья ребенка-инвалида (некоторые вопросы педагогической этики) // Дефектология. 1996. № 5. С. 15-19.
7. Селигман М. Обычные семьи, особые дети / М. Селигман, Р.Б. Дарлинг. М.: Теревинф, 2016. 368 с.
8. Стребелева Е.А. Психолого-педагогическая диагностика нарушений развития детей раннего и дошкольного возраста / Е.А. Стребелева, Г.А. Мишина. М.: Мозаика-Синтез, 2016. 200 с.
9. Ткачева В.В. Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии. М.: АСТ; Астрель, 2007. 320 с.
10. Цинченко Г.М. Государственная политика по поддержке семей с детьми-инвалидами // Вопросы управления. 2018. № 1 (50). С. 43-51.
11. Шипицына Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. СПб.: Речь, 2005. 477 с.

The problem of social adaptation of the family of a child with severe psychophysical disorder

Tsapina S.Y., Postgraduate, Department of Child and Family Psychotherapy, Moscow State University of Psychology & Education (tcapina@bk.ru)

The article is devoted to the identification and overcoming of the psychological problems of the family of a child with severe psychophysical disorder. According to our hypothesis, psychological difficulties prevent parents from taking advantage of opportunities, provided by Russian laws. The target group included 39 children with cerebral palsy in combination with severe mental retardation, and 46 adult family members (33 women, 7 men). The control group included 37 healthy children and 37 adult family members (30 mothers, 7 fathers). The methods of psychological and pedagogical examination of children, standard and original questionnaires for parents were applied. It is shown that the passivity of parents in the search for social support is caused by the uncertainty of their ideas about the future, a decrease in the level of meaningfulness of life, depressive states. Psychological assistance provided to parents during the study led to an increase in social adaptation of families. It was concluded that the support system for families with children suffering from severe psychophysical disorders should be complemented by social patronage and psychological monitoring.

Key words: a child with a psychophysical pathology, cerebral palsy, severe mental retardation, psychological problems of the family, social maladjustment, state social assistance, psychological assistance.

References

1. Dem'yanov Yu.G. *Chelovek s otkloneniyami v psikhicheskoi deyatel'nosti i ego mikrosotsial'nyi mir* [A person with deviations in mental activity and his micro social world]. *Mnukhinskie chteniya: Materialy konferentsii* [Mnukhinsky readings: Conference proceedings]. St. Petersburg: Publ. Sintez-Poligraf, 2004, pp. 36-40.
2. Beck, et al. *Kognitivnaya terapiya depressii* [Cognitive therapy of depression]. St. Petersburg: Publ. Piter, 2003. 304 p.
3. Levchenko I.Yu., Tkacheva V.V. *Psikhologicheskaya pomoshch' sem'e, vospityvayushchei rebenka s otkloneniyami v razvitii* [Psychological assistance to a family raising a child with developmental disabilities]. Moscow: Publ. Prosveshchenie, 2008. 240 p.
4. Levchenko I.Yu., Prikhod'ko O.G. *Tekhnologii obucheniya i vospitaniya detei s narusheniyami oporno-dvigatel'nogo apparata* [Technology of training and education of children with disorders of the musculoskeletal system]. Moscow: Publ. Akademiya, 2001. 192 p.

5. Leont'ev D.A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO)* [Purpose in Life Test]. Moscow: Publ. Smysl, 2006. 22 p.
6. Maller A.R. *Pedagog i sem'ya rebenka-invalida (nekotorye voprosy pedagogicheskoi etiki)* [Teacher and family of a disabled child (some questions of pedagogical ethics)]. *Defektologiya* [Defectology]. 1996. No 5, pp. 15-19.
7. Seligman M., Darling R.B. *Obychnye sem'i, osobye deti* [Ordinary families, special children]. Moscow: Publ. Terevinf, 2016. 368 p.
8. Strebeleva E.A., Mishina G.A. *Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika narushenii razvitiya detei rannego i doskol'nogo vozrasta* [Psychological and pedagogical diagnosis of developmental disorders of children of early and preschool age]. Moscow: Publ. Mozaika-Sintez, 2016. 200 p.
9. Tkacheva V.V. *Tekhnologii psikhologicheskoi pomoshchi sem'yam detei s otkloneniyami v razvitii* [Technologies of psychological assistance to families of children with developmental disabilities]. Moscow: Publ. AST; Publ. Astrel', 2007. 320 p.
10. Tsinchenko G.M. *Gosudarstvennaya politika po podderzhke semei s det'mi-invalidami* [State policy on supporting families with disabled children]. *Voprosy upravleniya* [Issues of Management]. 2018. No 1 (50), pp. 43-51.
11. Shipitsyna L.M. «*Neobuchaemyi*» rebenok v sem'e i obshchestve. *Sotsializatsiya detei s narusheniem intellekta* ["Uneducated" child in the family and society. Socialization of children with intellectual disabilities]. St. Petersburg: Publ. Rech', 2005. 477 p.

Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек

Нуцкова Е.В., научный сотрудник, ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава РФ
(nuckova@gmail.com)

В статье изложены результаты комплексного психолого-психиатрического обследования 200 несовершеннолетних потерпевших от сексуального насилия и злоупотребления. Использовался комплекс методов, включающий методику исследования качества жизни, карты оценки дезадаптации, совокупность методик, используемых при производстве КСППЭ, методы математической статистики и анализа данных. В зависимости от психического состояния потерпевшего были выявлены психологические последствия сексуального насилия и злоупотребления клинического и психологического уровней. Описаны 4 группы последствий, различающихся по степени выраженности: психогенное состояние в форме расстройства (1) и психогенное состояние в форме реакции (2) (клинический уровень); неблагоприятное психологическое состояние (3) и минимально неблагоприятное психологическое состояние (4) (психологический уровень). Установлено, что с утяжелением психического состояния потерпевших, от минимально неблагоприятного до психогенного состояния в виде расстройства, расширяется охваченность сфер психической деятельности, количество и выраженность признаков посттравматических реакций. Психологические последствия, демонстрируемые психически здоровыми потерпевшими, свидетельствуют о снижении качества их жизни.

Ключевые слова: сексуальное насилие и злоупотребление в отношении детей, психологические последствия сексуального насилия, диагностика психологических последствий сексуального насилия, экспертная оценка последствий сексуального насилия.

Для цитаты:

Нуцкова Е.В. Диагностическая и экспертная оценка психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления в отношении девочек. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 75-88. doi: 10.17759/psylaw.2018080408

For citation:

Nutskova E.V. Diagnostic and forensic assessment of the psychological consequences of sexual violence and abuse against girls. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.75-88. doi: 10.17759/psylaw.2018080408

Введение

На протяжении всей истории человечество сталкивается с различными травматическими событиями. Стихийные бедствия и техногенные катастрофы, войны и акты насилия вызывают посттравматические реакции различной степени тяжести. Одной из самых травматичных для психического здоровья и развития считается ситуация сексуального насилия и злоупотребления [4; 6; 8]. Множество исследований демонстрируют, что одну из самых подверженных сексуальному насилию групп населения представляют дети и подростки. Ограниченность социального опыта в несовершеннолетнем возрасте приводит к трудностям в оценке преступных действий и поиске эффективного выхода из ситуации [5; 7; 10; 12].

Пережитое в несовершеннолетнем возрасте сексуальное насилие и злоупотребление может привести к нарушению эмоционального функционирования, посттравматическим расстройствам, аномальному развитию личности. В будущем для жертв сексуального насилия и злоупотребления характерно злоупотребление психоактивными веществами, низкий социоэкономический статус, хронические соматические заболевания, трудности в установлении близких отношений и воспитании собственных детей [1; 2; 3; 9; 13; 14; 15].

В последнее время наблюдается рост числа преступлений направленных на половую неприкосновенность несовершеннолетних. По данным Следственного Комитета России в 2014 году количество таких преступлений составило 2,7 тысячи, а в 2015 уже 4,3 тысячи. В первом полугодии 2016 года было зафиксировано на 5,1 % больше изнасилований несовершеннолетних, чем в аналогичный период 2015 года. При этом многочисленные исследования указывают на высокую латентность данного вида преступлений, и реальные цифры могут превосходить официальные в несколько раз.

Таким образом, в условиях подверженности несовершеннолетних преступлениям против половой неприкосновенности, тяжести возникающих последствий, как для психического здоровья, так и для качества жизни в целом, высокой латентности данного вида правонарушений, становится актуальной проблема разработки эффективных диагностических и экспертных критериев оценки психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления (СНЗ).

Программа исследования

Объектом исследования стали психологические последствия жестокого обращения по отношению к несовершеннолетним. Предмет исследования – психологические последствия сексуального насилия и злоупотребления по отношению к девочкам. Цель исследования состояла в выявлении и описании психологических последствий сексуального насилия и злоупотребления (СНЗ) по отношению к девочкам для разработки критериев их диагностической и экспертной оценки.

Гипотезы исследования:

- психологические последствия СНЗ у девочек могут проявляться во всех основных сферах их психического функционирования;
- психологические последствия СНЗ у девочек различаются по качественным, количественным и структурным характеристикам в зависимости от психического состояния потерпевших;
- чем более выражены психологические последствия СНЗ у девочек, тем ниже показатели их адаптации и качества жизни в посттравматический период.

Материалом исследования стала сплошная выборка из 200 девочек-потерпевших, экспериментально-психологическое исследование которых было выполнено в Лаборатории психологии детского и подросткового возраста в рамках производства судебных экспертиз в 2010 – 2016 годах. Возраст потерпевших от 3 до 17 лет.

Были использованы методики, направленные на изучение интеллектуальной и личностной сферы: патопсихологические (запоминание 10 слов, «Пиктограмма», «Ассоциативный тест», «Исключение предметов», «Сравнение понятий», толкование условного смысла пословиц и метафор, субтесты Векслера); проективные (Цветовой тест отношений, Тест фрустрационной толерантности С. Розенцвейга, «Рисунок человека»); опросные («Индивидуально-типологический диагностический опросник» Л.Н. Собчик). Методика оценки качества жизни ребенка (опросник «PedsQL 4.0»). Методика оценки степени дезадаптации («Карта оценки степени выраженности проявлений школьной дезадаптации» Н.А. Мазаевой, О.А. Шмаковой (2004).

Также в работе был использован метод изучения документов (медицинской документации, материалов уголовного дела); метод контент-анализа экспериментально-психологических заключений, выполненных в рамках КСППЭ несовершеннолетних потерпевших; дополнительные методы: игровые методы, включенное наблюдение, направленная беседа. Полученные данные обрабатывались с помощью статистических процедур программы STATISTICA 6.0., включая методы описательной статистики и частотный анализ, статистическое сравнение групп с использованием *U*-критерия Манна – Уитни для независимых выборок, анализ таблиц сопряженности с использованием критерия углового преобразования Фишера, факторный анализ, корреляционный анализ (метод ранговой корреляции Спирмена).

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе ставилась задача изучить распределение потерпевших по психическому состоянию. У 14,5% девочек было диагностировано психогенные состояния в форме расстройства, у 7,5% - в форме реакции. 78% потерпевших были признаны психически здоровыми. При этом, внутри группы психически здоровых потерпевших, обнаруживалась группа девочек (49%) которым не рекомендовалось в дальнейшем участвовать в судебно-следственных действиях вследствие высокого риска ухудшения их состояния (рис. 1). Полученные результаты позволили предположить, что психические состояния потерпевших не ограничиваются констатацией психического здоровья или психического расстройства. Для проверки этой гипотезой **на втором этапе** были решено

изучить различия в проявлении психологических последствий СНЗ в группах девочек в зависимости от их психического состояния.

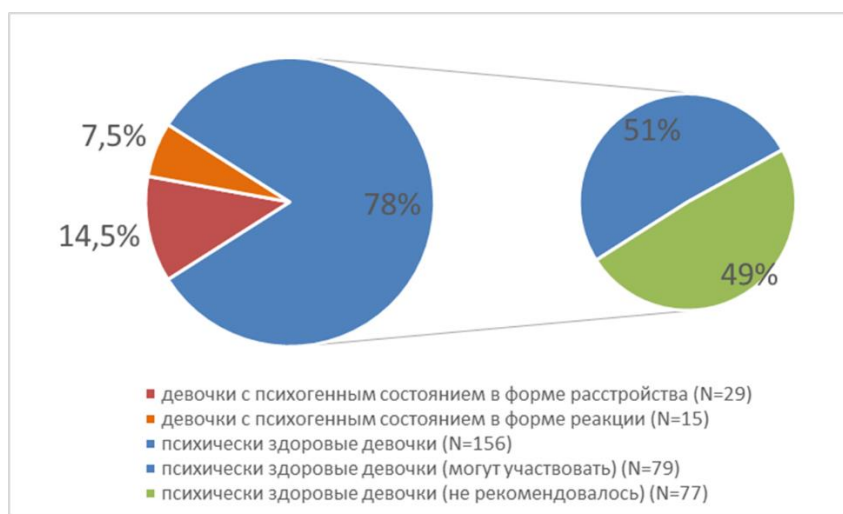

Рис. 1. Распределение потерпевших по критериям клинической диагностики

В начале были получены 29 психологических признаков последствий СНЗ, которые были объединены в 6 сфер психической деятельности: сфера отношений и смыслов, сфера самосознания, эмоционально-волевая сфера, поведенческая сфера, психосексуальная сфера, психосоматическая сфера (рис. 2).

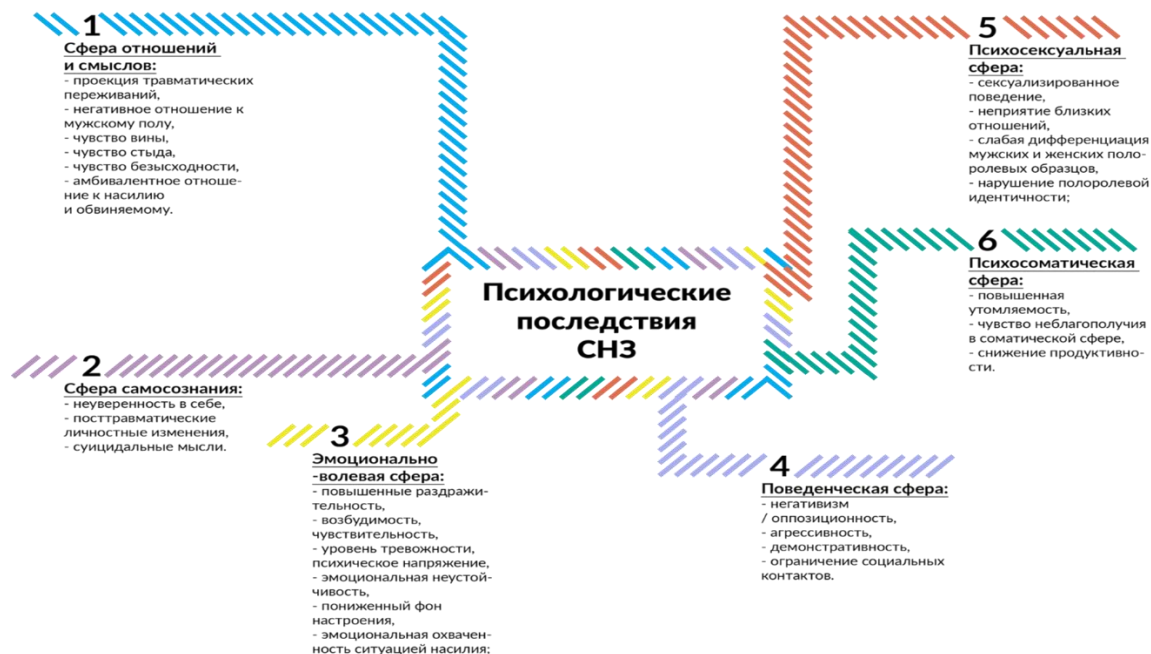

Рис. 2. Распределение негативных психологических признаков СНЗ по основным сферам психической деятельности и поведения

Изучение охвата поврежденных сфер и количества входящих в них признаков проведенное внутри групп психически здоровых потерпевших и потерпевших с различными клиническими состояниями, позволило выделить 4 интересующих нас категории

потерпевших: минимально неблагоприятное психологическое состояние (1), неблагоприятное психологическое состояние (2) (психологический уровень); психогенное состояние в форме реакции (3) и психогенное состояние в форме расстройства (4) (клинический уровень).

На третьем этапе были выделены наиболее характерные для каждой из групп потерпевших психологические последствия СНЗ.

У девочек с минимально неблагоприятным состоянием наблюдаются отдельные негативные признаки, преимущественно охватывающие эмоционально-волевую сферу: повышенный уровень тревожности, эмоциональная неустойчивость, повышенное психическое напряжение.

В группе психически здоровых потерпевших с неблагоприятным состоянием выделены признаки, отображающие влияние перенесенного травматического опыта на возникновение негативных эмоциональных установок в отношении мужчин и поведенческих проявлений таких как агрессивность, негативизм и оппозиционность.

В группе потерпевших с психогенным состоянием в виде реакции наблюдались трудности в межличностных контактах (проявлявшиеся в раздражительности, агрессивности и возбудимости), неблагоприятное актуальное эмоциональное состояние проявлялось в повторном переживании повышенной чувствительности и пониженном фоне настроения. Кроме того, для данной группы девочек было характерно принятие на себя ответственности за ситуацию насилия и злоупотребления, что включало чувство вины и чувство стыда, проекцию травматических переживаний в диагностический материал.

В группе потерпевших с психогенным состоянием в форме расстройства, кроме аналогично предыдущей группе нарушенных четырех сфер, выявлялись признаки, являющиеся специфическими для психического расстройства. Это нарушения сферы самосознания, которые доходят до изменений на личностном уровне и суицидальных мыслей. Нарушения психосексуальной сферы проявляющиеся в сексуализированном поведении и амбивалентном отношении к ситуации насилия и злоупотребления. Проблемы в психосоматической сфере касались снижения продуктивности и общего понижения активности.

На четвертом этапе были рассмотрены характеристики качества жизни и адаптации потерпевших девочек.

Была изучена зависимость субъективного ощущения здоровья и благополучия от психического состояния в группах потерпевших. Сравнение проводилось по показателям, характеризующим качество жизни: физическое функционирование, эмоциональное функционирование, социальное функционирование, ролевое функционирование. Кроме того, подсчитывался общий показатель качества жизни. Количество девочек-потерпевших, у которых была произведена оценка качества жизни – 66 человек (табл. 1).

Таблица 1.

Показатели качества жизни девочек-потерпевших в зависимости от психического состояния

Баллы	Физическое функционирование	Эмоциональное функционирование	Социальное функционирование	Ролевое функционирование	Общий показатель качества жизни
Девочки-потерпевшие с минимально неблагоприятным психологическим состоянием (N=18)					
0-19	-	-	-	-	-
20-39	-	-	-	-	-
40-59	-	-	-	-	-
60-79	-	8 (44,44%)	11 (61,11%)	11 (61,11%)	7 (38,89%)
80-100	18 (100%)	10 (55,56%)	7 (38,89%)	7 (38,89%)	11 61,11%)
Девочки-потерпевшие с неблагоприятным состоянием (N=23)					
0-19	-	-	-	-	-
20-39	-	5 (21,73%)	2 (8,70%)	-	5 (21,74%)
40-59	-	8 (34,78%)	10 (43,48%)	6 (26,09%)	6 (26,09%)
60-79	5 (21,74%)	6 (26,09%)	9 (39,13%)	7 (30,43%)	9 (39,13%)
80-100	18 (78,26%)	4 (17,39%)	2 (8,70%)	10 (43,48%)	3 (13,04%)
Девочки-потерпевшие с психогенным состоянием в форме реакции (N=9)					
0-19	-	-	-	-	-
20-39	-	1 (33,33%)	3 (33,33%)	3 (33,33%)	4 (44,44%)
40-59	2 (22,22%)	2 (33,33%)	1 (11,11%)	2 (22,22%)	4 (44,44%)
60-79	6 (66,67%)	6 (66,67%)	5 (55,56%)	4 (44,44%)	1 (11,11%)
80-100	1 (11,11%)	-	-	-	-
Девочки-потерпевшие с психогенным состоянием в форме расстройства (N=16)					
0-19	9 (56,25%)	12 (75%)	10 (62,5%)	13 (81,25%)	4 (25%)
20-39	5 (31,25%)	4 (25%)	5 (31,25%)	3 (18,75%)	12 (75%)
40-59	2 (12,5%)	-	1 (6,25%)	-	-
60-79	-	-	-	-	-
80-100	-	-	-	-	-

У психически здоровых потерпевших с минимально неблагоприятным состоянием не было выявлено существенного понижения качества жизни ни по одному показателю. Общий показатель качества жизни в данной группе равнялся 87 баллам.

В группе потерпевших с неблагоприятным психологическим состоянием обнаруживалось незначительное понижение уровня качества жизни по показателям эмоционального и социального функционирования. Девочки-потерпевшие жаловались на трудности возникающие в повседневных делах, обусловленные ухудшением эмоционального состояния. Кроме того, неблагоприятное в эмоциональной сфере затрудняло общение со сверстниками. Общий показатель качества жизни составлял 58 баллов.

У потерпевших с психогенным состоянием в форме реакции понижения качества жизни касались показателей эмоционального, социального и ролевого функционирования. Кроме сложностей в выполнении повседневной работы, обусловленных ухудшением эмоционального состояния, обнаруживались сложности установления социальных контактов, снижение обычного уровня общения, девочки описывали возникшие трудности в учебе, снижение успеваемости, пропуски занятий по неуважительным причинам. Общий показатель уровня качества жизни соответствовал 36 баллов.

Оценка качества жизни девочек в группе потерпевших с диагностированным психогенным состоянием в форме расстройства выявила существенное понижение всех показателей субъективного переживания здоровья и благополучия. Кроме жалоб на нарушения эмоционального состояния, трудности в учебе и установлении социальных контактов, данная группа потерпевших обнаруживала трудности в физическом функционировании, что проявлялось в различных психосоматических жалобах, в том числе, болевых ощущениях, снижение уровня активности. Общий показатель качества жизни в данной группе насчитывал 23 балла.

Можно заключить, что существенное понижение качества жизни связано с проявлением последствий сексуального насилия и злоупотребления на клиническом уровне. При исследовании группы потерпевших с минимально неблагоприятным состоянием не было обнаружено понижения качества жизни ни по одному показателю. У девочек-потерпевших с неблагоприятным психологическим состоянием отмечалось незначительное понижение уровня качества жизни по показателям эмоционального и социального функционирования, общий показатель качества жизни не выходил за нормативные пределы. Психогенные состояния в форме реакции обуславливали существенное (до 20 баллов) снижение уровня качества жизни из-за нарушений эмоционального, социального и ролевого функционирования и понижение общего качества жизни до 36 баллов. Психогенные состояния в форме расстройства характеризовались существенными (до 0 баллов) нарушениями всех четырех показателей функционирования. Общий показатель качества жизни находился на отметке в 23 балла.

Исследование взаимосвязей между показателями качества жизни в группах девочек-потерпевших с различными психическими состояниями продемонстрировало, что статистически значимая прямая корреляционная связь показателя физического функционирования с общим показателем качества жизни наблюдается только в группах девочек с диагностированным психогенным состоянием (как в форме расстройства, так и в форме реакции). У психически здоровых потерпевших показатель физического функционирования имеет обратную корреляционную связь с общим показателем качества

жизни (табл. 2). При низких показателях физического функционирования девочки-потерпевшие отмечали у себя болевые ощущения различной локализации, общее снижение активности, постоянно сопровождающее чувство усталости. Полученные данные указывают на то, что при диагностике посттравматических состояний, перечисленные жалобы могут выступать маркерами психогенных реакций и расстройств.

Таблица 2.

Взаимосвязь показателей функционирования с общим показателем качества жизни в группе девочек-потерпевших с минимально неблагоприятным состоянием (метод ранговой корреляции Спирмена)

Показатель функционирования	Минимально неблагоприятное психологическое состояние	Неблагоприятное психологическое состояние	Психогенное состояние в виде реакции	Психогенное состояние в виде расстройства
Физическое	-0,491099	-0,157033	0,611820	0,734951
Эмоциональное	0,742283	0,819333	0,184102	0,390741
Социальное	0,834140	0,812774	0,238317	0,865890
Ролевое	0,815075	0,681074	0,820091	0,688345

Выделенные корреляции значимы на уровне $p < 0,05$

Полученные данные согласуются с результатами изучения охвата пораженных сфер жизнедеятельности потерпевших и выраженности входящих в них негативных психологических признаков. Обнаружены различия в показателях качества жизни потерпевших с различными психологическими состояниями, как по структуре, так и количественно.

Оценка адаптации детей и подростков строится, в первую очередь, на оценке адаптации несовершеннолетних в коллективе, их успешности в ведущей деятельности. Так как в обследованную группу вошли 89 девочек-потерпевших посещающих школу, изучение их показателей адаптации основывалось на изучении характеристик их школьной адаптации.

Было проведено исследование показателей школьной адаптации в группах психически здоровых девочек-потерпевших с минимально неблагоприятным и неблагоприятным психологическим состоянием, потерпевших с психогенным состоянием в форме реакции и расстройства. Оценка школьной адаптации проходила по нескольким параметрам: 1). успеваемость потерпевшего; 2). поведение; 3). социальная контактность; 4). личностное отношение к школьному обучению; 5). пропуски занятий по неуважительной причине. Внутри групп потерпевшие были разделены по подгруппам в зависимости от наличия или отсутствия школьной дезадаптации (ШД) (табл. 3).

Таблица 3.

Характеристики школьной дезадаптации у девочек-потерпевших в зависимости от психического состояния

Показатель ШД	Минимальное неблагоприятное состояние (N=18)	Неблагоприятное состояние (N=35)	Психогенное состояние в форме реакции (N=13)	Психогенное состояние в форме расстройства (N=23)
Отсутствие ШД	18 (100%)	5 (14,29%)	-	-
Есть риск развития ШД	-	30 (85,71%)	-	-
ШД	-	-	11 (92,31%)	3 (13,04%)
Выраженная ШД	-	-	2 (15,38%)	20 (86,96%)

В группе потерпевших с минимально неблагоприятным состоянием дезадаптация отсутствовала. В группе потерпевших с неблагоприятным состоянием у 85,71% девочек обнаруживалась угроза развития школьной дезадаптации. Риск развития школьной дезадаптации может быть констатирован в случае наличия у потерпевшего неравномерной успеваемости (по одному и тому же предмету могут наблюдаться оценки от «5» до «2»), трудно корригируемого поведения, вызывающего беспокойство у родителей или педагогов, крайней избирательности или же наоборот неразборчивости в социальных контактах, нестойкого интереса к процессу обучения, регулярных пропусков занятий (по несколько раз в неделю).

У девочек-потерпевших с психогенным состоянием в форме реакции в 92,31% случаев отмечалась школьная дезадаптация. Это проявлялось в наличии хотя бы одной из следующих проблем: отдельные неаттестованности по предметам (общая низкая успеваемость), устойчивый стереотип отклоняющегося поведения, малоконтактность (тяготение нахождением в коллективе) или чрезмерная общительность, безразличное отношение к занятиям, ежедневные пропуски.

Психогенное состояние в форме расстройства в 86,96% случаев характеризовалось выраженной школьной дезадаптацией. Такой ученик не успевает по всем основным предметам, не удерживается в коллективе (рекомендовано индивидуальное или надомное обучение), аутичен или крайне импульсивен и непоследователен в контактах, резко отрицательно относится к процессу школьного обучения, пропускает занятия в течении недели или месяца.

На процесс адаптации к школьной среде влияет ряд основных факторов: личностные особенности ученика (показатели физического, психического и психологического здоровья), особенности семейного воспитания, взаимоотношения внутри семьи с ее членами,

специфика организации учебного процесса. Уровень школьной дезадаптации (риск развития ШД – ШД - выраженная ШД) несовершеннолетнего является одним из показателей степени глубины имеющихся проблем. В случае если ребенку не оказывается своевременная помощь можно наблюдать нарастание имеющихся негативных проявлений, что в свою очередь приведет к ухудшению показателей школьной дезадаптации.

Ведущей деятельностью в младшем школьном возрасте является учебная деятельность, в подростковом - интимно-личностное общение, в случае успешной адаптации к школе, ребенок успешен и в освоении ведущей деятельности. Полученные нами результаты демонстрируют, что посттравматические реакции различной глубины и силы проявляются в нарушениях школьной адаптации, которые, в свою очередь, приводят к нарушениям в ведущей деятельности и сказываются на всем ходе психического развития.

В соответствии с выделенными четырьмя группами психологических последствий СНЗ были рассмотрены характеристики качества жизни и адаптации потерпевших девочек в посттравматический период.

В первой группе психически здоровых потерпевших с минимально неблагоприятным психологическим состоянием их актуальное состояние можно описать переживанием одной сильной эмоции (гнев, страх и т.д.) или/и чувством (например, чувство стыда). Данное состояние является преходящим и не приводит к понижению качества жизни или нарушению адаптации.

Во второй группе психически здоровых потерпевших с неблагоприятным психическим состоянием регистрировалось понижение такого показателя качества жизни, как ролевое функционирование, связанное с эмоциональным состоянием. Девочки жаловались, в первую очередь, на ухудшение эмоционального состояния. Обнаруженные у них негативные признаки последствий сексуального насилия и злоупотребления понижали качество их жизни, существенно не влияя на уровень адаптации. Тем не менее, в 85,71% случаев можно было говорить о риске развития школьной дезадаптации.

Потерпевшие третьей группы с психогенным состоянием в форме реакции кроме затруднений в выполнении повседневной работы, обусловленных ухудшением эмоционального состояния, обнаруживали ограничения социальных контактов, снижение уровня общения. У потерпевших наблюдаются нарушения адаптации и существенное понижение качества жизни, касающееся показателей ролевого, обусловленного эмоциональным состоянием, и социального функционирования.

Потерпевшие с психогенным состоянием в форме расстройства, представляющие четвертую группу девочек, характеризовались стойкими нарушениями сферы самосознания и психосексуальной сферы, в особых случаях дисгармоничным развитием. Оценка качества жизни таких девочек выявила понижение показателей ролевого функционирования, обусловленного физическим и эмоциональным состоянием, социального функционирования, кроме того, интенсивность психосоматических болевых ощущений заметно снижала жизненную активность потерпевших, все эти факторы сказывались на общем состоянии здоровья и психологическом благополучии, резко нарушали качество жизни и адаптацию потерпевших.

Заключение

Полученные данные показывают, что оценка показателей адаптации и качества жизни потерпевших совместно с выделенными на предыдущем этапе патопсихологическими и психологическим симптомокомплексами последствий сексуального насилия и злоупотребления может быть использована для уточнения критериев оценки тяжести вреда здоровью и полученного морального вреда. Обнаруженные патопсихологические симптомокомплексы психогенного расстройства и реакции могут служить дополнительными критериями оценки психиатрами степени выраженности возникшего реактивного состояния и вреда здоровью потерпевшей. Психологический симптомокомплекс неблагоприятного состояния у психически здоровых потерпевших связан с риском развития школьной дезадаптации и проявляется в понижении показателей качества жизни потерпевших. В данной группе потерпевших можно говорить о феномене нарушения психологического здоровья. Наличие данного комплекса психологических последствий у несовершеннолетнего может быть основанием для экспертной рекомендации исключения данного потерпевшего из участия в судебно-следственных действиях, необходимости проведения профилактических психокоррекционных мероприятий. Изменения индивидуально-психологических особенностей и личностных свойств потерпевшего под действием психотравмирующей ситуации, которые обнаруживаются в психологическом симптомокомплексе последствий сексуального насилия и злоупотребления могут стать основанием психологической оценки полученного морального вреда.

Кроме того, показатели уровня качества жизни и выраженности дезадаптации у потерпевших могут быть использованы в определении динамических изменений психических состояний, возникающих у несовершеннолетних потерпевших.

Литература

1. *Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Ильенко А.А.* Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением // *Сексология и сексопатология.* 2003. №4. С. 17.
2. *Дозорцева Е.Г.* Психологическая травма у подростков с проблемами в поведении. *Диагностика и коррекция.* М.: Генезис, 2007. 128 с.
3. *Качаева М.М., Русина В.В., Сатьянова Л.С.* Клинико-социальные факторы риска и судебно-психиатрическая оценка психического состояния женщин, жестоко обращавшихся со своими детьми («избивающие матери») // *Российский психиатрический журнал.* 2011. № 2. С. 25–30.
4. *Каюда Г.П., Луковцева З.В., Гаямова С.Ю.* Жестокое обращение с несовершеннолетними: идентификация и оценка психологических последствий: метод. пособие. М.: Спутник+, 2007. 49 с.
5. *Малкина-Пых И.Г.* Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
6. *Психология посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. Практическое руководство / Под ред. Н.В. Тарабриной.* М.: Когито-Центр, 2007. 208 с.

7. Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Догадина М.А. Онтогенетические механизмы формирования способности к восприятию гендерных качеств у несовершеннолетних жертв сексуального насилия // Российский Психиатрический Журнал. 1999. № 2. С. 13–18.
8. Трубицина Л.В. Процесс травмы. М.: Смысл, 2005. 218 с.
9. Amstadter A., Vernon L. Emotional reactions during and after trauma: A comparison of trauma types // Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma. 2008. Vol. 16 (4). P. 391–408.
10. Burgess A.W., Holmstrom L.L. Rape trauma syndrome // American Journal of Psychiatry. 1974. Vol. 131. P.981–986.
11. Daignault I., Herbert M. Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls // Child Abuse and Neglect. 2009. Vol. 33. P. 102–115.
12. Fergusson D.M., Mullen P.E. Child sexual abuse: An evidence-based perspective. P.: Thousand Oaks CA Sage Publications, 1999. 144 p.
13. Felitti V.J., Anda R.F., Nordenberg D., Williamson D F., Spitz A.M., Edwards V., et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // American Journal of Preventive Medicine. 1998. Vol. 14(4). P. 245–258.
14. Finkelhor D. Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // Professional psychology. 1990. Vol. 21. P. 325–330.
15. Finkelhor D. Review of Child Sexual Abuse: New Theory and Research // Contemporary Sociology. 1985. Vol. 14, № 6. P.712–713.
16. Ray K.C., Jackson J.L. and Townsley R.M. Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // Journal of Family Violence. 1991. Vol. 6. P. 365–374.
17. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // Child Abuse & Neglect. 1983. Vol. 7. P. 133–146.

Diagnostic and forensic assessment of the psychological consequences of sexual violence and abuse against girls

Nutskova E.V., Researcher, V. Serbsky NMCRCPN (nuckova@gmail.com)

The article presents the results of a comprehensive psychological and psychiatric examination of 200 minors victims of sexual violence and abuse. A set of methods was used, including the methodology of life quality research, maps of disadaptation assessment, a set of techniques used in the production of cspe, methods of mathematical statistics and data analysis. Depending on the mental state of the victim, the psychological consequences of sexual violence and clinical and psychological abuse were identified. Described 4 types of consequences that vary in severity: psychogenic condition in the form of the disorder (1) and psychogenic condition in the form of reaction (2) (clinical level); adverse psychological condition (3) and minimal negative psychological condition (4) (psychological level). It is established that with the aggravation of the mental state of the victims, from the minimum unfavorable to the psychogenic state in the form of a disorder, the coverage of the spheres of mental activity, the number and severity of signs of post-traumatic reactions expands. The psychological effects demonstrated by mentally healthy victims indicate a decline in their quality of life.

Key words: sexual violence and abuse against children, psychological consequences of sexual violence, diagnostics of psychological.

References

1. Dvoryanchikov N.V., Enikolopov S.N., Il'enko A.A. Osobennosti ehmocional'nogo vospriyatiya u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem [Peculiarities of emotional perception in persons with deviant sexual behaviour] // Seksologiya i seksopatologiya [Sexology and sexual pathology]. 2003. no4. P. 17.
2. Dozortseva E.G. Psikhologicheskaya travma u podrostkov s problemami v povedenii. Diagnostika i korrektsiya [Psychological trauma in adolescents with behavior problems. Diagnosis and correction]. Moscow: Publ. «Genezis», 2007. 128 p.
3. Kachaeva M.M., Rusina V.V., Sat'yanova L.S. Kliniko-sotsial'nye faktory riska i sudebno-psikhiatricheskaya otsenka psikhicheskogo sostoyaniya zhenshchin, zhestoko obrashchavshikhsya so svoimi det'mi («izbivayushchie materi») Clinical and social risk factors and forensic psychiatric assessment of the mental state of women, treated brutally with their children ("mother-beating"). Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian journal of psychiatry]. 2011. №2. pp. 25-30. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Kajuda G.P., Lukovceva Z.V., Gajamova S.Ju. Zhestokoe obrashhenie s nesovershennoletnimi: identifikacija i ocenka psihologicheskikh posledstvij: metod.

- Posobie [The abuse of minors: identification and assessment of psychological consequences. Methodical manual]. Moscow: Publ. Sputnik+, 2007. 49 p.
5. Malkina-Pykh I.G. *Psikhologiya povedeniya zhertvy* [The psychology of the victim's conduct]. Moscow: Publ. Eksmo, 2006. 1008 p.
  6. *Psihologija posttravmaticheskogo stressa. Ch. 1. Teorija i metody. Prakticheskoe rukovodstvo* [Psychology post-traumatic stress. Part 1. Theory and methods. A practical guide] In Tarabrina N.V. (ed.). Moscow: Publ. Kogito-Centr, 2007. 208 p.
  7. Tkachenko A.A., Dvorjanchikov N.V., Dogadina M.A. Ontogeneticheskie mehanizmy formirovaniya sposobnosti k vosprijatiju gendernyh kachestv u nesovershennoletnih zhertv seksual'nogo nasiliya [Ontogenetic mechanisms of formation of ability to perceive the gender of juvenile sexual assault victims] // *Rossijskij Psihiatricheskij Zhurnal* [Russian Journal of psychiatry]. 1999. no. 2. pp. 13–18. (In Russ., abstr. in Engl.).
  8. Trubicina L.V. *Process travmy* [The process of injury]. Moscow: Publ. Smysl, 2005. 218 p.
  9. Amstadter A., Vernon L. Emotional reactions during and after trauma: A comparison of trauma types // *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*. 2008. Vol. 16 (4). P. 391–408.
  10. Burgess A.W., Holmstrom L.L. Rape trauma syndrome // *American Journal of Psychiatry*. 1974. Vol. 131. P.981–986.
  11. Daignault I., Herbert M. Profiles of school adaptation: Social, behavioural and academic functioning in sexually abused girls // *Child Abuse and Neglect*. 2009. Vol. 33. P. 102–115.
  12. Fergusson D.M., Mullen P.E. *Child sexual abuse: An evidence-based perspective*. P.: Thousand Oaks CA Sage Publications, 1999. 144 p.
  13. Felitti V.J., Anda R.F., Nordenberg D., Williamson D F., Spitz A.M., Edwards V., et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading cause of death in adults: The adverse childhood experiences (ACE) study // *American Journal of Preventive Medicine*. 1998. Vol. 14(4). P. 245–258.
  14. Finkelhor D. Early and long-term effects of child sexual abuse: An update // *Professional psychology*. 1990. Vol. 21. P. 325–330.
  15. Finkelhor D. Review of Child Sexual Abuse: New Theory and Research // *Contemporary Sociology*. 1985. Vol. 14, № 6. P.712–713.
  16. Ray K.C., Jackson J.L. and Townsley R.M. Family environments of victims of intrafamilial and extrafamilial child sexual abuse // *Journal of Family Violence*. 1991. Vol. 6. P. 365–374.
  17. Russel D. The incidence and prevalence of intrafamilial and extrafamilial sexual abuse in female children // *Child Abuse & Neglect*. 1983. Vol. 7. P. 133–146.

Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности

Захарова Н. М., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава России (natali_oslo@mail.ru)

Милехина А. В., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского» Минздрава России (amilh@mail.ru)

На примере данных, полученных при психолого-психиатрическом обследовании и дальнейшей реабилитации женщин и девочек-подростков, пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности, в статье описаны психические и поведенческие расстройства, развившиеся в результате перенесенной психотравмы. Отражены особенности течения и различия в проявлениях посттравматических психических и поведенческих нарушений в возрастном аспекте. Установлено, что клиническая картина течения заболевания зависит от таких факторов, как возраст, психологическая зрелость жертвы насилия, тяжесть совершенного насилия. Анализ проведенной работы позволил также выделить ряд негативных феноменов, способствовавших затяжному, волнообразному течению реактивных состояний. К ним относятся высокая степень стигматизации (самостигматизации) в обществе в отношении преступлений сексуального характера и, как следствие, буллинг жертв сексуального насилия, а также необходимость участия в судебно-следственных мероприятиях. Показано, что частота допросов, очных ставок и длительность судебного процесса негативно влияют на выраженность и длительность психических последствий психотравмы.

Ключевые слова: сексуальное насилие, потерпевшая, психические и поведенческие расстройства, психотравма.

Для цитаты:

Захарова Н.М., Милехина А.В. Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 89-98.

doi: 10.17759/psylaw.2018080409

For citation:

Zakharova N.M., Milekhina A.V. Features of mental disorders among victims of crimes against sexual inviolability of the person. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiia i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.89-98. doi: 10.17759/psylaw.2018080409

Изучение последствий воздействия психотравмирующей ситуации у людей, против которых были совершены насильственные действия, является одним из актуальнейших вопросов современной психиатрии и психологии.

Психические последствия насильственных действий имеют большое медицинское, психологическое и социальное значение. Они могут развиваться непосредственно во время психотравмы, сразу после нее или через некоторый промежуток времени, на отдаленном этапе [2]. Их выраженность может варьировать от кратковременных психологических реакций до тяжелых психических расстройств.

Одним из самых травматичных, при этом наиболее часто встречающимся форм насилия, безусловно, является сексуальное насилие. Уровень заболеваемости психическими расстройствами у лиц, переживших сексуальное насилие в детстве, почти в четыре раза выше, чем в популяции [12]. Оно дезорганизует жизнедеятельность ребенка и оказывает негативное влияние на весь процесс его психического развития [4; 7; 9; 10]. Женщины, подвергавшиеся сексуальному насилию, также более подвержены психическим расстройствам и в двадцать раз чаще, чем в популяции, склонны к суицидальному поведению [11]. Однако из-за высокого уровня стигматизации общества в отношении изнасилований потерпевшие зачастую скрывают произошедшее, тем самым лишая себя возможности получения медико-психологической и социальной помощи. При этом пережитая психологическая травма надолго остается в памяти, дезорганизует, влияет на самооценку, развитие, будущие межличностные отношения, тем самым отражаясь на всей последующей жизни потерпевших. Развитие у них таких незначительных вначале, неспецифических пограничных психических нарушений, как повышенная тревожность, страхи, эмоциональная и вегетососудистая неустойчивость, трудности концентрации, расстройства сна и поведения, легкая депрессия и т. п., в дальнейшем приводят к снижению качества жизни, к социальной дезадаптации, формированию патологических черт личности, возникновению коморбидных психических и соматических заболеваний, суицидальному поведению [1; 3].

Уточненное описание клинических форм психических нарушений и психологических последствий сексуального насилия у потерпевших разных возрастных категорий, а также факторов, влияющих на выраженность затяжных хронических расстройств и способствующих их развитию, позволит в значительной степени предупредить развитие патологических психогенных состояний у пострадавших, а при их наличии дифференцировать медико-реабилитационные мероприятия в соответствии с конкретными проявлениями психосоциальной дезадаптации и возрастными особенностями, тем самым обеспечив адекватное лечение и реабилитацию.

Раннее выявление признаков психологического неблагополучия и психических нарушений у пострадавших от сексуального насилия, своевременное оказание им медико-психологической помощи имеет важнейшее практическое значение для предотвращения развития всевозможных психических и поведенческих расстройств и, тем самым, в охране психического здоровья населения.

Цель исследования: выявление клинических особенностей психических нарушений у лиц, подвергшихся сексуальному насилию в возрастном аспекте, а также факторов, провоцирующих утяжеление расстройств и способствующих их хроническому течению.

Материалы и методы

Работа проводилась на базе Отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава РФ. В исследовании использованы материалы клинических наблюдений пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности (изнасилование посторонними лицами). Обследовано 25 потерпевших в возрасте от 14 до 50 лет. Из них 12 взрослых женщин и 13 несовершеннолетних девочек-подростков. Ранее у психиатра или нарколога никто из обследованных не наблюдался. Возникновение психических нарушений было связано с пережитым насилием.

Во всех случаях было получено добровольное информированное согласие на осмотр психиатром, лечение и участие в исследовании.

Проводилось комплексное обследование, включающее клинический, анамнестический, клинко-психопатологический и психологический методы исследования. Классификация психического состояния проводилась в соответствии с МКБ 10.

Со всеми обратившимися проводилась консультативно-диагностическая, лечебная (психофармакотерапия, психотерапия) и психокоррекционная работа силами психиатров и психологов ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава РФ. Дополнительно привлекались специалисты Центра: сексолог, невролог, функциональный диагност. Длительность наблюдений составила от 2 месяцев до 3 лет (в связи с повторной психической травматизацией из-за продолжающихся судебных разбирательств).

Результаты исследования

Взрослые (12 человек).

Все потерпевшие — местные жительницы, от 20 до 50 лет (средний возраст — 27 лет), семеро с высшим и средним специальным образованием, работающие, пять — студентки. Во всех случаях насилие совершено хорошо знакомыми лицами (бывшие мужья, сотрудники, сокурсники, бывшие одноклассники). В 7 случаях имело место алкогольное опьянение, оцениваемое потерпевшими как легкое и средней степени выраженности, без амнезии событий. 10 пациенток обратились за помощью в течение первых двух недель от момента деликта, 2 пациента — через 6 и более месяцев.

У обратившихся за помощью в остром периоде психотравмы на фоне депрессивной реакции отмечались проявления, характерные для формирующегося посттравматического стрессового расстройства (F 43.1):

- навязчивые воспоминания о событии, кошмарные сновидения;
- избегание мыслей, действий, мест и людей, потенцирующих воспоминания о травме;
- чувство отгороженности, отчужденности;
- повышенная настороженность, постоянное ожидание угрозы с чрезмерной реакцией испуга;
- повышенная тревожность, раздражительность, вспышки гнева с аутоагрессивными тенденциями и действиями (суицидальные мысли, желание причинить себе боль, мелкие порезы, удары и т. п.);
- нарушения сна.

У всех женщин в клинической картине преобладал депрессивный фон настроения, сопровождавшийся выраженным страхом повторения ситуации насилия, тревогой, навязчивыми мыслями о произошедшем насилии, опасениями, что к ней будут хуже относиться другие люди, избеганием социальных контактов, суицидальными мыслями. Пострадавшие старались максимально сузить круг общения, предпочитая скрывать произошедшее даже от близких, тем самым лишая себя какой-либо поддержки.

В пяти случаях имела место суицидальная попытка, связанная с произошедшим изнасилованием: 2 - преднамеренное самоповреждение путем прыжка с высоты (X80); 2 — преднамеренное самоповреждение острым предметом (X78); 1 — преднамеренное самоотравление психотропными средствами (X61). Во всех случаях попытки самоубийства были истинными, только случайности спасли потерпевших от смерти (раньше времени пришедшие родственники, случайные прохожие, ветки деревьев).

В трех случаях суицидальные попытки были совершены в первые сутки после изнасилования на фоне симптоматики, характерной для острой реакции на стресс (F43.0). Потерпевшие отмечали в своем состоянии тревогу, ощущение безысходности, отсутствие «мыслей в голове», вегетативные расстройства («ком в горле», потливость, усиленное и учащенное сердцебиение, позывы к мочеиспусканию). Имели место также ощущения «грязи», «позора» и одновременно отчужденности, нереальности ситуации («это произошло не со мной», «как будто фильм»), страх перед непониманием со стороны близких людей, осуждением со стороны общества.

В двух случаях отмечалась неконтролируемая гиперактивность, непреодолимое желание как можно скорее и «радикальнее» избавиться от переживаний. В одном случае — заторможенность, «пустота», ощущение сильнейшей «душевной боли», когда самоубийство виделось единственной возможностью «прекратить мучения».

В двух случаях суицидальные попытки совершались в отсроченный период на фоне развившегося посттравматического стрессового расстройства (F 43.1) с выраженной депрессией, навязчивыми воспоминаниями о событии, нарушениями сна с ночными кошмарами, мыслями о собственной виновности, спровоцированной непониманием близких и оскорблениями и угрозами со стороны родственников насильника. Отмечались избегание мест и людей, которые пробуждали воспоминания о травме, чувство

отгороженности, отчуждения от окружающих, бесперспективности жизни (отсутствие надежды на приобретение желаемой профессии, замужество, появление детей), развитие психотической симптоматики в виде идей отношения и открытости.

В анамнезе у совершивших суицидальную попытку отмечались повышенная сенситивность, склонность тяжело, в одиночестве переживать неприятности, суицидальные мысли. Однако пациентки подчеркивали, что «никогда всерьез не хотели умереть», связывали свое состояние с деликтом, после которого резко снизилось настроение, появились страх, тревога, боязнь осуждения. Свой поступок они характеризовали как импульсивный, продиктованный обстоятельствами, казавшийся единственным выходом из ситуации.

Общим для пострадавших от сексуального насилия в первые месяцы после деликта являлось сильно выраженное негативное отношение к лицам мужского пола. Любое внимание со стороны мужчины провоцировало наплывы воспоминаний о произошедшем с воспроизведением ощущений и чувств, испытанных в момент насилия, и выраженными вегетативными реакциями, вплоть до сужения сознания и субступора либо панического бегства. После медикаментозного купирования данной симптоматики пострадавшие длительное время не допускали даже мысли о возможности близких отношений с мужчинами в будущем.

Существенным фактором, способствовавшим ухудшению психического состояния потерпевших с нарастанием тревожно-депрессивной симптоматики, усилением страхов и нарастанием вегетативных расстройств, являлась необходимость участия в допросах и судебных заседаниях, что отмечали и другие исследователи [8].

На выраженность психических расстройств у потерпевших от сексуального насилия значительное влияние оказывала также высокая степень стигматизации в обществе (в большей степени — самостигматизация) в отношении данного вида преступлений. После перенесенного сексуального насилия в психическом состоянии женщин на первый план выступали чувство вины, стыда, отвращения к себе. Преобладали мысли: «Что скажут люди...», «Обо мне будут плохо говорить...», «Скажут, что я сама виновата...», что порождало, наряду с чувством стыда, вины, неуверенности, боязнь оскорбления, стремление скрыть происшедшее, отгородиться от ситуации и окружающих, тем самым лишив себя не только возможности поддержки со стороны близких, но и социальной и медицинской помощи.

Девочки-подростки (13 человек)

Все потерпевшие — учащиеся старших классов школы в возрасте от 14 до 17 лет (средний возраст 16 лет). На момент деликта у всех имело место выраженное алкогольное опьянение, в большинстве случаев — с амнезией событий.

В одном случае насилие совершил таксист, подвозивший девушку из клуба. 12 пострадавших подверглись насилию со стороны сверстников (на вечеринках): групповому, в том числе в извращенной форме. Девочки старались скрыть произошедшее, однако, поскольку видеозаписи и фотографии были размещены в интернете, родители были оповещены третьими лицами и настояли на обращении в полицию.

На момент обращения у всех подростков на общем субдепрессивном фоне отмечались признаки тревоги, раздражительности, достигающей в отдельных случаях уровня

агрессивности, направленной в основном на родителей. Характерны также были навязчивые мысли и воспоминания о пережитой травме, но, в отличие от взрослых, подростки стремились делиться своими переживаниями с подругами, в соц. сетях и т. п. Это позволяло им несколько снизить эмоциональное напряжение. Степень тяжести психических нарушений напрямую зависела от степени осознания случившегося потерпевшей.

Через 5—7 дней после произошедшего у девочек развивались «приступы агрессии» в отношении матерей, начинавшиеся с мысли «несправедливо, что это произошло со мной...» и мысленных обвинений матери в случившемся «почему она меня отпустила..., не предупредила, все из-за нее...» и выражавшиеся в сильнейшем желании причинить боль и даже «убить». Чтобы снизить напряжение и не нанести вред матери, они давали выход агрессии на себя: наносили себе удары, мелкие колюще-режущие ранения и т. п. Суицидальные высказывания имели место, однако носили, скорее, шантажный характер по типу «оставьте меня в покое или я покончу с собой».

Существенное влияние на формирование и глубину психических расстройств оказывал буллинг. Публикация снимков и видеозаписей насильственных действий (сделанных насильниками и свидетелями) в Интернете приводила к травле потерпевших в соцсетях, в школе, среди соседей и знакомых. Девочки обвинялись в неприличном поведении, провокации насилия: «напилась», «сама виновата», «сама хотела» и т. д.; в результате отмечалось значительное ухудшение психического состояния с нарастанием депрессивной симптоматики, идеями самообвинения и отношения, приведшими в двух случаях к суицидальным попыткам. В пяти случаях потерпевшие были вынуждены сменить школу, а в одном случае — переехать жить на дачу и перейти на домашнее обучение.

Отличительной особенностью также было желание как можно скорее вытеснить воспоминания и начать новую жизнь, «забыв» о произошедшем. Уже через один—два месяца после изнасилования у потерпевших начинались новые отношения с представителями противоположного пола, в большинстве случаев носившие платонический, дружеский характер. Новые отношения были дисгармоничными: частые ссоры, попытки контроля поведения партнера со стороны потерпевшей, завуалированная вербальная агрессия в адрес партнера. Отношения длились не более двух—трех месяцев, после их завершения отмечалось снижение фона настроения, с высказыванием идей о «никчемности», «ненужности мужчин».

Психические расстройства в пяти случаях классифицировались как посттравматическое стрессовое расстройство и в восьми — как расстройство приспособительных реакций (адаптации) (F 43.2), проявляющееся различными по структуре и длительности депрессивными (F43.20 — короткая депрессивная реакция, F43.21 — пролонгированная депрессивная реакция) и тревожно-депрессивными расстройствами (F43.22).

В двух случаях на фоне депрессивной симптоматики отмечались признаки посттравматического развития личности с изменением привычного образа жизни: значительно сузился круг интересов (перестали заниматься любимым хобби, снизилась успеваемость), сменили место учебы, отказались от общения со старыми знакомыми (считали, что они обсуждают их).

У двух потерпевших отмечалось пренебрежение общепринятыми нормами поведения с элементами агрессии и аутоагрессии из-за чего возникли серьезные проблемы в школе и с родителями (F43.24 — расстройство адаптации с преобладанием нарушения поведения).

Следует отметить, что в психическом состоянии пострадавших девочек-подростков также отмечались ухудшения с нарастанием тревожно-депрессивной симптоматики в дни допросов и судебных заседаний. В целом реагирование на необходимость дачи показаний в суде у несовершеннолетних всегда было негативным, однако степень эмоциональных проявлений напрямую зависела от возраста, интеллектуального развития, от того насколько хорошо они были информированы о судебном процессе. Важной составляющей также была степень тяжести насилия совершенного против несовершеннолетней. В случаях, когда сексуальное насилие сопровождалось нанесением телесных повреждений, было групповым или в извращенной форме, потерпевшие крайне негативно высказывались по поводу дачи показаний, а в случае попытки принуждения совершали демонстративные аутоагрессивные действия (самопорезы, попытки самоотравления).

Таким образом, проведенное исследование выявило наличие некоторых различий в психическом реагировании взрослых женщин и девочек-подростков на сексуальное насилие (изнасилование).

У большинства обследованных женщин, у которых в момент деликта отсутствовало алкогольное опьянение (либо было слабо выражено), имела место острая реакция на стресс различной степени тяжести. Клиническая картина психического расстройства соответствовала так называемому «синдрому травмы изнасилования» [5; 6]. Причем наблюдались оба варианта специфического реактивного состояния: с острой, бурной симптоматикой и с затяжной реактивной депрессией с последующими суицидами. Отличительной особенностью являлись страх повторения психотравмирующей ситуации и длительное отвращение к лицам мужского пола.

В случаях, когда жертва была в состоянии сильного алкогольного опьянения (преимущественно подростки), имела место амнезия. После получения информации (как правило, из социальных сетей) поведение пострадавших можно было оценить как условно адекватное, с превалированием желания скрыть произошедшее от родных. Развитие психических расстройств было связано в дальнейшем с конфликтом в семье, необходимостью участия в следственных действиях и травлей в школе и соц. сетях. Аутоагрессивные действия носили в основном демонстративный характер. На первый план выступало «вытеснение» произошедшей ситуации, попытки «все забыть» и наладить новые отношения.

Факторами, оказывавшими значительное негативное влияние на выраженность и продолжительность постстрессовых расстройств, во всех случаях являлись высокая степень стигматизации, буллинг со стороны окружающих, а также продолжительный период судебно-следственных мероприятий с многократными допросами и очными ставками, которые способствовали затяжному, волнообразному течению реактивных состояний.

Литература

1. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Чибисова И.А., Нуцкова Е.В. Психические расстройства у детей и подростков, возникающие в результате преступлений сексуального характера (клинические и клинико-психологические аспекты). Российский психиатрический журнал. 2014. № 3. С. 33—41
2. Жариков Н.М., Морозов Г.В., Хритинин Д.Ф. Судебная психиатрия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 528 с.
3. Захарова Н.М., Зубарева О.В. Суициды пострадавших от насилия // Российский психиатрический журнал. 2016. № 5. С. 55—62.
4. Морозова Н.Б. Психические расстройства у несовершеннолетних — жертв сексуального насилия (клиника, возрастные особенности, судебно-психиатрическое значение): автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 1999. 339 с.
5. Парфентьева О.В. Шостакович Б.В. Синдром травмы изнасилования» как модель психогении // Клинический и организационные вопросы судебной и общей психиатрии. Вып. 2. Калуга, 1979. С. 193—196.
6. Печерникова Т.П. Синдром травмы изнасилования — частый вариант посттравматического стрессового расстройства / Т.П. Печерникова, Б.В. Шостакович // Посттравматическое стрессовое расстройство: монографический сб. / ГНЦ ССП имени В.П. Сербского. М., 2005. С. 110—119.
7. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
8. Цыро И.В. Судебно-психиатрическая оценка тяжести вреда здоровью при психических расстройствах у потерпевших: автореф. дисс. ... канд. мед. Наук. М., 2004.
9. Alexander P.C., Teti L., Anderson C.L. Childhood sexual abuse history and role reversal in parenting // Child Abuse Negl. 2000. Vol. 24. P. 829—38.
10. Finkelhor D., Ormrod R. et al. Re-victimization patterns in a national longitudinal sample of children and youth // Child Abuse and Neglect. 2007. Vol. 31. P. 479—502.
11. Rees S., Silove D., Chey T. et al. Lifetime prevalence of gender-based violence in women and the relationship with mental disorders and psychosocial function // JAMA: Journal of the American Medical Association. 2011. Vol. 306. № 5. P. 513—521.
12. Spataro J., Mullen P.E., Burgess P.M. et al. Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study in males and females // British Journal of Psychiatry. 2004. Vol. 184. P. 416—421.

Features of mental disorders among victims of crimes against sexual inviolability of the person

Zakharova N.M., Ph.D. in Medicine, senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (natali_oslo@mail.ru)

Milekhina A.V., Ph.D. in Medicine, senior researcher of the Department of urgent psychiatry and the help at emergency situations, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (amilh@mail.ru)

On the example of data obtained during psychological and psychiatric examination and further rehabilitation of women and adolescent girls victims of crimes against sexual inviolability of the person, the article describes mental and behavioral disorders developed as a result of psychotrauma. Reflected features of the posttraumatic mental and behavioral disorders course and differences in manifestations in the age aspect. It has been established that the clinical picture of the course of the disease depends on such factors as the age, the psychological maturity of the victim of violence, the severity of committed violence. Also, the analysis of the work allowed us to identify a number of negative phenomena that contributed to the protracted, undulating course of reactive states. These include a high degree of stigmatization (self-stigmatization) in society about sexual offenses and, as a result, bullying victims of sexual violence, as well as the need to participate in forensic investigative events. It is shown that the frequency of face-to-face interrogation and the duration of the trial affect the severity and duration of the mental consequences of the psychological trauma.

Key words: sexual violence, victim, mental and behavioural disorders, psychological trauma.

References

1. Badmaeva V.D., Dozortseva E.G., Chibisova I.A., Nutskova E.V. Psihicheskie rasstroystva u detey I podrostkov, vosnikayuschie v rezultate prestupleniy seksualnogo haraktera (klinicheskie I kliniko-psihologicheskie aspekty) [Mental disorders in children and adolescents due to sexual offenses (clinical and clinico-psychological aspects)]. Russian psychiatric journal. 2014; (3): 33-41 (in Russian)
2. Zharikov N.M., Morozov G.V., Khritinin D.F. Sudebnaya psixiatriya: Uchebnik dlya vuzov [Forensic psychiatry: Textbook]. Eds G.V. Morozov. Moscow, Norma, 2004: 528 p. (in Russian)
3. Zakharova N.M., Zubareva O.V. Suitsidy postradavshikh ot nasiliya. [Suicide victims.] Russian psychiatric journal. 2016; (5): 55-62 (in Russian)

4. Morozova N.B., Smirnova T.A., Badmaeva V.D. Psikhicheskiye rasstroystva u nesovershennoletnikh — zhertv seksualnogo nasiliya (klinika. vozrastnyye osobennosti. sudebno-psikhiatricheskoye znachenije) [Mental disorders from minors-victims of sexual violence (clinic, age features, forensic psychiatric value)] Avtoref. diss.... doct. med. nauk. Moskva, 1999, 339s. (in Russian)
5. Parfent'eva O.V. Shostakovich B.V. "Syndrome of the trauma of rape" as a model of psychogenic". Klinicheskiy i organizatsionnye voprosy sudebnoy i obshchey psikhiatrii. [Clinical and organizational issues forensic and General psychiatry]. 1979; Issue 2: 193-196. (in Russian)
6. Pechernikova, T.P. Syndrome of the trauma of rape - a common variant of post-traumatic stress disorder. Post-traumatic stress disorder: Monograph. Eds. P.T. Pechernikova, V.B. Shostakovich. Moscow, V.P. Serbsky SSC FSP, 2005: 110-119. (in Russian)
7. Tarabrina N. Workshop on psychology of post-traumatic stress disorder. (Workshop series in Psychology). — Spb.: Piter, 2001: 272 s. (in Russian)
8. Tsyro I.V. Forensic psychiatric evaluation of the severity of harm in mental disorders among the victims: Avtoref. diss.... kan. med. nauk. Moscow, 2004. (in Russian)
9. Alexander P.C., Teti L., Anderson C.L. Childhood sexual abuse history and role reversal in parenting. Child Abuse Negl.- 2000. Vol. 24. P. 829-838.
10. Finkelhor D., Ormrod R. et al. Re-victimization patterns in a national longitudinal sample of children and youth. Child Abuse and Neglect. — 2007. Vol. 31. P. 479-502.
11. Rees S., Silove D., Chey T. et al. Lifetime prevalence of gender-based violence in women and the relationship with mental disorders and psychosocial function. JAMA: Journal of the American Medical Association, 2011, vol. 306, no. 5, P. 513 — 521.
12. Spataro J., Mullen P.E., Burgess P.M. et al. Impact of child sexual abuse on mental health. Prospective study in males and females. British Journal of Psychiatry 2004; 184, P. 416—421.

Эффект дезинформации в опознании человека

Будякова Т.П., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и психофизиологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина» (budyakovaelez@mail.ru)

Представлены результаты экспериментального исследования психологических ошибок, возникающих при узнавании человека, в ситуации предварительного «навязывания» опознающему фальшивых опознавательных признаков. Выявлены механизмы эффекта дезинформации: обобщенность представлений рабочей памяти и домысливание информации. Предыдущие исследования феномена дезинформации ориентировались на изучение ненамеренного запоминания, в процесс которого внедрялся механизм внешней внушенной установки (дезинформации). В экспериментах других ученых не давалась предварительная установка запомнить элементы события или внешность испытуемых. Это обстоятельство снижало уровень внимательности испытуемых и могло быть причиной ошибок опознания. В данном исследовании показано, что предварительная установка на запоминание признаков объекта не уменьшает эффект дезинформации. Вместе с тем предварительная установка на запоминание может блокировать влияние гендерных, возрастных и профессиональных установок, однако не блокирует субъективные установки конкретной личности. Было также подтверждено, что отсроченность воспроизведения не является основной причиной ошибок опознания.

Ключевые слова: внешние признаки человека, узнавание, ошибки опознания, фальшивые установки, рабочая память, эффект дезинформации.

Для цитаты:

Будякова Т.П. Эффект дезинформации в опознании человека. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 99-114. doi: 10.17759/psylaw.2018080410

For citation:

Budyakova T.P. Disinformation effect in human identification. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.99-114. doi: 10.17759/psylaw.2018080410

Проблема исследования

Проблема точности опознания с практической точки зрения актуальна для судебно-следственной практики. До сих пор выявляются многочисленные ошибки очевидцев при опознании подозреваемых в преступлениях, приводящие к увеличению числа невинно осужденных и оставшихся без наказания виновных. Проблема настолько остра, что высказываются предложения вообще отказаться от института опознания в праве [27].

Вместе с тем, иногда именно опознание является единственным инструментом привлечения преступников к уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления. В силу этого востребованы психологические исследования, выявляющие механизмы, опосредующие точность и искаженность результатов опознания. Это в первую очередь общепсихологические и социально-психологические исследования установки и социальной установки, а также исследования рабочей памяти.

Изменение когнитивных процессов под влиянием установки — научно доказанный факт, объясняемый, в частности, теорией установки Д.Н. Узнадзе. В самом общем плане установка в теории Д.Н. Узнадзе трактовалась как системная готовность организма и личности реагировать определенным образом, опосредуя поведение человека [15]. В грузинской психологической школе отмечается, что теория установки Д.Н. Узнадзе — незавершенное учение, требующее к тому же еще переосмысления некоторых ее положений. До сих пор по некоторым вопросам природы и функционирования установки нет единой точки зрения [8].

В литературе были описаны виды установки: внутренняя и внешняя. К внутренней установке относится, например, искажение восприятия судебных текстов журналистами, которые интерпретируют профессиональный юридический текст, основываясь на собственных житейских представлениях [26]. Аналогичный вывод был сделан в экспериментальном исследовании Г.Г. Граник и А.Н. Самсоновой. Было установлено, что уже в начале восприятия текста у читающего формируется прогностическая активность, заключающаяся в активизации прошлого опыта на фоне текущего эмоционального состояния. Это порождает собственную, отличную от авторского текста целостную картину произведения, читатель создает собственный образ текста. Возникшая установка и далее управляет восприятием авторского текста [5].

В теориях социальной установки отмечается, что внешняя установка имеет как ненамеренный характер, так как может являться следствием социальных стереотипов, так и намеренный, создаваемой умышленно с целью дезинформации. В американских исследованиях было, например, выявлено, что ненамеренная социальная установка на то, что определенный тип внешности афроамериканцев (темная кожа, широкие губы и нос) коррелирует с их склонностью к насилию, стала причиной осуждения невинных людей. На практике люди с такой внешностью попадают в зону риска, поскольку повышена вероятность их идентификации очевидцами как участников преступления [19].

Намеренная внешняя установка, влияющая на достоверность представлений памяти — внушенная дезинформация, является средством скрытного манипулирования личностью и ее сознанием. В литературе это явление также было названо феноменом внушенных представлений. В этом плане наиболее известным является факт навязанных Ж. Пиаже в детстве фальшивых воспоминаний, когда гувернантка внушила ему, что его в детстве пытались украсть. Ж. Пиаже очень ярко «помнил» фейковую информацию [23].

Были предложены различные объяснения феномена внушенной установки. Один из механизмов возникновения этого феномена — рекомбинация — был установлен в юридико-психологических исследованиях. Суть его в том, что человек относит к действительным событиям то, что он воспринимал до или после преступления, например, в связи с освещением преступления в СМИ или получения информации от других людей [10; 13]. Ранее еще в начале XX в. в психологических исследованиях было установлено, что чем чаще проводится допрос, тем более значим факт внушения очевидцам навязанной информации. Это чаще всего происходит в ситуации, когда допрашиваемым намеренно сообщаются сведения, которые от них хотят услышать как от очевидцев [4].

Похож на рекомбинацию механизм самоустановки. Он делает свидетелей очень уверенными в глазах присяжных. При этом ошибочная самоустановка может исказить как первичные показания свидетеля, так и отсроченные [22].

Другим механизмом внушенной установки является спонтанное «домысливание» информации в ситуации уверенности допрашивающего в том, что свидетель может еще что-то вспомнить. В современной следственной практике было выявлено, что доммысливание происходит чаще всего при повторном допросе очевидцев [7].

Механизмами эффекта внушенной дезинформации признавались также: плохое кодирование сигнала, внушаемость или склонность реагировать социально желательными способами. Предполагалось, что одним из таких механизмов является и процесс, в ходе которого новая информация «стирает» предыдущую, облегчая запоминание новой («ухудшение памяти») и др. [24].

Общим первоначальным выводом большинства исследований являлся тезис о том, что феномен дезинформации действует в отсроченном режиме: чем больше времени проходит после события, которое должен воспроизвести очевидец, тем ярче проявляется этот феномен [14]. Однако дальнейшие исследования опровергли этот тезис. Экспериментально было установлено, что только у 15% испытуемых в текущем эксперименте проявляются элементы манипулирования. Особенно явно это происходит в ходе манипулирования потребительскими предпочтениями при покупке товаров и описаниями симптомов болезни у пациентов клиник, когда нет фактора промежутка времени [17]. Классическими в этом плане являются эксперименты Е. Loftus, в которых было показано, что очевидцы практически сразу после манипулирования включали ложный стимул в отчет в качестве якобы увиденного [20; 21].

В других исследованиях было показано, что на точность воспроизведения информации влияет не столько отсроченность воспроизведения, сколько изменение характера репрезентации информации в процессе ее удержания в рабочей памяти [12].

Обзор исследований выявил, что практически все они ориентируются на изучение ненамеренного запоминания, в процесс которого внедряется механизм внешней внушенной установки (дезинформации). Ранее в экспериментах не давалась предварительная установка запомнить элементы события или внешность испытуемых. Это обстоятельство снижало уровень внимательности испытуемых и могло быть причиной ошибок опознания. Мы попытались изучить влияние фактора предварительной установки, заключающейся в требовании запомнить признаки экспериментального объекта, на нейтрализацию последующей дезинформации. В нашем исследовании испытуемым давалась прямая

инструкция запомнить объект как можно лучше и только затем предъявлялась ложная информация.

Метод

Участники исследования.

Всего: 50 человек, из них: 25 женщин, 25 мужчин. Возраст: от 18 до 67 лет. По социальному статусу: студенты, предприниматели, художники, пенсионеры.

Метод исследования: эксперимент.

Гипотезы исследования.

1. Причинами внушенных ошибок памяти является обобщенный характер представлений рабочей памяти и ее ограниченный объем.

2. Намеренная внешняя установка испытуемому на запоминание информации не снимает воздействие дезинформации на его память.

3. На точность воспроизведения влияют внутренние субъективные установки при восприятии объекта запоминания.

Материал исследования.

А. Фигурка персонажа «Винтик» из трилогии Н.Н. Носова о Незнайке. Фигурка выполнена из цветной резины (см.: рис. 1 и 2).

Б. Перечень вопросов испытуемым (жирным шрифтом выделены вопросы, которые намеренно искажают представления памяти, но содержат скрытую установку на то, что эта информация реальная):

1. Какого цвета курточка у Винтика? (Правильный ответ: коричневая).

2. Какого цвета глаза у Винтика? (Правильный ответ: синие или голубые).

3. Сколько пуговиц спереди на курточке у Винтика: одна, две или три? (Правильный ответ: одна).

4. На рукаве у Винтика пришита эмблема. Что на ней изображено: квадрат, ромб, круг, треугольник?

5. Какой головной убор на голове у Винтика? (Правильный ответ: шлем или летный шлем).

6. Какой формы каблук на ботиках Винтика: полукруглый, серповидный, квадратный?

7. Сзади на курточке у Винтика пришит хлястик. Сколько пуговиц на хлястике: одна, две или три?

8. Какой формы очки у Винтика: круглые, квадратные, овальные? (Правильный ответ: круглые).

9. Что находится в заднем кармане брюк Винтика? (Правильный ответ: гаечный ключ).

Рис. 1

Рис. 2

Процедура исследования.

Вначале испытуемым предлагалась фигурка с инструкцией запомнить внешние признаки изображенного персонажа. Требуемое время на запоминание регламентировалось самим испытуемым. После отрицательного ответа на вопрос экспериментатора «Нужно ли Вам еще время на осмотр фигурки?» экспериментатор прятал фигурку и предлагал испытуемым ответить на вопросы, ответы на которые фиксировались в протоколе.

Форма протокола:

Вопросы испытуемым	Ответ испытуемого (правильный ответ помечался также знаком «+», а неверный — знаком «—»)
1. Какого цвета курточка у Винтика?	
2. Какого цвета глаза у Винтика? и т. д.	

Инструкция испытуемым: «Пожалуйста, внимательно посмотрите на Винтика, постарайтесь запомнить его внешние признаки».

Статистическая обработка данных проводилась с использованием χ^2 критерия Пирсона.

Результаты

Вопросы были сформулированы со скрытой установкой на то, что информация, о которой спрашивает экспериментатор, реальная, а не мнимая. Например, вопросом № 4 «На рукаве у Винтика пришта эмблема, что на ней изображено: квадрат, ромб, круг, треугольник?» экспериментатор намеренно утверждает, что на рукаве у Винтика есть эмблема (хотя никакой эмблемы нет), надо только вспомнить, что на ней изображено. Аналогично вопросом № 5 «Какой формы каблук у Винтика: полукруглый, серповидный, квадратный?» экспериментатор делает скрытую установку на то, что каблук на ботинках

есть (хотя каблук прикрыт брюками, его не видно, и не ясно, есть ли он вообще), надо только воспроизвести, какой он формы. В вопросе № 7 экспериментатора «Сзади на курточке у Винтика пришит хлястик. Сколько пуговиц на хлястике: одна, две или три?» утверждается, что сзади на курточке есть хлястик (хотя никакого хлястика нет), надо только вспомнить, сколько на нем пуговиц. Данная установка повлияла на качество воспроизведения информации. Большинство испытуемых приняли эту установку и воспроизвели несуществующие признаки одежды запоминаемого объекта (Винтика). Данные приведены ниже в таблице.

Таблица

Вопросы испытуемым	Точность воспроизведения (количество человек/процентов)	Процент ответов «не помню»	Процент неверных ответов
1. Какого цвета курточка у Винтика?	45 90%	3 6%	2 4%
2. Какого цвета глаза у Винтика?	40 80%	3 6%	7 14%
3. Сколько пуговиц спереди на курточке у Винтика: одна, две или три?	27 54%	2 4%	21 42%
4. На рукаве у Винтика пришита эмблема. Что на ней изображено: квадрат, ромб, круг, треугольник?	0 0%	4 8%	46 92%
5. Какой головной убор на голове у Винтика?	35 70%	3 6%	12 24%
6. Какой формы каблук на ботинках Винтика: полукруглый, серповидный, квадратный?	0 0%	2 4%	48 96%
7. Сзади на курточке у Винтика пришит хлястик. Сколько пуговиц на хлястике: одна, две или три?	0 0%	3 6%	47 94%
8. Какой формы очки у Винтика: круглые,	42 84%	4 8%	4 8%

квадратные, овальные?			
9. Какое выражение глаз у Винтика: «серьезное», «дурашливое», «наивное»?	28 56%	4 8%	18 36%
<i>Средний показатель воспроизведения реальной информации</i>	71,7%		
<i>Средний показатель воспроизведения фальшивой информации</i>			94%
p	p<0,05	p<0,05	p<0,05

Использованный при статистической обработке результатов эксперимента хи-квадрат-тест для проверки гипотезы о неслучайном характере частоты распределений ответов на вопросы, содержащие и не содержащие скрытых установок, не выявил значимых различий.

Воспроизведение фальшивой информации не требовало точности (например, нельзя точно указать форму эмблемы на рукаве, поскольку ее вообще не было), поэтому любой ответ на вопросы 4, 6, 7, в котором признавалось, что испытуемый реагирует на фальшивую установку как на реальное событие, признавался ошибочным. Как видно из таблицы, ни один из пятидесяти испытуемых не заявил, что информация, данная в вопросах 4, 6, 7 — фальшивая. Небольшая часть испытуемых (6 человек) отметили, что они не помнят некоторые детали облика Винтика, при этом они были уверены, что это — проблема их памяти, а не продукт скрытой фальшивой установки.

Средний показатель воспроизведения фальшивой информации составил 94%. Это означает, что практически в большинстве случаев испытуемые воспроизвели «фейковую» информацию как реальную, и только в 6% — в ответ на вопросы 4, 6, 7 сказали, что не помнят какие-то признаки экспериментального объекта.

На точность воспроизведения не повлияли и предварительные установки у некоторых испытуемых на то, что ими могут манипулировать. Так, один из испытуемых эмоционально отреагировал в конце эксперимента, увидев, что он несколько раз «повелся» на фальшивую информацию, фразой: «Я предполагал, что здесь будет какой-то обман!»

О влиянии скрытой дезинформирующей установки на воспроизведение указывают и результаты ответов на вопрос № 3 «Сколько пуговиц спереди на курточке у Винтика: одна, две или три?» Всего — 27% правильных ответов. Этот вопрос отнесен нами к вопросам на воспроизведение реальной информации. Однако хотя спереди на курточке у Винтика есть пуговица, все-таки вопрос провоцировал и на другие варианты ответов. Он был сформулирован со скрытой установкой на то, что пуговиц может быть больше, чем одна. Это обстоятельство существенно повлияло на точность ответов именно на этот вопрос. Один из испытуемых, отвечая на вопрос экспериментатора, почему он назвал 3 пуговицы, ответил: «Я запомнил, что там были пуговицы, но не запомнил сколько».

Правильные ответы на вопросы, не содержавшие скрытых установок, были в основном в пределах от 54% до 90%. Каждый из испытуемых неверно воспроизводил один или два реально присутствовавших признака или говорил, что не помнит точно о наличии или характере этих признаков. Средний процент правильных ответов на вопросы, не содержавшие скрытых установок, — 71,7%, что оказалось ниже, чем средний процент положительных ответов на наличие фальшивой информации — 94%.

Влияние субъективных установок на отражение информации было выявлено при ответах на вопрос № 5 «Какой головной убор на голове у Винтика?» Правильным считались ответы: «шлем» или «летний шлем». Многие испытуемые ответили, что на голове Винтика — шапка, часть уточнили, что это шапка-ушанка. Один из испытуемых утверждал, что на голове у Винтика — картуз, другой — кепка. Последние два головных убора имеют козырек. Испытуемые, отвечая на вопрос, как они «рассмотрели» фейковый козырек, уточнили, что для них типичным мужским головным убором является картуз или кепка, поэтому интуитивно они отнесли головной убор Винтика к этой группе головных уборов. Те испытуемые, которые опознали шлем как шапку или шапку-ушанку отвечали, что увидели, что уши Винтика закрыты полями, как у шапки или шапки-ушанки. Именно этот фактор и повлиял на неточное домысливание информации. Таким образом, одна из наших гипотез о том, что на точность воспроизведения влияют внутренние субъективные установки при восприятии объекта запоминания, была доказана.

Эксперимент не выявил значимых гендерных различий в воспроизведении требуемых признаков. Предполагалось, что мужчинам легче будет воспроизвести тип головного убора у Винтика как шлем, однако женщины практически количественно также называли головной убор как шлемом, так и шапкой, как и мужчины. Также предполагалось, что мужчинам легче будет воспроизвести находящийся в заднем кармане брюк Винтика гаечный ключ, поскольку это типичный мужской инструмент, однако женщины в том же процентном отношении опознали предмет в кармане брюк Винтика как гаечный ключ.

Мы также рассчитывали, что поскольку студенты обладают зависимостью от преподавателя, то они будут более внушаемы, а предприниматели и пенсионеры, напротив, будут более критично относиться к предлагаемому материалу. Однако и здесь не было значимых вариаций.

По-видимому, в ситуации намеренной установки на запоминание, данной испытуемым, оказались незначимы факторы гендерного предпочтения, социальный и профессиональный статусы.

Специфические профессиональные особенности также не повлияли на качество ответов. Предполагалось, что, например, художники лучше запомнят внешние признаки и выявят фальшивую информацию в силу доминирования зрительного восприятия, но значимых различий выявлено не было. Эта категория испытуемых, действительно, несколько лучше, чем другие, воспроизвела реальные признаки запоминаемого объекта («Винтика»), но также воспроизвела и фальшивую информацию. Таким образом, в нашем эксперименте подтвердились данные других ученых о том, что точность распознавания объекта и способность обнаружить манипуляции не всегда связаны [25].

Обсуждение

В.В. Нуркова полагает, что одним из основных факторов появления навязанных ложных воспоминаний является увеличение промежутка времени между восприятием и воспроизведением информации. Чем больше такой промежуток, тем скорее человек забывает искусственность конструирования ложного образа. В частности, он забывает условия получения информации («это кто-то сказал», «я это вообразил» и т. п.) и бессознательно начинает ошибочно думать, что сам воспринимал какую-то информацию [14]. Однако в нашем эксперименте не было никакого провоцирующего фактора в виде промежутка времени между восприятием информации и ее воспроизведением. Испытуемые должны были воспроизвести информацию практически сразу же после ее восприятия. При этом поразительным было то, что фейковая информация, несмотря на отсутствие промежутка времени от восприятия до воспроизведения была воспроизведена не хуже, а лучше, чем реальная.

В юридической литературе основными факторами, искажающим показания свидетеля или потерпевшего, кроме отсроченности воспроизведения, считают его эмоциональное состояние, конфликтное отношение к обвиняемому, сужение сознания в момент преступления, нарушение социальной адаптации, боязнь мести со стороны обвиняемого и др. и полагают, что эти факторы можно нейтрализовать с помощью гипноза (гипнорепродукции воспоминаний) [10].

Однако не учитывается, что основой ошибок воспоминаний может стать обобщенный образ, создаваемый в памяти. Это доказывается и результатами исследований в области гипноза, в которых установлено, что иногда человек не может вспомнить детали воспринимаемого ранее объекта даже под гипнозом. Мало того, человек под гипнозом может воспроизводить объект с искажениями [9]. Это говорит о том, что уже в момент восприятия объекта какие-то факторы, например, та же субъективная установка, уже влияют на точность его запоминания.

Причиной ошибок памяти Д. Майерс считал обобщенность наших представлений и влияние на них нашего прошлого опыта, убеждений и ожиданий [13]. Это подтвердилось и в нашем эксперименте. Наши испытуемые в ответ на вопросы, почему они воспроизвели фальшивую информацию, отвечали, что поскольку они точно не помнили, были ли у исходного для запоминания объекта («Винтика») указываемые экспериментатором признаки, то они просто домыслили требуемую информацию. Так, отвечая на вопрос, какой формы эмблема на рукаве у Винтика, чаще всего выбирали ответ «шпала», поскольку именно «шпала» была отличительным признаком для советских военных в определенный исторический период. На вопрос «Сколько пуговиц на хлястике у Винтика?» чаще всего отвечали, что «две», поскольку это наиболее типичный набор пуговиц, необходимый для закрепления хлястика. Здесь установка проявилась как особый вид отражения действительности, базирующийся на прошлом опыте [11].

Таким образом, в представлениях рабочей памяти хранится обобщенный образ предметов действительности, в котором зафиксированы только несколько признаков, важных для узнавания предмета. Кроме того, на узнавание оказывают влияние наш прошлый опыт, убеждения и ожидания, которые позволяют домысливать остальные признаки предмета, воспринимаемого ранее. Необоснованное домысливание и является

одной из причин ошибок опознания, а в нашем случае — ошибок, обусловленных намеренной дезинформацией.

В свою очередь, обобщенность образов рабочей памяти обусловлена ее предельным объемом. В силу этого, как было выявлено ранее в экспериментальных исследованиях, объем воспринимаемой информации влияет на точность ее воспроизведения [16]. Установлено также, что свидетели, которые составляют самый подробный отчет, правильно опознают только в 11% случаев [18]. Фактор подробности описания должен настораживать потребителей такой информации, поскольку она явно выше объема рабочей памяти.

Это подтверждается и данными нашего эксперимента. Так, количество элементов информации, которую испытуемые могли запомнить, вычлняя их в объекте запоминания («Винтике»), укладывалось примерно в объем 18 единиц (элементы одежды, ее цвет; обувь, ее цвет и форма; количество пуговиц и карманов и т. д.). Это превышает объем рабочей памяти 7 плюс/минус 2. Из них в эксперименте надо было воспроизвести — 7. В среднем испытуемые воспроизводили реальную информацию в пределах объема рабочей памяти.

Особенность нашего эксперимента, в отличие от других экспериментов по изучению влияния дезинформации на точность воспроизведения, была в том, что в нем первоначально была дана установка на запоминание информации. Но независимо от фактора установки на запоминание «сработал» общий механизм, действующий при запоминании: обобщенность формируемых для опознания представлений рабочей памяти и влияние на них нашего прошлого опыта, убеждений и ожиданий.

Результаты нашего эксперимента и их интерпретация укладываются в рамки ОН-концепции, объединяющей общепсихологический и социально-психологический планы исследования [2]. В ОН-концепции отражение другого человека объясняется как «... личная интерполяция индивидуальности другого человека, опирающаяся на представления субъекта восприятия о самом себе (Я-концепцию) и опыт социальных взаимодействий» [3, с. 14]. При восприятии другого человека не просто происходит отражение имеющихся черт этого другого, но и одновременно порождается новый образ отражаемого, нагруженный системой оценок, отношений и смыслов отражающего [3]. Дававшаяся дезинформация укладывалась в опыт испытуемых, поэтому практически всегда отражалась как реальная.

Подтверждение нашим данным о том, что испытуемые часто не в состоянии выявить факт манипулирования информацией, можно найти и в исследованиях по изучению способов нейтрализации ложных установок. Так, было выявлено, что на понимание того, что текст является лживым, влияет только аутентичная внешняя установка на то, что в тексте может быть недостоверная информация. Иные установки: мотивационная (интерес к тексту), когнитивная (понимание и логичность текста), аффективная (переживание содержания текста) — не способствуют выявлению лжи в тексте [6]. Мнение о том, что преодоление установки заключается в ее осознанности, разделяют и другие авторы [1]. При этом осознанность установки на дезинформацию у некоторых наших испытуемых, не подкрепленная извне, в нашем эксперименте не сработала. Таким образом, человек, которому внушают дезинформацию, часто самостоятельно не может ее выявить. В силу этого надо применять средства, позволяющие выявить эффекты дезинформации постфактум, как это было сделано, например, в работах К. Марбе и его коллег [4].

Выводы

1. Наша гипотеза о том, что причинами внушенных ошибок памяти является обобщенный характер представлений рабочей памяти и ее ограниченный объем, в целом подтвердилась.

2. Также подтвердилась наша вторая гипотеза о том, что намеренная установка испытуемому на запоминание информации не снимает воздействие дезинформации на его память.

3. Подтвердилась и третья гипотеза о том, что на точность воспроизведения влияют как внешние, так и субъективные установки при восприятии объекта запоминания.

4. Выявлено, что гендерные, профессиональные и возрастные предпочтения значимо не влияют на точность воспроизведения информации, если дается предварительная установка на ее запоминание.

5. Подтвердились данные иных исследований о том, что отсроченность воспроизведения не является ведущим фактором воздействия дезинформации на точность воспроизведения.

6. Подтвердились данные других исследователей о том, что точность распознавания объекта и способность обнаружить манипуляции не коррелируют друг с другом.

Литература

1. *Аванесян М.О., Тухтиева Н.Х.* Установка и ее преодоление: на пути к осознанности // Научный альманах. 2015. № 9. С. 1396—1400.
2. *Барабанщиков В.А.* Восприятие выражений лица. М.: Институт психологии РАН, 2009. 448 с.
3. *Барабанщиков В.А.* Психологические механизмы восприятия выражений лица // Лицо человека как средство общения. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 13—21.
4. *Брусиловский А.Е.* Судебно-психологическая экспертиза. Ее предмет, методика и пределы. Харьков, 1929. 107 с.
5. *Граник Г.Г., Самсонова А.Н.* Роль установки в процессе восприятия текста // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 72—79.
6. *Егоров Д.М.* Влияние установки на избирательность восприятия лживого текста // Сибирский психологический журнал. 2017. № 64. С. 76—93.
7. *Зинин А.М.* Субъективный портрет. Курс лекций. М.: Щит-М, 2012. 136 с.
8. *Имедадзе И.В.* Интеракционизм и общепсихологическая теория установки // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 33—42.
9. *Исаева Л.М.* Современные методы получения информации, хранящейся в памяти

- очевидцев // Вестник Академии права и управления. 2009. № 15. С. 41—47.
10. Кобец П.Н. Использование психологических методов активизации памяти потерпевших, свидетелей и подозреваемых в следственной практике правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран // Юридическая психология. 2009. № 4. С. 10—14.
  11. Ковязина М.С., Фомина К.А. Нейропсихологический потенциал метода «фиксированной установки» Д.Н. Узнадзе // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 3. С. 91—102. doi:10.17759/exppsy.2016090308
  12. Корнеев А.А., Ломакин Д.И. Экспериментальное исследование рабочей памяти у детей и взрослых на материале воспроизведения последовательностей, заданных зрительным образцом // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 1. С. 53—66. doi:10.17759/exppsy.2017100105
  13. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1998. 688 с.
  14. Нуркова В.В. Забыть нельзя помнить: мнемический «эффект отречения» и субъективная оценка истинности автобиографических воспоминаний // Психология и право. 2015. № 2. С. 126—135.
  15. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
  16. Bays P. M., Husain M. Dynamic shifts of limited working memory resources in human vision // Science. 2008. Vol. 321. P. 851—854. doi: 10.1126/science.1158023
  17. Johansson, P., Hall, L., Sikström, S., Olsson, A. Failure to detect mismatches between intention and outcome in a simple decision task // Science. 2005. Vol. 310. P. 116—119. doi: 10.1126/science.1111709
  18. Frowd C.D., Hancock P., Bruce V. et al. Catching more offenders with EvoFit Facial Composites: Lab Research and Police Field Trials // Global Journal of Human Social Science. 2011. Vol. 11. Iss. 3. P. 34—46.
  19. Kleider-Offutt H.M., Knuycky L.R., Clevinger A.M. et al. Wrongful convictions and prototypical black features: Can a face-type facilitate misidentifications? // Legal and Criminological Psychology. 2017. Vol. 22. Iss. 2. P. 300—358. doi: 10.1111/lcrp.12105.
  20. Loftus E., Hoffman H.G. Misinformation and memory: The creation of memory // Journal of Experimental Psychology: General. 1989. Vol. 118. P. 100—104. doi:10.1037/0096-3445.118.1.100
  21. Loftus E., Pickrell J.E. The formation of false memories // Psychiatric Annals. 1995. Vol. 25. P. 720—725.
  22. Meissner C.A. Applied Aspects of the Instructional Bias Effect in Verbal Overshadowing // Applied Cognitive Psychology. 2002. Vol. 16. P. 911—928. doi: 10.1002/acp.918
  23. Piaget J. La formation du symbole chez l'enfant. Neuchatel: Delachaux et Niestle, 1945. 308 p.

24. *Sagana A., Sauerland M., Merckelbach H.* Memory impairment is not sufficient for choice blindness to occur // *Frontiers Psychology*. 2014. № 5. P. 1—8. doi: 10.3389/fpsyg.2014.00449
25. *Sagana A., Sauerland M., Merckelbach H.* Witnesses' blindness for their own facial recognition decisions: a field study // *Behavioral Sciences and the Law*. 2013. Vol. 31. P. 624—636. doi: 10.1002/bsl.2082
26. *Statham S.* In *Redefining Trial by Media: Towards a critical-forensic linguistic interface*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 325 p.
27. *Wixted J.T., Mickes L. Clark S.E. et al.* Initial Eyewitness Confidence Reliably Predicts Eyewitness Identification Accuracy // *American Psychologist*. 2015. Vol. 70. № 6. P. 515—526. doi: org/10.1037/a0039510

Disinformation effect in human identification

Budyakova T.P., Professor of the Department of Psychology and Psychophysiology, Bunin Yelets State University (*budyakovaelez@mail.ru*)

The article presents the results of an experimental study of psychological errors which occur when a person performing identification has been told false identification features before the actual procedure. We have revealed the mechanisms of disinformation effect: the generalization of working memory representations and involuntary mental information adding. Previous studies of the phenomenon of misinformation focused on the study of unintentional memorization, in the process of which the mechanism of an external implanted facility (misinformation) was introduced. In the experiments of other scientists, it was not possible to preset memorizing the elements of the event or the appearance of the subjects. It is shown that a preliminary instruction to memorize the features of an object does not reduce the disinformation effect. At the same time, a prior memorizing instruction can block the influence of gender, age and professional attitudes, but it does not block the subjective attitudes of a particular person. It was shown that reproducing facts some time later is not the main cause of identification errors.

Key words: external signs of a person, recognition, identification errors, false instructions, working memory, disinformation effect.

References

1. Avanesyan M.O., Tukhtieva N.Kh. Ustanovka i ee preodolenie: na puti k osoznannosti [Installation and its overcoming: on the path to awareness] *Nauchnyi al'manakh [Scientific Almanac]*, 2015, no. 9, pp. 1396—1400. (In Russ.).
2. Barabanshchikov V.A. Vospriyatie vyrazhenii litsa [Perception of facial expressions]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ., 2009, 448 p. (In Russ.).
3. Barabanshchikov V.A. Psikhologicheskie mekhanizmy vospriyatiya vyrazhenii litsa [Psychological mechanisms of perception of facial expressions] *Litso cheloveka kak sredstvo obshcheniya [Person's face as a means of communication]*. Moscow, Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN» Publ., 2012, pp. 13—21. (In Russ.).
4. Brusilovsky A.E. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza. Ee predmet, metodika i predely [Forensic psychological examination. Its subject, method and limits]. Khar'kov, 1929. 107 p. (In Russ.).
5. Granik G.G., Samsonova A.N. Rol' ustanovki v protsesse vospriyatiya teksta [The role of the installation in the process of perceiving the text] *Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]*, 1993, no. 2. pp. 72—79. (In Russ.).

6. Egorov D.M. Vliyanie ustanovki na izbiratel'nost' vospriyatiya lzhivogo teksta [The influence of the attitude on the selectivity of perception of a false text] *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian Psychological Journal]*, 2017, no. 64, pp. 76—93. (In Russ.).
7. Zinin A.M. Sub"ektivnyi portret. Kurs lektsii [A subjective portrait. Lecture course]. Moscow, Shchit-M Publ., 2012. 136 p. (In Russ.).
8. Imedadze I.V. Interaksionizm i obshchepsikhologicheskaya teoriya ustanovki [Interactionism and general psychological theory of installation] *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2012, vol. 33, no. 3, pp. 33—42. (In Russ.).
9. Isaeva L.M. Sovremennye metody polucheniya informatsii, khranyashcheysya v pamyati ochevidtsev [Modern methods of obtaining information stored in the memory of eyewitnesses] *Vestnik Akademii prava i upravleniya [Bulletin of the Academy of Law and Management]*, 2009, no. 15, pp. 41—47. (In Russ.).
10. Kobets P.N. Ispol'zovanie psikhologicheskikh metodov aktivizatsii pamyati poterpevshikh, svidetelei i podozrevaemykh v sledstvennoi praktike pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran [Use of psychological methods of activating the memory of victims, witnesses and suspects in the investigative practice of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries] *Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]*, 2009, no. 4, pp. 10—14. (In Russ.).
11. Kovyazina M.S., Fomina K.A. Neiropsikhologicheskii potentsial metoda «fiksirovannoi ustanovki» D.N. Uznadze [Neuropsychological potential of the "fixed installation" method Uznadze] *Ekspierimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (in Russia)]*, 2016, vol. 9 (3), pp. 91—102. doi:10.17759/exppsy.2016090308 (In Russ.).
12. Korneev A.A., Lomakin D.I. Eksperimental'noe issledovanie rabochei pamyati u detei i vzroslykh na materiale vosproizvedeniya posledovatel'nostei, zadannykh zritel'nyim obraztsom [Experimental study of working memory in children and adults on the material of reproduction of sequences given by a visual sample] *Ekspierimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology (in Russia)]*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 53—66. doi:10.17759/exppsy.2017100105 (In Russ.).
13. Maiers D. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 1998. 688 p. (In Russ.).
14. Nurkova V.V. Zabyt' nel'zya pomnit': mnemicheskii «effekt otrecheniya» i sub"ektivnaya otsenka istinnosti avtobiograficheskikh vospominanii [Forgetting can not be remembered: the mnemonic "abjuration effect" and the subjective evaluation of the truth of autobiographical memories] *Psihologiâ i pravo [Psychology and Law]*, 2015, no. 2, pp. 126—135. (In Russ.).
15. Uznadze D. N. Psikhologiya ustanovki [Psychology of installation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 416 p. (In Russ.).

16. Bays P. M., Husain M. Dynamic shifts of limited working memory resources in human vision. *Science*, 2008, vol. 321, pp. 851—854. doi: 10.1126/science.1158023
17. Johansson, P., Hall, L., Sikström, S., Olsson, A. Failure to detect mismatches between intention and outcome in a simple decision task. *Science*, 2005, vol. 310, pp. 116—119. doi: 10.1126/science.1111709
18. Frowd C.D., Hancock P., Bruce V., Skelton F.C., Atherton C., Nelson L., McIntyre A.H., Pitchford M., Atkins R., Webster A., Pollard J., Hunt B., Price E., Morgan S., Greening R., Stoika A., Dughila R., Maftei S., Sendrea G. Catching more offenders with EvoFit Facial Composites: Lab Research and Police Field Trials. *Global Journal of Human Social Science*, 2011, vol. 11, iss. 3, pp. 34—46.
19. Kleider-Offutt H.M., Knuycky L.R., Clevinger A.M., Capodanno M.M. Wrongful convictions and prototypical black features: Can a face-type facilitate misidentifications? *Legal and Criminological Psychology*, 2017, vol. 22, iss. 2, pp. 300—358. doi: 10.1111/lcrp.12105
20. Loftus E.; Hoffman H.G. Misinformation and memory: The creation of memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1989, vol. 118, pp. 100—104. doi:10.1037/0096-3445.118.1.100
21. Loftus E., Pickrell J.E. The formation of false memories. *Psychiatric Annals*, 1995, vol. 25, pp. 720—725.
22. Meissner C.A. Applied Aspects of the Instructional Bias Effect in Verbal Overshadowing. *Applied Cognitive Psychology*, 2002, vol. 16, pp. 911—928. doi: 10.1002/acp.918
23. Piaget J. La formation du symbole chez l'enfant. Neuchatel, Delachaux et Niestle, 1945. 308 p.
24. Sagana A., Sauerland M., Merckelbach H. Memory impairment is not sufficient for choice blindness to occur. *Frontiers Psychology*, 2014, no. 5, pp. 1—8. doi: 10.3389/fpsyg.2014.00449
25. Sagana A., Sauerland M., Merckelbach H. Witnesses' blindness for their own facial recognition decisions: a field study. *Behavioral Sciences and the Law*, 2013, vol. 31, pp. 624—636. doi: 10.1002/bsl.2082
26. Statham S. In *Redefining Trial by Media: Towards a critical-forensic linguistic interface*. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 325 p.
27. Wixted J.T., Mickes L., Clark S.E., Gronlund S.D., Roediger H.L. Initial Eyewitness Confidence Reliably Predicts Eyewitness Identification Accuracy. *American Psychologist*, 2015, vol. 70 (6), pp. 515—526. doi: org/10.1037/a0039510

Нейропсихологическое исследование при судебно- психологической экспертной оценке делкоспособности

Сафуанов Ф.С., доктор психологических наук, профессор, руководитель лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (safuanovf@rambler.ru)

Переpravина Ю.О., младший научный сотрудник лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства Здравоохранения Российской Федерации (yuliaperepravina@gmail.com)

Черненко А.Д., младший научный сотрудник лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства Здравоохранения Российской Федерации (artem.chernenkov@mail.ru)

Актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью проблемы использования нейропсихологического обследования в судебной психолого-психиатрической экспертной практике. В статье изложены результаты нейропсихологического обследования подэкспертных, которые не могли понимать значение своих действий и руководить ими в момент совершения сделки. Экспериментально-психологическое исследование было проведено в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической и судебно-психиатрической экспертиз. Для подэкспертных, которые не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки, характерно превалирование нейропсихологических нарушений, связанных со снижением произвольной регуляции деятельности, с расстройствами сознания и памяти, нарушениями пространственных синтезов. У подэкспертных, способных к совершению сделки, такие нарушения встречались гораздо реже. Исследование показало значимость проведения нейропсихологического обследования для уточнения критериев судебно-психологической оценки делкоспособности.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза, делкоспособность, нейропсихологическое обследование, ограниченная дееспособность.

Для цитаты:

Сафуанов Ф.С., Переpravина Ю.О., Черненко А.Д. Нейропсихологическое исследование при судебно-психологической экспертной оценке сделкоспособности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 115-127. doi: 10.17759/psylaw.2018080411

For citation:

Safuanov F.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. Neuropsychological assessment at forensic psychological assessment of decision making capacity. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.115-127. doi: 10.17759/psylaw.2018080411

Введение

Актуальность исследования обусловлена широким спектром проблем, имеющих отношение к комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе (КСППЭ) в гражданском процессе. Прежде всего, это недостаточная разработанность вопроса использования нейропсихологического обследования (описание симптомокомплексов, основанных на принципе синдромного анализа, системной организации психических процессов) в экспертной практике. Особое значение данная проблема имеет при экспертном определении способности человека понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки (ст. 177 ГК РФ). Нейро- и патопсихологические критерии судебно-экспертной оценки способности к совершению сделки необходимы и при определении ограничения дееспособности вследствие психического расстройства (ч. 2 ст. 30 ГК РФ), которое во многом основывается на прогностической оценке сделкоспособности [11].

Были проведены многочисленные исследования, рассматривающие сделкоспособность со стороны юридического (психологического) критерия [3; 4; 6; 11; 12]. В этих работах рассматривались клинические и психологические критерии оценки способности гражданина понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки, однако научная разработка данной проблемы ограничивалась выделением патопсихологических симптомокомплексов, различающих способных и неспособных лиц с психическими расстройствами к совершению сделки [7]. Вместе с тем остаются нерешенными проблемы использования нейропсихологического исследования и изучения психологических механизмов принятия решений при экспертной оценке сделкоспособности [1; 8].

В рамках судебной экспертизы по гражданским процессам и ранее упоминались актуальность и необходимость использования нейропсихологического обследования, однако данный вопрос рассматривался только в отношении обследования пожилых людей [2]. Мы предлагаем рассмотреть актуальность использования нейропсихологических методов шире и видим необходимость в исследовании нейро- и патопсихологических механизмов психической деятельности в рамках гражданского судопроизводства как взаимодополняющих друг друга.

В зарубежной практике использование нейропсихологического обследования является распространенным в судебной экспертизе; проводилось множество исследований судебной оценки психического здоровья (forensic mental health assessment) с применением нейропсихологического обследования в судебно-психиатрическом контексте. Термин судебной нейропсихологической оценки (forensic neuropsychological assessment) является устоявшимся в самостоятельной дисциплине — судебной нейропсихологии (forensic neuropsychology) [15], [18].

В зарубежной экспертной практике понятие «capacity» наиболее близко к правовому понятию «дееспособность» в российском законодательстве [13]. Аналог понятия «сделкоспособность» выделить сложнее. На законодательном уровне определение «capacity» — довольно широкое, включает в себя разные аспекты. Однако способность к совершению сделки упоминается только в контексте проведения диагностики перед правомерным совершением сделки (чаще всего это завещание), что наиболее близко клинико-психологическому освидетельствованию (как непроцессуальному действию) перед совершением сделки в нашей стране. Проведенный анализ клинических научных публикаций показывает, что в гражданском процессе выделяются следующие «компоненты» понятия «capacity» (civil capacities):

- «testamentary capacity» — способность человека к принятию решения о подписании завещания [19], а также ретроспективный анализ этой способности, что близко посмертным экспертизам [20];
- «driving capacities» — способность к вождению автомобиля [17];
- «financial capacity» — способность распоряжаться финансами и управлять имуществом [13];
- «transactional capacity» — способность к совершению сделки [17];
- «vulnerability to fraud or undue influence» — уязвимость к мошенничеству или ненадлежащему/чрезмерному влиянию [17].

Последние две способности в наибольшей мере соотносятся со «способностью понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки» (ст. 177 ГК РФ) и «заблуждением настолько существенным, что эта сторона, разумно и объективно оценивая ситуацию, не совершила бы сделку, если бы знала о действительном положении дел (178 ГК РФ).

Целью нашего исследования является выявление нейропсихологических нарушений у лиц, не способных понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки.

Материалы и методы исследования

Нейропсихологические методы:

1) решение арифметических задач (по разным модальностям предъявления задачи) с использованием алгоритма и удержанием программы;

- 2) пробы, направленные на исследование праксиса;
- 3) пробы, направленные на исследование гнозиса;
- 4) пробы для исследования пространственных и квазипространственных функций;
- 5) пробы, направленные на исследование мыслительных операций.

Были обследованы подэкспертные в возрасте от 26 до 88 лет. Все они проходили КСППЭ в «Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России.

В отношении 31 человека экспертной комиссией было принято решение, что они «не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки» (*основная группа*). Среди них лиц с органическим психическим расстройством — 10 человек, с расстройствами шизофренического спектра — 7, с синдромом зависимости от алкоголя — 5, с умственной отсталостью и расстройствами личности — по 4, с биполярным аффективным расстройством — 1 человек.

В отношении 31 человека было определено, что они «могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки» (*контрольная группа*). Преимущественные психические расстройства: синдром зависимости от алкоголя — 10 человек, органическое психическое расстройство — 9, расстройства шизофренического спектра — 3, расстройство личности — 2, умственная отсталость — 1 человек. Из этой группы 6 человек не страдали каким-либо психическим расстройством.

В качестве *группы сравнения* было обследовано 11 человек, которые, по мнению экспертной комиссии, «вследствие психического расстройства могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц» и, соответственно, могут совершать крупные сделки только с письменного согласия попечителя (ч. 2 ст. 30 ГК РФ — ограничение дееспособности вследствие психического расстройства). В основном — это страдающие расстройствами шизофренического спектра (8 человек). Кроме того, 2 человека — с диагнозом органическое психическое расстройство и 1 — с умственной отсталостью.

Результаты исследования и обсуждение

По результатам нейропсихологического исследования, в *основной группе* («не мог понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки») у 14 человек отмечается превалирование симптомокомплекса, наиболее приближающегося к синдрому нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности, относящемуся к префронтальным отделам головного мозга.

Это проявляется в снижении произвольной регуляции деятельности. Отмечаются трудности в формировании намерения, в соответствии с которым должна определяться цель действия и прогнозироваться на основе прошлого опыта образ конечного результата, соответствующего поставленной цели и удовлетворяющего намерению, или его искажение (как на уровне регуляции, так и на смысловом уровне). Было обнаружено, что грубо страдает составление программы, как некоего алгоритма, системы в выборе средств для достижения результата и их последовательной связи. Нарушается контроль выполнения

этой программы — при изменении условий достижения результата программа действий не подвергается коррекции. Также наблюдаются трудности на этапе сличения достигнутого результата с тем, что предполагалось получить, и нарушения способности вносить коррекцию, особенно в случае расогласования прогноза и результата. В некоторых случаях отмечались признаки инактивности в организации деятельности на этапе формирования программы исполнения, когда правильно начавшаяся деятельность в конечном счете заменяется уже сложившимся стереотипом.

В мыслительных операциях теряется целенаправленная ориентировка в условиях задачи и программе действий. Так, при решении арифметических задач (состоящих не из одного действия) подэкспертные могли выхватить из условия к заданию один из моментов, отвечая на него, и пропустить основной вопрос; выполнять действия, которые не подчиняются общему плану. Отмечались выраженные трудности в составлении алгоритма для решения арифметической задачи. Подобные особенности наблюдались также и при описании и составлении рассказа по сюжетной картине: подэкспертные могли импульсивно вырвать из общего целостного изображения какую-либо деталь и выстраивать ход своих рассуждений в соответствии с этим, не обращая внимания на важные детали, показывающиеся основной смысл изображения. Фактически, они актуализировали известные им стереотипы в рассказе, вызванные фрагментом картинки.

В двигательной программе наблюдались черты эхопраксии, актуализация стереотипного выполнения заданий и поведения. Так, в ответ на один удар подэкспертный выполняет одно постукивание, на два удара — дважды (инструкция к заданию: «когда я стукну по столу один раз, Вы поднимите правую руку, когда два раза — поднимите левую руку»). Мнестическая деятельность таких подэкспертных в большинстве случаев также характеризуется снижением произвольности и целенаправленности. При отсутствии в некоторых случаях первичных нарушений памяти затрудняется возможность создавать прочные мотивы запоминания: в методике «10 слов» кривая заучивания может иметь характер «плато» (инертно воспроизводит первоначально запечатленные слова, не достигающие количества предъявленных стимульных слов). Подобные трудности наблюдаются и в методике «Две группы по три слова».

В речевой продукции подэкспертных наблюдаются черты аспонтанности, на что влияет некоторое снижение произвольной регуляции деятельности в сочетании с инактивностью. Речь таких подэкспертных несколько обеднена или утрачивает речевую инициативу, отмечаются трудности в структурировании подачи информации. Речевая продукция изобилует стереотипами и штампами, периодически — повторениями и несодержательными высказываниями. В то время как данные симптомы более свойственны для левой лобной доли, отмечаются, в противовес этому, такие особенности, как: расторможенность речи, обилие речевой продукции, готовность больного квазилогически объяснить в ходе выполнения заданий свои ошибки, свойственные для правополушарного поражения [10]. Однако следует отметить, что в данном нейропсихологическом симптомокомплексе нарушения не достигают степени выраженности «полевого поведения», тотальной регуляторной апраксии, грубого нарушения регулирующей функции речи, как это бывает при полноценном синдроме нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности.

В контрольной группе («мог понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки») вышеописанные особенности выявляются у 5 подэкспертных: это

значимо меньше ($p=0,01$, по непараметрическому критерию углового преобразования Фишера), чем в основной. В *группе сравнения* («ограничение дееспособности вследствие психического расстройства») подобные нарушения были обнаружены только у 1 человека — значимо меньше ($p=0,001$), чем в основной и контрольной группах.

По таким закономерным сочетаниям симптомов, наиболее приближающимся к синдромам нарушений динамической (кинетической) составляющей движений и действий при поражении задне-лобных отделов мозга, базальных отделов лобных долей, гипоталамо-диэнцефальной области мозга (отмечающимся в основной группе), между *основной* и *контрольной* группами значимых различий обнаружено не было.

В *контрольной* группе не было обнаружено ни одного случая синдрома нарушения памяти и сознания при поражении медиальных отделов лобных долей мозга. В противовес этому, в *основной* группе подэкспертных, не способных к совершению сделки, из 31 случая у 5 подэкспертных отмечался данный синдром, что проявлялось в дезориентировке подэкспертного в месте, во времени, своем заболевании, дезориентировке в собственной личности и в выраженных нарушениях памяти.

Стоит отметить, что в *основной* группе лиц с психическими расстройствами, которые не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки, обнаруживается закономерность наличия диагноза «умственная отсталость» (F70-F79) и синдрома нарушения пространственных синтезов (синдром ТРО), в котором в первую очередь выделяется снижение квазипространственных функций, что наиболее ярко проявляется в нарушении понимания логико-грамматических конструкций.

В *группе сравнения* не наблюдались случаи выраженных нейропсихологических синдромов и их симптомов. Так, из 11 подэкспертных этой группы только у одного отмечается симптомокомплекс, наиболее приближающийся к синдрому нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности (префронтальные отделы головного мозга).

Заключение

В ходе исследования были обнаружены значимые различия нейропсихологических нарушений у подэкспертных, которые могли и не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки, а также подэкспертных, которые по экспертному решению могут понимать значение своих действий и руководить ими (дееспособность), однако им рекомендовано ограничение дееспособности вследствие психического расстройства.

В группе подэкспертных, которые не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки, отмечается превалирование симптомокомплекса, наиболее приближающегося к синдрому нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности, относящемуся к префронтальным отделам головного мозга. У сделкоспособных подэкспертных таких особенностей значимо меньше.

В группе подэкспертных, не способных к совершению сделки, в ряде случаев отмечался синдром нарушения памяти и сознания при поражении медиальных отделов лобных долей мозга. В группе же подэкспертных, которые могли понимать значение своих

действий и руководить ими при совершении сделки, не было обнаружено ни одного случая этого синдрома.

В группе подэкспертных, которым было рекомендовано ограничение дееспособности, почти не отмечалось случаев выраженных нейропсихологических синдромов и их симптомов, а также не наблюдалось влияния обнаруженных в ходе нейропсихологического обследования особенностей на экспертное решение.

В группе лиц с психическими расстройствами, которые не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки, обнаруживается закономерность наличия диагноза «умственная отсталость» (F70 — F79) и синдрома нарушения пространственных синтезов (синдром ТРО), в котором в первую очередь выделяется снижение квазипространственных функций, что наиболее ярко проявляется в нарушении понимания логико-грамматических конструкций.

Таким образом, исследование показало значимость проведения нейропсихологического обследования в рамках КСППЭ по оценке сделкоспособности. Для подэкспертных, которые не могли понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделки, характерно превалирование нейропсихологических нарушений, связанных со снижением произвольной регуляции деятельности, с расстройствами сознания и памяти, нарушениями пространственных синтезов. Дальнейшее нейропсихологическое исследование позволит уточнить критерии судебно-психологической оценки сделкоспособности, а также внести определенный вклад в разработку критериев для оценки ограниченной дееспособности.

Литература

1. Анализ понятия «принятия решения» в структуре психологической судебно-экспертной оценки сделкоспособности / Ю.О. Переpravина. Москва // Поляковские чтения-2018. Методологические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 90-летию Ю.Ф. Полякова): материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 15—16 марта 2018 года / Ред. Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина, С.Н. Ениколопов. М.: Сам Полиграфист, 2018. С. 239—240.
2. Дьякова Н.В. Нейропсихологические методы в судебной экспертизе // Материалы III Международной научно-практической конференции «Развитие научного наследия А.Р. Лурия в отечественной и мировой психологии / Под ред. проф. В.А. Москвина. М.; Белгород: Издательско-полиграфический центр «ПОЛИТЕРРА», 2007. С. 42.
3. Корзун Д.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза лиц с органическими психическими расстройствами, совершивших имущественные сделки: автореф. ... дисс. канд. мед. наук. М., 2004. 24 с.
4. Королева Е.В. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств у лиц, совершивших сделки: автореф. дисс. ... д-ра мед. наук. М., 2010. 42 с.
5. Корсакова Н.К., Московичюте Л.И. Клиническая нейропсихология. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 144 с.

6. Малкин Д.А. Экспертная оценка психического состояния лиц, совершивших сделки (в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы): автореф. ... дисс. канд. мед. наук. М., 2004. 21 с.
7. Никитина Е.А. Судебно-экспертная оценка сделкоспособности лиц с органическим психическим расстройством и синдромом зависимости от алкоголя: роль патопсихологических симптомокомплексов [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63800.shtml> (дата обращения: 09.07.2018).
8. О применении Мельбурнского опросника принятия решений (русскоязычная адаптация Корниловой Т.В.) в диагностике лиц с психическими расстройствами при оценке дееспособности / Ю.О. Переpravина. Москва // *Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 105-летию С.Я. Рубинштейн): материалы научно-практической конференции с международным участием, 29—30 ноября 2016 года* / Ред. Н.В. Зверева, И.Ф. Рощина. М.: Сам Полиграфист, 2016. С. 275—277.
9. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. 414 с.
10. Русаковская О.А., Харитонова Н.К., Рахманов А.Б., Переpravина Ю.О. Оценка сделкоспособности больной, перенесшей операцию в связи с опухолью мозга // *Практика судебно-практической экспертизы: Сборник № 56* / Под ред. Г.А. Фастовцова. М., 2018. С. 33—47.
11. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Зейгер М.В., Переpravина Ю.О., Христофорова М.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы // *Российский психиатрический журнал*. 2016. № 2. С. 37—43.
12. Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. Экспертная оценка сделкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М., 2006. 32 с.
13. Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Методологические подходы к определению недееспособности в зарубежной судебно-психиатрической практике // *Российский психиатрический журнал*. 2016. № 5. С. 33—43.
14. Хомская Е.Д. Нейропсихология: 4-е изд. СПб.: Питер, 2005. 496 с.
15. Assessment of Older Adults with Diminished Capacity: A Handbook for Psychologists // 2008 by the American Bar Association Commission on Law and Aging — American Psychological Association.
16. Code of practice. Mental capacity act (chapter 177A) // Office of the public guardian. Ministry of Social and Family Development. 2016.

17. Edersheim J., Murray E., Padmanabhan J., Price B. Protecting the health and finances of the elderly with early cognitive impairment // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online*. March. 2017. Vol. 45. N 1. P. 81—91.
18. Heilbrun K, Marczyk G.R, DeMatteo D, Zilmer E.A, Harris J, Jennings T. Forensic neuropsychological assessment: a review of its scope // *Arch. Clin. Psychiatry*. 2015. Vol. 42. N 2. P. 63—7.
19. Raub J., Ciccone J.R. Testamentary Capacity // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online*. April. 2012. Vol. 40. N 2. P. 287—289.
20. Reyman F., Shankar C. Retrospective Assessment of Testamentary Capacity: A Gray Zone // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online*. March. 2015. Vol. 3. N 1. P. 116—118.

Neuropsychological assessment at forensic psychological assessment of decision making capacity

Safuanov F.S., Dr.Sci. (Psychology), Professor, Head of the Chair of Clinical and Forensic Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Psychology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (safuanovf@rambler.ru)

Perepravina Y.O., Junior Researcher of Laboratory of psychology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (yuliaperepravina@gmail.com)

Chernenkov A.D., Junior Researcher of Laboratory of psychology, National Medical Research Center for Psychiatry and Addiction of the Ministry of Health of the Russian Federation (artem.chernenkov@mail.ru)

Relevance of the research consists in consideration the forensic neuropsychological assessment in Russia. The new problem of use of neuropsychological methods in complex forensic psychological and psychiatric examination and forensic psychiatric examination is studied. The article presents the results of neuropsychological assessment of the persons, who could not understand the meaning of their actions, regulate and control them at the time of the transaction. The persons, who could not understand the meaning of their actions, regulate and control them at the time of the transaction, characterized by the presence of a decrease of the ability to control one's actions and the of spatial functions, the neuropsychological syndrome of memory and consciousness. The persons who were able to make decisions at the time of the transaction, such features were less. The importance of the use of neuropsychological methods in forensic examination was established.

Key words: complex forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination, capacity, neuropsychological assessment, diminished capacity.

References

1. Analiz ponyatiya "prinyatiya resheniya" v strukture psihologicheskoy sudebno-ehkspertnoj ocenki delkosposobnosti [The term "Decision-Making" in structure of psychological diagnostics of persons with mental disorders at assessment of capacity]. Yu.O. Perepravina. — Moscow. Polyakovskie chteniya 2018. Metodologicheskie i prikladnye problemy medicinskoj (klinicheskoy) psihologii (k 90-letiyu Yu.F. Polyakova): materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Polyakov conference 2018. Methodological and applied problems of medical (clinical) psychology (to the 90th anniversary of Yu. F. Polyakov): materials of the all-Russian scientific-practical conference with international participation, March 15-16,

- 2018] In N.V. Zvereva, I.F. Roshchina, S.N. Enikolopov (ed). Moscow: Sam Poligrafist, 2018, pp. 239-240. (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. D'yakova N.V. Nejropsihologicheskie metody v sudebnoj ehkspertize [Neuropsychological methods at forensic assessment]. R 17 Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Razvitie nauchnogo naslediya A.R.Luriya v otechestvennoj i mirovoj psihologii» [Materials of the III International scientific-practical conference " development of scientific heritage of A. R. Luria in the national and world psychology»] In V.A. Moskvina (ed). Moscow-Belgorod: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «POLITERRA», 2007. 42 p.
  3. Korzun D.N. Sudebno-psihiatricheskaya ehkspertiza lic s organichesкими psihicheskimi rasstrojstvami, sovershivshih imushchestvennye sdelki: avtoref. diss. kand. med. nauk. [Forensic psychiatric assessment of persons with organic mental disorders who have made property transactions. Ph. D. (Medicine) Thesis]. Moscow, 2004. 24 p.
  4. Koroleva E.V. Sudebno-psihiatricheskaya ocenka psihicheskikh rasstrojstv u lic, sovershivshih sdelki: avtoref. diss. d-ra med. nauk. [Forensic psychiatric assessment of persons with mental disorders who have made property transactions. Dr. Sci. (Medicine) diss.]:- Moscow, 2010. 42 p.
  5. Korsakova N.K., Moskovichyute L.I. Klinicheskaya nejropsihologiya [Clinical neuropsychology]. - Moscow: Akademiya, 2003. 144 p.
  6. Malkin D.A. Ekspertnaya ocenka psihicheskogo sostoyaniya lic, sovershivshih sdelki (v ramkah kompleksnoj sudebnoj psihologo-psihiatricheskoy ehkspertizy): avtoref. diss. kand. med. nauk. [Expert assessment of the mental state of persons who have made transactions (complex forensic psychological and psychiatric examination). Ph. D. (Medicine) Thesis]. Moscow, 2004. 21 p.
  7. Nikitina E.A. Sudebno-ehkspertnaya ocenka sdelkosposobnosti lic s organicheskim psihicheskim rasstrojstvom i sindromom zavisimosti ot alkogolya: rol' patopsihologicheskikh simptomokompleksov [Elektronnyj resurs] [Forensic expert assessment of capacity to contract in patients with organic mental disorders and alcohol dependence: the role of pathopsychological syndromes]. Psihologiya i pravo [Psychology and Law]. 2013. no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63800.shtml> (Accessed 09.07.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
  8. O primeneniі Mel'burnskogo oprosnika prinyatiya reshenij (russkoyazychnaya adaptaciya Kornilovoj T.V.) v diagnostike lic s psihicheskimi rasstrojstvami pri ocenke deesposobnosti [Melbourne decision making questionnaire in structure of diagnostics of persons with mental disorders at assessment of capacity]. Yu.O. Perepravina. — Moskva. Diagnostika v medicinskoj (klinicheskoy) psihologii: tradicii i perspektivy (k 105-letiyu S.Ya. Rubinshtejn): materialy nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Diagnosis in medical (clinical) psychology: traditions and prospects (to the 105th anniversary of S. Y. Rubinstein): materials of scientific-practical conference with international participation on November 29-30, 2016] In N.V. Zvereva, I.F. Roshchina (ed). Moscow: Sam Poligrafist, 2016, pp. 275-277. (In Russ., Abstr. in Engl.).

9. Rubinshtejn S.YA. Eksperimental'nye metodiki patopsihologii [Clinical psychology's methods]. Moscow: EHKSMO — PRESS, 1999. 414 p.
10. Rusakovskaya O.A., Haritonova N.K., Rahmanov A.B., Perepravina YU.O. Ocenka sdelkosposobnosti bol'noj, perenesshej operaciyu v svyazi s opuhol'yu mozga [An assessment of decision making capacity patient undergoing surgery brain tumor]. Praktika sudebno-prakticheskoy ehkspertizy [Forensic-practical examination]: Collection no. 56. In G.A. Fastovcova (ed). — Moscow: FGBU «NMICPN im. V.P. Serbskogo « Minzdrava Rossii» [The Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry], 2018, pp. 33 — 47.
11. Safuanov F.S., Haritonova N.K., Zejger M.V., Perepravina YU.O., Hristoforova M.A. Kompleksnaya sudebnaya psihologo-psihiatricheskaya ehkspertiza po delam ob ogranichenii deesposobnosti vsledstvie psihicheskogo rasstrojstva: problemy i perspektivy [Complex forensic psychological and psychiatric examination in cases of diminished capacity due to mental disorders: problems and perspectives]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian journal of psychiatry]. 2016. No 2, pp. 37-43.
12. Haritonova N.K., Safuanov F.S., Malkin D.A. Ekspertnaya ocenka sdelkosposobnosti po grazhdanskim delam v ramkah kompleksnoj sudebnoj psihologo-psihiatricheskoy ehkspertizy [Expert assessment of decision making capacity in civil cases in the complex forensic psychological and psychiatric examination]. Posobie dlya vrachej [Manual for doctors]. Moscow, 2006. 32p.
13. Haritonova N.K., Rusakovskaya O.A. Metodologicheskie podhody k opredeleniyu nedeesposobnosti v zarubezhnoj sudebno-psihiatricheskoy praktike [Methodological approaches to determining incapacity in foreign forensic psychiatric practice]. Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian journal of psychiatry]. 2016. No 5, pp. 33-43.
14. Homskaya E. D. H76 Nejropsihologiya [Neuropsychology]: (Seriya «Klassicheskij universitetskij uchebnik»): 4-e izdanie. — SPb.: Piter, 2005. 496 p.
15. Assessment of Older Adults with Diminished Capacity: A Handbook for Psychologists // 2008 by the American Bar Association Commission on Law and Aging — American Psychological Association.
16. Code of practice. Mental capacity act (chapter 177A) // Office of the public guardian. Ministry of Social and Family Development. 2016.
17. Edersheim J., Murray E., Padmanabhan J., Price B. Protecting the health and finances of the elderly with early cognitive impairment. Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online March 2017, 45 (1) 81-91.
18. Heilbrun K, Marczyk GR, DeMatteo D, Zilmer EA, Harris J, Jennings T. Forensic neuropsychological assessment: a review of its scope. // Arch Clin Psychiatry. 2015;42(2):63-7.
19. Raub J., Ciccone J. R. Testamentary Capacity. Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online April 2012, 40 (2) 287-289.

20. Reyman F., Shankar C. Retrospective Assessment of Testamentary Capacity: A Gray Zone. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online* March 2015, 43 (1) 116-118.

Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур

Кубышко В.Л., кандидат педагогических наук, начальник, Департамент государственной службы и кадров МВД России (84956673764@mail.ru)

Крук В. М., доктор психологических наук, профессор, ведущий консультант отдела организации психологической работы управления организации морально-психологического обеспечения, Департамент государственной службы и кадров МВД России (kvm@fsvgroup.ru)

Вахнина В.В., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (vikavahnina@mail.ru)

Федотов А. Ю., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии УНК психологии служебной деятельности, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя» (fedot-andrey2008@yandex.ru)

В статье рассматриваются возможности и опыт интеграции психологических и информационных технологий формирования образа профессиональных действий и оптимизации психических состояний в рамках метода ситуативно-образного моделирования. Надежность профессиональной деятельности в данном случае понимается как достижение ее заданной эффективности с учетом характерных для профессии временных ограничений (максимально допустимая инерция реагирования, минимально допустимая продолжительность) и необходимости преодоления специфических стрессовых факторов. Сочетание психологических и информационных технологий может способствовать совершенствованию технологий ПЛР. Апробированный нами гибридный вариант ПЛР получил название «метод ситуативно-образного моделирования» (С-ОМ), что отражает его основную идею. В частности, в системном моделировании трудных профессиональных ситуаций (в которых отсутствует удовлетворительный уровень надежности) в процессе согласованного использования психологических и информационных технологий для целенаправленного формирования образов происходит формирование эффективных действий и соответствующих

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю. Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур. *Психология и право* psyandlaw.ru 2018. Том 8. №4. С. 128-141.

Kubyshko V.L., Kruk V.M., Vakhnina V.V., Fedotov A.Yu. Integration of psychological and information technologies within the framework of the method of situational-shaped modeling of problem situations of specialists of power structures. *Psychology and law* psyandlaw.ru 2018. Vol. 8. no.4. pp. 128-141.

оптимальных психических состояний истемность моделирования достигается за счет использования банка данных системно-ситуативного анализа деятельности (ССАД).

Ключевые слова: надежность профессиональной деятельности, системно-ситуативный анализ деятельности, профессионально-личностное развитие, ситуативно-образное моделирование, идеомоторное моделирование, виртуальное моделирование, образ профессионального действия, психическое состояние.

Для цитаты:

Кубышко В.Л., Крук В.М., Вахнина В.В., Федотов А.Ю. Интеграция психологических и информационных технологий в рамках метода ситуативно-образного моделирования проблемных ситуаций специалистов силовых структур. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 4. С. 128-141. doi: 10.17759/psylaw.2018080412

For citation:

Kubyshko V.L., Kruk V.M., Vakhnina V.V., Fedotov A.Yu. Integration of psychological and information technologies within the framework of the method of situational-shaped modeling of problem situations of specialists of power structures. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.128-141. doi: 10.17759/psylaw.2018080412

В современных условиях реформирования системы МВД назрела необходимость своевременного обновления содержания программ профессиональной подготовки и повышения квалификации субъектов переговоров в системе дополнительного профессионального образования. Дополнительное последипломное профессиональное образование отличается от первоначального высшего образования посредством дополнения его новыми знаниями, умениями и навыками, формированием необходимых дополнительных компетенций. В течение ряда лет психологическим сообществом, исследующим прикладные проблемы деятельности специалистов силовых структур, предпринимаются многочисленные попытки разработки комплексных технологий профессионально-личностного развития (ПЛР) способных оказать существенное влияние на повышение надежности выполнения профессиональных задач [1, с. 24]. Надежность профессиональной деятельности в данном случае понимается как достижение ее заданной эффективности с учетом характерных для профессии временных ограничений. К основным проблемам актуального этапа разработки технологий ПРЛ можно отнести: разночтения в понимании целей и методов психологического исследования профессиональной деятельности; доминирование разработок, касающихся фрагментарного развития отдельных психических качеств в отрыве от их биодинамической составляющей; использование фундаментальных моделей ПЛР, требующих больших временных, материальных и научно-методических ресурсов; недостаточное обеспечение оптимальных пропорций когнитивных, эмоциональных и физических нагрузок в процессе ПЛР;

отсутствие апробированных методик, основанных на оптимальном сочетании информационных технологий с психологическими технологиями ПЛР.

Проведенные нами исследования показывают, что преодолеть эти трудности можно путем модификации индивидуального психофизического тренинга (ИПФТ) как варианта системно-ситуативного подхода в ПЛР [2, с. 105]. Модификация предполагает интеграцию несколько упрощенной, по сравнению с развернутой моделью ИПФТ [3, с. 84], технологии формирования адекватного образа профессиональных действий с возможностями информационных технологий по моделированию виртуального пространства для их реализации.

На сегодняшний день имеется как позитивный, так и негативный опыт применения технологий виртуального моделирования в профессиональной подготовке специалистов силовых структур [4, с. 98]. Позитивный опыт связан с применением систем биологической обратной связи, уместным применением стрелковых (способствует увязыванию проприоцептивной и экстероцептивной компонент образа стрелкового действия) и водительских (способствует передаче локомоторной компоненты образа перемещения на уровень манипуляций) тренажеров, применением компьютерных моделей для планирования, контроля реализации и разбора решения отдельных тактических задач. Дискуссионный опыт в основном связан с применением тактических игровых интерактивных тренажеров, предполагающих интеграцию перцептивно-локомоторно-манипулятивной активности обучаемых в виртуальное пространство, например: «VR-оборудование для тактико-специальной подготовки мотострелков» объединенной приборостроительной корпорации (Россия); «Верд Сим» (США) для подготовки полицейских подразделений специального назначения; «Система CAVE»(Канада) для подготовки пехотинцев и т. д. Большинство специалистов считают, что они искажают как пространственно-предметную часть Я-образа и пространственно-временные пропорции перцептивного образа, так и связанность Я-образа и образа пространства в контексте выполняемого действия.

Опыт наших исследований показывает, что применение подобного оборудования зачастую приводит к нарушению образа пространства и его соотношений с дирекционными, амплитудными и скоростными движениями тела обучаемого. У данного направления применения VR-технологий, по видимому, есть большие перспективы и не следует отказываться от их разработки и совершенствования, но завышенные оценки разработчиков и бессистемное применение подобных тренажеров приводит к разочарованию в их возможностях. Работа по совершенствованию взаимодействия с этим типом тренажеров должна касаться: их целенаправленной профессиональной адаптации; совершенствования динамических, перцептивных и т. п. характеристик самих тренажеров; определению мер по предварительной подготовке обучаемого контингента к использованию тренажера.

Таким образом, сочетание психологических и информационных технологи может способствовать совершенствованию технологий ПЛР. Апробированный нами вариант ПЛР получил название «метод ситуативно-образного моделирования» (С-ОМ), что отражает его основную идею. В частности, в системном моделировании трудных (в которых отсутствует удовлетворительный уровень надежности) профессиональных ситуаций в процессе

согласованного использования психологических и информационных технологий происходит целенаправленное формирование образов эффективных действий и соответствующих психических состояний. Системность моделирования достигается за счет использования банка данных системно-ситуативного анализа деятельности (ССАД) для типологизации и фрагментирования трудных ситуаций профессиональной деятельности и их последовательного применения в роли основы прорабатываемых моделей для адресной активации психофизических функций образа и состояния, детерминирующих надежность действий.

Обязательным условием и начальным этапом реализации рассматриваемого метода является психологическое исследование профессиональной деятельности с целью выявления типичных сбоев и затруднений в осуществлении профессиональных действий, обоснования всего комплекса психофизических детерминант достижения нормативной эффективности во всем разнообразии контекстных требований.

В рамках проведенного исследования изучение особенностей профессиональной деятельности специалистов силовых структур проводилось при помощи модифицированного варианта ССАД, предполагающего приоритетное использование метода последовательной динамической оценки (МПДО) в виде ретроспективного интервью и актуализированной оценки действий в моделируемых ситуациях. В данном подходе за единицу профессиональной деятельности и ее анализа принимается ситуация как трехмерная система отображения реализованного профессионального действия в пространстве «задача—условия—субъект». Удобство выбранной единицы заключается еще и в том, что она позволяет наглядно представить обучаемым основы механизма сложной взаимосвязи между психическим состоянием и интегративным образом профессионального действия, а также и саму структуру этого образа в совокупности его компонент, отражающих как внешнюю, так и внутреннюю реальность (рис. 1.). Также оговоримся, что в рамках данной технологии мы рассматриваем образ (при обсуждении механизмов и техник С-ОМ с обучаемыми) как осознаваемую часть содержания психики и воздействуем лишь на осознаваемые субъектом структурные элементы его психических состояний. Учет неосознаваемых структур этих явлений, представляет собой отдельную и очень сложную задачу.

Важно отметить, что технология метода С-ОМ предполагает постепенное расширение «зоны осознания», а следовательно, и произвольности, высокой степени самоконтроля специалиста в трудных ситуациях профессиональной деятельности. При этом позитивным фактором выступает владение обучаемым методом произвольной психической саморегуляции, однако, если этого нет, эта способность развивается у обучаемого по мере освоения программы С-ОМ.

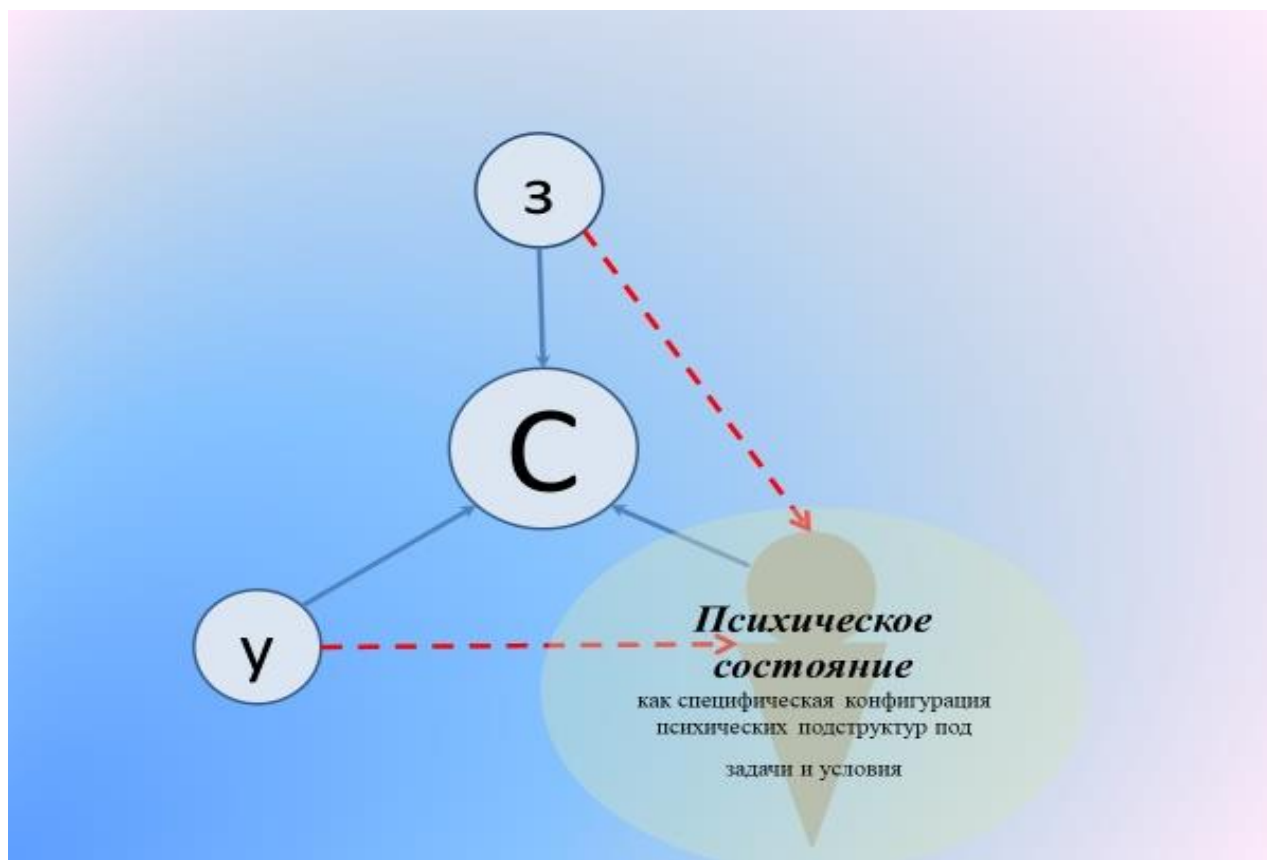

Рис. 1. Модель структуры образа ситуации как единицы деятельности и ее анализа: С — ситуация; З — осознаваемая субъектом задача действия; У — осознаваемые субъектом условия деятельности как компоненты образа ситуации наряду с психическим состоянием)

Оценка успешности освоения метода С-ОМ осуществляется путем применения ряда внешних критериев. С одной стороны, это экспертные оценки руководителей и самооценки обучаемых по результатам выполнения профессиональных действий в реальных ситуациях, отнесенных к категории трудных. С другой стороны, это данные промежуточных и итогового тестирования, хронометраж и алгоритмический анализ действий в моделируемых ситуациях.

Формирование образа профессионального действия, развивающие и контрольно-диагностические процедуры С-ОМ делятся на пять основных блоков. Прохождение блоков осуществляется последовательно-параллельным методом, при этом третий блок является центральным (рис. 2). Заметим, что он обязательно присутствует даже в стихийной практике ПЛР, однако там он зачастую является единственным. Поэтому, начиная системную работу методом С-ОМ, мы изучаем и учитываем особенности личного опыта формирования образов профессиональных действий и оптимизации психических состояний. Наличие этого опыта (стихийное прохождение третьего блока С-ОМ) первоначально затрудняет реализацию процедур первого и второго блоков, но в дальнейшем, при переходе к четвертому и пятому блокам, оказывает позитивное влияние. Каждый из блоков имеет определенную автономность и в случае необходимости может быть пройден повторно. Наибольшую автономность имеют третий и пятый блоки, которые

в конечном итоге, при достижении высокого уровня ПЛР специалиста, интегрируют остальные.

Рис. 2. Структура и основное содержание метода ситуативно-образного моделирования

Основной замысел первого блока заключается в реализации системного подхода в формировании сенсомоторных, перцептивных и алгоритмических компонент образа профессиональных действий в реальном пространстве и времени. Технология первого блока С-ОМ предполагает следующее.

1. Развитие способности к осознанию сенсомоторных и эмоциональных (по принципу — чем меньше, беднее и неустойчивее образ, тем больше тенденция смещения эмоционального регистра к страху) элементов образа действия по уровням тонуса и синергий, как фоновых для формирования интегративного образа профессионального действия [5, с. 115], определенного в ССАД как проблемного. Формируется понимание образа как центральной части непрерывного цикла получения (чувственная ткань) и реализации (биодинамическая ткань) информации пространственно-временного, предметного и символического (абстрактного) характера.

2. Развитие способности к осознанию перцептивных структур сукцессивного и симультанного образов проблемного профессионального действия по уровню пространства; совершенствование осознания индивидуального, коллективного и инструментального пространственного моторного поля; формирование перцептивных эталонов ситуаций профессиональной деятельности и их применение в процессе наблюдения. Произвольная оптимизация психического состояния путем стабилизации эмоционального фона (с опорой на осознание инвариантности образа уровней тонуса и синергий) и избирательной

активации когнитивных процессов, обеспечивающих операциональные компоненты образа действия.

3. Совершенствование образов проблемных профессиональных действий по предметному уровню. Формирование поливариантной алгоритмической структуры образа с учетом конструктивно-функциональных особенностей вооружения, технических устройств перемещения, маскировки, обмена информацией и т. п. Совершенствование процессов произвольного управления образом профессионального действия с учетом соответствующего ему, оптимального психического состояния. Обучаемым разъясняется психологический механизм взаимной детерминации образа и состояния, заключающийся в том, что актуализированные элементы образа закономерно детерминируют активацию соответствующих когнитивных и эмоциональных процессов как структурных элементов психического состояния (чем ярче, структурированнее, стабильнее образ, тем более определенное психическое состояние складывается); в свою очередь, психическое состояние обеспечивает более или менее благоприятные условия возникновения и функционирования образа (чем адекватнее и стабильнее конфигурация психических процессов, тем больше возможностей для осознания и управления образом) [6, с. 223].

Реализуя эти задачи посредством моделирования ситуаций из банка данных ССАД и применения комплекса методов из арсенала ИПФТ, мы добиваемся согласованного развития всех уровней Я-образа и образа окружающего, применительно к особенностям профессии. В процедурах освоения данного блока инструментарий виртуального моделирования практически не используется. Применяются только компьютерные средства БОС и программы регистрации мышечной и моторной активности, электронные средства регистрации и обработки исследовательских данных. Все действия обучаемых происходят в реальном пространстве и времени, что позволяет сформировать адекватную профессиональной реальности основу образа.

Основной замысел второго блока состоит в переносе нагрузки из сферы внешнедвигательной активности в идеомоторную сферу. Идеомоторное моделирование ранее отработанных во внешне двигательном плане действий позволяет кардинально сместить акценты и совершенствовать структурно-содержательные и динамические характеристики образа «в чистом виде». В процессе освоения программы идеомоторного блока ярко проявляются изъяны в прохождении первого блока. Технология второго блока С-ОМ предполагает освоение базовых принципов и методики идеомоторной тренировки. Это первый этап развития идеомоторных способностей, когда в содержание занятий, в рамках которых реализуются задачи ПЛР, включаются упражнения, предполагающие активную внутреннюю проработку образов простых действий на фоне внешней телесной статики (физической релаксации, перерыва, отдыха). Осваиваются два варианта идеомоторной проработки.

Первый вариант, преподносится как элемент текущего самоконтроля изучаемого элемента действия. Обучаемому дается 30 секунд для того, чтобы представить себе идеальное исполнение предстоящего действия и еще 40 секунд после его реализации во внешнем плане для образного исправления допущенных ошибок.

Второй вариант — осваивается комплексное идеомоторное упражнение, направленное на итоговую проработку всех действий, изученных в течение всего занятия.

Так активируются процессы формирования образов профессиональных действий, закрепляется их стеническая эмоциональная основа, преодолевается инерция в актуализации оптимального для действия психического состояния.

Идеомоторная проработка типичных проблемных ситуаций из банка данных ССАД освоенных в ходе первого блока начинается с отчетов обучаемых. На данном этапе идеомоторная тренировка осуществляется с дополнением техникой «эмоционального круга» [7, с. 152], что позволяет снизить инертность оптимизации психического состояния. Используются типичные трудные ситуации из банка данных ССАД, предварительно проработанные во внешнем плане, длящиеся не более 10—15 минут; их алгоритм состоит не более чем из семи элементов. Идеомоторная проработка чередуется с реальными действиями в пропорции 4:1, но по мере улучшения внешних параметров надежности действий в ситуации сокращаются до пропорции 1:1. Так достигается универсальность, вариативность образов профессиональных действий, закрепляется их стеническая эмоциональная основа, преодолевается инерция в актуализации оптимального для действия психического состояния.

В дальнейшем происходит идеомоторное моделирование вариаций задач, условий, алгоритмов и средств действий в проблемных ситуациях с последующей апробацией наиболее удачных вариантов в пространственно-временной динамике. Регулярная практика произвольного изменения образов ситуаций позволяет повышать вариативность и динамику целесообразного реагирования на изменения ситуации и оптимизирует психическое состояние [8, с. 433], что влияет на повышение стабильности образа и четкость его осознания, развивает способность к произвольной трансформации, структурированию и управлению осознаваемыми когнитивными и эмоциональными элементами психического состояния. Происходит наращивание качественных параметров образа и способность к гибкой антиципации возможных вариантов развития ситуации и действий в ней. При прохождении второго блока интегрируются основные технологии первого блока, связанные с развитием пространственных компонент образа действия, реализуемого здесь и сейчас, так как идеомоторная проработка ситуаций осуществляется вне непосредственного исполнения действия (табл 1).

Таблица 1

Изменение психофизических показателей обучаемых с использованием метода идеомоторного моделирования

Интегративный показатель	До начала эксперимента		При итоговом контроле	
	С-ОМ с III блоком	С-ОМ без III блока	С-ОМ с III блоком	С-ОМ без III блока
Двигательная ловкость	4, 34	4, 32	4, 41 (+0, 07)	4, 35 (+0, 03)
Оперативная память	2, 54	2, 56	2, 58 (+0, 04)	2, 57 (+0, 01)
Объем внимания	1, 52	1, 49	1, 55 (+0, 03)	1, 51 (+0, 02)

Восприятие эталонов	2, 15	2, 18	2, 21 (+0, 06)	2, 21 (+0, 03)
Гибкость мышления	3, 43	3, 45	3, 48 (+0, 05)	3, 46 (+0, 01)

Таким образом, третий блок выполняет функцию критерия эффективности освоенных ранее блоков и предполагает расширение личного опыта оптимизации психических состояний путем целенаправленной трансформации образа реализуемых действий в реальных ситуациях профессиональной деятельности.

В условиях образовательной организации данный блок представляет собой контрольно-тренировочный цикл выполнения комплексных задач при условии целенаправленного применения способностей к образному моделированию, сформированных в ходе освоения предыдущих блоков. Оценка по итогам прохождения этого блока позволяет оценить у будущих специалистов наличие способности к действию в профессиональном пространственно-временном континууме, способности к повышению надежности действий в проблемных ситуациях путем регулирования образов профессиональных действий и оптимизации психических состояний. Исходя из этой оценки, принимается решение о целесообразности и особенностях прохождения четвертого блока метода С-ОМ.

Эффективность применения технологий виртуального моделирования определяется стабильностью, адекватностью образов профессиональных действий и психических состояний профессиональным реалиям. При достаточной устойчивости этих характеристик виртуальная реальность дополняет сформированные образы. Виртуальное моделирование выстраивает мост между насыщенной, быстро истощающей, травматичной, длительной по времени профессиональной практики в реальном пространстве-времени и формированием образа оптимального профессионального действия в виртуальном пространстве

Виртуальное моделирование позволяет контролировать часть критериев надежности действий, при этом появляется возможность кардинального увеличения количества и содержательной насыщенности прорабатываемых действий. При этом появляется возможность оставить на проработку в реальном пространстве-времени те элементы действия, которые наиболее сложны с точки зрения физиологических параметров силы, выносливости, ловкости.

Основная идея четвертого блока заключается в применении возможностей виртуального моделирования для дальнейшего развития образа путем насыщения стандартных временных промежутков большим количеством действий, связанных с выполнением всего спектра профессиональных задач в различных условиях. Это насыщает образ новым содержанием, делает его более вариативным и антиципирующим. Происходит смещение в когнитивную сферу, физические нагрузки даются при проработке образа в реальном пространстве и времени, а периоды физического отдыха и восстановления заполняются интеллектуальной работой в виртуальном пространстве. Специфическим образом активируется и эмоциональная сфера; в отличие от реальных действий, где нет возможности остановиться, повторить и отрефлексировать свое состояние здесь эта возможность используется в полной мере. При этом нельзя забывать, что основой астенических эмоций и состояний в реальных действиях являются именно физический

дискомфорт, боль, переутомление, реальная угроза телу и/или статусу. Поэтому все эти стрессоры обязательно моделируются в периоды действий в реальном пространстве-времени по правилам интегрированных упражнений первого и третьего блоков.

При решении задач четвертого блока следует избегать применения тактических игровых интерактивных тренажеров, предполагающих интеграцию перцептивно-локомоторно-манипулятивной активности обучаемых в виртуальное пространство (имитаторов полного погружения). Как упоминалось выше, имеется негативный опыт их применения при подготовке специалистов для деятельности, предполагающей высокую степень вариативной двигательной и перцептивной активности (табл. 2). Причиной может быть как конструктивное несовершенство данного типа тренажеров, так и принципиальная невозможность полностью воспроизвести в виртуальном пространстве все степени свободы человеческого движения и восприятия. Этот вопрос глубоко не исследовался учеными, возможно по причине экономической нецелесообразности: адекватный тренажер такого типа очень дорогое удовольствие, при этом подавляющую часть его функций можно реализовать путем грамотного сочетания практик в реальном пространстве-времени и работы в виртуальном пространстве, не требующем высоких степеней эффекта погружения.

Таблица 2.

Результаты подготовки методом С-О-моделирования с использованием шлемов и пространств сенсомоторного погружения в VR и только с моделированием пространства и местоположения исполнителей в нем (различия по компоновке IV блока)

Группы показателей, характеризующих двигательные, пространственные и предметные компоненты профессионального действия		Средние критериальные значения			
		Входное тестирова	Промежуточное тестирова	Итоговое тестирова	
Обобщенные скоростные показатели двигательных реакций на ключевые стимулы обстановки	Группа, подготовленная в условиях VR-моделирования пространства	1,3	1,5	2,1	
	Группа, подготовленная в условиях VR-сенсомоторной активации	1,42	1,51	1,36	
Обобщенные показатели ловкости и координированности пространственных действий	Группа, подготовленная в условиях VR-моделирования пространства	1,81	2,11	2,38	
	Группа, подготовленная в условиях VR-сенсомоторной	1,83	2,10	1,79	

	активации			
Обобщенные показатели ловкости и координированности предметных действий	Группа, подготовленная в условиях VR-моделирования пространства	2,01	2,43	2,76
	Группа, подготовленная в условиях VR-сенсомоторной активации	2,11	2,51	2,18
Обобщенные показатели объема восприятия при выполнении профессиональных действий	Группа, подготовленная в условиях VR-моделирования пространства	1,92	2,12	2,34
	Группа, подготовленная в условиях VR-сенсомоторной активации	1,94	2,18	1,88

Примечание: затемнены статистически значимые ($p \leq 0,01$) изменения по показателям при применении G-критерия (критерия знаков).

Пятый блок предполагает комплексное ситуативно-образное моделирование профессиональных действий в целях непосредственной подготовки к выполнению задач на незнакомой местности, при отсутствии достоверной информации о противнике, при необходимости отработки различных вариантов индивидуального и/или коллективного реагирования в случае нестандартного развития ситуации. Особенно актуален этот блок при наличии у специалистов достаточного уровня профессиональной подготовки, достаточного опыта совместной работы и дефиците времени на подготовку, исключающем возможность отработки всех возможных вариантов в реальном пространстве-времени.

Ситуативно-образное моделирование с применением информационных технологий на данном этапе осуществляется по отношению ко всей задаче от начала и до конца или по отношению к отдельным ситуациям, представляющим наибольшую трудность с точки зрения пространственной ориентировки, организации взаимодействия, учета возможных вариаций и отклонений от основного алгоритма выполнения задачи. Опыт использования виртуального пространства для решения задач пятого блока показывает, что формирование образа следует осуществлять на двух уровнях: усвоение общих алгоритмических и пространственных компонент образа деятельности всего подразделения с использованием виртуальных 3D-моделей местности типа «GOOGLEEARTHPRO» с возможностью укрупнения—уменьшения масштаба, рассмотрения местности с различных углов и высот; формирование образа частных ситуаций локального взаимодействия между малочисленными подгруппами и внутри их с использованием виртуальных 3D-моделей отдельных участков местности с возможностью моделирования персонажа и действий им в определенных скоростных режимах (соответствующих индивидуальным моторным особенностям участников).

Использование виртуальных программ по типу «внутренней ходилки» происходит в пространстве без возможности изменения масштаба и позволяет наблюдать пространство лишь с точки зрения участника ситуации, что делает возможным увидеть ситуацию изнутри и, накладываясь на обобщенный образ, сформированный на первом уровне, детализировать представления о действиях в наиболее ответственных эпизодах, многократно повторить их, использовать различные тактические схемы, вооружение и технику.

Таким образом, метод ситуативно-образного моделирования представляет собой успешный опыт сочетания психологических и информационных технологий в целях ПЛР специалистами силовых структур. Приведенный в статье алгоритм развития образа профессиональных действий и соответствующих психических состояний продемонстрировал свою наибольшую эффективность в сравнении с другими. Метод ситуативно-образного моделирования требует дальнейших исследований, адаптации под особенности деятельности различных категорий специалистов силовых структур, что может являться перспективной задачей психологов и специалистов в области информационных технологий.

Литература

1. *Белкин А.А.* Идеомоторная подготовка в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1983. 128 с.
2. *Бернштейн Н.А.* О ловкости и ее развитии. Москва: Ф. и С., 1991. 288 с.
3. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1986. 323 с.
4. *Зинченко В.П. Гордеева Н.Д.* Функциональная структура действия. Москва, МГУ, 1982. 208 с.
5. *Зоткин С.Ф. Степанкин И.А. Шматов В.М.* Возможности виртуального обучения для первоначальной подготовки сотрудников полиции // *Материалы Международной научно-практической конференции «Информатизация образования»*. Волгоград, 23—26 апр. 2014г. Волгоград: Перемена, 2014. 223—228 с.
6. *Лосев Е.Ф. Кузнецов Е.В.* Тренажерно-обучающий комплекс для моделирования виртуальной реальности боевого применения оружия и технических средств корабля // *Программные продукты и системы*. 2016. № 1. С. 152—159. doi:10.15827/0236-235X.113
7. *Печников А.Н. Аванесова Т.П. Шиков А.Н.* Альтернативные подходы к проектированию и внедрению компьютерных технологий обучения [Электронный ресурс] // *Образовательные технологии и общество*. 2013. Т. 16. № 2. С. 433—446. URL: <http://www.j-ets.net/ETS/russian/index.html>. (дата обращения: 18.02.2018).
8. *Сикорский С.Т. Цуканов А.А.* Тактические тренажеры авиационных противолодочных комплексов морской авиации // *Программные продукты и системы*. 2016. № 1. doi:10.15827/0236-235X.113.152-159

Integration of psychological and information technologies within the framework of the method of situational-shaped modeling of problem situations of specialists of power structures

Kubyshko V.L., PhD (Pedagogy), head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (84956673764@mail.ru)

Kruk V.M., Doctor of Psychology, Professor, Leading Consultant of the Department of Organization of the Psychological Work of the Department of the State Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kvm@fsvgroup.ru)

Vakhnina V.V., Ph.D. in Psychology, Associate Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (vikavahnina@mail.ru)

Fedotov A. Yu., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, UNK Psychology of Service Activities, FGKOU V Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. V.Ya. Kikotia (fedot-andrey2008@yandex.ru)

In the article possibilities and experience of integration of psychological and information technologies of formation of an image of professional activities and optimization of mental States within a method of situational and figurative modeling are considered. The reliability of professional activity in this case is understood as the achievement of its specified efficiency, taking into account the time constraints characteristic for the profession (the maximum permissible reaction inertia, the minimum permissible duration) and the need to overcome specific stress factors, the combination of psychological and information technologies can contribute to the improvement of HRP technologies. The hybrid version of PLR, which we tested, was called the method of "situational-shaped modeling" (C-OM), which reflects its main idea. In particular, in the systematic modeling of difficult (in which there is no satisfactory level of reliability) professional situations in the process of coordinated use of psychological and information technologies for the purposeful formation of images of effective actions and the corresponding mental states. Systematic modeling is achieved through the use of a database of system-situational activity analysis (SDAD).

Key words: reliability of professional activity, system-situational analysis of activities, professional-personal development, situational-figurative modeling, ideomotor modeling, virtual modeling, the image of professional action, mental state.

References

1. Belkin A.A. Ideomotornaya podgotovka v sporte [Ideomotor training in sports]. Moscow: Publ. Fizkul'tura i sport, 1983. 128 p.
2. Bernshtejn N.A. O lovkosti i ee razviti. [About dexterity and its development]. Moscow: Publ. F. i S., 1991. 288 p.
3. Zaporozhec A.V. Izbrannye psihologicheskie trudy: v 2t. [Selected psychological works: in 2vol]- Moscow: Publ. Pedagogika, 1986. 323 p.
4. Zinchenko V.P. Gordeeva N.D. Funkcional'naya struktura dejstviya. [Functional structure of the action]. Moscow: Publ. MGU, 1982. 208 p.
5. Zotkin S.F. Stepankin I.A. Shmatov V.M. Vozmozhnosti virtual'nogo obucheniya dlya pervonachal'noj podgotovki sotrudnikov policii [Virtual learning opportunities for initial training of police officers]. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Informatizaciya obrazovaniya» (Volgograd, 23—26 apr. 2014g.) [Informatization of education] Volgograd: Publ. Peremena, 2014. pp. 223—228.
6. Losev E.F. Kuznecov E.V. Trenazherno-obuchayushchij kompleks dlya modelirovaniya virtual'noj real'nosti boevogo primeneniya oruzhiya i tekhnicheskikh sredstv korablya [Training and training complex for modeling the virtual reality of combat use of weapons and technical equipment of the ship.]. Programmnye produkty i sistemy [Software products and systems] vol 1, 2016. pp.152-159. (In Russ., abstr. in Engl.) DOI:10.15827/0236-235X.113..
7. Pechnikov A.N. Avanesova T.P. Shikov A.N. Al'ternativnye podhody k proektirovaniyu i vnedreniyu komp'yuternyh tekhnologij obucheniya [Alternative approaches to the design and implementation of computer learning technologies]. Mezhdunarodnyj ehlektronnyj zhurnal «Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo» [Educational technologies and society] (Educational Technology Society), Vol 2, 2013. pp. 433-446. URL: <http://www.j-ets.net/ETS/russian/index.html>. (Accessed 18.02.2018).
8. Sikorskij S.T. Cukanov A.A. Takticheskie trenazhery aviacion-nyh protivolodochnyh kompleksov morskoy aviacii [Tactical simulators of aviation anti-submarine complexes of naval aviation]. Programmnye produkty i sistemy, [Software products and systems]. Vol.1, 2016. DOI:10.15827/0236-235X.113.152-159

Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов

Аникеева Н.В., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности органов внутренних дел, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (n.anikeeva0606@yandex.ru)

Паршутин И.А., кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности органов внутренних дел, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (pari.76@mail.ru)

В статье представлены результаты исследования волевой сферы сотрудников органов внутренних дел. При помощи сравнительного анализа выявлены отличительные психологические особенности волевой регуляции курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов. Авторами впервые представлена характеристика двух типов образовательных организаций МВД России (открытого и закрытого), оказывающих влияние на особенности развития волевой сферы обучающихся. На основании полученных результатов исследования делается вывод о том, что при сравнении данных самооценок волевых качеств обнаружена тождественность ранговой структуры волевых качеств у испытуемых образовательных организаций открытого и закрытого типов. При сравнении результатов, полученных при использовании методики шкалы контроля за действием Ю. Куля, выявлено, что ориентация на свое состояние (самоконтроль) в ходе реализации намерения в действии сильнее развита у курсантов (слушателей) образовательной организации открытого типа обучения, а ориентация на действие (саморегуляцию) — у испытуемых образовательной организации закрытого типа обучения.

Ключевые слова: волевая регуляция, самоконтроль, саморегуляция, самооценка, локус контроля, волевая сфера, сотрудник полиции профессионализм, межличностные отношения.

Для цитаты:

Аникеева Н.В., Паршутин И.А. Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 4. С. 142-154. doi: 10.17759/psylaw.2018080413

For citation:

Anikeeva N.V., Parshutin I.A. The study of volitional sphere of the personality of cadets, students in the educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia open and closed types. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 4. pp.142-154. doi: 10.17759/psylaw.2018080413

Изучение волевой регуляции является одной из ключевых задач морально-психологического обеспечения служебной деятельности органов внутренних дел. Это обусловлено высоким научным интересом к решению вопросов ранней диагностики профессиональной мотивации и профилактики нарушений служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел. Кроме того, актуальность изучения механизмов волевой регуляции определяется требованиями, которые предъявляются к сотрудникам органов внутренних дел. В складывающейся на сегодняшний день политической и экономической ситуации сотруднику полиции особенно важно сохранять эмоциональную стабильность и волевую устойчивость, обеспечивая эффективность выполнения оперативно-служебной деятельности.

Одной из важнейших задач, которая стоит перед образовательными организациями высшего образования МВД России, является подготовка профессионально грамотных специалистов, которые должны не только иметь высокий уровень профессиональной подготовленности, но и обладать развитыми профессионально значимыми и психологическими качествами личности: зрелой мотивационной сферой и развитым интеллектом; навыками анализа и самоанализа выполняемой деятельности; высокой работоспособностью и эмоциональной стабильностью; высоким уровнем самоконтроля и волевой регуляции; сформированными волевыми качествами.

В основу данного исследования легли фундаментальные труды отечественных психологов, посвященные теоретическому осмыслению воли, ее сущности, генезису, пониманию психологических механизмов, структуры волевых качеств: Л.М. Веккера, В.А. Иванникова, Е.П. Ильина, В.К. Калина, В.В. Никандрова, С.А. Петухова, В.И. Селиванова, Ш.Н. Чхартишвили и др.

Были учтены исследования ученых, занимавшихся проблемами волевой сферы у сотрудников правоохранительных органов: С.П. Безносова, В.И. Васильева, А.Д. Глоточкина, А.Т. Иваницкого, М.П. Коробейникова, В.И. Марищука, В.С. Олейникова, К.Т. Ростунова, В.Я. Слепова, Ю.А. Шаранова, Я.Я. Юрченко и многих других ученых.

Теоретико-методологической основой проведенного исследования послужили также представления отечественных психологов о социально-психологических основах

группообразования и развития личности в образовательных учреждениях закрытого типа [5].

Различия в условиях профессионального обучения открытого/закрытого типа и складывающиеся из этого особенности межличностных отношений в учебных коллективах во многом определили цель исследования — изучение психологических особенностей волевой регуляции у курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типа.

В исследовании приняли участие 131 курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования (ранее: факультета подготовки следователей) Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва) первого—пятого годов обучения, а также 102 курсанта факультета подготовки следователей Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Руза) второго—пятого годов обучения.

Открытый тип профессионального обучения осуществляется в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва). Это предполагает присутствие курсантов (слушателей) в образовательной организации МВД России с 8.00 до 18.00 в течение шестидневной рабочей недели (понедельник—суббота). При этом у проживающих в общежитии курсантов есть возможность по разрешению руководства курса покидать стены образовательной организации до обозначенного времени (как правило, до 23.00).

Закрытый тип профессионального обучения осуществляется в Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Руза). Курсанты (слушатели) этой образовательной организации не имеют возможности покидать стены учебного заведения, так как находятся на казарменном положении. Кроме того, поведение и деятельность обучающихся контролируется на всей территории образовательной организации при помощи системы видеомониторинга.

Помимо целенаправленного наблюдения за жизнедеятельностью реальных учебных групп, анализа документального материала, консультаций с компетентными лицами, в исследовании использовались следующие методы и методики: методика самооценки Дембо—Рубинштейн, модифицированная В.А. Иванниковым и Е.В. Эйдманом [3], направленная на диагностику уровня и структуры самооценки волевых качеств личности; шкала контроля за действием при планировании, разработанная Ю. Кулем и адаптированная С.А. Шапкиным [8], направленная на диагностику индивидуальных особенностей волевой регуляции процессов реализации намерения в действии; вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении [4], разработанный Г.С. Никифоровым, В.К. Васильевым и С.В. Фирсовым, направленный на диагностику склонности человека к эмоциональному, поведенческому и социальному самоконтролю; тест смысловых ориентаций в адаптации Д.А. Леонтьева [6], направленный на диагностику степени «экзистенциального вакуума» и переживание субъектом онтологической значимости жизни.

Обработка результатов исследования проводилась при помощи компьютерных программ Excel и Statistica 6.0.

На первом этапе исследования была изучена самооценка курсантов (слушателей) двух типов образовательных организаций. Самооценка является важным фактором, поскольку отражает уверенность человека в своих профессиональных и личных силах, его самоуважение и адекватность происходящему. Оптимальна высокая самооценка, уважение к себе при адекватной (реалистичной) оценке своих возможностей и способностей. Заниженная самооценка приводит к «выученной беспомощности» — человек заранее опускает руки перед трудностями и проблемами, так как все равно ни на что не способен. Завышенная самооценка чревата чрезмерными претензиями на внимание к своей персоне и опрометчивыми решениями [2].

Таблица 1

Сравнительный анализ самооценки волевых качеств

	Сумма рангов (открытый тип)	Сумма рангов (закрытый тип)	Uэмп.	Z*	p-level
СО Деловитый	10188	11549	4517	-2,05	0,04

Из двадцати пар сравнения только по самооценке волевого качества «деловитый» в изучаемой выборке отмечаются достоверные статистические различия ($p < 0,05$) в пользу курсантов (слушателей) образовательной организации закрытого типа профессионального обучения. При этом стоит отметить, что свои деловые качества курсанты (слушатели) образовательной организации открытого типа профессионального обучения оценили ниже всех остальных изучаемых качеств (табл. 2).

Таблица 2

Результаты ранжирования самооценки волевых качеств (средние значения) курсантами (слушателями) образовательных организаций открытого и закрытого типа

Образовательная организация открытого типа			Образовательная организация закрытого типа		
1.	СО Энергичный	4,31	1.	СО Энергичный	4,26
2.	СО Самостоятельный	4,23	2.	СО Самостоятельный	4,24
3.	СО Целеустремленный	4,18	3.	СО Уверенный	4,21
4.	СО Уверенный	4,13	4.	СО Смелый	4,12
5.	СО Ответственный	4,12	5.	СО Упорный	4,09

* положительное значение Z свидетельствует о выраженности (сумма баллов) изучаемой переменной в первой группе, отрицательное — наоборот.

6.	СО Принципиальный	4,03	6.	СО Целеустремленный	4,06
7.	СО Смелый	4,02	7.	СО Организованный	3,99
8.	СО Упорный	4,00	8.	СО Настойчивый	3,95
9.	СО Решительный	3,97	9.	СО Ответственный	3,94
10.	СО Организованный	3,97	10.	СО Внимательный	3,92
11.	СО Настойчивый	3,91	11.	СО Принципиальный	3,91
12.	СО Терпеливый	3,91	12.	СО Решительный	3,90
13.	СО Внимательный	3,90	13.	СО Волевой	3,88
14.	СО Волевой	3,82	14.	СО Терпеливый	3,84
15.	СО Дисциплинированный	3,80	15.	СО Деловитый	3,80
16.	СО Обязательный	3,70	16.	СО Спокойный	3,74
17.	СО Инициативный	3,69	17.	СО Дисциплинированный	3,71
18.	СО Выдержанный	3,67	18.	СО Выдержанный	3,69
19.	СО Спокойный	3,61	19.	СО Инициативный	3,68
20.	СО Деловитый	3,54	20.	СО Обязательный	3,67

Если обратиться к результатам ранжирования самооценки волевых качеств, то можно выделить несколько значимых для нашего исследования закономерностей. Во-первых, в обеих группах сравнения в верхней части таблицы ранжирования в основном расположились волевые качества возбудимого типа, например: энергичный, целеустремленный, упорный, смелый, настойчивый и т. п. Во-вторых, в обеих группах сравнения в нижней части таблицы ранжирования в основном расположились волевые качества тормозного типа, например: терпеливый, спокойный, выдержанный, дисциплинированный, внимательный и т. п. И, в-третьих, иерархичность волевых качеств в исследуемых группах практически не отличается — по результатам корреляционного анализа самооценки двадцати волевых качеств коэффициент Спирмена составил 0,87, что указывает на сильную тождественность ранговой структуры оцениваемых показателей у испытуемых образовательных организаций обоих типов (Москвы и Рузы).

На втором этапе исследования были изучены отличия в выборке курсантов (слушателей) Москвы—Рузы по значениям теста контроля за действием при планировании,

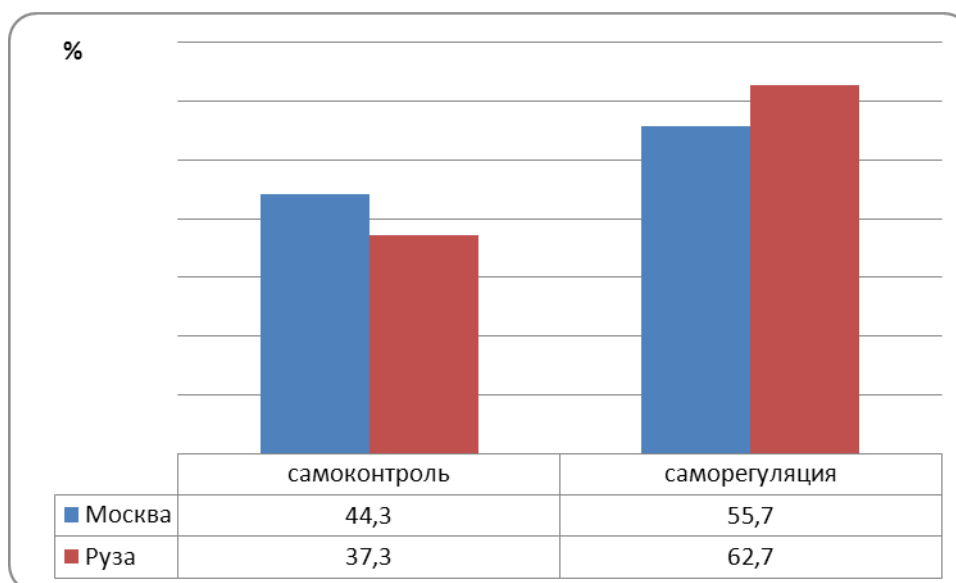
вопросника для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении, а также теста смысложизненных ориентаций.

Таблица 3

Отличия волевой регуляции в курсантов (слушателей) образовательной организация открытого типа и образовательной организации закрытого типа

	Сумма рангов (открытый тип)	Сумма рангов (закрытый тип)	Уэмп.	Z	p-level
Шкала контроля за действием при планировании	9966	11771	4295	-2,56	0,01

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что статистически значимые достоверные отличия в области волевой регуляции курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типа приходятся на сферу контроля за действием при планировании.

Рис. 1. Отличия контроля за действием при планировании у курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типов. *Обозначения:* Москва — образовательная организация открытого типа, Руза — образовательная организация закрытого типа

Рисунок 1 иллюстрирует различия и сходства волевой регуляции в выборке испытуемых образовательных организаций открытого и закрытого типов профессионального обучения. Курсанты (слушатели) обоих типов образовательных организаций при реализации того или иного намерения ориентированы в большей степени

на выполнение действия и в меньшей степени — на свое актуальное психическое состояние. При этом ориентация на свое состояние (самоконтроль) в ходе реализации намерения в действии сильнее развита у курсантов (слушателей) образовательной организации открытого типа обучения, а ориентация на действие (саморегуляцию) — у испытуемых образовательной организации закрытого типа обучения.

Особого внимания заслуживают результаты, которые были получены на третьем этапе исследования при помощи двух субшкал теста смысложизненных ориентаций: «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-жизнь». Эмпирические данные исследования этих показателей позволили выявить отличительные особенности волевой сферы у курсантов (слушателей) в зависимости от типа образовательной организации: открытого или закрытого (казарменного).

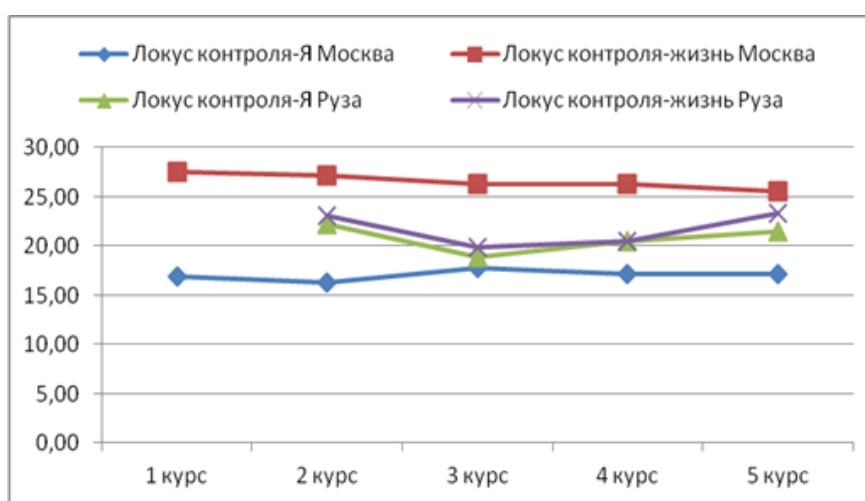

Рис. 2. Результаты исследования локус контроля у курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типов. Обозначения: Москва — образовательная организация открытого типа, Руза — образовательная организация закрытого типа

Как видно из рис. 2, курсанты (слушатели) открытого и закрытого типов образовательных организаций на протяжении всего периода профессионального обучения сохраняют представление о своих возможностях контролировать события собственной жизни. Но при этом испытуемые образовательной организации открытого типа в значительной степени различают собственные возможности («Локус контроля-Я») и возможности, предоставляемые жизнью («Локус контроля-жизнь»). График на рис. 2 наглядно демонстрирует тот факт, что курсанты (слушатели) образовательной организации открытого типа в течение всех лет учебы убеждены в том, что у них присутствуют возможность контролировать свою жизнь, принимать решения и воплощать их в жизнь даже при отсутствии реальной свободы выбора или веры в собственные силы. На наш взгляд, такое обнаруженное противоречие может быть следствием выстроенной системы взаимоотношений между подчиненными и начальниками в среде курсантов, когда обучающиеся, понимая безрезультатность собственных обращений что-либо изменить в процессе профессионального обучения, службы или досуговой деятельности, все же достигают своих целей при помощи лиц, с которыми у них сложились доброжелательные отношения (командирами взводов, преподавателями кафедр, руководством курса и т. п.).

Совершенно иная картина планирования и контроля собственной жизни — у курсантов (слушателей) образовательной организации закрытого типа, где казарменное положение, безусловно, влияет на волевую и мотивационную сферы личности обучающихся. Как видно из рис. 2, испытуемые образовательной организации закрытого типа одинаково оценивают свои личностные возможности (способности, характер, мотивация), помогающие добиться важных результатов, и те жизненные обстоятельства, которые могут стать для них своеобразным трамплином в достижении поставленных целей.

Таким образом, результаты исследования локуса контроля помогли нам составить некоторую психологическую характеристику курсантов (слушателей) образовательной организации открытого и закрытого типов.

Так, обучающиеся открытого типа образовательной организации, имея возможность покинуть ее стены после учебы, решают свои проблемы с ограничением свободного времени на досуг или отдых при помощи скрытой тактики воздействия на других людей, от которых во многом зависит время их пребывания в образовательной организации. Курсанты (слушатели) закрытой образовательной организации, находящиеся на казарменном положении, не искушены соблазнами мегаполисов и большую часть свободного от учебы времени проводят в различных секциях или творческих кружках, поэтому их личностное развитие проходит более интенсивно и способствует реализации актуальных потребностей. Также курсанты (слушатели) образовательной организации закрытого типа воспринимают профессиональное обучение как своеобразный способ (некий «социальный лифт»), предоставляющий возможность добиться значимых целей и повысить свое положение в обществе.

Психологическая характеристика курсанта (слушателя) образовательной организации открытого и закрытого типа дополняют результаты заключительного этапа исследования — изучения самоконтроля. Основная функция самоконтроля — это «... установление степени совпадения между эталоном и контролируемой составляющей (поведением, эмоциональными переживаниями, познавательными процессами)» [6, с. 20]. Взаимосвязь волевой регуляции и самоконтроля носит сложный и неоднозначный характер. В процессе самоконтроля человек может прилагать различное количество волевых усилий в зависимости от особенностей ситуации и индивидуальных склонностей. Самоконтроль является «... обязательной предпосылкой формирования необходимой системы профессиональных умений и навыков» [6, с. 20]. По мере профессионального становления у курсанта изменяется репертуар приемов и техник самоконтроля, которые он использует в своей служебной деятельности.

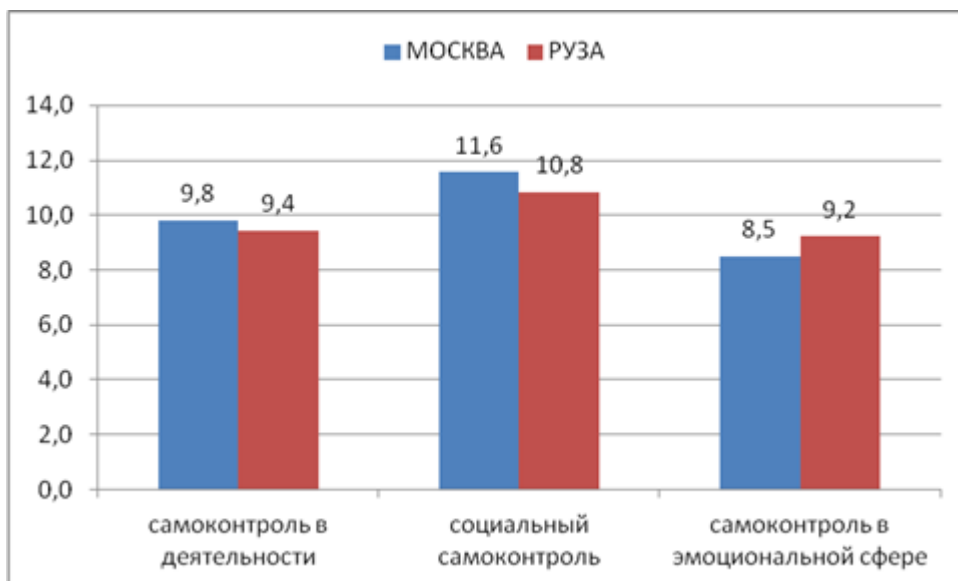

Рис. 3. Результаты исследования самоконтроля у курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типов. Обозначения: Москва — образовательная организация открытого типа, Руза — образовательная организация закрытого типа

Как видно из рисунка 3, у испытуемых обеих групп сравнения наиболее выражен социальный самоконтроль, предполагающий саморегуляцию поведения в процессе межличностного и межгруппового взаимодействия. При этом у курсантов (слушателей) образовательной организации открытого типа данная функция развита сильнее, что объясняется их более частыми и разнонаправленными социальными контактами, а также умением прибегать к технике манипуляции при решении проблем свободного внеучебного времени.

Показатели шкалы самоконтроля в деятельности практически не отличаются, что указывает на одинаково сформированные у курсантов (слушателей) образовательных организаций обоих типов способности прогнозировать, планировать учебную и служебную деятельности, а также контролировать процесс и его результаты. В ходе статистической обработки данных исследования самоконтроля было обнаружено, что достоверные различия между испытуемыми двух групп приходятся только на область самоконтроля в эмоциональной сфере ($p < 0,05$).

Выявленное отличие, на наш взгляд, обусловлено образом жизни курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типов. Эмоциональный самоконтроль у курсантов (слушателей) образовательной организации закрытого типа развит сильнее, так как казарменное положение во время профессионального обучения предполагает налаживание отношений практически со всем переменным составом. Это в определенной степени влияет на воспитание человека и развивает у курсантов (слушателей) способность к самоконтролю собственных эмоциональных состояний и их поведенческих проявлений, как в учебной аудитории, так и вне ее стен.

Таким образом, исследование волевой сферы личности курсантов (слушателей), обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов, позволяют сформулировать следующие выводы.

Во-первых, отмечается тождественность ранговой структуры волевых качеств у испытуемых образовательных организаций открытого и закрытого типов, что является, на наш взгляд, результатом единообразия учебно-воспитательного процесса в представленных образовательных организациях, а также сходства курсантов (слушателей) по морально-психологическим характеристикам и требованиям к личности сотрудника полиции.

Во-вторых, достоверные различия в области волевой регуляции у курсантов (слушателей) образовательных организаций открытого и закрытого типов приходится на сферу контроля за действием при планировании. При этом *ориентация на состояние* (самоконтроль) в ходе реализации намерения в действии сильнее развита у курсантов (слушателей) образовательной организации открытого типа, а *ориентация на действие* (саморегуляцию) — у испытуемых образовательной организации закрытого типа.

В-третьих, у курсантов (слушателей) образовательной организации открытого типа в течение всех лет профессионального обучения формируется убеждение в том, что у них присутствуют возможности контролировать свою жизнедеятельность, принимать решения и воплощать их в жизнь даже при отсутствии реальной свободы выбора или веры в собственные силы. Они достигают своих целей при помощи лиц, с которыми у них сложились благоприятные отношения — командирами взводов, преподавателями кафедр, руководством курса и т. п. Курсанты (слушатели) образовательной организации закрытого типа одинаково оценивают свои личностные особенности (способности, характер, мотивацию), помогающие добиться им важных результатов, и те жизненные обстоятельства, которые могут стать для них благоприятным условием достижения поставленных целей.

В-четвертых, у курсантов (слушателей) образовательной организации открытого типа акцентирование внимания на собственных переживаниях и мыслях в большей степени связано с необходимостью решать задачи учебно-профессиональной и служебной деятельности, а у курсантов (слушателей) образовательной организации закрытого типа — межличностных отношений.

В-пятых, самооценка курсантами (слушателями) волевых качеств обусловлена требованиями к профессии следователя, где необходимо сохранять эмоциональное спокойствие при значительных волевых затратах, что, в силу объективных психофизиологических возможностей, лучше удается мужчине.

Литература

1. Аникеева Н.В. Психологические особенности становления волевой регуляции в процессе служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук. Специальность: 19.00.03 — Психология труда, инженерная психология, эргономика. М., 2017. 194 с.
2. Барабанов Д.Д. Развитие волевой регуляции студентов: дис. ... канд. психол. наук. Специальность: 19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии. М., 2015. 188 с.
3. Иванников В.А., Эйдман Е.В. Структура волевых качеств по данным самооценки // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 3. С. 39—49.

4. *Ильин Е.П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2000. 288 с.
5. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. СПб.: Питер, 2005. 304 с.
6. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
7. *Никифоров Г.С.* Теоретические вопросы самоконтроля // Психологический журнал. 1985. № 5. С. 19—25.
8. *Шапкин С.А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М., 1997. 140 с.
9. *Шляпников В.Н.* Динамика волевой регуляции в процессе профессиональной адаптации личности: дис. ... канд. психол. наук. Специальность: 19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии. М., 2008. 193 с.

The study of volitional sphere of the personality of cadets, students in the educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia open and closed types

Anikeeva N.V., PhD in psychology, senior lecturer of the Department of psychology of educational and scientific complex psychology of service activity of internal Affairs bodies, Moscow University of the interior Ministry named after V. Ya. Kikotya (*n.anikeeva0606@yandex.ru*)

Parshutin I. A., PhD in Psychology, associate Professor, associate Professor of psychology of educational and scientific complex psychology of service activity of internal Affairs bodies, Moscow University of the interior Ministry named after V. Ya. Kikotya (*pari.76@mail.ru*)

The article presents the results of the study of the volitional sphere of employees of the internal Affairs bodies. With the help of comparative analysis the distinctive psychological features of volitional regulation of cadets and students studying in educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia of open and closed types are revealed. The authors for the first time presented the characteristics of two types of educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia (open and closed), influencing the features of the development of the volitional sphere of students. Based on the results of the study, it is concluded that when comparing the data of self-assessments of volitional qualities, the identity of the rank structure of volitional qualities in the tested educational organizations of open and closed types is found. When comparing the results obtained by using the method of the scale of control over the action of Kulya, it is revealed that orientation to the state (self — control) during realization of intention in action is stronger developed at cadets (listeners) of the educational organization of open type of training, and orientation to action (self-regulation) - at subjects of the educational organization of the closed type of training.

Key words: volitional regulation, self-control, self-regulation, self-assessment, locus of control, volitional sphere, police officer professionalism, interpersonal relations.

References

1. Anikeeva N.V. *Psichologicheskie osobennosti stanovleniya volevoj regulyacii v processe sluzhebnoj deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennih del: dis. ... kand. psihol. nauk. Special'nost': 19.00.03 — Psihologiya truda, inzhenernaya psihologiya, ehrgonomika [Psychological features of formation of volitional regulation in the process of official activity of employees of internal Affairs: dis. ... kand. the course of studies. sciences'. Specialty: 19.00.03-Psychology of work, engineering psychology, ergonomics].* М., 2017. 194 p.

2. Barabanov D.D. Razvitiye volevoj regulyatsii studentov: dis. ... kand. psihol. nauk. Special'nost': 19.00.01 — Obshchaya psihologiya, psihologiya lichnosti, istoriya psihologii [Development of volitional regulation of students: dis. ... kand. the course of studies. sciences'. Specialty: 19.00.01 - General psychology, psychology of personality, history of psychology]. М., 2015. 188 p.
3. Ivannikov V.A., Ehdman E.V. Struktura volevyh kachestv po dannym samoocenki [Structure of volitional qualities according to self-assessment]// Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 1990. Vol. 11. no 3. pp. 39—49.
4. Il'in E.P. Psihologiya voli [Psychology of will]. SPb.: Piter, 2000. 288 p.
5. Kondrat'ev M.YU. Social'naya psihologiya zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij [Social psychology of closed educational institutions]. SPb.: Piter, 2005. 304 p.
6. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennyh orientacij (SZHO) [Test life orientations (DLC)]. М.: Smysl, 2000. 18 p.
7. Nikiforov G.S. Teoreticheskie voprosy samokontrolya [Theoretical questions of self-control]// Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 1985. no 5. pp. 19—25.
8. Shapkin S.A. Eksperimental'noe izuchenie volevyh processov [Experimental study of volitional processes]. М., 1997. 140 p.
9. Shlyapnikov V.N. Dinamika volevoj regulyatsii v processe professional'noj adaptatsii lichnosti: dis. ... kand. psihol. nauk. Special'nost': 19.00.01 — Obshchaya psihologiya, psihologiya lichnosti, istoriya psihologii [Dynamics of volitional regulation in the process of professional adaptation of the individual: dis. ... kand. the course of studies. sciences'. Specialty: 19.00.01 - General psychology, psychology of personality, history of psychology]. М., 2008. 193 p.

Проблемы оценки лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности

Горностаев С.В., кандидат психологических наук, ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», Рязань (stanislavrz@yandex.ru)

Поздняков В.М., доктор психологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (pozdneyakov53@mail.ru)

В статье, с учетом комплексного применения административно-правового и феноменологического подходов, рассмотрены возможности оценки лояльности формальным группам принадлежности государственных служащих, осуществляющих правоприменительную деятельность. Аргументируется позиция, что лояльность формальной социально-профессиональной группе «государственные служащие» не может быть оценена напрямую с точки зрения социально-психологических критериев, так как подобные группы не являются групповым субъектом со сформированным психоповеденческим паттерном, объединяющим членов группы. Предложено считать термин «лояльность» условно применимым для оценки соотношения госслужащих с формальными группами их принадлежности. Авторами предлагается косвенный способ оценки лояльности формальным группам принадлежности госслужащих, использованный С.В. Горностаевым при исследовании служебных лояльностей сотрудников уголовно-исполнительной системы России. Этот способ предполагает выявление групп, функционирующих в профессионально-служебной среде, по отношению к которым у служащего сформирована лояльность, и сопоставление ключевых норм этих групп с формальными служебными нормами.

Ключевые слова: лояльность, государственные служащие, формальные группы, неформальные группы, оценка лояльности.

Для цитаты:

Горностаев С.В., Поздняков В.М. Проблемы оценки лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 155-167.
doi: 10.17759/psylaw.2018080414

For citation:

Gornostaev S.V., Pozdneyakov V.M. The semantic sphere of adolescents who use psychoactive substances. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.155-167.
doi: 10.17759/psylaw.2018080414

Содержание проблемы

Социальный заказ на исследование проблем лояльности государственных служащих, в частности, реализующих правоприменительные функции, обусловлен, с одной стороны, недостаточным доверием к государственным органам в российском обществе [см. например: 14] из-за фактов коррупции и иных нарушений законодательства, а с другой стороны, — продолжающимся реформированием государственной службы с повышением требований к кадрам и эффективности деятельности.

Анализ публикаций свидетельствует, что проблема лояльности с учетом многообразия научных взглядов на сущность феномена является одной из наиболее противоречивых в сфере исследований личности в группе [см. например: 1; 4; 6; 19; 27; 28 и др.], а понятие «лояльность» при использовании в управленческой практике часто смешивается с близкими терминами (организационная преданность, приверженность и др.).

Как и при исследовании лояльности членов других формальных организаций, где установлены формальные порядки и предусмотрено нормативное закрепление группового членства и статуса в группе, при изучении лояльности госслужащих возникает противоречие между ее феноменологическим и административно-правовым пониманием [5]. С точки зрения феноменологического подхода, часто реализуемого в социально-психологических исследованиях неформальных групп, лояльность понимается как причастность личности к группе на взаимосвязанных уровнях социального самоопределения, эмоций, а также мотивации, направленности и процессов групповой активности [4]. При этом оценивается соответствие человека психоповеденческим нормам, объективно сложившимся в группе. С административно-правовых позиций лояльность понимается как правопослушность в аспекте соответствия поведения члена формальной группы правилам и нормам установленным для членов группы ее учредителями или уполномоченными руководителями.

Хотя лояльность в обоих случаях понимается как соответствие члена группы ее нормам, эти нормы различны по источнику и содержанию, что приводит к различиям в оценках лояльности конкретных членов формальных групп, даваемых с позиций этих подходов. При этом, с позиции административно-правового подхода, лояльными считаются сотрудники, придерживающиеся официально установленных норм, независимо от причин такого поведения, а в рамках феноменологического подхода — реализующие определенное поведение, исходя из определенных же, разделяемых группой самоидентификации, эмоций и мотивации, часто рассматриваемых в психологических исследованиях лояльности как более важный аспект личностно-группового соответствия, чем частные поведенческие формы [см. например: 21]. Поэтому феноменологический критерий оценки лояльности является более комплексным и применимым к большему количеству групп, так как он может использоваться, даже если групповые нормы не закреплены формально, но объективно существуют, характеризую группу и ее членов.

Доминирование в оценках лояльности государственных служащих административно-правового критерия обусловлено необходимостью обеспечения соответствия государственной службы ожиданиям общества, закрепленным в праве [см. например: 9; 12]. Однако использование лишь административно-правового критерия лояльности госслужащих не позволяет надежно прогнозировать их деятельность при изменении ее условий или эффективно влиять на служебное поведение. Кроме того, в современных

руководящих документах, таких как законы о прохождении службы, кодексы этики и служебного поведения, регламенты профдеятельности конкретных категорий государственных служащих и т. д., все чаще встречаются требования не только к действиям, но и к личностным качествам госслужащего (см например: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих), что делает необходимым использование для оценки лояльности госслужащих комплексных психоповеденческих критериев, выходящих за границы административно-правового подхода. Поэтому актуальным становится решение проблемы научно обоснованного совмещения административно-правового и феноменологического критериев лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности.

Ранее предложенные подходы и их критика

Анализ публикаций показал, что исследователи проблемы лояльности государственных служащих чаще используют лишь один из подходов — административно-правовой. Попытки рассмотреть проблемы лояльности каким-либо формальным группам сразу с административно-правовой и феноменологической точек зрения немногочисленны. Важный шаг в этом направлении сделал Р.К. Мертон (Merton, 1940), который указал, что формальные структуры предписывают ее участникам определенные «паттерны активности», соответствующие назначению организации, но реализуются они в той мере, в которой члены организации разделяют обосновывающие и поддерживающие их отношения и чувства [26]. Вкладом ученого в решение проблемы лояльности членов формальных организаций является выявление существования в их среде неформальных психоповеденческих паттернов и субкультур, предоставляющих возможность обрести личные смыслы членства в организации, пусть и расходящиеся с формальным смыслом ее существования.

Дальнейшее изучение неформальных норм и субкультур в формальных организациях привело к развитию подобных исследований в отношении государственных служащих (М.К. Brown, J. Burke, R. Ericson, R.B. Denhardt J.R. Greene, S.D. Mastrofski, J.F. Handler, A. Lawton, M. Lipsky, J.L. Mashaw, J.M. Prottas, E. Reuss-Ianni, J. Rose, J.Q. Wilson, и др.), что обусловило попытки комплексного рассмотрения административно-правового и феноменологического аспектов проблемы лояльности государственных служащих.

Исследуя возможности оценки лояльности государственных служащих А. Менцелополос (Mentzelopoulos, 1990) первая обратила внимание, что внутригрупповая и внешняя (общественная) оценка лояльности госслужащих могут сильно различаться. Она предложила сблизить представления групп служащих о правильном и неправильном поведении с наиболее устойчивыми кодифицированными ожиданиями общества путем постепенного совершенствования системы правовых норм, регулирующих служебную деятельность. Эта система, по ее мнению, должна, соответствуя запросам общества, также эффективно удовлетворять и потребности служащих, что позволит им охотнее использовать систему формальных норм как основу реально существующего порядка групп, в которые они включены. За счет этого феноменологические и административно-правовые оценки лояльности смогут в значительной мере соответствовать друг другу. Однако в практике государственного управления, согласно А. Менцелополос, чаще ищут не системные ошибки, приведшие к отклонению от формальных норм, а проводят лишь персональные разбирательства по отдельным фактам [25].

С. Мейнард-Муди и М. Машено (Maynard-Moody, Musheno, 2003) предложили альтернативный подход, ориентирующий преимущественно на работу по адаптации неформальных групп и их норм к правовым реалиям и ожиданиям общества. Главной причиной формирования субкультур и лояльности неформальным группам среди госслужащих данные ученые считали расхождения собственных представлений служащих о складывающихся ситуациях и целесообразных действиях в них с политикой и официальными правилами. Значение неформальных групп лояльности и существующих в них регуляторов поведения указанные ученые видели в смягчении противоречий между личными мнениями служащих и формальными требованиями, а также в приспособлении к разноплановым профессиональным ситуациям. По мнению С. Мейнарда-Муди и М. Машено, признание существования в деятельности служащих одновременно правовых и культурных регуляторов откроет пути их интеграции в приемлемых для общества формах и поможет служащим совмещать их так, чтобы четче ориентироваться в складывающихся ситуациях и принимать оптимальные, с точки зрения закона и справедливости, решения. Они рекомендовали изучать отношение неформальных групп, которым лояльны служащие, к формальным принципам и нормам деятельности и управлять каждым служащим с учетом его реальных лояльностей [24]. В целом подход С. Мейнарда-Муди и М. Машено пригоден для выявления лояльностей служащих неформальным группам и культурам, однако авторы недостаточно проработали вопрос о том, как эта информация может быть использована при оценивании лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности.

Приведенные выше позиции зарубежных ученых, вскрывших важные психологические факты и закономерности лояльности госслужащих формальным группам принадлежности, не содержат инструментария ее комплексной психоповеденческой оценки. Этот вопрос остался нерешенным и в концепциях отечественных ученых, исследовавших как непосредственно проблему лояльности государственных служащих (А.В. Оболонский, М.В. Педыч, В.Е. Чиркин и др.), так и смежные проблемы организационной и профессиональной культуры государственных служащих (В.Э. Бойков, Д.М. Ким, В.К. Киселев, Д.М. Субочев и др.), внутриорганизационной культуры внутри отдельных подразделений правоохранительных органов (А.В. Чечкова, Р.Н. Киселева, В.В. Ермолаев), профессиональных установок в среде служащих (М.В. Пряхина), морали и этики в служебном поведении (В.П. Соколов, Л.К. Веретенникова, В.М. Кукушин, И.О. Котенев, Т.Ю. Буданова), персонализации служебных отношений (Т.Н. Кильмашкина), неформальных фильтров для входа в формальную социальную группу государственных служащих (М. Унт), неформальных связей в государственном управлении (А.В. Харлашина), аксиологической регуляции служебной деятельности (В.М. Статный, Ю.А. Шаранов) надежности служебной деятельности (В.М. Крук), правоприменения в состоянии противоречий между правовыми и моральными нормами (А.Ю. Панасюк), профессиональной ментальности (И.В. Елатомцев, В.М. Поздняков) и т. д.

Итак, вопросы концептуализации содержания лояльности государственных служащих формальным группам принадлежности и инструментария для ее оценки до сих пор остаются нерешенными.

Концептуальный подход и практическое решение проблемы оценки лояльности государственных служащих

На наш взгляд, причиной неразрешенности исследуемой проблемы является слабая концептуальная проработка сущности феномена лояльности и возможностей применения понятия лояльности к формальным группам.

С одной стороны, термин «лояльность», лучше других подходит для оценки психоповеденческого соотношения человека с именно формальными группами его принадлежности. Так как термин «лояльность» в отличие, например, от термина «включенность» [см. например; 8] обычно подразумевает не просто констатацию социально-психологического факта психоповеденческой причастности к группе, но и его эмоциональную оценку, возникающую в результате соотнесения наблюдаемой меры личностно-группового соответствия с ожидаемой на основании обязательств человека перед группой, независимо от того, возникли ли эти обязательства исторически (например, человек вошел в состав группы при рождении) или они были сознательно взяты на себя человеком (например, при поступлении на государственную службу).

С другой стороны, феномен лояльности подразумевает наличие устоявшегося группового порядка, объединяющего в целостном психоповеденческом паттерне системно взаимосвязанные групповую идентичность, эмоции, мотивацию и стереотипы активности членов группы. Именно причастность к этому общему паттерну, разделяемому членами группы и связывающему их воедино, выступает критерием группового соответствия и групповой принадлежности [4]. Формальные же группы, имея другую основу возникновения, могут существовать и без этого паттерна. Поэтому термин «лояльность» в феноменологическом понимании применим к формальной группе, только если на ее базе возникла доминирующая «неформальная подгруппа» (по терминологии А.В. Сидоренкова [20]), в основе психоповеденческого паттерна которой лежат ключевые формальные нормы. В противном случае применять термин «лояльность» в феноменологическом смысле к формальным группам можно только условно (в некотором приближении), установив меру соответствия между установленными формальными и реально применяемыми неформальными групповыми нормами служащих.

Исходя из вышеуказанного, вопрос о степени лояльности госслужащего формальным группам принадлежности должен решаться в плоскости его субъектной идентификации [13] и определения меры соответствия норм, содержащихся в паттернах реальных групп, которым реально лоялен служащий, ключевым формальным нормам групп, которым он «должен быть лоялен», исходя из своего формального социально-правового статуса.

При таком подходе возникает вопрос о лояльности формальным группам принадлежности тех лиц, которые не лояльны ни одной из групп, обладающих общегрупповым психоповеденческим паттерном. Исходя из наших позиций, лояльность не может быть сформирована иначе, чем в группе, поэтому, с учетом феноменологического критерия, такие служащие не могут быть признаны лояльными формальным группам принадлежности. В лучшем случае они могут быть оценены как толерантные (восприимчивые, адаптированные) к нормам формальной группы принадлежности.

Исходя из вышеизложенного, комплексная психоповеденческая оценка лояльности служащего формальной группе принадлежности может быть проведена по следующему алгоритму: 1) определение групп(ы) лояльности служащего в профессионально-служебной сфере; 2) сравнение психоповеденческих норм групп(ы) лояльности с нормами формальной группы принадлежности; 3) формирование вывода о лояльности или нелояльности

формальной группе членства на основе степени совпадения или расхождения формальных норм группы членства с реальными нормами групп(ы) лояльности служащего.

Психодиагностические методы выявления лояльностей служащих были описаны ранее [3]. Проблему при реализации приведенного алгоритма составляет определение круга функционирующих в конкретной профессионально-служебной среде групп, которым могут быть лояльны служащие, для последующего подбора стимульного материала для диагностических методик. В ходе проведенного С.В. Горностаевым эмпирического исследования 2786 сотрудников уголовно-исполнительной системы России (УИС) различных категорий, представляющих 74 субъекта РФ, данная проблема решалась при помощи следующей процедуры предварительного выделения типовых потенциальных групп лояльности сотрудников: 1) на основе теоретического анализа нормативно-правовой базы и мнений исследователей [22; 23; 24] были выделены наиболее распространенные группы лояльности государственных служащих; 2) в ходе проведения фокус групп с сотрудниками УИС список актуальных для них групп лояльности был уточнен; 3) на пилотажном этапе исследования, в результате применения методики оценки сформированности лояльностей [3] и ее обработки с использованием частотного и кластерного анализа, было сокращено количество типовых потенциальных групп лояльности за счет исключения из предварительного списка «непопулярных» в УИС групп и объединения дублирующих терминов, фактически обозначающих одни и те же группы. В результате был определен набор наиболее «популярных» в УИС групп, степень лояльности которым оценивалась в ходе основного исследования.

Еще одна методическая проблема реализации предложенного алгоритма заключается в том, что трудно отследить отношение конкретной неформальной группы лояльности служащих к каждой из множества формальных норм, регулирующих служебную деятельность. Поэтому оптимальным представляется изучение присутствия в культуре той или иной группы служащих укрупненных мотивационно-смысловых факторов, обеспечивающих следование формальным нормам, регулирующим служебную деятельность. Такими укрупненными факторами являются ценности государственной службы, реализуемые в каждой из формальной норм. К числу таких ценностей относятся в первую очередь такие, как «законность», «справедливость» и «общее благо» [2; 7; 10; 11; 15—18]. Выявление их присутствия в культуре неформальных групп лояльности служащих, на наш взгляд, является индикатором лояльности их членов формальным группам принадлежности, в первую очередь, формальной группе «госслужащие».

На основе данных репрезентативного исследования сотрудников УИС по каждой из профессиональных и статусных подвыборок при помощи статистического критерия Хи-квадрат были выявлены группы лояльности, в большей и меньшей мере ассоциирующиеся у респондентов с тремя перечисленными выше ценностями. В масштабе всей выборки было установлено, что ключевые ценности государственной службы «законность», «справедливость» и «общее благо» чаще всего ассоциируются у служащих с такими неформальными группами их лояльности, как сообщества профессионалов и дружеские группы, формирующиеся на основе совместной служебной деятельности.

Предложенный алгоритм оценки лояльности сотрудников УИС был изложен С.В. Горностаевым в практических рекомендациях и успешно применяется психологами УИС в отношении конкретных сотрудников в ряде подразделений. В результате апробации указанных практических рекомендаций они были успешно внедрены в деятельность 12

территориальных органов уголовно-исполнительной системы России. Представляется, что данный алгоритм будет эффективен и при организации исследований в иных институтах государственной службы для оценивания лояльности сотрудников.

Выводы

Проблема оценки лояльности формальной группе принадлежности особенно актуальна применительно к государственным служащим, реализующим правоохранительные и правоприменительные функции в силу ярко выраженного преобладания в исследованиях и оценке их лояльности административно-правового подхода при недооценке феноменологического.

Конструктивным решением проблемы оценки лояльности госслужащих формальным группам принадлежности является интеграция позиций феноменологического и административно-правового подходов, а также использование комплексного инструментария оценивания, предполагающего предварительное выявление лояльности неформальным группам с последующим сопоставлением их психоповеденческих паттернов с ключевыми нормами, предписываемыми формальной группе принадлежности служащего.

Предложенный концептуальный подход и созданный на его основе алгоритм оценки лояльности доказали свою эффективность на примере репрезентативной выборки сотрудников уголовно-исполнительной системы России. Представляется, что после соответствующей адаптации он может быть применен в исследованиях лояльности других категорий государственных служащих формальным группам принадлежности.

Литература

1. *Бобрус О.Н.* Современные подходы к изучению корпоративной лояльности персонала // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 9. С. 117—120.
2. *Васильева Е.А.* Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ: дисс. ... д-ра социол. наук : 22.00.08. СПб, 2016. 364 с.
3. *Горностаев С.В.* Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 67—72.
4. *Горностаев С.В.* Основы психологической теории лояльности. Рязань, 2017. 224 с.
5. *Горностаев С.В.* Служебная лояльность как фактор служебной деятельности: административно-правовой и феноменологический подходы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017(7). № 1. С. 68—79. doi: 10.17759/psyandlaw.207070106
6. *Доминяк В.И.* Организационная лояльность: модель реализации ожиданий работника от своей организации: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 280 с.
7. Духовное измерение современной политики / РАН, Ин-т философии; отв. ред.

В. Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2003. 190 с.

8. *Елизаров С.Г.* Включенность субъекта в социальную среду: основные направления исследований в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 2. С. 135—141.
9. *Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.* Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. М., 1989. 118 с.
10. *Захаров Н.Л.* Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. М.: Изд-во РАГС, 2002. 118 с.
11. *Катомина В.А., Санисалова Н.А.* Законность и справедливость: единство, различия и взаимодействие // Вестн. Пенз. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 40—45.
12. *Кроз М.В.* Психология прокурорской деятельности: пособие для прокуроров. М., 2009. 69 с.
13. *Мешкова Л.В., Поздняков В.М.* Организационная идентичность сотрудников правоохранительных органов, включенных в резерв руководящих кадров, и пути ее изучения // Психология управления в органах внутренних дел: становление методологии и помощь практике. Сборник материалов международной научно-практ. конференции (Москва, 15 декабря 2014 г.). М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 128—135.
14. Мониторинг общественного доверия: российский и зарубежный опыт (Серия «Аналитические обзоры Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». № 5/2016). М., 2016. 49 с.
15. *Орлова А.А.* Правосознание и законность в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2010. 210 с.
16. *Павлов А.В.* Закон и право: два образа «общего блага» в аспекте социального времени: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Великий Новгород, 2005. 151 с.
17. *Пчелинцев С.С.* Реализация принципа законности на государственной службе в контексте правового государства: конституционно-правовые аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2010. 197 с.
18. Реформа государственной службы: канадский опыт и российская действительность / Отв. ред. А.Г. Барабашев, С.В. Кабышев. М.: Формула права, 2006. 148 с.
19. *Серкова Н.В.* Социально-психологические особенности лояльности и факторы, определяющие ее формирование // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Педагогика. 2004. № 5(42). С. 131—134.
20. *Сидоренков А.В.* Микрогрупповая теория // Социальная психология и общество.

2011. № 1. С. 17—30.

21. Boszormenyi-Nagy I., Spark G. *Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy*. Hagerstown: Harper & Row, 1973. 409 p.
22. *De Graaf G.* The Loyalties of Top Public Administrators [Электронный ресурс] // *Jnl. of Public Admin. Research and Theory*. 2001. № 21(2). P. 285—306. doi: 10.1093/jopart/muq028.
23. *Kasiński M.* Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. [Электронный ресурс]. *Annales. Etyka w życiu gospodarczym*. 2010. № 13(1). URL: <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1575> (дата обращения: 8.07.2014).
24. *Maynard-Moody S., Musheno M.* *Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service*. Michigan: University of Michigan, 2003. 221 p.
25. *Mentzelopoulos A.M.* Federal government public service ethics: managing public expectations [Электронный ресурс] // Carleton University. 1990. 159 p. URL: <https://dspace.library.uvic.ca//handle/1828/2361> (дата обращения: 15.07.2014).
26. *Merton R.K.* Bureaucratic Structure and Personality // *Social Forces*. 1940. № 18(4). P. 560—568. doi: 10.1037/11302-024.
27. *Royce J.* *The Philosophy of Loyalty*. Norwood: Norwood Press, J.S.Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
28. *Thornberry P.* Human Rights and the Shaping of Loyalties // *Political Loyalty and the Nation-State* / M. Waller and A. Linklater (Eds.). London and New York: Routledge, 2003. P. 91—104.

Problems of an assessment of loyalty of governmental employees to formal

groups of membership

Gornostaev S.V., PhD in Psychology, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, (stanislavrz@yandex.ru)

Pozdnyakov V.M., Doctor, Professor, Peoples Friendship University of Russia (pozdnyakov53@mail.ru)

The article suggests a solution to the previously raised problem of contradictions of administrative-legal and phenomenological approaches to assessing loyalty of law enforcing governmental employees. It is shown that the application of the phenomenological approach in combination with the administrative-legal approach is not just expedient, but necessary. Argued that loyalty to the formal social group «governmental employees» can not be estimated directly from the point of view of socio-psychological criteria, since it is not a group subject with a formed psycho-behavioral pattern shared by group members. It is suggested that the term «loyalty» is conditionally applicable for assessing loyalty to the group «governmental employees» and similar formal groups. The authors propose an indirect way of assessing loyalty to formal groups of governmental employees, created and tested by S.V. Gornostaev in researching the official loyalties of the staff of the Russian penitentiary system. This method involves the identification of groups operating in the professional and service environment, which the employee has formed loyalty and comparison of key norms of these groups with formal norms.

Key words: loyalty, governmental employees, formal groups, informal groups, assessment of loyalty.

References

1. Bobrus O.N. Sovremennye podkhody k izucheniyu korporativnoi loyal'nosti personala [Modern approaches to the study of corporate loyalty personnel]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [RSSU Proceedings]*, 2009, no. 9, pp. 117—120.
2. Vasil'eva E.A. *Transformatsiya gosudarstvennoi sluzhby v usloviyakh administrativnoi reformy: sotsiologicheskii analiz. Diss. kand. sociol. nauk. [Transformation of the civil service in the conditions of administrative reform: sociological analysis: Cand. Sci. (Sociology) diss.]*. St. Petersburg, 2016. 364 p.
3. Gornostaev S.V. Metodika tsvetovykh metafor kak sredstvo diagnostiki sluzhebnoi loyal'nosti [Colour Metaphors Method as the Means of Diagnosing Officers'. Loyalty] // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in Law Enforcement]*, 2017, no. 3(70), pp. 67—72.
4. Gornostaev S.V. Official loyalty as the factor of official activity: administratively-legal and phenomenological approaches [Sluzhebnyaya loyal'nost' kak faktor sluzhebnoi deyatel'nosti: administrativno-pravovoi i fenomenologicheskii podkhody] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 68-79. doi: 10.17759/psylaw.2017070106.

5. Gornostaev S.V. *Osnovy psikhologicheskoi teorii loyali'nosti [Fundamentals of the psychological theory of loyalty]*. Ryazan, 2017. 224 p.
6. Dominyak V.I. *Organizatsionnaya loyali'nost': model' realizatsii ozhidanii rabotnika ot svoei organizatsii. Diss. kand. psikhol. nauk. [Organizational loyalty: the model for realizing the employee's expectations from his organization. Cand. Sci. (Psychology) diss.]*. St. Petersburg, 2006. 280 p.
7. *Dukhovnoe izmerenie sovremennoi politiki [Spiritual Dimension of Modern Politics]* / RAN, In-t filosofii [RAS, Institute of Philosophy]. Ed. by V.N. Shevchenko. Moscow: IF RAS, 2003. 190 p.
8. Elisarov S.G. *Vklyuchennost' sub"ekta v sotsial'nyuyu sredu: osnovnye napravleniya issledovaniy v zarubezhnoi i otechestvennoi psikhologii [The involvement of subject in the social environment: the basic directions of researches in foreign, soviet and russian psychology]*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences]*, 2009, no. 2, pp. 135-141.
9. Efremova G.Kh., Ratinov A.R. *Izuchenie pravosoznaniya i obshchestvennogo mneniya o prestupnosti i deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov [Examination lawfulness and public opinion on crime and law enforcement]*. Moscow, 1989. 118 p.
10. Katomina V.A., Sanisalova N.A. *Zakonnost' i spravedlivost': edinstvo, razlichiya i vzaimodeistvie [Legitimacy and justice: unity, differences and interaction]* // *Vestnik penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Penza State University]*, 2013, no. 3, pp. 40-45.
11. Zakharov N.L. *Sotsial'nye regulatory deyatel'nosti rossiiskogo gosudarstvennogo sluzhashchego [Social regulators of the Russian civil servant]*. Moscow: Publishing house RAGS, 2002. 118 p.
12. Kroz M.V. *Psikhologiya prokurorskoj deyatel'nosti : posobie dlya prokurorov [Psychology of prosecution: a manual for prosecutors]*. Moscow, 2009. 69 p.
13. Meshkova L.V., Pozdnyakov V.M. *Organizatsionnaya identichnost' sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, vklyuchennykh v rezerv rukovodyashchikh kadrov, i puti ee izucheniya [Organizational identity of law enforcement officials, included in a reserve of the managerial personnel, and how to study]* // *Psikhologiya upravleniya v organakh vnutrennikh del: stanovlenie metodologii i pomoshch' praktike. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konferentsii [Psychology of management in the Ministry of Internal Affairs: establishment of methodology and assistance practice. Thesis of the international scientifically-practical conference] (Moscow, December 15, 2014)*. Moscow: Academy of management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2014. pp. 128-135.
14. *Monitoring obshchestvennogo doverija: rossijskij i zarubezhnyj opyt (Serija «Analiticheskie obzory Instituta gosudarstvennoj sluzhby i upravlenija Rossijskoj akademii narodnogo hozjajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii» Monitoring of public trust: Russian and foreign experience (Series 'Analytical reviews of the Institute of*

- Public Service and Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation*, 2016, no. 5). Moscow, 2016. 49 p.
15. Orlova A.A. *Pravosoznanie i zakonnost' v deyatel'nosti Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii. Diss. kand. jurid. nauk [Legal awareness and legality in the activities of the Federal Penitentiary Service: Cand. Sci. (Law) diss.]*. Moscow, 2010. 210 p.
  16. Pavlov A.V. *Zakon i pravo: dva obraza «obshchego blaga» v aspekte sotsial'nogo vremeni. Diss. kand. philos. nauk [Law and law: two images of the 'common good' in the aspect of social time: Cand. Sci. (Philosophy) diss.]*. Veliky Novgorod, 2005. 151 p.
  17. Pchelintsev S.S. *Realizatsiya printsipa zakonnosti na gosudarstvennoi sluzhbe v kontekste pravovogo gosudarstva: konstitutsionno-pravovye aspekty. Diss. kand. jurid. Nauk. [Realization of the principle of legality in the civil service in the context of the rule of law: constitutional and legal aspects: Cand. Sci. (Law) diss.]*. Moscow, 2010. 197 p.
  18. *Reforma gosudarstvennoi sluzhby: kanadskii opyt i rossiiskaya deistvitel'nost' [Reform of the civil service: Canadian experience and Russian reality]* / Ed. by A.G. Barabashev, S.V. Kabyshev. Moscow: The formula of law Publ., 2006. 148 p.
  19. Serkova N.V. *Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti loy'al'nosti i faktory, opredelyayushchie ee formirovanie [Socio-psychological features of loyalty and the factors that determine its formation]*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Series: Pedagogy]*, 2004, vol. 5(42), pp. 131—134.
  20. Sidorenkov A.V. *Mikrogruppovaya teoriya [Microgroup theory]*. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2011, no. 1, pp. 17-30.
  21. Boszormenyi-Nagy I., Spark G. *Invisible loyalties: reciprocity in intergenerational family therapy*. Hagerstown: Harper & Row, 1973. 409 p.
  22. De Graaf G. *The Loyalties of Top Public Administrators. Jnl. of Public Admin. Research and Theory*, 2001, vol. 21(2), pp. 285-306. doi: 10.1093/jopart/muq028.
  23. Kasiński M. *Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. [Elektronnyi resurs]. Annales. Etyka w życiu gospodarczym*, 2010, vol. 13(1). Available at: <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1575> (Accessed: 8.07.2014).
  24. Maynard-Moody S., Musheno M. *Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service*. Michigan: University of Michigan, 2003. 221 p.
  25. Mentzelopoulos A.M. *Federal government public service ethics: managing public expectations*. Carleton University, 1990. 159 p. [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://dspace.library.uvic.ca//handle/1828/2361> (Accessed: 15.07.2014).
  26. Merton R.K. *Bureaucratic Structure and Personality. Social Forces*, 1940, vol. 18, no. 4, pp. 560—568. doi: 10.1037/11302-024.

27. Royce J. *The philosophy of loyalty*. Norwood: Norwood Press, J.S.Cushing Co, Berwick&Smith Co., 1914. 409 p.
28. Thornberry P. Human Rights and the Shaping of Loyalties. *Political Loyalty and the Nation-State*. Ed. by M. Waller, A. Linklater. London and New York: Routledge, 2003. pp. 91—104.

Психологические особенности обучения переговорной деятельности в системе дополнительного профессионального образования

Вахнина В.В., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (vikavahnina@mail.ru)

Касперович Ю.Г., начальник отдела организации психологической работы Управления организации морально-психологического обеспечения, Департамент государственной службы и кадров МВД России (kasper0768@yandex.ru)

Наумов Ю.Г., доктор экономических наук, профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (naumov6112@rambler.ru)

В статье авторы рассматривают необходимость своевременного обновления содержания программ профессиональной подготовки и повышения квалификации субъектов переговоров с учетом быстро изменяющихся условий профессиональной деятельности. Использование ситуационного, системно-ситуативного подходов в обучении способствует формированию у субъектов переговоров профессиональных компетенций и развитию профессионально важных качеств, необходимых для эффективного осуществления переговорной деятельности в различных профессионально значимых ситуациях. Сбор и анализ эмпирического материала осуществлялся в несколько этапов с 1995 по 2014 гг. и включал обследование сотрудников органов внутренних дел и проведение систематизированного анализа банка 1705 проблемных ситуаций. На основе анализа банка кризисных ситуаций в переговорной деятельности, в зависимости от характеристик переговорной ситуации, выделены приоритетные стратегии и возможные кризисные зоны, что позволяет эффективно осуществлять антикризисные переговоры. Определены профессионально значимые переговорные ситуации и пути формирования переговорной компетентности в процессе подготовки и переподготовки.

Ключевые слова: профессионально-психологическая подготовка; подготовленность; переговорная компетентность; профессионально значимая проблемная ситуация.

Для цитаты:

Вахнина В.В., Касперович Ю.Г., Наумов Ю.Г. Психологические особенности обучения переговорной деятельности в системе дополнительного профессионального образования. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 4. С. 168-179. doi: 10.17759/psylaw.2018080415

For citation:

Vakhnina V.V., Kasperovich Yu.G., Naumov Yu.G. Psychological features of teaching the negotiating activity in the system of additional vocational education. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.168-179. doi: 10.17759/psylaw.2018080415

В современных условиях реформирования системы МВД назрела необходимость своевременного обновления содержания программ профессиональной подготовки и повышения квалификации субъектов переговоров в системе дополнительного профессионального образования. Дополнительное последипломное профессиональное образование отличается от первоначального высшего образования дополнением его новыми знаниями, умениями и навыками. Для формирования новых умений и навыков эффективны практические формы подготовки, такие как групповые упражнения, круглые столы, разбор конкретных ситуаций, деловые игры, штабные тренировки, оперативно-тактические и командно-штабные учения [1, с. 145].

Создание системы непрерывного обучения специалистов, задействованных в переговорном процессе, разработка программ подготовки и организация подготовки в образовательных учреждениях личного состава, привлекаемого к ведению переговоров позволит сформировать необходимые профессиональные компетенции. Включение в программы переподготовки и повышения квалификации в образовательных организациях МВД России учебной дисциплины по переговорной деятельности, цикла теоретических и практических занятий, позволит развить у субъектов переговоров умения и навыки ведения переговоров, своевременно определять риск возникновения предкризисной и кризисной переговорной ситуации.

Переговорная деятельность — управляемая система, включающая в себя линейный процесс переговоров, управляющую надстройку, совокупность внешних условий, факторов и субъектный состав, характеризующийся их свойствами и психологическими состояниями самих субъектов. Переговорная деятельность обуславливает общение, которое является структурной единицей самой деятельности, так как происходит в соответствии с дополнительными условиями, которые не характерны для процесса общения в традиционном понимании (действия переговорщика строго регламентируются нормативной базой, действия же его оппонента не имеют такой регламентации). Переговорная деятельность — это вынужденное взаимодействие на базе изначальной эмоциональной неприязни, противоположных целевых и мотивационных установок, которое выступает как интегрирующий фактор, посредством которого осуществляется переговорный процесс как динамика изменяющейся системы к ее целевым ориентирам. Именно ослабление конструктивных контактов между оппонентами обуславливает разрушение структур взаимодействия [2, с. 20]. Переговорная деятельность понимается

нами как управление динамичной неравновесной системой и включает в себя аналитическую, прогностическую и координирующую функции. Переговорная деятельность позиций системно-ситуационного анализа рассматривается как совокупность внешних условий и иных характеристик переговорной ситуации.

Технология системно-ситуативного анализа деятельности была сформирована в рамках личностно-деятельностного подхода. Значительный объем задач в рамках системно-ситуативного подхода решается с помощью ретроспективного анализа: создается «банк» кризисных ситуаций переговорной деятельности, который позволяет, применяя методы математической статистики, выявить ряд зависимостей, тенденций и закономерностей развития кризиса переговоров. Системно-ситуационный анализ — один из перспективных научных методов эмпирического исследования кризисных ситуаций переговорной деятельности, так как переговоры рассматриваются как динамичная система, не сводимая к простой сумме своих элементов, но обладающая структурой, в которой свойства элементов определяются их местом в этой структуре. В качестве единицы системно-ситуационного анализа переговоров используется переговорная ситуация. В переговорной деятельности субъектом оценивается противостоящий субъект, его действия и реакции, и на основе данного анализа вырабатывается стратегия с учетом изменяющихся свойств системы, меняются стратегия, тактика, действия как их составные элементы. Этим достигается рефлексивность в переговорной деятельности, при которой необходимым элементом является мониторинг переговорного процесса. Для эффективной переговорной коммуникации, кроме рациональной основы переговоров, необходимо понимание как собственных личных мотивов участия в переговорах, так и личных мотивов других участников переговоров. Кроме того, переговорная деятельность не сводится только к коммуникации, так как имеют место и организационно-командные цели, и эмоциональное напряжение участников (в том числе с интенсивной динамикой).

Таким образом, переговорная деятельность в практике ОВД — это вынужденное взаимодействие на базе изначальной эмоциональной неприязни, противоположных целевых и мотивационных установок. Вынужденное взаимодействие в переговорной деятельности субъектов переговоров отягощено целевыми противоречиями, остро негативным настроением противоположной стороны переговоров, а нормативная регламентация касается лишь одной из сторон, в отличие от противоположной.

В связи с этим, для того чтобы переговорную деятельность обеспечить как двусторонний или многосторонний длящийся динамический процесс, нужно психологически гибко строить взаимодействие — именно оно, базируясь на взаимопонимании, выступает как интегрирующий фактор, посредством которого осуществляется переговорный процесс. Цели субъектов переговоров могут быть кардинально противоположными или сходными, что влияет и на равновесие управляемой системы переговорного процесса. Реальное поведение субъектов переговоров как элементов управляемой системы довольно часто отличается от ожидаемого вследствие неточности в начальных условиях, неполной информации о внешних условиях, действующих на субъектов, неточности реализации стратегии исполнителями и т. д.

Мы рассматриваем переговорную деятельность как актуальное состояние системы взаимоотношений, как сложную объективно-субъективную реальность, ограниченную по времени и пространству и представленную в сознании каждого субъекта переговоров. Итак, совмещая аспекты взаимоотношения с аспектами, характеризующими взаимодействие,

можно выделить пять компонентов для анализа переговорной деятельности: мотивационный, перцептивный, коммуникативный, эмоционально-волевой и поведенческий. Ценностно-мотивационный компонент переговоров характеризует заинтересованность сторон друг в друге, определяет ценностно-смысловую ориентацию и взаимный интерес в необходимости поддержания конструктивных диалогических отношений. Перцептивный компонент переговоров предполагает, что у сторон сложились образы друг друга, способствующие взаимодействию. Эти образы могут принимать форму стереотипов, которые выступают своеобразным барьером на пути изменения сложившейся системы отношений между сторонами. Коммуникативный компонент переговоров предусматривает обеспечение определенного уровня развития взаимопонимания и взаимного доверия сторон. Он определяет диапазон и полноту информации, которую личность может доверить другому, и то, чтобы она была адекватно понята и принята.

Эмоционально-волевой компонент переговоров отражает особенности переживаний и волевой активности, проявленных у сторон переговорного процесса. Поведенческий компонент переговоров заключается в характере реализации установок, которые сложились на основе опыта у сторон и в реальном переговорном процессе по отношению друг к другу. Наличие стереотипов поведения означает, как субъекты готовы действовать и что ожидают от поведения друг друга.

В дальнейшем в работе особенности переговорной деятельности в рамках системно-ситуационного анализа будут изучаться через выделяемый нами компонентный ряд: коммуникативный, ценностно-мотивационный, перцептивный, эмоционально-волевой, поведенческий. Данные компоненты обусловлены системно-ситуационным подходом, а также необходимостью учитывать субъективную составляющую в связи с тем, что от восприятия, эмоционального состояния и коммуникативной квалификации субъектов переговоров зависит течение переговоров, степень управляемости всей системы.

Установленный А.М. Столяренко [3, с. 213] факт объективно-субъективной природы экстремальности означает, что ее причины следует искать не только в особенностях внешней стимуляции, но и в индивидуальных особенностях подготовленности сотрудников органов внутренних дел к встрече в экстремальных условиях и действиях в них. Так, одной из причин возникновения кризисных ситуаций в переговорной деятельности в проблемной профессиональной ситуации является ошибочный выбор сотрудника, ведущего переговоры. В этой связи интересно мнение О.Д. Ситковской [4, с. 240], которая, исследуя способность человека к управлению и контролю своего поведения в нестандартных ситуациях, пришла к выводу о том, что риск как ситуативная характеристика деятельности, состоит в неопределенности ее исхода и возможности неблагоприятных последствий в случае неуспеха. Другими словами, «риск» — мера ожидаемого неблагоприятного результата при неуспехе, определяемая комплексной оценкой вероятности неуспеха и характера возможных последствий. Таким образом, толерантность к неопределенности — один из ресурсов личности при преодолении стрессовых ситуаций, т. е. ориентированность на сбор информации и готовность к риску [5, с. 26].

С помощью специально разработанной карты кризисной ситуации было изучено 1705 ситуаций, которые и составили «банк кризисных ситуаций». Основной упор в изучении переговоров в кризисных ситуациях был сделан на анализе психологической составляющей ситуации, связанной с особенностями взаимодействия субъектов. В банк анализа были включены вопросы, позволяющие получить информацию о перцептивных,

коммуникативных, ценностно-мотивационных, поведенческих и эмоционально-волевых процессах взаимодействия субъектов переговорного процесса.

Ретроспективный анализ проблемной ситуации производил основной участник переговоров, что позволяло зафиксировать субъективное видение участником психологических составляющих ситуации, мотивы «вхождения» в переговорный процесс, а также переживания и иные реакции, различные аспекты восприятия оппонента и представление о самом себе в условиях кризисных переговоров, выбираемые способы воздействия на оппонента и личная оценка их результативности, оценка эффективности применяемых стратегий и тактик.

В ходе анализа было выделено шесть видов переговоров.

- Переговоры с террористами, захватившими заложников по уголовным мотивам с целью выкупа или иных выгод (их в общем банке — 5%). В данной ситуации к ведению переговоров привлекались специалисты центров по противодействию экстремизму, центров специального назначения, родственники, представители местной администрации.

- Переговоры с преступниками, захватившими заложников, будучи застигнутыми на месте преступления, а также с преступниками, застигнутыми на месте преступления без захвата заложников (42%). В качестве переговорщиков выступали: сотрудники органов внутренних дел, представители местной администрации.

- Переговоры с преступниками, действующими по психологическим мотивам: самоубийцами, психически больными, в алкогольном и наркотическом опьянении (30%). Переговоры вели: сотрудник органов внутренних дел, психологи органов внутренних дел, ОМОН, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, психиатры.

- Переговоры с религиозными фанатиками, действующими в соответствии со своими религиозными убеждениями (6%). Переговоры вели: центры по противодействию экстремизму, центры специального назначения, родственники, представители местной администрации, священнослужители.

- Переговоры с политическими и иными субкультурно-радикальными экстремистами (2%). Переговоры вели: сотрудники центров по противодействию экстремизму специального назначения, родственники, представители местной администрации.

- Переговоры с толпой, с целью предотвращения массовых беспорядков (15%). Переговоры вели: сотрудники органов внутренних дел, психологи органов внутренних дел, ОМОН, представители местной администрации.

Изложенное показывает, что в нашем банке кризисных ситуаций значительно большее количество занимают переговоры с преступниками. Нами были выделены основные формы переговоров (рис. 1) в зависимости от степени трудности ведения переговоров. Наибольшую сложность вызывают переговоры через посредника, затем по телефону и через преграду.

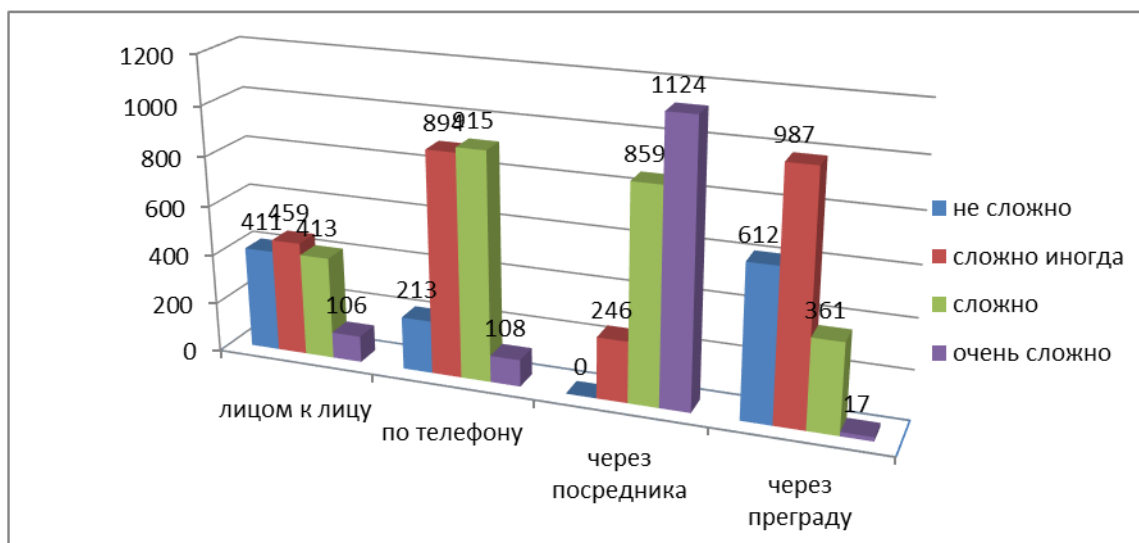

Рис. 1. Основные формы ведения переговоров

Респонденты и эксперты в открытом вопросе «С какими трудностями вы сталкивались?» перечисляли все имевшиеся в конкретной ситуации трудности. Отметим, что по каждой карте заполнялось множество трудностей, с которыми сталкивались переговорщики. Процентное соотношение приведено на рис. 2.

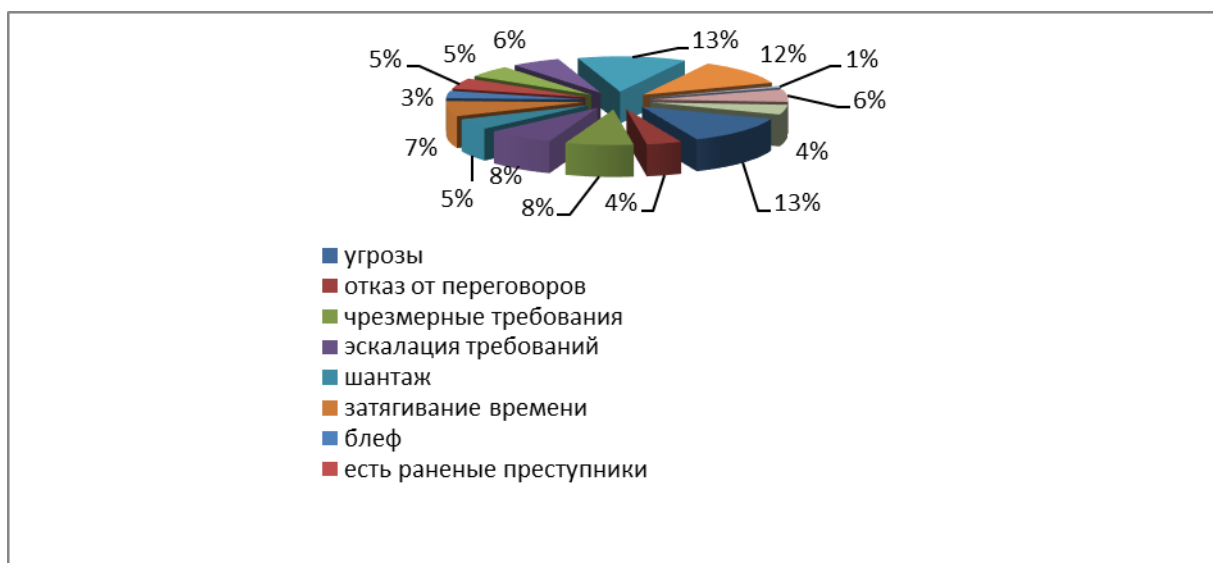

Рис. 2. Трудности в переговорах с преступником

Среди наиболее часто встречаемых трудностей в порядке ранговой значимости оказались угрозы, чрезмерные требования и эскалация требований, наличие заложников, физическое насилие над заложниками. При возникновении риска трудностей в процессе переговоров можно говорить о риске кризиса.

Так, еще до наступления кризиса, по всем пяти компонентам — в ценностно-мотивационном, перцептивном, коммуникативном, поведенческом и эмоционально-волевом — можно говорить о возникших трудностях, повлекших рассогласование взаимодействия субъектов переговоров.

Таким образом, трудности, возникающие при ведении переговоров, в том числе заметно увеличивающиеся в количественном соотношении, могут являться предкризисной зоной в динамике управляемой системы переговорной деятельности.

В практике переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел наилучшие результаты достигнуты при наличии развитой переговорной компетентности при адекватном использовании комплекса психологических средств, психотехник и методических приемов. Недостаточный профессионализм переговорщиков обычно ведет к кризисному развитию переговоров, в том числе из-за несоответствия субъективной активности закономерным соотношениям переговорного процесса — нарушение равновесия по компонентам либо искаженные симптомы не всегда отражают причины кризиса. Причины последнего нередко кроются глубже внешнего проявления кризисных признаков. Симптом — это первоначальное, внешнее проявление кризисных явлений, которое не всегда характеризует истинные причины кризиса, но по совокупности которых, причины можно установить. Оценивать глубину кризиса в переговорах следует не по отдельным симптомам, а с учетом причин и реальных факторов кризиса.

Одним из путей профилактики и преодоления кризисов переговорной деятельности является профессионально-психологическая подготовленность сотрудников органов внутренних дел к переговорам. О необходимости ее повышения свидетельствует проведенный нами анализ трудных ситуаций переговорной деятельности.

Следует отметить, что все опрашиваемые (как имевшие успех в переговорах, так и имевшие опыт провала) респонденты отмечали необходимость совершенствовать профессионально-психологическую подготовку, в том числе обучение системному видению переговорной ситуации. Кроме того, многие респонденты указали на нехватку следующих умений и навыков: организационно-управленческих; умения первоначальной оценки оперативной обстановки на месте событий; организации взаимодействия участвующих подразделений; умения быстро принимать решения; умения оказывать психологическое воздействие; умения устанавливать психологический контакт; навыков визуальной психологической диагностики; умения выбирать стратегию переговоров; умения вести переговоры; умения предвидеть тупики в переговорах.

Профессионально-психологическая подготовка переговорщиков обеспечивает целенаправленное формирование у специалистов психической готовности к взаимодействию и общению с преступниками, а также их психологическую вооруженность при применении различных стратегий и тактик в переговорном процессе. Одной из основных технологий подготовки, позволяющих развивать у сотрудника-переговорщика переговорную компетентность, умение оказывать психологическое влияние, воздействовать на личность, группу, является социально-психологический тренинг.

Проведенный нами формирующий эксперимент по развитию у субъектов переговоров переговорной компетентности позволил получить значимые результаты. Целью эксперимента являлось доказать возможность развития ПК субъектов переговоров с помощью специального курса обучения. Предварительное анкетирование показало, что 99% респондентов и экспертов изъявили желание пройти специальную профессионально-психологическую подготовку.

Использовался экспериментальный план с двумя рандомизированными группами с тестированием до и после воздействия: 300 человек — контрольная группа (сотрудники, обучавшиеся в Академии и не проходившие спецкурс) и 300 человек — экспериментальная группа (сотрудники, проходившие спецкурс). Предварительное тестирование двух групп проводилось с использованием анкет, Калифорнийского психологического опросника (CPI), Пятифакторного личностного опросника (NEO—FFI), экспертной оценки. В качестве независимой переменной в эксперименте выступали: психологические условия, в которых осуществляется деятельность испытуемого; характеристика заданий, выполнение которых требуется от испытуемого; характеристики самого испытуемого. Зависимой переменной, изменение которой в формирующем эксперименте является следствием изменения независимой переменной, выступали компоненты антикризисной переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, в качестве зависимой переменной нами использовались компоненты переговорной компетентности; функцию независимой переменной выполняли специальный курс подготовки, используемые новые психотехнологии.

Гипотезой формирующего эксперимента являлось предположение о том, что формирование переговорной компетентности у субъектов переговоров зависит от личностных особенностей переговорщика и уровня обученности, а также от прохождения специального курса.

Целью эксперимента являлась необходимость доказать возможность формирования (развития) переговорной компетентности с помощью специального курса обучения. **Задачи эксперимента:** выявление представления обучаемых о качествах «идеального переговорщика»; проведение самооценки и экспертной оценки; побуждение к дальнейшему углубленному самопознанию; формирование умения выявлять и анализировать свои личностные и профессионально важные качества, психологические характеристики, выявлять психологические трудности ведения переговоров.

Таким образом, в качестве основного направления организации формирующего эксперимента выступала апробация разработанной психотехнологии в контролируемых и управляемых условиях. Данная часть исследования представляла собой проверку на практике истинности теоретических предложений (предположений), специально смоделированный учебно-образовательный процесс, направленный на формирование переговорной компетентности, дающий возможность изучения и проверки психологических воздействий в контролируемых и поддающихся учету условиях.

График эксперимента состоял из последовательного перечня действий экспериментатора: психологическая подготовка испытуемых (инструктаж до спецкурса); первый «срез», т. е. диагностирование состояния зависимой переменной на начало эксперимента (проводился с помощью психологического тестирования, самооценки и экспертной оценки); первый ввод независимой переменной и его продолжительность; второй «срез», т. е. замер промежуточного состояния зависимых переменных (проводился с помощью самооценки и экспертной оценки); корректировка независимой переменной; второй ввод независимой переменной и его продолжительность; дополнительный «срез» состояния зависимой переменной (проводился с помощью самооценки и экспертной оценки); третий «срез» данных экспериментальной группы через 4 месяца после

прохождения спецкурса с целью определения стабильности результата обучения (проводился с помощью психологической диагностики).

Методическую основу настоящего исследования составляет комплекс методов, включающий в себя системно-ситуационный анализ взаимодействия основных субъектов переговоров в кризисных ситуациях, проведение пассивного констатирующего и формирующего экспериментов, авторскую формулу по выявлению уровня антикризисной переговорной компетентности, преобладающей стратегии поведения, а также ряд общеизвестных и апробированных методов и методик.

Установлено, что у экспериментальной и контрольной групп — единый базовый уровень знаний и умений, необходимых при ведении переговоров. Данная идентичность отражена также в результатах психологического тестирования (Калифорнийский личностный опросник (CPI)) (рис. 3).

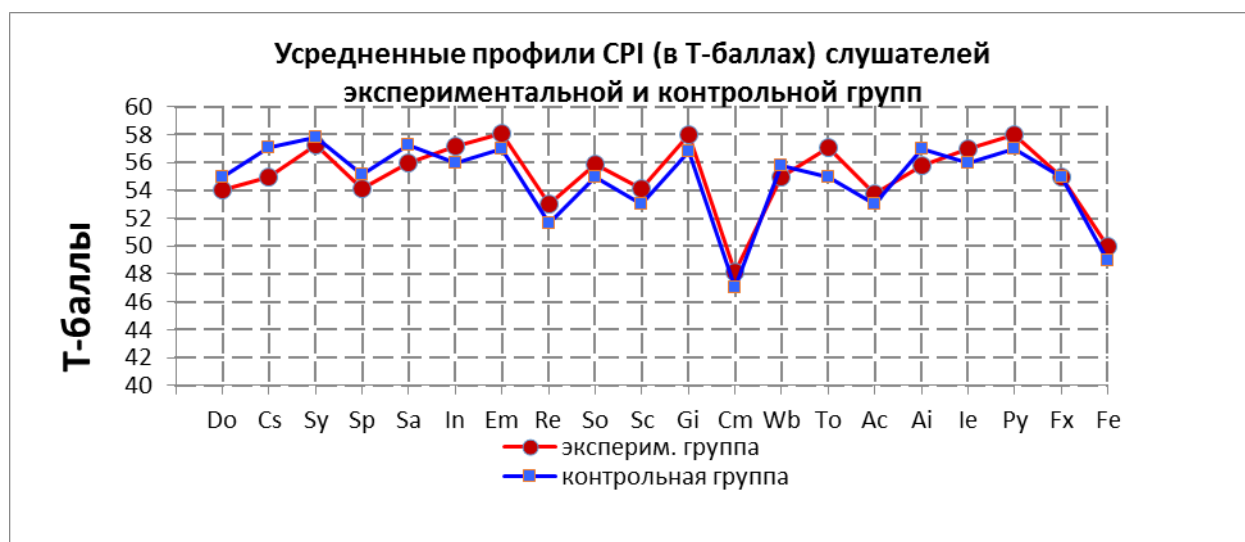

Рис. 3. Усредненные профили контрольной и экспериментальных групп до прохождения спецкурса

Сравнительный анализ экспертных оценок также подтвердил качественную однородность двух групп. Экспериментальная группа изучала авторский спецкурс «Переговорная деятельность сотрудников ОВД в ситуации захвата заложников» и проходила диагностику в середине и после обучения. Показателями развития ПК выступали: готовность к проявлению знаний и умений присущих переговорной компетентности (мотивационный компонент); владение знанием содержания переговорной компетентности (когнитивный компонент); умение контактировать и взаимодействовать с субъектами переговоров (коммуникативный и поведенческий компоненты); эмоционально-волевая регуляция в процессе переговоров (эмоционально-волевой компонент).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что участники спецкурса, проводимого методом социально-психологического тренинга, включавшего различные формы занятий, оценивали проводимые занятия как эффективные, продуктивные, формирующие и развивающие ПК в целом и в кризисных ситуациях. В целом, эксперимент подтвердил гипотезу о значительном влиянии на формирование и развитие ПК специально разработанного спецкурса.

Таким образом, развитие переговорной компетентности происходит как в реальных условиях профессиональной деятельности, так и в процессе тренингового моделирования различных проблемных ситуаций переговорной деятельности, в основе которого лежит расширение знаний и умений не только по поведению и коммуникации в экстремальных условиях, но и по моделированию и рефлексированию различных ситуаций переговорной деятельности, которые приобретаются в тренингово-игровой и иных активных формах для эффективного управления переговорным процессом.

В ходе специальной психологической подготовки в наибольшей мере решаются вопросы по снижению элементов неизвестности в общей системе предстоящих действий, формируются и активизируются специфические качества, необходимые именно для выполнения данной задачи. Переговорная компетентность вырабатывается путем опытного накопления совокупности специфических знаний, умений, навыков, формирования готовности и способности их применять. Формирование и развитие переговорной компетентности происходит как в реальных условиях профессиональной деятельности, так и в процессе моделирования различных проблемных ситуаций в переговорной деятельности.

Литература

1. *Майдыков А.Ф.* О дополнительном последипломном профессиональном образовании в Академии управления МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 143—148.
2. *Кильмашкина Т.Н.* Динамический анализ социального конфликта как условие эффективного управления им // Труды Академии управления МВД России [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior]. 2017. № 1 (41). С. 20—24.
3. *Столяренко А.М.* Экстремальная психопедагогика: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 607 с.
4. *Ситковская О.Д.* Обоснованный риск как проблема юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 240—249. doi:10.17759/psylaw.2017070119
5. *Рогачев В.А., Коноплева И.Н.* Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 26—43. doi:10.17759/psylaw.2018080103

Psychological features of teaching the negotiating activity in the system of additional vocational education

Vakhnina V. V., *Ph.D. in Psychology, Associate Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (vikavahnina@mail.ru)*

Kasperovich Yu. G., *PhD in Psychology, Head of the Department of the Organization of Psychological Work of the Directorate of the Organization of Moral and Psychological Support of the DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kasper0768@yandex.ru)*

Naumov Yu. G., *Doctor of Economics, Professor, Department of organization of financial and economic, material and technical and medical support The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (naumov6112@rambler.ru)*

In the article, the authors consider the need for timely updating the content of training programs and improving the skills of negotiating subjects, taking into account the rapidly changing conditions of professional activity. The use of situational, system-situational approaches in training contributes to the formation of professional competences among negotiators and the development of professionally important qualities necessary for effective implementation of negotiating activities in various professionally significant situations.

Collection and analysis of empirical material was carried out in several stages from 1995 to 2014, and included a survey of employees of law enforcement agencies and the conduct of a systematic analysis of the bank in 1705 problem situations. Based on the analysis of the bank of crisis situations in the negotiation process, depending on the characteristics of the negotiating situation, priority strategies and possible crisis zones are singled out, which makes it possible to effectively implement anti-crisis talks. Vocationally important negotiating situations and ways of formation of negotiating competence in the process of preparation and retraining have been determined.

Key words: vocational-psychological training; preparedness; negotiating competence; professionally significant problem situation.

References

1. Mailykov A. F. O dopolnitel'nom poslediplomnom professional'nom obrazovanii v Akademii upravleniya MVD Rossii [About additional postgraduate professional education in the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior]. 2017. no. 4 (44). pp. 143-148. (In Russ., abstr. in Engl.).

2. Kil'mashkina T. N. Dinamicheskii analiz sotsial'nogo konflikta kak uslovie effektivnogo upravleniya im [Dynamic analysis of social conflict as a condition for effective management of it]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of the Interior]*. 2017. no (41). pp. 20-24. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Stolyarenko A. M. Ekstremal'naya psikhopedagogika : ucheb. posobie dlya vuzov. [Extreme psychopedagogy]. Moscow: Publ. YuNITI-DANA, 2002. 607 p.
4. Sitkovskaya O. D. Obosnovannyi risk kak problema yuridicheskoi psikhologii [Rationalized risk as a problem of legal psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo. [Psychology and law]* 2017. Tom 7. Vol. 1. pp. 240—249. doi:10.17759/psylaw.2017070119
5. Rogachev V. A., Konopleva I. N. Analiticheskii obzor issledovaniy po probleme neopredelennosti i izucheniya koping-strategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Analytical review of research on the problem of uncertainty and the study of coping strategies among law enforcement officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo. [Psychology and law]* 2018. Tom 8. Vol.1. pp. 26—43. doi:10.17759/psylaw.2018080103

Профессиональная культура субъекта труда как интегративный феномен

Лаптев Л.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (4063118t@mail.ru)

Столяренко А.М., доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник. Научно-исследовательский центр ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (amstol@mail.ru)

Буданов А.В., доктор педагогических наук, профессор (4063118t@mail.ru)

Грищенко Л.Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России» (uvd-osob@mail.ru)

Демин Г.И., доктор философских наук, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Центра командно-штабных учений, ФГКОУ ВО «Академии управления МВД России» (ic-k@mail.ru)

В статье анализируются сущность, структура и миссия профессиональной культуры в деятельности современного специалиста. Автором приведены основные теоретико-методологические предпосылки исследования профессиональной культуры субъекта труда как целостного феномена. В данном контексте уточнены и раскрыты актуальные детерминанты, определяющие направленность, характер, психологические особенности развития и проявления профессиональной культуры субъекта труда. При этом выделена и охарактеризована многоплановая роль условий и факторов, влияющих на формирование профессиональной культуры. С одной стороны, они способствуют развитию профессиональной культуры субъекта труда, а с другой стороны, отдельные из выделенных детерминант блокируют этот процесс. Особое место в статье занимает реализованный автором интегративный подход, который позволил системно охарактеризовать профессиональную культуру субъекта труда, ее развитие и функционирование как интегративного феномена. Для повышения эффективности процесса развития профессиональной культуры разработана и апробирована психологическая модель достижения этой цели в конкретной системе труда.

Ключевые слова: акмеологические инварианты профессионала, интегративный подход, профессиональная культура, модель развития профессиональной культуры, детерминанты эффективного развития профессиональной культуры,

---

оптимизация системы труда, психологические условия, факторы продуктивного самосовершенствования.

Для цитаты:

Лаптев Л.Г., Столяренко А.М., Буданов А.В. и др. Профессиональная культура субъекта труда как интегративный феномен. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С.180-191.
doi: 10.17759/psylaw.2018080416

For citation:

Laptev L.G., Stolyarenko A.M., Budanov A.V. et. al. Labour subject's professional culture as an integrative phenomenon. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.180-191.
doi: 10.17759/psylaw.2018080416

Профессиональная культура человека в любой системе труда формируется и раскрывается как многомерное психическое образование, совокупность системно взаимосвязанных компетенций, обеспечивающих эффективное выполнение субъектом труда актуальных профессиональных функций на протяжении всего жизненного пути. Профессиональная культура человека, актуализируя его мотивационно-ценностные, когнитивные, эмоционально-волевые, физические и коммуникативные ресурсы, обеспечивает проявление его неповторимой природы, гармонично сочетающей в себе характеристики индивида, субъекта труда, личности и индивидуальности.

Анализ научных и эмпирических данных позволяет утверждать, что профессиональная культура субъекта труда по своей природе интегративна. В этом убеждают такие общие, характерные для данного системного явления признаки, как: структура, содержание и форма воплощения в систему труда, которые определяют общие черты и характер всех основных сторон труда (личностно-профессиональное развитие; приоритетность выполняемой профессиональной деятельности; профессиональная коммуникация и взаимоотношения; система оптимизации всех сторон труда); целостная архитектура труда (предпочитаемая эффективная система, включающая модель, алгоритм, технологию развития процесса труда); система и средства развития профессиональных компетенций как структурно-содержательных компонентов профессиональной культуры субъекта труда.

Анализ проблемы развития профессиональной культуры современного субъекта труда требует всестороннего изучения всех элементов обсуждаемого целостного феномена. Отметим, что интеграция (от лат. *integratio* — соединение, восстановление) «... представляет собой объединение в единое целое элементов системы на основе их взаимозависимости и взаимодополняемости» [2]. Важно подчеркнуть, что проблема интеграции сегодня интересует исследователей различных отраслей наук. Категория «интеграция» является одной из центральных в таких гуманитарных науках, как педагогика, психология, социология, философия и пр. Проблемам интеграции в педагогике и психологии посвящены исследования В.В. Краевского, А.В. Петровского, Н.Ф. Талызиной и др. [7; 10; 12]. Интерес к исследованию интегративного объекта объясняется актуальным

социальным заказом, предпочтениями ученых и большим потенциалом интегративного подхода. В частности, в работах В.А. Караковского и Л.И. Новиковой раскрываются возможности интегративного подхода в исследовании психолого-педагогических проблем [13]. В современных условиях Федеральный государственный образовательный стандарт выдвигает перед образовательными организациями страны инновационную задачу организации интегративного познания и развития разносторонней личности обучающегося как творческого субъекта труда и собственной жизненной стратегии. Ее успешное решение на современном этапе во многом определяется состоянием сформированности инновационной профессиональной культуры субъекта труда новой формации.

Традиционная система прогнозирования и планирования личностно-профессиональных, метапредметных, предметных и других образовательных результатов предусматривает процесс решения учебно-познавательных и учебно-практических задач, предъявление учебного материала по отдельным предметам и обеспечивает преимущественно фрагментарную реализацию поставленных целей. Такая система не в полной мере удовлетворяет потребность в развитии профессиональной культуры субъекта труда. В то же время, приоритеты инновационной стратегии развития кадрового потенциала российского общества ориентируют на расширение и укрепление многоплановых интегративных связей и отношений с инновационно ориентированными субъектами труда, научно-образовательными учреждениями, работодателями госструктур и бизнеса.

Термин «инновация» был впервые введен в научный оборот в 1911 г. австрийским ученым Йозефом Шумпетером. Этот термин применим и в настоящее время — для обозначения проникновения некоторых элементов одной культуры в другую; в отношении нового результата, получаемого в совокупной системе труда. Правомерно уточнение о том, что инновация является также продуктом труда. Труд же, как целесообразная активность, должен и качественно, и количественно соответствовать цели — производству благ, удовлетворяющих общественные потребности. Инновационный труд приводит к созданию нового продукта (результата) или использует для достижения цели новые средства. Такой труд выступает средством преодоления противоречий, возникающих как между субъектами труда и внешней средой, формирующей новые общественные потребности, так и в процессе развития системы труда.

Инновационный труд отличается творческим характером его содержания, организации и полученного продукта, который достигается, прежде всего, благодаря инновационной профессиональной культуре субъекта труда. Такой инновационный труд отличается от любого иного труда или выполняемой деятельности следующим: стремлением субъекта инновационного труда к новизне, обновлению, модернизации; внутренней противоречивостью взаимосвязей между новыми созидательными и стереотипными разрушающими компонентами профессиональной культуры субъекта инновационного труда; наличием фазовой дискретности внедренческой активности субъекта инновационного труда; систематическим опережающим развитием профессиональной культуры субъекта инновационного труда.

Нами была разработана и апробирована авторская модель инновационного труда субъекта управления. В качестве основных структурных блоков выделены: система инновационного управленческого труда (СИУТ); трудовые модулы; профессиональная культура субъекта труда; организационно-процессуальные компоненты инновационного

труда; профессиогенез субъекта труда; организация и оптимизация всех сторон труда руководителя.

Объектом инновационного управленческого труда являются человеческие ресурсы российского общества в целом и отдельных социальных институтов. Предметом является развитие творческого потенциала кадрового состава. Для выполнения его профессиональных функций требуется, чтобы сформированные с ориентацией на них профессиональные компетенции обеспечивались на желаемом уровне (высокий — инновационно-творческий; средний — обеспечивающий стабильное и качественное выполнение функций в любых условиях и ситуациях; удовлетворительный — позволяющий успешно выполнять профессиональные функции). Профессиональная культура субъекта труда формируется и проявляется как определенная сложившаяся система принципов, подходов, методов, приемов, средств и в целом как индивидуальный стиль эффективного выполнения функций всех сторон труда в соответствии с действующими в стране и в корпорации правовыми нормами, традициями, этическими и нравственными правилами, нормами поведения и возложенными функциональными обязанностями.

Содержательно профессиональная культура охватывает следующие компетенции: когнитивные; субъектно-деятельностные; коммуникативные; креативно-оптимизационные; компетенции инновационного труда. Их содержание детерминировано требованиями трудовых модусов, приоритетными из которых являются следующие: личностно-профессиональное развитие руководителя; профессиональная деятельность и другие виды деятельности; социальные отношения, включающие профессиональные отношения; профессиональное служение, основа которого — оптимизация труда; совокупный продукт инновационного труда.

С учетом того, что каждый из модусов представляет собой разновидность знаний об интересующих конкретных пяти сторонах труда, выступающих системными детерминантами, их содержание охватывает востребованные профессиональные компетенции и во взаимосвязи раскрывает целостное содержание профессиональной культуры субъекта труда. Каждый из выделенных модусов будет выступать эталоном для сформированных профессиональных компетенций и профессиональной культуры.

Особое место среди трудовых модусов занимает личностно- профессиональное развитие субъекта труда. Анализ места и роли субъекта труда в различных системах труда указывает на исключительную важность владения специалистом современной инновационной культурой, которая обеспечивает как качественное выполнение им профессиональных функций, так и утверждение в рамках принятой стратегии модернизации высшего образования инновационных подходов, моделей, алгоритмов и технологий. Их внедрение в современную систему труда обеспечивает требуемую конкурентоспособность всех ее сторон. Для этого еще в процессе подготовки будущих субъектов труда в вузе требуется принципиально на новой — инновационной — основе закладывать востребованные системой труда компоненты творческого потенциала выпускника вуза.

Исследование показывает, что для формирования в вузе творческого субъекта труда необходимо этот процесс направить на эффективное развитие конкретных компетенций, обеспечивающих готовность и подготовленность выпускника вуза к творческому развитию и самосовершенствованию. Причем такое профессионально-личностное развитие следует

начитать с первого курса вуза, чтобы формирующийся профессионал не стал заложником накопления профессиональных стереотипов и алгоритмических методов деятельности, а с самого начала включился в творческое саморазвитие. При этом в образовательном процессе должны соблюдаться следующие принципы: развития; роста наукоемкости образования; повышения качества образовательной деятельности; ее инновационно-креативной ориентации. Новые требования призваны улучшить качественный состав преподавателей и персонала, предоставляемых услуг, а также повысить качество образовательного результата — выпускника, обеспечивая ему возможность подняться до уровня профессионала и инновационного субъекта труда. В таких условиях выдвигается задача обеспечить творческую активность всех субъектов научного, образовательного, управленческого, учебного труда.

Успешность в решении этой комплексной задачи определяется созданием необходимых психолого-педагогических условий воспитания и развития конкурентоспособного субъекта труда, готового к реализации инновационно ориентированной образовательной политики. Основными такими условиями являются следующие:

- разработка научно-педагогической системы, обеспечивающей эффективное содействие будущему субъекту труда в формировании собственного потенциала инновационной профессиональной культуры;
- придание творческой направленности образовательной среде вуза, актуализирующей развитие творческой активности, овладение инновационным стилем деятельности студентов и педагогов вуза;
- стимулирование победителей смотров, конкурсов, авторов инновационных проектов, обеспечивающих достижение качественно нового уровня инновационной культуры будущих субъектов управленческого труда;
- расширение творческого сотрудничества всех субъектов образовательного процесса — студентов, педагогов-новаторов и наставников от работодателей для достижения цели высококачественной подготовки субъектов инновационного труда.

С точки зрения системных требований субъект труда должен иметь достаточную профессиональную культуру во всех вопросах жизни, труда, политики и взаимоотношений на межличностном, корпоративном, национальном и международном уровнях по широкому кругу вопросов. С учетом требований модуса, детерминирующего личностно-профессиональное развитие субъекта труда, выдвигаются такие требования к его качествам и характеристикам, как:

- целеустремленность и готовность брать на себя ответственность;
- решительность, упорство, быстрота и точность в руководстве;
- сформированность организаторских способностей лидера, обладающего прежде всего инициативностью, творчеством;
- высокие духовно-нравственные и физические качества;

- честность, верность профессиональному долгу и слову;
- доброжелательное отношение к людям, высокая культура межличностных и корпоративных взаимоотношений.

Основной вид профессиональной деятельности субъекта управленческого труда — управленческое воздействие на объект управления. В социальной среде оно охватывает основные функции руководства персоналом и организацией его деятельности, а также взаимодействия со стратегическими партнерами в области реализации продуктов, созданных организацией в процессе выполняемой производственной деятельности. Для того чтобы создавать инновации в управленческой деятельности важно быть компетентным в широком спектре достижений современной науки, технологий, социально-психологического мониторинга системы труда и управленческой деятельности.

Специалисту системы управленческого труда необходимо хорошо знать законы и другие нормативные акты, которые регламентируют, например, миссию возглавляемой организации и деятельность ее сотрудников. Также руководитель организации должен знать менеджмент, психологию, риторику, логику и многое другое. Не менее важно руководителю обеспечивать соответствие профессиональных компетенций управленца профилю системы труда организации. Это предполагает соответствие требованиям таких трудовых модусов коммерческой организации, как: личностно-профессиональное развитие руководителя; социальные отношения, включающие профессиональные отношения; профессиональное служение, основой которого является оптимизация труда в организации; совокупный продукт инновационного труда организации. Таким образом, субъект управленческого труда, выполняя в качестве профессиональной управленческую деятельность, должен на основе овладения профессиональными компетенциями обеспечить эффективную реализацию инновационной миссии всей организации, профессиональную деятельность каждого сотрудника и тем самым способствовать решению важной социально-экономической задачи — создание и доведение до потребителей продукции, создаваемой субъектами труда всей организации. Примечательно, что в последние годы запросы потребителей все больше ориентируются на результаты, создаваемые благодаря введению инноваций.

Как уже было отмечено, результаты исследования позволяют утверждать, что общественная потребность нередко служит импульсом к появлению новшества. Поэтому для инновационного труда руководителя, госслужащего или педагога очень важно признавать и учитывать важность такой стороны совокупного труда, как социальные отношения. Социальные отношения представляют собой отношения между людьми (или группами людей), осуществляющиеся в соответствии с законами социальной организации общества для удовлетворения потребностей в поддержании и развитии межличностных взаимоотношений, социальных отношений и взаимодействия.

Социальные отношения являются важным элементом инновационного труда. Во-первых, потому что запросы общества являются основой для создания новаций. Во-вторых, отношения в коллективе должны располагать к эффективной работе, которая необходима при создании и внедрении новинок. В-третьих, инновационная деятельность предприятия требует привлечения немалых интеллектуальных, материальных и физических ресурсов, поэтому помощь партнеров, обмен информацией будут крайне необходимы. В-четвертых, наблюдение за деятельностью конкурентов поможет решить, какой именно новый продукт

или услугу необходимо создать, чтобы привлечь клиентов, а также какие средства можно для этого использовать.

Одним из важных элементов инновационного труда является социальное служение. Термин «социальное служение», используется сравнительно недавно. Первоначально сочетание "социальное служение" употреблялось в отечественной исторической науке при определении социальной деятельности конфессиональных союзов. Однако социальное служение не ограничивается только данным видом социальной деятельности.

Рассмотрим составляющие данное сочетание понятия — «социальное» и «служение». «Социальное» в русском толковом словаре определяется следующим образом: «общественное, относящееся к жизни людей и их отношениям в обществе; связанное с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей». «Служение» (исходное значение «служба») означает организацию какой-либо деятельности. В толковых словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова служение рассматривается как деятельность на пользу кого-нибудь, чего-нибудь. Другими словами, служить — значит делать что-либо на благо другого, быть надобным. Из этого можно сделать вывод, что продукт инновационного труда должен быть полезен для общества. Чем больше пользы приносит новый продукт потребителям, тем меньше рисков, связанных с выпуском и внедрением этого товара. Поэтому при реализации инновационного труда необходимо ориентироваться на готовность общества к восприятию новаций. Социальное служение — важный элемент инновационного труда. Ведь результатом такого труда должен быть новый продукт; но если этот продукт будет не востребован, то нет никакой необходимости и смысла в инновационной деятельности.

Применительно к системе труда социальное служение в большей степени получает направленность и «окраску» профессионального служения. Исследование показало корректность утверждения о том, что профессиональное служение имеет цель оптимизировать основные стороны труда. При достижении такого результата достигается акмеологический эффект. Иначе говоря, профессиональное служение наилучшим образом способствует достижению оптимальных характеристик труда. С одной стороны, функции труда выполняются в рамках наилучшей архитектоники — привлекаемых модели, алгоритма и технологии. Они созданы благодаря привлечению креативного потенциала субъектов труда, а пользуются ими профессионалы экстра-класса. Поэтому перед системой труда стоит задача по оптимизации всех его основных сторон.

С другой стороны, категория «служение» наполняется акмеологическим содержанием и раскрывается в рамках научно обоснованной архитектоники. При этом истинным творцом в предлагаемой системе труда предстает его субъект, который креативен, высокопрофессионален, а к результату своего производительного труда добавляет необычный продукт — оптимизацию всех сторон труда.

Также важным элементом является профессиогенез, постоянное, на протяжении всего периода труда преобразование субъектом труда своего внутреннего мира, приводящее к принципиально новому его выстраиванию и овладению творческим способом жизнедеятельности, обеспечивающим оптимальную самореализацию в профессии. Профессиогенез, как сущностная характеристика развития профессиональной культуры субъектов труда в условиях модернизации всей социальной практики, предстает как стратегия и практика развития творческого потенциала субъекта труда, соответствующего растущим требованиям профессии и социальной среды. Он призван обеспечивать

соответствие субъекта труда критериям нравственности и эффективного профессионального творчества на основе овладения и использования актуальных междисциплинарных знаний, проявления субъектного отношения к профессии, развития мотивационно-ценностных, рефлексивных, творческих качеств, характеризующих его готовность и подготовленность к саморегуляции, самосовершенствованию и самореализации в избранной системе труда.

Профессиогенез характеризуется: совершенствованием качества профессионального труда, его безопасности, эффективности, экологичности и психологической привлекательности; общественным признанием статуса профессионала как специалиста высшего уровня мастерства, ориентированного на полное удовлетворение потребностей потребителя; утверждением профессии как социального института, ответственного:

1) за систематизацию практического опыта для научного осмысления профессионального труда как духовного творения;

2) распространение лучших образцов труда (в том числе профессиональных приемов и прогрессивных техник) для перманентного подъема общего уровня профессионального мастерства;

3) накопление и развитие профессиональных знаний для их передачи следующему поколению;

4) сохранение морально-нравственных ценностей труда для формирования профессиональной этики общественного служения.

Профессиогенез предполагает готовность к преобразующей деятельности [14; 15; 16], которая требует все большего участия самого субъекта труда в поиске новых профессиональных знаний и способов их обработки, а также его открытости новым ценностям и умения своевременно скорректировать свою концептуальную схему понимания профессиональной действительности и ее объектов.

Таким образом, результаты исследования позволяют обоснованно утверждать: инновационный труд является уникальным феноменом, обеспечивающим выполнение человеком своей социально-ценностной миссии на основе развития и привлечения потенциала профессиональной культуры субъекта труда. Интегративность непрерывной подготовки человека как субъекта труда на протяжении жизненного пути и непосредственно в процессе обучения в образовательных организациях позволяет обеспечить развитие его профессиональной культуры как актуального интегративного феномена. При этом одной из важнейших задач, решаемых образовательными организациями, является усвоение обучающимися поликультурных ценностей жизни и труда, которые выполняют базисную миссию в формировании и развитии профессиональной культуры субъекта труда.

Литература

1. Инновационный менеджмент / Под ред. С.Д. Ильенковой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 327 с.
2. *Лаптев Л.Г., Лаптева И.Л., Полякова О.Б.* Общепсихологический практикум. М.:

Юрайт, 2017. 478 с.

3. Лаптева И.Л. Социально-психологическая концепция развития профессиональной культуры руководителей социальной сферы: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2011. 362 с.
4. Новиков А.М. Основания педагогики. М.: Эгвес, 2010. 41 с.
5. Новиков А.М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: ИЭТ, 2013.
6. Основы андрагогики / Под ред. И.А. Колесниковой. М.: АCADEMIA, 2007.
7. Крук В.М., Лаптев Л.Г., Письменский Г.И. и др. Проблемы развития социальной активности студенческой молодежи: монография. М.: Изд-во СГУ, 2017. 289 с.
8. Словарь педагогических терминов. URL: <http://citoweb.uspu.org/link1/metod/met40/node17.html> (дата обращения: 13.03.2016).
9. Стратегия и практика достижения высшей квалификации субъектом инновационного труда: монография / Под общ. ред. С.И. Пахомова, В.Л. Кубышко, А.Н. Конева. 3-е изд. доп. и перераб. М.: Буки Веди, 2018. 550 с.
10. Талызина Н.Ф. Педагогическая психология: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2013. 288 с.
11. Управление воспитательной системой школы: проблемы и решения / Под ред. В.А. Караковского, Л.И. Новиковой, Н.Л. Селивановой, Е.И. Соколовой. М.: Педагогическое общество России, 1999. 264 с.
12. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя. 2-е изд. / [А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.]; под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2011. 159 с.: ил.
13. Ходякова Н.В., Митин А.И. Учет психологических механизмов развития личности в проектировании образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 4. С. 101—109. doi:10.17759/pse.2017220414
14. Хван А.А. Психологическое обеспечение инноваций как понятие психологии образования // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 23—30.

Labour subject's professional culture as an integrative phenomenon

Laptev L.G., Doctor (Psychology), professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Staff Training at the Management Academy of the Ministry of Internal Affairs in Russia (4063118t@mail.ru)

Stolyarenko A.M., Doctor (Psychology), Doctor (Education), professor, FGKOU V "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia", Moscow, Russia, amstol@mail.ru

Budanov A.V., Doctor (Pedagogy), professor (4063118t@mail.ru)

Grishchenko L. L., Doctor, professor, FGKOU V "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (uvd-osob@mail.ru)

Demin G.I., Doctor (Philosophy), Professor, The Ministry of internal affairsof the Russian Federation (ic-k@mail.ru)

Essence, structure and mission of modern specialist's professional culture are analyzed in the article. The author reveals the basic theoretical and methodological background of investigating labour subject's professional culture as an integrative phenomenon. In this context actual determinants, which characterize direction, character, development psychological specificity and display of labour subject's professional culture, are specified and revealed. Herewith, the multifaceted mission of conditions and factors is pointed and characterized. On the one hand, they contribute to development of labour subject's professional culture, but, on the other hand, some of the pointed determinants block this process. The particular place in the article is occupied by the realized integrative approach which allows characterizing labour subject's professional culture, its development and functioning as an integrative phenomenon in a systematic way. For increasing efficiency of this process the psychological model of achieving this goal in the concrete labour system is made and tested.

Key words: professional's acmeological invariants; determinants of professional culture efficient development; integrative approach; model of professional culture development; professional culture; optimization of labour system; psychological conditions; factors of productive self-development.

References

1. Innovatsionnyi menedzhment [Innovational management]. In S.D. Il'enkova S.D. (ed.). Moscow: YuNITI-DANA, 2007. 327 p.
2. Laptev L.G., Lapteva I.L., Polyakova O.B. Obshchepsikhologicheskii praktikum [General psychological practicum]. Moscow: Yurait, 2017. 478 p.

3. Lapteva I. L. Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya razvitiya professional'noi kul'tury rukovoditelei sotsial'noi sfery. Diss. dokt. psikhol. nauk [Social and psychological conception of developing managers' professional culture in the social sphere]. Moscow, 2011. 362 p.
4. Novikov A. M. Osnovaniya pedagogiki [Basis of pedagogy]. Moscow: Egves, 2010. P. 41.
5. Novikov A. M. Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh ponyatii [Pedagogy: basic terms system dictionary]. Moscow: IET, 2013.
6. Osnovy andragogiki [Basis of andragogy]. In Kolesnikova I.A. (ed.). Moscow: ACADEMIA, 2007.
7. Kruk V.M., Laptev L.G., Pis'menskii G.I. i dr. Problemy razvitiya sotsial'noi aktivnosti studencheskoi molodezhi [Problems of students' social activity development]. Moscow: Publ. SGU, 2017. 289 p.
8. Slovar' pedagogicheskikh terminov [Elektronnyi resurs] [Dictionary of pedagogical terms]. URL: <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met40/node17.html> (Accessed 13.03.2016).
9. Strategiya i praktika dostizheniya vysshei kvalifikatsii sub"ektom innovatsionnogo truda [Strategy and practice of achieving a higher qualification by a subject of innovational labour]. In Pakhomov S.I., Kubyshko V.L., Konev A.N. (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2018. 550 p.
10. Talyzina N.F. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]. Moscow: Akademiya, 2013. 288 p.
11. Upravlenie vospitatel'noi sistemoi shkoly: problemy i resheniya [Managing educational system at school: problems and decisions]. In Karakovskiy V.A., Novikova L.I., Selivanova N.L., Sokolova E.I. (ed.) Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 1999. 264 p.
12. Formirovanie universal'nykh uchebnykh deistvii v osnovnoi shkole: ot deistviya k mysli. Sistema zadanii [Forming universal learning activities at comprehensive school: from activities to ideas. System of tasks] In Asmolov A.G. (ed.). Moscow: Prosveshchenie, 2011. 159 p.
13. Innovatsionnaya deyatel'nost' kak forma truda i razvitiya biznesa [Elektronnyi resurs] [Innovational activity as a form of labour and business development]. URL: <http://nanodigest.ru/content/view/716/57> (Accessed 25.05.2018).
14. Innovatsii v obrazovanii [Elektronnyi resurs] [Innovations in education]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/resvanov_obrasovanie/02.aspx (Accessed 25.05.2018).
15. Khodyakova N.V., Mitin A.I. Uchet psikhologicheskikh mekhanizmov razvitiya lichnosti v proektirovanii obrazovatel'noi sredy [Accounting psychological mechanisms of personality development in projecting educational environment]. *Psikhologicheskaya*

nauka i obrazovanie PSYEDU.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2017. Vol. 22, no. 4. pp. 101—109. doi:10.17759/pse.2017220414

16. 16. Khvan A. A. Psikhologicheskoe obespechenie innovatsii kak ponyatie psikhologii obrazovaniya [Psychological support of innovations as a notion in terms of psychology of education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru. [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2008. no. 1. pp. 23—30.*

Сетевая технология как педагогический инструмент

Скляренко И.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО Академии управления МВД России (ic-k@mail.ru)

Курипченко Ю.И., инспектор по делам несовершеннолетних ОУУППДН Межмуниципального управления МВД России «Орехово-Зуевское» (GHart2@yandex.ru)

Демин Г.И., доктор философских наук, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Центра командно-штабных учений ФГКОУ ВО Академии управления МВД России (ic-k@mail.ru)

В статье обоснована **актуальность** темы исследования, которая исходит из статистики подростково-юношеской делинквентности и опроса молодых инспекторов по делам несовершеннолетних (ПДН), испытывающих затруднения в работе с семьями группы риска. Инновационным способом решения проблем несовершеннолетнего является сетевая технология. Авторы разработали концептуальную модель формирования профессиональных компетенций у курсантов образовательных организаций МВД России, необходимых для работы с семьёй несовершеннолетнего. Модель включает элементы профессиональной деятельности, связанные с ними знания и педагогически действенный инструментарий. Ключевым инструментом в модели стала деловая игра, имитирующая сетевую технологию. Предлагается обучение курсантов указанной технологии на практических занятиях социально-педагогических дисциплин.

В статье представлены результаты эксперимента по формированию профессиональных компетенций у курсантов, будущих инспекторов ПДН. Авторы оценивают уровень сформированности профессиональных компетенций курсантов по трем критериям. В выводах отмечена положительная динамика выделенных критериев и обоснована эффективность разработанной модели.

Ключевые слова: сетевая технология, профессиональные компетенции, модель, экспериментальное исследование, курсант, несовершеннолетний, инспектор.

Для цитаты:

Скляренко И.С., Курипченко Ю.И., Демин Г.И. Сетевая технология как педагогический инструмент. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 192-203. doi: 10.17759/psylaw.2018080417

For citation:

Sklyarenko I.S., Kuripchenko Yu. I., Demin G.I. Network technology as a pedagogical tool.

[Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.192-203.
doi: 10.17759/psylaw.2018080417

Подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) призваны не только пресекать правонарушения, антиобщественные действия несовершеннолетних, но и предупреждать их, осуществляя комплекс профилактических мероприятий в отношении самих несовершеннолетних и их семей. Несмотря на жесткую регламентацию профессиональной деятельности инспектора ПДН [3], возникающие у них проблемы остаются нерешенными, а статистика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, стабильно высока.

Так например, по данным МВД РФ в 2013 году несовершеннолетними или при их соучастии совершено каждое 18-е преступление, в 2014 и 2015 годах каждое 20-е [8], в 2016 - каждое 24-е [9] и 2017 – каждое 27-е преступление [10] при общем количестве зарегистрированных преступлений 2058476. И хотя приведенные данные демонстрирует положительную тенденцию, проблема профилактики преступности несовершеннолетних, а значит и работы с их семьями, попадающими в группу риска, остается актуальной.

Проиллюстрируем более конкретизированной статистикой по территории обслуживания МУ МВД России «Орехово-Зуевское» с численностью населения 119956 человек. За 2017 г. несовершеннолетними или при их соучастии совершено 52 преступления. Среди них тяжких и особо тяжких 23,08%, средней тяжести 57,7%, небольшой тяжести 19,23%. 25% преступлений было совершено несовершеннолетними в составе групп.

В совершении преступлений принимали участие 58 несовершеннолетних, из них: в возрасте от 14 до 15 лет – 48,28%, от 16 до 17 лет – 51,72%, девушек – 5,17%. При совершении преступлений несовершеннолетние были в состоянии опьянения: 6,89% – алкогольного, 3,44% – наркотического. Среди участвующих в преступлениях на момент совершения 51,7 % являлись учащимися школ, 31,03% учащимися образовательных организаций среднего профессионального образования и 17,24% несовершеннолетние, которые нигде не учились и не работали, не имели постоянного источника дохода. Несовершеннолетние, ранее совершавшие преступления и осужденные, составили 3,6%.

За 2017 год в МУ МВД России «Орехово-Зуевское» было доставлено 535 несовершеннолетних, из них: 50,47% за употребление спиртных напитков; за употребление наркотических и одурманивающих веществ 2,07%; 14,02% требовалась помощь со стороны государства.

Эта статистика, к сожалению, усугубляется нарушениями, допущенными инспекторами ПДН (анализ проведен на момент начала изучения проблемы). По данным генеральной прокуратуры РФ надзор за ПДН выявил в 2013 году 38147 нарушений [2]. Назовем некоторые из них:

- формальное, нерегулярное проведение профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на учете, и их семьями;
- низкий уровень выявления несовершеннолетних и их семей, находящихся в социально опасном положении;

- несвоевременное информирование органов опеки и попечительства о безнадзорности несовершеннолетних, игнорирование фактов ухода из дома и проживания у посторонних лиц;
- отсутствие взаимодействия между ПДН и образовательными организациями, и как следствие, несовершеннолетние, нуждающиеся в помощи, остаются без внимания социальных педагогов;
- некачественное ведение учетно-профилактической документации на несовершеннолетних и их родителей (карточек, дел, планов индивидуально-профилактической работы, сведений о проведении мероприятий и др.).

Добавим к этим недостаткам низкий уровень инициативы инспектора ПДН в отношении несовершеннолетних группы риска и их семей из-за чрезмерной загруженности и документационной волокиты.

Выявленные нарушения особенно касаются молодых сотрудников ПДН, стаж службы которых не превышает пяти лет. Это связано, на наш взгляд, не только с профессиональными затруднениями, которые естественным образом возникают из-за нехватки опыта в первые годы службы, но также и с пробелами в профессиональной подготовке.

Решение этой проблемы нам видится в формировании у курсантов, будущих инспекторов ПДН, профессиональных компетенций, необходимых для успешного взаимодействия с семьями группы риска, еще в период обучения в образовательной организации МВД России. Опыт показал, что традиционная подготовка не дает желаемого результата. Наше исследование показывает, что 57% молодых инспекторов испытывают наибольшие сложности во взаимодействии с несовершеннолетними «группы риска» и их семьями [4].

В экспериментальном обучении нами была разработана и реализована *концептуальная модель формирования профессиональных компетенций, необходимых для работы с семьёй группы социального риска у курсантов образовательных организаций МВД России*. Ведущим социально-педагогическим инструментом в разработанной модели и одновременно средством формирования профессиональных компетенций здесь стала **деловая игра, имитирующая сетевую технологию**.

Опыт применения инновационных технологий (Л.Н. Гиенко, Е.Н. Дроновой, Ю.И. Курипченко, Е.А. Федотовской, А. Шептенко) в профессиональной деятельности социальных педагогов и инспекторов ПДН демонстрирует результативность профессиональной деятельности [4, 5, 7]. Однако самое главное, с нашей точки зрения то, что инновациям можно обучить, только применяя эту инновацию в учебном процессе. В этом смысле весьма интересна *сетевая технология* в работе инспектора ПДН, имитируемая и апробированная нами на практике.

Сетевая технология представляет собой технологию социально-педагогической работы с несовершеннолетним и сетью его социальных контактов (с семьей, знакомыми, друзьями, учителями, должностными лицами), опирающуюся на ресурсы семьи и связи между людьми. Эта *технология* применяется в том случае, если несовершеннолетний, а

значит и его семья, оказывается в трудной жизненной ситуации. Сеть социальных контактов подразумевает ближайшее окружение несовершеннолетнего, людей, поддерживающих контакт с ним и его семьей.

В основе *сетевой технологии* лежит, с одной стороны, **теория экологических систем** У. Бронфенбреннера [1], с другой стороны – ситуативно-средовой подход Н.В. Ходяковой [6]. Смысл теории **экологических систем** состоит в том, что каждый человек является частью различных систем и подвержен их воздействию. Если проблемы возникают в одной системе, это непременно отражается и на других. Например проблемы, возникающие в семье, сразу отражаются на всех ее членах. Исходя из этого, в работе с несовершеннолетним «группы риска» необходимо принять во внимание все его связи. По утверждению Н.В.Ходяковой, проектирование среды способствует тому, что личность, возможно, включится в ситуацию. Сетевая технология направлена на проектирование для личности такой среды, которая позволяет ей включиться в ситуацию и решить возникшие проблемы.

Таким образом, *сетевая технология* призвана изучить, мобилизовать, восстановить социальное окружение, контакты несовершеннолетнего и его семьи. При этом используется внутренний потенциал самой семьи и несовершеннолетнего. Цель *сетевой технологии*: сплочение и мобилизация социального окружения несовершеннолетнего для его поддержки; оптимизация внутренних ресурсов несовершеннолетнего и членов его семьи для самостоятельного выхода из трудной жизненной ситуации.

Сетевая технология включает четыре алгоритмических этапа.

Первый этап (подготовительный) – социальное расследование. Здесь составляется сетевая карта, т.е. карта социальных связей несовершеннолетнего. От качества ее составления зависит качество проведения сетевой встречи. На карте символами отражаются значимые для несовершеннолетнего взаимоотношения. Отмечаются: члены семьи, друзья, учителя, соседи, знакомые, чиновники и профессионалы, заинтересованные в судьбе ребенка. Важно обозначить символическое лицо, например, киногерой или умерший значимый человек, мнение которого для ребенка ценно. На карте выделяются положительные и отрицательные связи, приближение и удаление во взаимоотношениях, контакты и разрывы. Символы людей, которых несовершеннолетний хотел бы пригласить на встречу заштриховываются. На дополнительном бланке инспектор фиксирует контактную информацию о людях, отмеченных на карте.

По итогам социального расследования, отраженного в карте, составляется пояснительная записка, в которой инспектор ПДН: дает краткое описание семьи и ее контактов; описывает историю жизни и настоящее положение ребенка, (причины этого положения с точки зрения отца и матери, ближайших родственников); отношение к этому положению социального педагога и психолога, классного руководителя; вырабатывает рекомендации по нормализации семейных взаимоотношений.

Второй этап (реализационный) – организация сетевой встречи.

Сетевая встреча – встреча, организованная в момент кризисной ситуации несовершеннолетнего и его семьи, привлечение заинтересованных сторон профессиональной (формальной) сети и частной (неформальной) сети, отмеченных на

карте людей, мобилизация их сил и средств для улучшения ситуации в интересах несовершеннолетнего и его семьи.

Предшествует сетевой встрече множество предварительных контактов, направленных на убеждение людей, обозначенных на сетевой карте, прийти на встречу. Целью сетевой встречи является организация возможности для сети контактов найти решение проблемы несовершеннолетнего и его семьи, с которым каждый участник согласится и поддержит.

Участники встречи: команда (ведущий – инспектор ПДН; два координатора, наблюдающих за ходом встречи, координирующих ее, помогают участникам увидеть со стороны происходящее), группа рефлексии (несовершеннолетний, его семья и окружение), группа экспертов (должностные лица, люди заинтересованные в судьбе ребенка).

Примерный *план* сетевой встречи включает следующие пункты. 1) Ведущий приветствует собравшихся, представляется, представляет участников сетевой встречи, объявляет условное время прохождения встречи (2 часа), актуализирует проблему и цель встречи. 2) Участники встречи поочередно высказываются относительно ожиданий, с которыми они пришли. Первыми высказываются члены семьи, затем должностные лица. 3) Несовершеннолетний описывает идеальное видение своей дальнейшей жизни и роль в этом своей семьи. 4) Обсуждение кризисной ситуации, в ходе чего присутствующие излагают свое мнение относительно путей выхода из затруднений. 5) Обсуждение оптимального пути выхода из кризиса. Разрабатывается программа и список обязательств. 6) Повторные высказывания присутствующих о программе и ее реализации.

Третий этап (контролирующий) – контроль выполнения программы и обязательств сторон.

Четвертый этап (корректирующий) – коррекция действий, при необходимости возврат к первому этапу, если результат отрицателен.

В целях формирования профессиональных компетенций у будущих инспекторов ПДН на практических занятиях по педагогическим дисциплинам, делая акцент на решение проблем семьей группы риска, мы применяли **деловую игру**, имитирующую **сетевую технологию**. Она включает три блока: подготовка, реализация и заключение.

В процессе подготовки разрабатывается фабула ситуации, определяется цель практического занятия, план и роли в соответствии с фабулой. План занятия включает: знакомство курсантов с фабулой; выбор главного героя; составление сетевой карты на электронной доске совместно с курсантом, исполняющим роль главного героя; распределение ролей между курсантами – участниками сетевой встречи; организацию сетевой встречи; вынесение решений по проблеме сетевой встречи; контрольную встречу с героем и его семьей; анализ использования сетевой технологии; оценку работы курсантов.

В процессе реализации проигрывается *сетевая технология* в соответствии с ее этапами. В заключение курсанты анализируют обыгранный ход сетевой технологии, выработанные на ней решения проблемы в соответствии с фабулой, отмечая положительные и отрицательные стороны.

Экспериментальное исследование проводилось на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. В эксперименте участвовали порядка 300 курсантов, обучающихся по специальности 44.05.01. – Педагогика и психология девиантного поведения, специализация – социальная педагогика, уровень подготовки кадров – специалист.

Констатирующий эксперимент показал, что традиционная профессиональная подготовка курсантов, будущих инспекторов ПДН, в образовательных организациях МВД России не обеспечивает на требуемом уровне формирования у них профессиональных компетенций для успешного взаимодействия с семьями группы социального риска.

Целью формирующего эксперимента была апробация разработанной *концептуальной модели формирования профессиональных компетенций, необходимых для работы с семьёй группы социального риска у курсантов образовательных организаций МВД России*. Эксперимент осуществлялся на занятиях по социально-педагогическим дисциплинам.

При проведении эксперимента были выделены *контрольные* и *экспериментальные группы*. В контрольных группах процесс формирования профессиональных компетенций по взаимодействию с семьями группы социального риска осуществлялся традиционно. В *экспериментальных группах* обучение было построено в соответствии с разработанной вышеуказанной концептуальной моделью.

Для оценки эффективности разработанной модели использовались такие методы, как беседа, опрос, анкетирование, сочинение, ранжирование, метод экспертной оценки проявления компетенций во взаимодействии с семьёй несовершеннолетнего при моделировании ситуаций профессиональной деятельности в процессе обучения. Сформированность выделенных профессиональных компетенций оценивалась тремя критериями: *когнитивным, мотивационным, деятельностно-практическим*. Указанные критерии выбраны не случайно, т.к. знания о сущности компетенции способствуют осознанному её овладению, также как и позитивная мотивация, что в итоге влияет на качество ее применения сотрудником в профессиональных ситуациях, а значит позволяет ее оценить.

Когнитивный критерий показывает полноту представлений курсанта о специфике профессиональной деятельности инспектора ПДН с семьями группы социального риска и роли в ней профессиональных способностей. *Мотивационный* – характеризует устойчивость сформированных у курсанта мотивов к реализации профессиональной деятельности с семьями группы социального риска. *Деятельностно-практический* – оценивает уровень сформированности у курсанта профессиональных компетенций для успешного взаимодействия с семьями группы социального риска. По каждому критерию установлены показатели, соответствующие различным уровням их реализации: низкий, средний, высокий.

Из ФГОС ВО мы отобрали две профессиональные компетенции (ПК-2, ПК-4), напрямую касающиеся взаимодействия инспектора ПДН с семьёй группы социального риска. Способность осуществлять практическую деятельность по социально-педагогической, правовой и психологической поддержке семьи, детей и подростков, защите их прав и законных интересов, социальному оздоровлению семьи, координации взаимодействия в этой области различных учреждений, организаций и служб отражает ПК-

2. Способность разрабатывать и использовать средства социально-педагогического и психологического воздействия на межличностные и межгрупповые отношения и на отношения субъекта с реальным миром; осуществлять коррекцию воспитательных воздействий, оказываемых на детей и подростков со стороны семьи и социальной среды, в том числе и неформальной; формировать сети социальной и психолого-педагогической поддержки детей и подростков, определяет ПК-4.

Результаты диагностики уровня сформированности отобранных профессиональных компетенций у курсантов экспериментальных групп по каждому из трех критериев показали положительную динамику, превышающую результаты курсантов контрольных групп. В качестве примера приведем результаты только двух критериев.

Для оценки *когнитивного критерия* в заключение эксперимента использовалась разработанная *анкета* и сочинения курсантов на тему «Профессиональные компетенции, необходимые для работы с семьей группы риска в моей будущей профессии, деятельности инспектора ПДН». Результаты контрольных срезов показали, что уровень представлений о специфике профессиональной деятельности и роли в ней профессиональных компетенций, касающихся взаимодействия с семьями группы риска, в экспериментальных группах существенно выше, чем в контрольных. Так в экспериментальных группах увеличился процент высоких показателей на 12,55; процент средних показателей на 19,52; процент низких показателей уменьшился на 33,07. В контрольных группах тоже произошли позитивные изменения, но в меньшей степени. Процент высоких показателей возрос на 4,32; процент средних показателей – на 2,1; процент низких показателей уменьшился на 2,47.

По результатам опроса 97% курсантов экспериментальных групп отметили, что формирование профессиональных компетенций, необходимых для работы с семьей группы риска, возможно посредством использования в обучении **деловой игры**, имитирующей *сетевую технологию* за счет содержащегося в ней психолого-педагогического личностно-развивающего потенциала образовательных сред и ситуаций. На вопрос – *Формированию каких компетенций будет способствовать систематическое использование в учебном процессе деловой игры «сетевая технология»*, 79% курсантов экспериментальных групп выбрали из перечня ПК-2 и ПК-4. Кроме того, курсанты дополнительно отметили, что применение *сетевой технологии* влияет на развитие *мыслительных способностей* (памяти, внимания, логики, воображения), *коммуникативных качеств, интереса к предмету*.

В экспериментальных группах 97% уверены, что получают знания от товарищей, участвуя в *деловой игре «сетевая технология»*. Однако 3% ярких индивидуалистов отмечают: *«иногда участники игры путают мысли друг друга», «не все проявляют старательность во время театрализованного действия, некоторые стесняются»*. 98% полагают, что такая форма занятия *«невольно заставляет»* принимать активное участие в работе, даже если они не подготовились. Это очень актуально для курсантов, т.к. специфика их обучения состоит в одновременном несении службы, а значит сопряжена с частыми пропусками занятий и самостоятельной подготовки. 92% курсантов при этом свое эмоциональное состояние характеризуют удовлетворенностью. 87% ребят утверждают, что сумели приобрести некоторые умения и навыки: группового решения проблем; «выслушивания» чужого мнения; по защите своей точки зрения; влияния на мнение других; культуры речи; выражать свою мысль и комментировать чужую; доброжелательного отношения.

Приведем некоторые выдержки из сочинений курсантов, участников эксперимента, касающиеся положительных характеристик деловой игры. *«Деловая игра «Сетевая технология» оживляет занятие, нет скукоты». «На деловой игре «Сетевая технология» происходит подробное изучение проблем семьи, что помогает нахождению вариантов решений. Так материал запоминается лучше, это важно будущему инспектору». «Во время деловой игры мы отходим от уставных взаимоотношений, и это правильно, а инспектору ПДН предстоит общаться с обычными людьми». «Усваиваем трудный материал на деловой игре за счет того, что играем роли как артисты».* Подводя итог анализа отзывов курсантов, заметим, что отрицательных высказываний не было.

Изучение *деятельностно-практического критерия* производилось методом экспертной оценки. Уровень овладения курсантами профессиональными компетенциями, необходимыми для работы с семьёй группы риска, оценивали эксперты в обучающей смоделированной ситуации профессиональной деятельности. В *экспертную группу* входили лица, хорошо знающие курсантов: преподаватели, кураторы, курсовые офицеры, сотрудники отдела кадров и психолог, курирующий взвод, курсанты взвода.

Эксперты получали *оценочный бланк*, в котором нужно было проставить баллы 1-5, оценивая конкретного курсанта, по проявлению им характеристик выделенных компетенций, необходимых для работы с семьёй группы социального риска. Общий средний балл оценки позволял сделать заключение об уровне их сформированности у курсанта по шкале: низкий уровень – менее 58 баллов; средний – 59-91 баллов; высокий – 92-125 баллов.

Результаты контрольных срезов в начале и в конце эксперимента показали, что уровень сформированности выделенных профессиональных компетенций в экспериментальной группе существенно выше, чем в контрольной. Так в *экспериментальных группах* увеличился процент высоких показателей на 15,6; процент средних показателей на 21,8; процент низких показателей уменьшился на 37,4. В *контрольных группах* тоже произошли положительные изменения в уровне сформированности профессиональных компетенций, но гораздо меньше. Процент высоких показателей возрос на 4,5; процент средних показателей – на 7,8; процент низких показателей снизился на 12,3.

Опыт показывает, что подготовка курсантов образовательных организаций МВД России, будущих инспекторов ПДН к использованию инновационных технологий в профессиональной деятельности способствует повышению качества и эффективности выполнения служебных задач. Это, в свою очередь, позволяет решить проблему профессиональных затруднений молодых сотрудников ПДН, что снижает кадровый отток, а значит уменьшает нагрузку на одного сотрудника.

В заключение еще раз отметим, что функциональные обязанности инспекторов ПДН предполагают профилактическую работу с несовершеннолетними и их семьями. Так за 2017 г. в ходе проведения оперативно-профилактических мероприятий инспекторами ПДН МУ МВД России «Орехово-Зуевское» оформлено 335 материалов за административные правонарушения на несовершеннолетних, из них: 73 за потребление алкогольной продукции и 2 за потребление одурманивающих веществ в местах, запрещенных ФЗ; 45 за мелкое хулиганство; 56 за нарушение установленного ФЗ запрета курения на отдельных территориях. Составлено 1025 административных протоколов на родителей или лиц их заменяющих, среди которых: 124 за появление в состоянии алкогольного опьянения в

общественных местах молодых людей в возрасте до 16 лет; 898 за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей; 3 за вовлечение несовершеннолетних в потребление спиртных напитков и одурманивающих веществ.

Безусловно, составление протоколов является действенным административно-правовым методом. Кроме того, при составлении протоколов инспектор в обязательном порядке проводит профилактическую беседу с семьей несовершеннолетнего, разъясняя правовые позиции, актуализируя семейное воспитание и родительскую ответственность. Однако беседа в большей степени проводится формально, для отчетности, не оказывая реальной помощи семье группы риска. Именно поэтому крайне важно в современных условиях оснастить деятельность инспектора инновационными средствами, такими, как сетевая технология.

Литература

1. Бронфенбреннер У. Два мира детства: дети в США и СССР / Пер. с англ. О. Курихиной, В. Пилиповского. М.: Прогресс, 1976. 168 с.
2. Гришин А.В. и др. Состояние законности в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и типичные нарушения законов, допускаемые сотрудниками органов внутренних дел // Инспектор по делам несовершеннолетних. 2015. № 11. С. 42-48.
3. Приказ МВД России от 15.10.2013г. №845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Документы системы ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70585810/> (дата обращения: 7.06.2018).
4. Скляренко И.С., Курипченко Ю.И. Профессиональные затруднения сотрудников ПДН во взаимодействии с семьями группы риска // Вестник экономической безопасности. 2016. №3. С. 381-386.
5. Федотовская Е.А. Семейные групповые конференции как инновационный метод работы с семьями // Инспектор по делам несовершеннолетних. 2015. № 11. С. 30-33.
6. Ходякова Н.В., Митин А.И. Учет психологических механизмов развития личности в проектировании образовательной среды // Психологическая наука и образование. Профессиональный стандарт педагога. Национальная система учительского роста. 2017. Том 22. № 4. С.101-109.
7. Шептенко П.А. Технология работы социального педагога общеобразовательного учреждения: учебное пособие / П.А. Шептенко, Е.Н. Дронова, Л.Н. Гиенко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 200 с.
8. Статистика и аналитика. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/4/> (дата обращения: 16.06.2018).

9. Статистика и аналитика. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (дата обращения: 16.06.2018).
10. Статистика и аналитика. Состояние преступности [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД РФ. URL <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 16.06.2018).

Network technology as a pedagogical tool

Sklyarenko I.S., doctor of pedagogy, Associate Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (ic-k@mail.ru)

Kuripchenko Y.I., Inspector of the Department of precinct police commissioners for juvenile Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Orehovo-Zuevo» (GHart2@yandex.ru)

Demin G.I., doctor of philosophy, Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (ic-k@mail.ru)

The article substantiates the relevance of the research topic, which comes from the statistics of adolescent delinquency and the survey of young inspectors of juvenile Affairs (OAJ), experiencing difficulties in working with families at risk. An innovative way to solve the problems of a minor is network technology. The authors have developed a conceptual model of the formation of professional competencies of cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia, necessary to work with the family of a juvenile. The model includes elements of professional activity, knowledge related to them and pedagogically effective tools. A key tool in the model was a business game that simulates network technology. The training of cadets of the specified technology on practical classes of social and pedagogical disciplines is offered. The article presents the results of an experiment on the formation of professional competence of cadets, future inspectors of juvenile affairs. The authors assess the level of professional competence of cadets on three criteria. The conclusions noted the positive dynamics of the selected criteria and justified the effectiveness of the developed model.

Key words: network technology, professional competences, model, experimental study, cadets, juvenile, inspector.

References

1. Bronfenbrenner U. Dva mira detstva: deti v SSHA i SSSR [Two worlds of childhood: children in the United States and the Soviet Union]. Moscow.: Progress, 1976. 168 p. (In Russ.).
2. Grishin A.V. i dr. Sostoyanie zakonnosti v sfere profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih i tipichnye narusheniya zakonov, dopuskaemye sotrudnikami organov vnutrennih del [The state of law in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency and typical violations of laws committed by the employees of the internal Affairs bodies]. *Inspektor po delam nesovershennoletnih* [The inspector on Affairs of juvenile], 2015, no. 11, pp. 42-48.
3. Prikaz MVD Rossii ot 15 oktyabrya 2013 № 845 «Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii deyatel'nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» [Elektronnyi resurs] [About the approval of the

- Instruction on the organization of activity of divisions for juvenile Affairs of law-enforcement bodies of the Russian Federation]. *Dokumenty sistemy GARANT* [Documents of the GUARANTOR system]. URL: <http://base.garant.ru/70585810/> (Accessed 7.06.2018).
4. Sklyarenko I.S., Kuripchenko Y.I. Professional'nye zatrudneniya sotrudnikov PDN vo vzaimodejstvii s sem'yami gruppy riska [Professional difficulties of juvenile Affairs officers in interaction with families at risk]. *Vestnik ehkonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 2016, no. 3, pp. 381-386.
  5. Fedotovskaya E.A. Semejnye gruppovye konferencii kak innovacionnyj metod raboty s sem'yami [Family group conferences as an innovative method of working with families]. *Inspektor po delam nesovershennoletnih* [The inspector on Affairs of juvenile], 2015, no. 11, pp. 30-33.
  6. Hodyakova N.V., Mitin A.I. Uchet psihologicheskikh mekhanizmov razvitiya lichnosti v proektirovanii obrazovatel'noj sredy [Consideration of psychological mechanisms of personality development in the design of the educational environment]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. Professional'nyj standart pedagoga. Nacional'naya sistema uchitel'skogo rosta* [Psychological science and education. Professional standard of the teacher. National system of teacher growth], 2017, Tom 22, no. 4, pp. 101-109.
  7. SHEptenko P.A. Tekhnologiya raboty social'nogo pedagoga obshcheobrazovatel'nogo uchrezhdeniya: uchebnoe posobie [Technology of work of the social teacher of educational institution: textbook]. P.A. SHEptenko, E.N. Dronova, L.N. Gienko. Moscow: FLINTA: Nauka, 2013. 200 p.
  8. Statistika i analitika. Sostoyanie prestupnosti [Elektronnyi resurs] [Statistics and Analytics. State of crime]. *Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics> (Accessed 16.06.2018).
  9. Statistika i analitika. Sostoyanie prestupnosti [Elektronnyi resurs] [Statistics and Analytics. State of crime]. *Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://мвд.рф/reports/2/> (Accessed 16.06.2018).
  10. Statistika i analitika. Sostoyanie prestupnosti [Elektronnyi resurs] [Statistics and Analytics. State of crime]. *Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (Accessed 16.06.2018).

Интеллектуально-личностный потенциал будущих специалистов ФСИН России на этапе первичной подготовки к службе и обучению

Ковальчук И.А., преподаватель кафедры общей психологии, Академия права и управления ФСИН России, Рязань, (iljakvlchk@rambler.ru)

Сочивко Д.В., доктор психологических наук, профессор профессор кафедры общей психологии, Академия права и управления ФСИН России, Рязань, (sochivo@mail.ru)

В статье представлены результаты эмпирического исследования интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России. Целью исследования было изучение структуры интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России, находящихся на этапе первичной подготовки к службе и обучению. В исследовании приняли участие 275 курсантов, проходивших курс молодого бойца (первичную подготовку к службе и обучению) в загородном учебном центре Академии ФСИН России. На основании полученных результатов делается вывод о том, что структура интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России, находящихся на этапе подготовки к службе и обучению является неоднородной и различается в зависимости от выбранной специальности. На фоне качественной неоднородности интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России существуют и уровневые его различия между специальностями.

Ключевые слова: интеллектуально-личностный потенциал, будущие специалисты ФСИН России, специальность, продуктивность, эффективность, структура интеллектуально-личностного потенциала.

Для цитаты:

Ковальчук И.А., Сочивко Д.В. Интеллектуально-личностный потенциал будущих специалистов ФСИН России на этапе первичной подготовки к службе и обучению. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 204-218. doi: 10.17759/psylaw.2018080418

For citation:

Kovalchuk I.A., Sochivko D.V. Intellectual-personal potential of future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia, at the stage of primary training to service and training. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.204-218.

doi: 10.17759/psyandlaw.2018080418

Согласно концепции развития УИС до 2020 года, одним из направлений развития уголовно-исполнительной системы является кадровое обеспечение работников уголовно-исполнительной системы, которое предполагает обеспечение сбалансированности процессов сохранения и обновления количественного и качественного состава кадров, повышения их профессиональной компетенции [3].

Масштабное сокращение штатной численности ФСИН России повлекло значительное увеличение нагрузки на сотрудников. На этапе этих организационных изменений важнейшим потенциалом, на который опирается уголовно-исполнительная система, становятся будущие специалисты ФСИН России. Молодые сотрудники должны решать сегодня все более трудные задачи, включаясь в новые социальные отношения, учитывая большое количество факторов, которые способствуют продуктивной и успешной деятельности. Такие условия предъявляют особые требования как к интеллектуальному потенциалу сотрудников (например, способность быстро и точно решать возникающие жизненные задачи), так и к личностному (уверенность в себе, ответственность, самостоятельность в принятии решения, коммуникативная компетентность и т. п.). Интеллектуально-личностный потенциал — это интерпретационное понятие, предполагающее единство интеллектуальных и личностных составляющих в регуляции решений и выборов человека, реализуемое через звенья принятия и преодоления неопределенности множественными процессами и отражаемое в формировании новообразований как показателей приложенных при выборе усилий субъекта [2].

При этом зачастую в процессе индивидуального развития может происходить «десинхронизация» — неоптимальное соотношение интеллектуального и личностного потенциала. Например, высокий уровень интеллектуального потенциала и низкий уровень личностного потенциала (неуверенность, безответственность, несамостоятельность) снижают продуктивность жизнедеятельности юношей и девушек. Обратное соотношение — высокий уровень личностного потенциала (инициативность, лидерские качества) и невысокий интеллектуальный потенциал (неспособность предвидеть и оценить последствия своих действий, закрытость познавательной позиции и т. д.) — могут спровоцировать опасные ситуации, как для самого человека, так и для окружающих его людей. Таким образом, важным аспектом реализации данного направления является психологическая работа с будущими специалистами ФСИН России, направленная на диагностику, психокоррекцию и развитие их интеллектуально-личностного потенциала на этапе первичной подготовки к службе и обучению.

С целью всестороннего изучения интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России нами была сформирована выборка из 275 курсантов, проходивших курс молодого бойца (первичную подготовку к службе и обучению) в загородном учебном центре Академии ФСИН России. Из них 75 — поступивших на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность»; 100 — поступивших на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция»; 50 — поступивших на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности»; 50 — поступивших на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение».

Для оценки интеллектуального потенциала нами были использованы: тест «Продвинутые прогрессивные матрицы Дж. Равена», который позволяет оценить уровень развития невербального интеллекта поступивших в Академию ФСИН России курсантов; тест «Исключение слова» — для оценки уровня развития вербального интеллекта; методика «Числовые ряды» — для оценки теоретических счетных способностей, индуктивного числового мышления, подвижности мышления и способности мышления к перестановкам [1].

Для оценки личностного потенциала нами был использован личностный опросник «Личностный профиль» Г. Айзенка / К. Сугоняева (Eysenck Personality Profiler, EPP)[1].

В совокупности эти психодиагностические методики обеспечивают эмпирический анализ ядра интеллектуально-личностного потенциала будущего специалиста ФСИН России.

Однако нас интересовал более широкий круг вопросов, а именно, как собственно интеллектуально-личностные показатели в их взаимосвязи (которая оценивалась методом корреляционного и факторного анализа) организуют адаптационный процесс в поведении курсантов не только в период первичной подготовки, но и в перспективе дальнейших обучения и службы. Для оценки этих процессов был использован опросник карьерных ориентаций Э. Шейна («Якоря карьеры»), перевод и адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова [1].

Таким образом, используемая батарея исследовательских методик позволяет говорить о полноте охвата проблемы исследования, достаточности ожидаемого эмпирического материала для описания структурно-функциональных характеристик интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России и соответствует поставленным исследовательским задачам.

Перейдем к исследованию показателей интеллектуально-личностного потенциала курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки.

Наивысшей продуктивностью по тесту «Продвинутые прогрессивные матрицы Дж. Равена» обладают поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение», наименьшей — поступившие на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция». Даже при отсутствии статистически значимых различий эта тенденция достаточно выражена (табл. 1). Остальные группы обладают высокой продуктивностью, статистически не отличимой от самой наивысшей.

Причину такого снижения продуктивности невербального интеллекта у курсантов, поступивших на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», мы видим в том, что эта специальность требует скорее вербальных навыков понимания и ведения беседы в анализе сложных фигур, чем невербальных.

Таблица 1

Средние показатели продуктивности, скорости и точности в разных группах
 испытуемых

Специальность Показатели	Специальность 37.05.02 «Психология служебной деятельности», специализация «Пенитенциарная психология»	Специальность 56.05.01 «Тыловое обеспечение», специализация «Тыловое обеспечение в УИС»	Направление подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», специализация «Организация режима в УИС»	Специальность 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», специализация «Оперативно- розыскная деятельность»
Продуктивность	10,5366	10,6341	10,1739	10,5082
Скорость	1,9837	2,0000	1,9976	2,0000
Точность	0,8855	0,8861	0,8457	0,8756

По скорости и точности выполнения теста «Продвинутые прогрессивные матрицы Дж. Равена» различия минимальны. (см. табл. 1).

Перейдем к анализу показателей эффективности по тесту «продвинутые прогрессивные матрицы Дж. Равена» в группах курсантов, поступивших на разные специальности и направления подготовки.

Наименьшей эффективностью выполнения теста «Продвинутые прогрессивные матрицы Дж. Равена» обладают поступившие на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (рис. 1), средней — поступившие на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и одинаково высокой — поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение» и по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности».

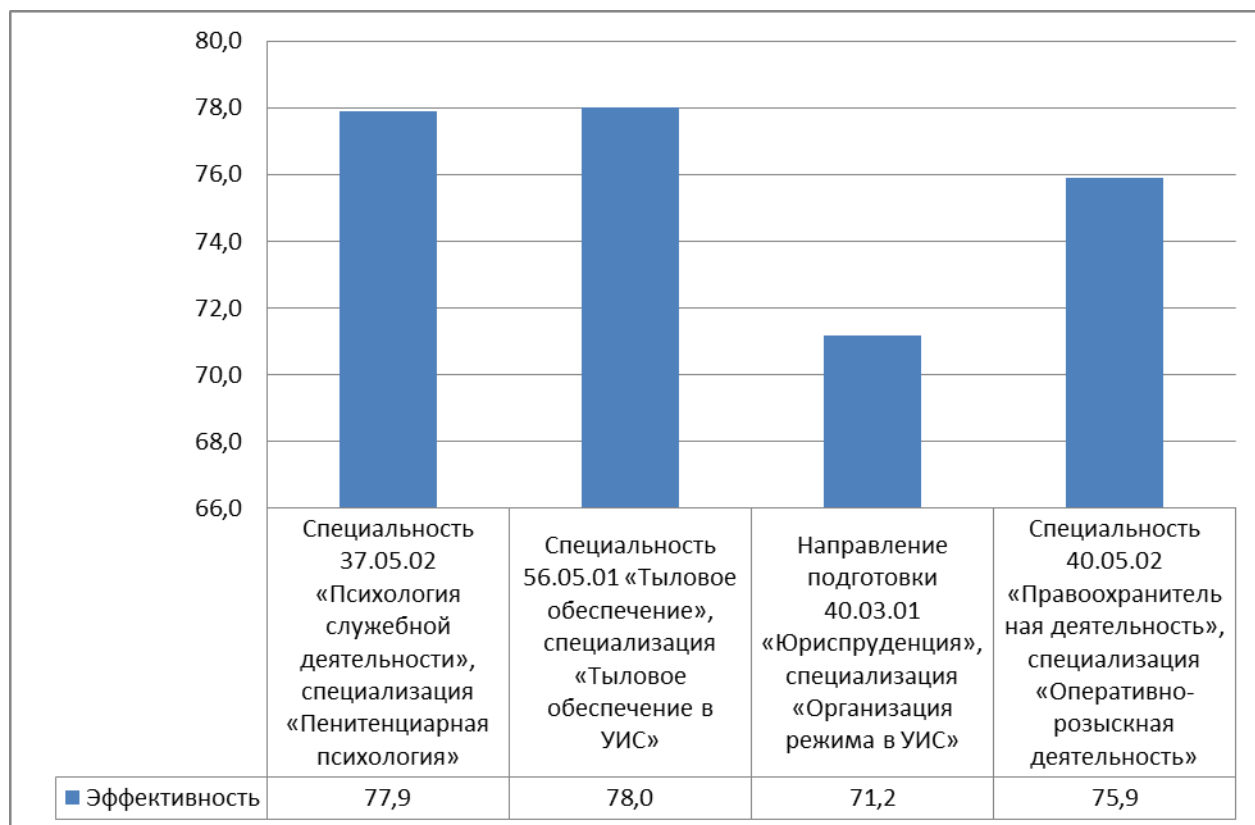

Рис. 1. Средние показатели эффективности по тесту «Продвинутые прогрессивные матрицы Дж. Равена» в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Перейдем к уровневому статистическому анализу вербального интеллекта по тесту «Исключение слова». Наиболее всего продуктивны в исключении ненужного слова курсанты, поступившие на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (табл. 2), затем — поступившие на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности».

В двух остальных группах показатели ниже (табл. 2). Самый низкий показатель продуктивности выполнения теста «Исключение слова» — у поступивших на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», специализация «Организация режима в УИС».

Таблица 2

Средние показатели по тесту «Исключение слова» в разных группах испытуемых

Специальность	Специальность 37.05.02 «Психология служебной деятельности», специализация «Пенитенциарная психология»	Специальность 56.05.01 «Тыловое обеспечение», специализация «Тыловое обеспечение в УИС»	Направление подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», специализация «Организация режима в УИС»	Специальность 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», специализация «Оперативно-розыскная деятельность»
Показатели				
Продуктивность	21,8293	21,5366	21,2464	22,6557
Скорость	3,5945	3,5976	3,5942	3,6189
Точность	0,7602	0,7482	0,7401	0,7827

Различия по скорости и точности выполнения теста «Исключение слова» (табл. 2) между группами минимальны.

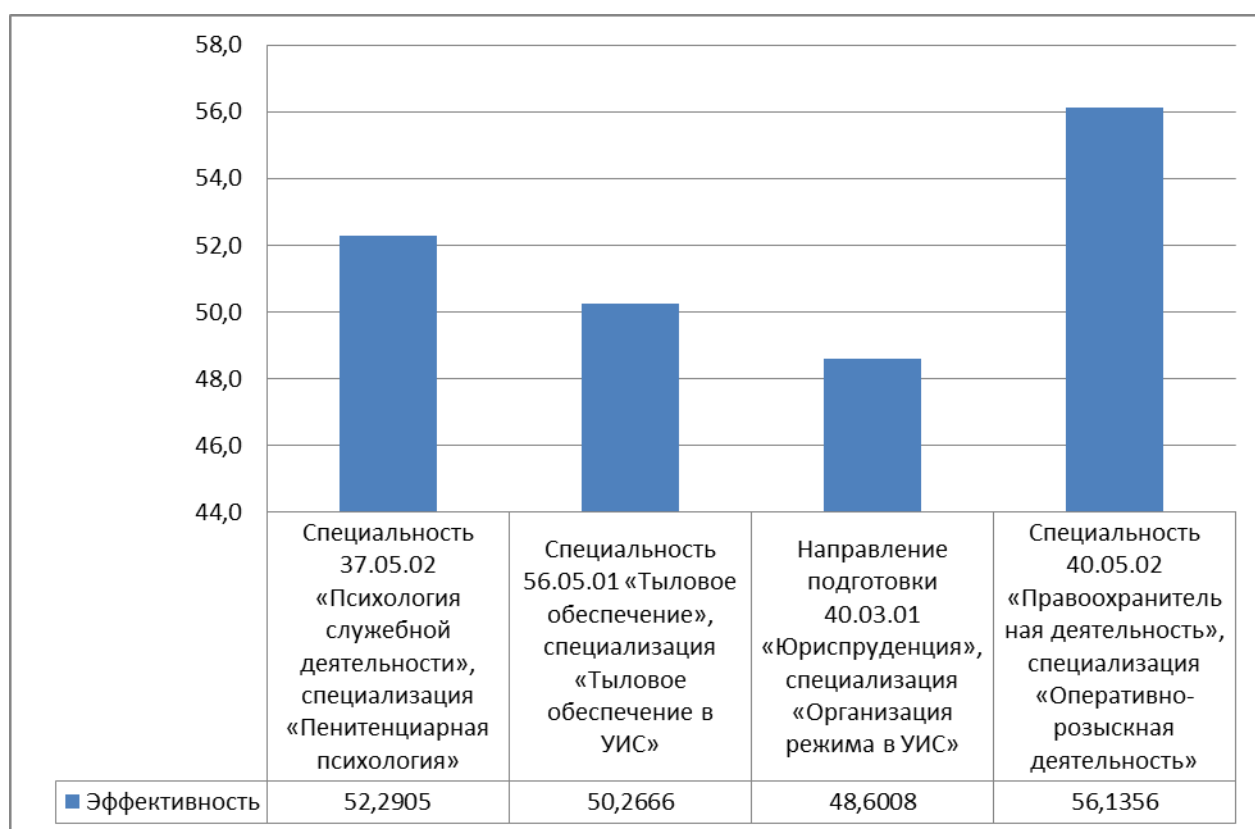

Рис. 2. Средние показатели эффективности по тесту «Исключение слова» в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Средние показатели по эффективности выполнения теста «Исключение слова» показывают картину, аналогичную структуре показателей по продуктивности выполнения теста.

Наибольшей эффективностью выполнения теста «Исключение слова» обладают поступившие на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», наименьшей — поступившие на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (рис. 2).

Для того чтобы сделать окончательные выводы об интеллектуальном потенциале курсантов, поступивших на разные специальности и направления подготовки, проанализируем результаты выполнения методики «Числовые ряды», предназначенной для оценки теоретических счетных способностей, индуктивного числового мышления, подвижности мышления и способности мышления к перестановкам (табл. 3).

В табл. 3 мы видим совершенно иную картину интеллектуальных возможностей наших испытуемых. Самые низкие показатели в операциях с числами показывают курсанты, поступившие на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», а самые высокие — поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение», что, на первый взгляд, соответствует духу их будущих специальностей. Хотя это и неверно. Умение считать для психолога не менее важно, чем для экономиста, но узнают они об этом только на втором году обучения в курсе математической статистики.

Таблица 3

Показатели выполнения теста «Числовые ряды» в разных группах испытуемых

Специальность	Специальность 37.05.02 «Психология служебной деятельности», специализация «Пенитенциарная психология»	Специальность 56.05.01 «Тыловое обеспечение», специализация «Тыловое обеспечение в УИС»	Направление подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», специализация «Организация режима в УИС»	Специальность 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», специализация «Оперативно-розыскная деятельность»
Показатели				
Продуктивность	19,9756	22,6585	21,4638	21,8033
Скорость	3,2866	3,3293	3,3514	3,3012
Точность	0,7663	0,8570	0,8065	0,8310

Показатели скорости и точности выполнения теста «Числовые ряды» существенных различий не имеют (табл. 3).

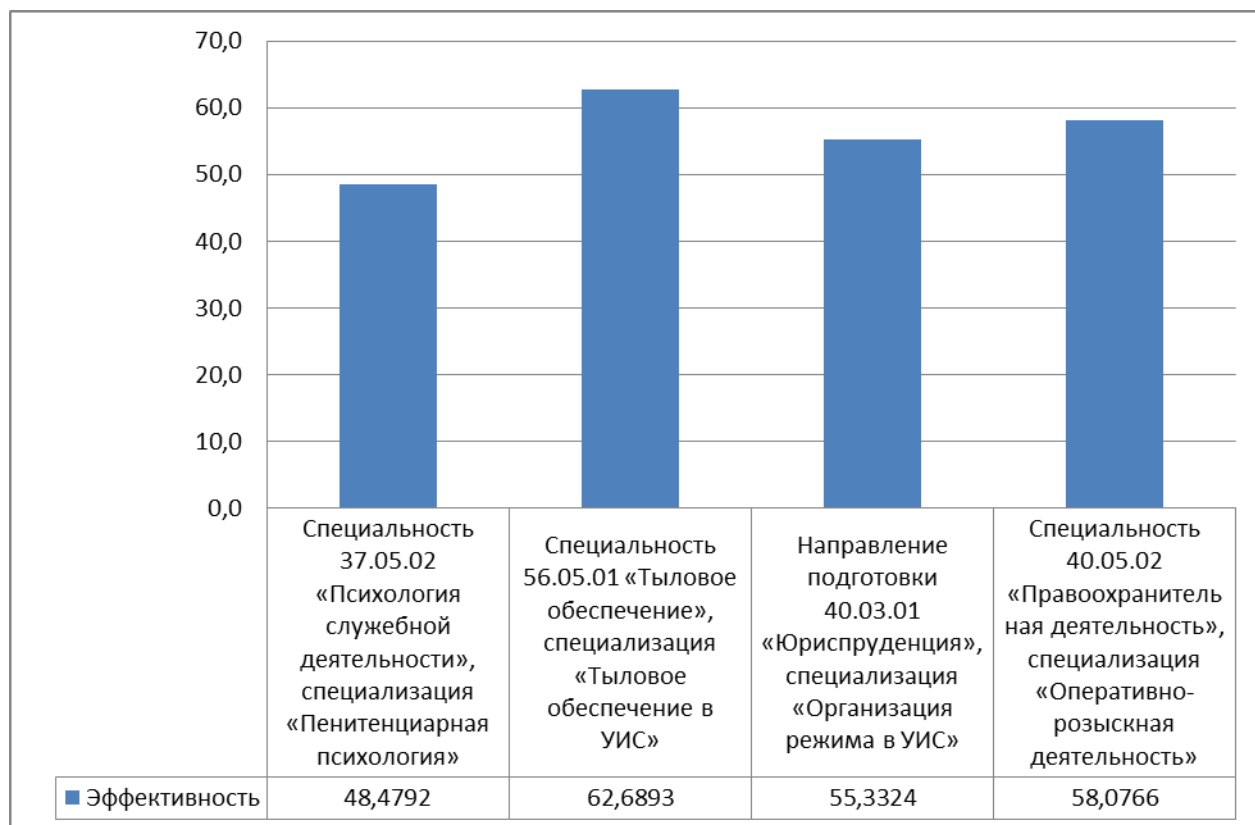

Рис. 3. Средние показатели эффективности выполнения методики «Числовые ряды» в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Интересными нам представляются показатели эффективности выполнения методики «Числовые ряды». Можно сказать, что по показателям эффективности группы наших испытуемых практически уравнились (рис. 3).

Таким образом, говорить о снижении интеллектуального потенциала в той или иной группе курсантов, поступивших на разные специальности и направления подготовки, не приходится. Скорее, следует говорить о разнородной и качественно различной структуре интеллектуального потенциала.

В целом, на фоне указанной неоднородности структуры интеллектуального потенциала у курсантов, поступивших на разные специальности и направления подготовки, можно сделать вывод о несомненно высоком интеллектуальном потенциале курсантов, поступивших на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», высоком — у поступивших на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», среднем — у поступивших на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение» и несколько сниженном — у поступивших на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция».

Перейдем к уровневому статистическому анализу личностного потенциала курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки.

На рис. 4 представлены такие характеристики, как общительность, активность и ассертивность (напористость), т. е. избирательность в общении и поведении, жесткая направленность на реализацию своих решений.

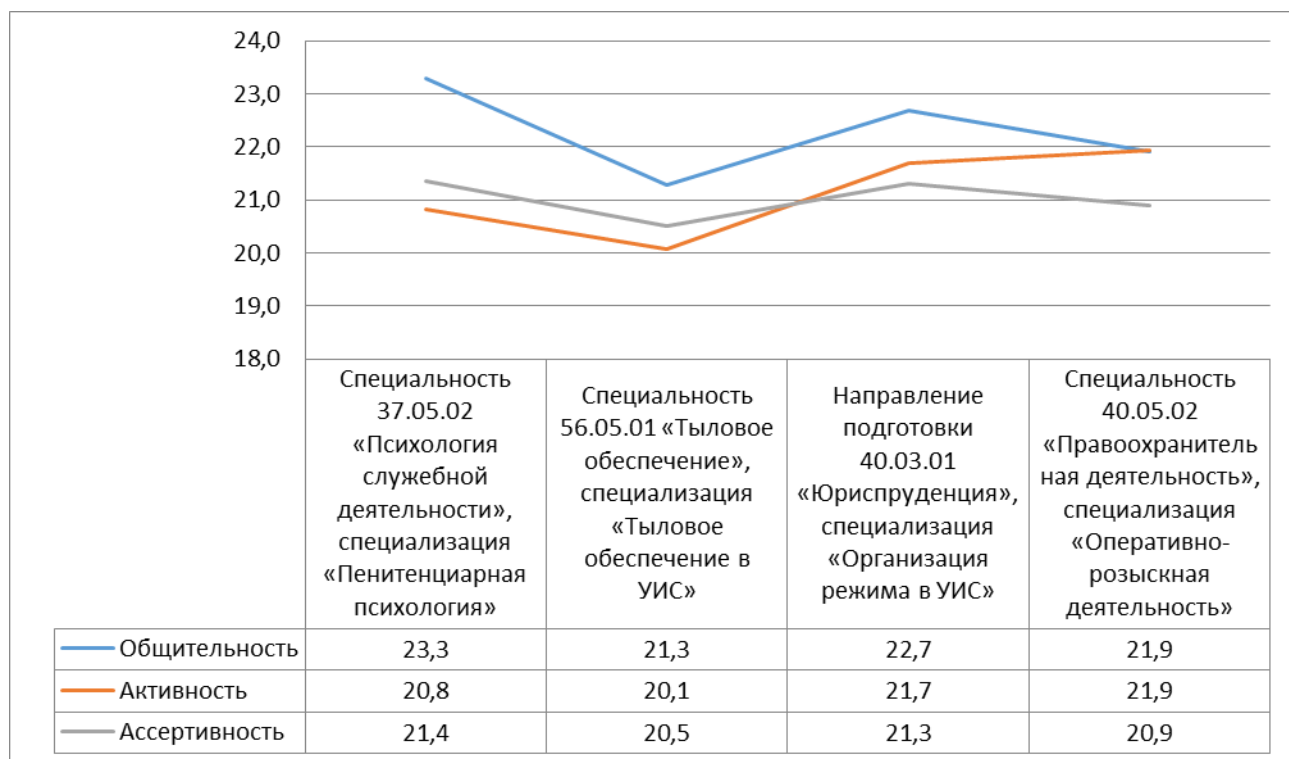

Рис. 4. Средние показатели по шкалам общительности, активности и ассертивности по опроснику «Личностный профиль» Г. Айзенка / К. Сугоняева в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Самыми низкими показателями по этим трем шкалам опросника обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение». Они не слишком общительны, проявляют невысокую активность в поведении и общении и при этом у них низкая избирательность и напористость в общении и поведении ($p \leq 0,01$).

Ассертивность (напористость) также снижена у курсантов, поступивших на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», что снижает силу их личностного потенциала.

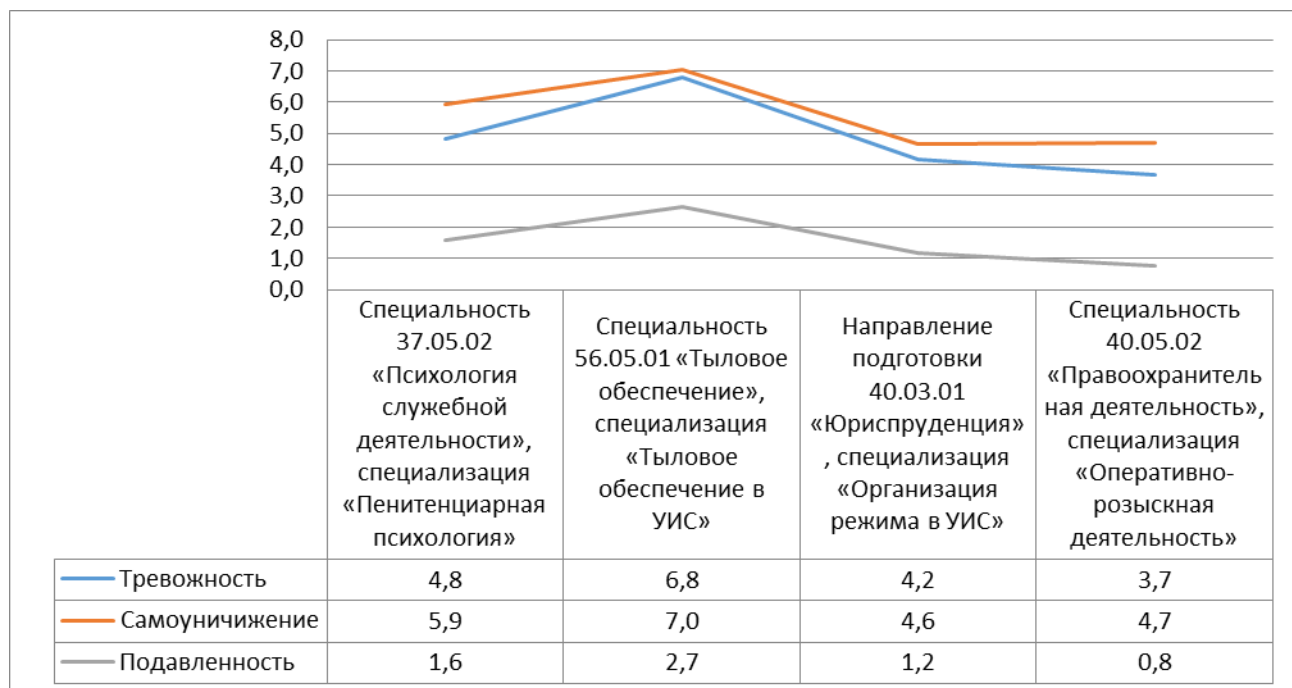

Рис. 5. Средние показатели по шкалам тревожности, самоуничтожения и подавленности по опроснику «Личностный профиль» Г. Айзенка / К. Сугоняева в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Сделанный выше вывод подтверждается также и данными, представленными на рис. 5. Именно курсанты, поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение», имеют самый высокий уровень тревожности, самоуничтожения и подавленности. Возможно, это прямое следствие низкой ассертивности-напористости и общительности, а также низкой активности, что заставляет этих курсантов (будущих экономистов) тяжело переживать совершенные под чужим влиянием (или приказом) поступки и акты общения.

Средними показателями обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности». Однако тревожность у них значительно ниже ($P \leq 0,05$). Самыми низкими показателями по этой группе шкал обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» и по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», что укрепляет их личностный потенциал.

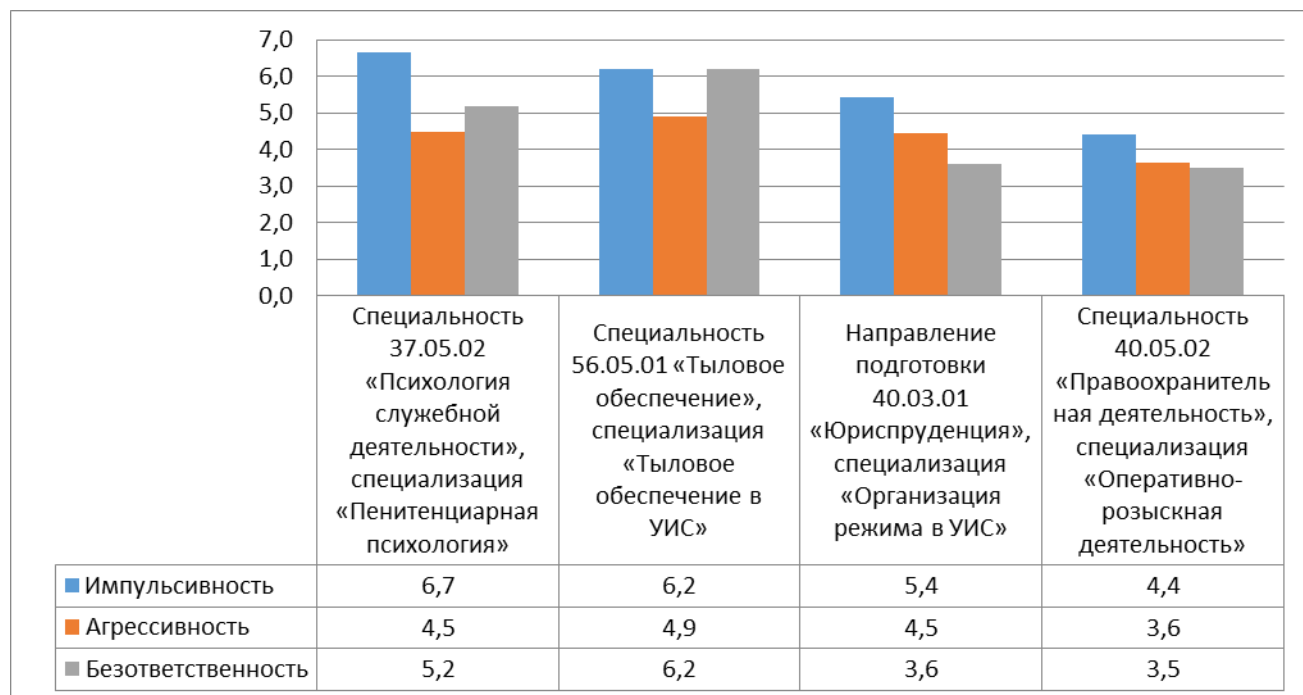

Рис. 6. Средние показатели по шкалам импульсивности, агрессивности и безответственности по опроснику «Личностный профиль» Г. Айзенка / К. Сугоняева в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Самыми низкими показателями импульсивности, агрессивности и безответственности обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность», что говорит об их высоком личностном потенциале ($p \leq 0,01$). Самой высокой импульсивностью, безответственностью и агрессивностью обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение» ($p \leq 0,01$). Обе юридические специальности обладают самой низкой безответственностью. Однако у курсантов, поступивших на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», выше агрессивность и импульсивность. У курсантов, поступивших на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», мы наблюдаем самую высокую импульсивность, среднюю агрессивность и завышенную безответственность (рис. 6).

Рис. 7. Средние показатели шкал нейротизма и психотизма по опроснику «Личностный профиль» Г. Айзенка / К. Сугоняева в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

Самым высоким уровнем психотизма опять же обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение» (рис. 7), несколько ниже выраженность психотизма у поступивших на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности», еще ниже — у курсантов, поступивших на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», и самый низкий уровень психотизма у курсантов, поступивших на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность».

Аналогично можно сказать и об уровне нейротизма, только различия здесь более рельефные.

Перейдем к анализу личностного потенциала курсантов, поступивших на обучение в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки, с точки зрения их отношения к своей карьере.

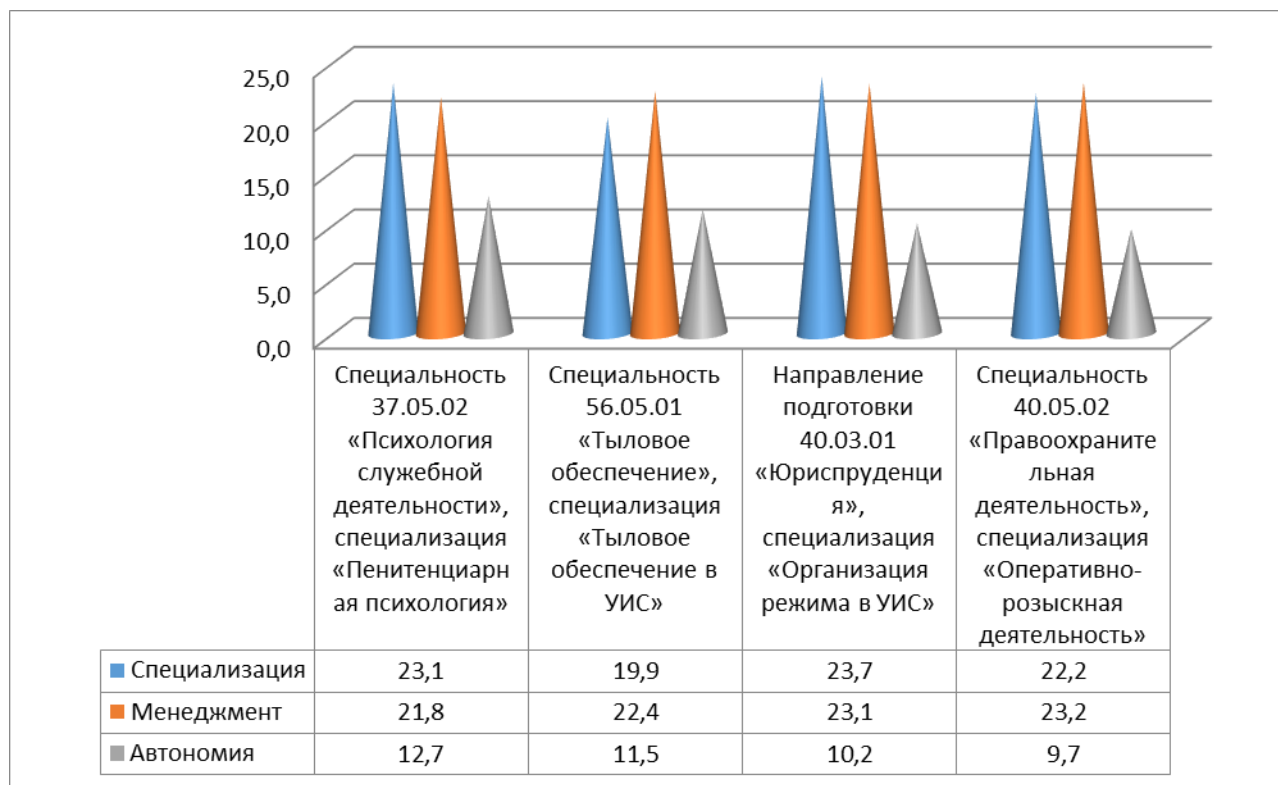

Рис. 8. Средние показатели шкал специализация, менеджмент и автономия по опроснику карьерных ориентаций Э. Шейна («Якоря карьеры») в группах курсантов, поступивших в Академию ФСИН России на разные специальности и направления подготовки

По показателям опросника карьерных ориентаций Э. Шейна («Якоря карьеры»), представленным на рис. 8, рельефные различия наблюдаются только по шкале специализации. Здесь мы видим самые низкие показатели у курсантов, поступивших на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение». Это означает, что данные курсанты мало знают о своей будущей специальности и мало заинтересованы стать высоко квалифицированными специалистами именно в этой области знания.

Также наблюдается некоторое повышение показателя «автономия» у поступивших на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности» (рис. 8), что, в общем-то, соответствует духу их будущей специальности, в том числе и при работе во ФСИН России.

Таким образом, можно сказать, что самым низким интеллектуально-личностным потенциалом обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 56.05.01 «Тыловое обеспечение», интеллектуально-личностным потенциалом ниже среднего — курсанты, поступившие на обучение по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция». Средним интеллектуально-личностным потенциалом обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности». И самым высоким интеллектуально-личностным потенциалом обладают курсанты, поступившие на обучение по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность».

Следовательно, можно сделать следующие выводы.

Структура интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России, находящихся на этапе подготовки к службе и обучению, является неоднородной и различается в зависимости от выбранной специальности.

На фоне качественной неоднородности интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России существуют и уровневые его различия между специальностями.

Литература

1. Аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр» : методическое руководство – М.: Научно-производственный центр «ДИП», 2012.
2. *Корнилова Т.В.* Принцип неопределенности в психологии выбора и риска [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8 № 40. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.08.2018).
3. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (ред. от 23 сент. 2015) [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 № 1772-р. - Электрон. текст. дан. - Доступ из информ.-правовой системы «КонсультантПлюс» : Версия Проф.

Intellectual-personal potential of future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia, at the stage of primary training to service and training

Kovalchuk I. A., Assistant of the Department of General Psychology, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan (iljakvlchk@rambler.ru)

Sochivko D.V., Doctor (Psychology), professor, Professor of the Department of General Psychology, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan (sochivo@mail.ru)

This article presents the results of an empirical study of the intellectual and personal potential of future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia who are at the stage of primary training for service and training. The purpose of the study is to study the structure of the intellectual and personal potential of future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia who are at the stage of primary training for service and training. Hypotheses of research - 1. The structure of the intellectual and personal potential of future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia who are at the stage of preparation for service and training is heterogeneous and varies depending on the chosen specialty. 2. Against the backdrop of qualitative heterogeneity of the intellectual-personal potential of future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia, there are also level differences between the specialties. The study involved 275 cadets who took the course of a young soldier (primary training for service and training) at the country's training center of the Academy of the Federal Penal Agency of Russia.

Key words: intellectual-personal potential, future specialists of the Federal Penitentiary Service of Russia, specialty, productivity, efficiency, structure of intellectual-personal potential.

References

1. Apparatno-programmnyj psihodiagnosticheskiy kompleks «Mul'tipsihometr»: metodicheskoe rukovodstvo. M.: Nauchno-proizvodstvennyj centr «DIP», 2012.
2. Kornilova T.V. Princip neopredelennosti v psihologii vybora i riska [Jelektronnyj resurs] // Psihologicheskie issledovanija. 2015. Vol. 8 no 40. P. 3. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 16.08.2018).
3. Konceptii razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda (red. ot 23 sent. 2015) [Jelektronnyj resurs] : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14 okt. 2010 № 1772-r. Jelektron. tekst. dan. - Dostup iz inform.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» : Versija Prof.

Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста

Кубышко В.Л., кандидат педагогических наук, начальник, Департамент государственной службы и кадров МВД России (84956673764@mail.ru)

Крук В. М., доктор психологических наук, профессор, ведущий консультант отдела организации психологической работы управления организации морально-психологического обеспечения, Департамент государственной службы и кадров МВД России (kvm@fsvgroup.ru)

Федотов А. Ю., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии УНК психологии служебной деятельности, ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя» (fedot-andrey2008@yandex.ru)

Статья посвящена психологической подготовке и перспективам ее совершенствования в контексте профессионально-личностного развития специалиста. Аргументируется, что опирающиеся на разработки прошлых лет и являющиеся моделями первого уровня или здравого смысла современные интервенции востребованы, но мало результативны. Напоминается малоизвестный факт, что в конце XX в. констатировалась вариативность ее толкования, невысокая заинтересованность практики в ней и необходимость переосмысления психологами. Обосновывается конструктивность подхода к психологической подготовке, основанного на межведомственной модели второго уровня и заключающегося в целостной концепции профессионально-личностного развития подготовленного специалиста. Ее теоретико-методологическими основами выступают непрерывный цикл системно-ситуативного анализа трудностей выполнявшихся задач, а также выработки и реализации с определенных позиций разноуровневых рекомендаций по их учету в системах профессионального психологического отбора, профессиональной подготовки и повышения квалификации, других видов подготовки, специализированных психофизических тренингов под руководством инструктора – опытного профессионала и психолога.

Ключевые слова: психологическая подготовка, готовность, устойчивость, модели психологической подготовки первого и второго порядка, профессионально-личностное развитие, системно-ситуативный анализ, уровни формирования действий в структуре сознания, сенсомоторная сфера, психофизический тренинг, саморегуляция, моделирование.

Для цитаты:

Кубышко В.Л., Крук В.М., Федотов А.Ю. Психологическая подготовка: уроки и перспективы в контексте профессионально-личностного развития специалиста. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 219-235. doi: 10.17759/psylaw.2018080419

For citation:

Kubyshko V.L., Kruk V.M., Fedotov A.Yu. Psychological training: lessons and prospects in the context of professional and personal development of a specialist. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.219-235. doi: 10.17759/psylaw.2018080419

Актуальность проблемы

Последние годы свидетельствуют об усилиях психологов силовых структур России в осмыслении теории и практики психологической подготовки специалистов [8; 16; 26]. На важность этой проблемы для сотрудников органов внутренних дел указывают уроки истории полиции Российской империи [11]. Один из них заключается в том, что она не смогла противостоять деструктивным силам и выполнить возложенные на нее задачи сохранения правопорядка в стране [1].

Вопросы психологической подготовки регулярно рассматриваются в научной и учебной литературе [13; 17; 18], на конференциях [2; 15] и т.д. Опыт участия в связанных с этим мероприятиях побуждает обратить внимание заинтересованных лиц на две группы вопросов.

*Первая связана с необходимостью переосмысления базовых представлений о ней и месте психологов в ее реализации¹. В большинстве случаев ее описания пространны и тавтологичны, а участие психологов в ней, подразумеваемое сущностью исходного понятия, весьма неопределенное. В одних работах излагаются ее виды, вариации названий, пожелания того, чему она должна способствовать и заверения в чудодейственности какого-либо психологического тренинга [13, с. 55-91]. В других она рассматривается как *готовность*, основой которой является *психологическая подготовленность*, складывающаяся из *профессионально-психологической ориентированности* и *чувствительности, подготовленности по психологическим аспектам эффективности*... [17, с. 5-6] и т.д. И таких примеров немало. Подобные проблемы справедливо ставятся ветеранами практической психологии [9].*

Вторая обусловлена перспективностью разработки проблематики психологической подготовки на иных апробированных подходах. Одним из них является профессионально-личностное развитие специалиста.

¹ Здесь и далее курсивом выделено авторами.

Постановка этих вопросов актуальна также по характеристикам внешнего критерия, результатам экспертных оценок современного понимания и состояния рассматриваемой проблемы [12; 15].

История и результаты разработки проблемы

Психологическая подготовка как научно-практическая проблема в отечественных психологических исследованиях впервые поставлена в психологии спорта, а затем в других ее отраслях во второй половине XX в. Сначала она определялась комплексным педагогическим процессом *развития волевых качеств* спортсмена, позволяющих ему до конца бороться за лучший результат несмотря на неожиданности и случайности (А.А. Лалаян, 1956) [24, с 100]. Позже речь пошла о *формировании готовности* преодолевать любые трудности в борьбе за результат (Г.М. Гагаева, 1960) [Там же, с. 100-101]. Именно эта идея была подхвачена в силовых структурах.

В.В. Сысоев указывает на неоднократное смещение акцентов в этой проблеме, в т.ч. на: *эмоционально-волевой самоконтроль* поведения и деятельности; формирование волевых свойств и ответственности перед обществом (1960-е гг.); *развитие конкретных психических функций*; формирование определенного психологического состояния (1970-е гг.); *выявление и преодоление затруднений* в достижении результата за счет формирования психологической *готовности, устойчивости, надежности* (1980-е гг.) [Там же].

По данным Н.П. Балыкова, за 1960-1987 гг. только в Минобороны страны по этой проблематике опубликовано более 500 статей, защищено 8 докторских и 20 кандидатских диссертаций, издано 30 монографий, около 40 учебных пособий, десятки брошюр и статей в специальных сборниках² [20, с. 7]. Были соответствующие разработки и в других силовых структурах, в частности, в МВД России³ [6; 23; 28].

² Среди них диссертации по психологическим наукам Юсова В.Т. Психологическая подготовка личного состава как один из факторов предотвращения летных происшествий (канд. пед. наук по психол.), 1967; Волкова Л.И. Психологическая подготовка воинов-танкистов к форсированию рек под водой (канд психол. наук), 1971; Варварова В.И. Психологическая подготовка офицеров дежурных сил смен командных пунктов частей ракетных войск к несению боевого дежурства (канд. психол. наук), 1971; Корниенко Н.В. Психологическая подготовка личного состава к борьбе за живучесть корабля (канд. психол. наук), 1978; Шикун А.Ф. Проблемы психологической подготовки командных кадров войск ПВО (д-ра психол. наук), 1984.

В последующие годы исследования продолжили: Индюченко А.Д. Психологическая подготовка воинов-танкистов к активным боевым действиям (канд. психол. наук), 1988; Сысоев В.В. Психологическая подготовка воздушных десантников к боевым действиям в тылу противника (д-ра. психол. наук), 1989; Корчемный П.А. Психологическая подготовка летного состава ВВС к ведению активных боевых действий в условиях современной войны (д-ра психол. наук), 1990; Радюкин Е.Е. Психологическая подготовка будущего офицера инженера-строителя к профессиональной деятельности в особых условиях (канд. психол. наук), 1993 и др.

³ Среди них диссертации по психологическим наукам Зайцева В.В. Психологическая подготовка курсантов высших военных командных училищ МВД СССР к деятельности командира взвода во внутренних войсках (канд. психол. наук), 1990; Лури В.С. Анализ современного опыта психологической подготовки сотрудников полиции США (канд. психол. наук), 1991; Сапарина О.Е. Профессионально-психологическая устойчивость сотрудников органов внутренних дел и пути ее совершенствования (канд. психол. наук), 1990; Смирнова В.Н. Использование

Развиваемый в них личностно-социально-деятельностный подход целенаправлялся на повышение результатов профессиональной деятельности. Этим была пропитана атмосфера сообщества профессионально-практических психологов. Таково содержание работ наставников (Г.Д. Луков, 1960; М.И. Дьяченко, 1966, 1974; Н.Ф. Феденко, 1964, А.И. Китов, 1979, А.М. Столяренко, 1983 и др.).

Наказом потомкам стала заключительная (при СССР) конференция, посвященная путям повышения эффективности *морально-политической и психологической подготовки*. В двух сборниках ее материалов представлены наработки авторитетных психологов, по-разному расставлявших акценты в ее понимании [20; 21]. Одни подчеркивали, что она призвана быть направленной на *формирование психологической готовности* к профессиональной деятельности и осуществляться на всех занятиях за счет приближения условий обучения к реальным условиям последней и выделения мотивационного, познавательного, сигнального и моторного компонентов в психологической модели такой подготовки (В.И. Варваров) [20, с. 36]. Другие определяли ее системой целенаправленных воздействий на специалистов с целью *формирования у них готовности и устойчивости* к успешному началу и последующему выполнению профессиональных действий за счет закрепления и активизации профессионально важных качеств, накопления представлений об условиях выполнения задач, приобретения опыта успешных действий в экстремальных условиях (П.А. Корчемный) [Там же, с. 42]. Третьи характеризовали ее целенаправленным, организованным процессом *формирования* таких *характеристик психики*, которые обеспечивают высокую надежность действий специалистов в соответствии с их морально-политическими и профессиональными устремлениями и задачами (В.П. Каширин) [21, с. 38] и т.д. При некоторых терминологических различиях в определении ее сущности, содержания, путей реализации и т.д. практически все вели речь как бы об одном и том же. Однако Н.Ф. Феденко, видный теоретик военной психологии в 1960-1990-е гг., констатировал разноуровневое понимание проблемы в документах, публикациях и на практике и сформулировал ряд предостережений (табл. 1).

Таблица 1.

Уровни толкования психологической подготовки к концу XX века (по Н.Ф. Феденко, 1989)

п/п	Вариация исходного понятия	Значение
1.	Морально-политическая и психологическая подготовка	Общее обозначение содержания и направленности воспитательной работы на все стороны личности по ее значимости
2.	Морально-психологическая	Работа по формированию ориентации

нетрадиционных психотехник в профессионально-психологической подготовке сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях (на основе методик чань, дзэн-буддизма) (канд. психол. наук), 1999.

	подготовка	специалиста на определенные действия и отношение к ним, выходящая за рамки собственно психологической подготовки и включающая этический аспект
3.	Психологическая подготовка в специальном смысле слова	Включает только ее некоторые составляющие – эмоционально-волевую подготовленность, тренировку психических функций
4.	Психологическая подготовка	Как тождественная всей подготовке специалиста на основании того, что она направлена на психику специалиста
5.	Психологическая подготовка в широком смысле слова	Применяется не психологами как краткая форма вооружения специалиста знаниями психологии

Данные таблицы 1 и анализа упоминавшихся современных источников свидетельствуют, что история повторяется.

Н.Ф. Феденко тогда отметил, что все эти подходы имеют право на существование, но выражают разные направления работы с личным составом, в связи с чем необходимо: а) добиваться их точного употребления, особенно в научно-исследовательской деятельности и в документах; б) проявлять психологам в этом отношении строгость; в) создать эталонное содержание термина, которое бы отражало его специфику, неповторимость, несводимость к другим. По его мнению, в собственном смысле слова она «выступает как относительно самостоятельный, отличный от других процесс формирования психологической устойчивости к опасности, готовности к действию, стремления к противоборству». Она призвана осуществляться в процессе профессиональной подготовки специалиста, а также путем некоторых специальных упражнений, тренажей, занятий и т.д. [Там же, с. 5-6].

Не снижать внимания к этой проблематике напутствовали в 1990-е гг., участники первых постсоветских конференций силовых структур [7; 14]. Прошли десятилетия. Нарботки и усилия предшественников не пропали даром, но предостережения не приняты в расчет [3; 19; 22].

А главное состоит в том, что существующие так называемые специализированные подходы нередко или не приносят ожидаемого результата, или для других малоприменимы на практике.

Так было и прежде. Современные исследователи и популяризаторы этой проблематики, обращающиеся к материалам прошлых лет, в них этого по понятным причинам не находят. Однако именно такими были тогда оценки на самом ответственном и авторитетном уровне.

Для понимания причин этого важно иметь в виду, что практических психологов в период постановки и активного исследования проблем психологической подготовки в силовых структурах не было. Так называемую прикладную проблематику разрабатывали

немногочисленные преподаватели-психологи в составе разнопрофильных кафедр, а также психологи – сотрудники специализированных групп и лабораторий. Почти все они имели военное образование и определенный опыт службы на должностях командиров, начальников, политработников, инженеров и т.д. Соответственно их вариативные взгляды сводились к основанному на личном служебном опыте анализу проблем своего уровня понимания в выполнении задач профессиональной деятельности и обоснованию путей их уменьшения или (и) устранения за счет наращивания доступных усилий, описываемых уже с позиции их психологического осмысления, а также обоснованию важности учета полномочными должностными лицами в профессиональной подготовке специалистов психологических знаний, освоения и применения доступных психотехнологий.

Сегодня эти подходы могут быть отнесены к моделям психологической подготовки первого порядка или здравого смысла, основанным на личном локальном профессиональном опыте организаторов и степени его психологического осмысления, а также реализованным ими в исследованиях в пределах своих служебных полномочий и за счет определенных сверхусилий вовлеченных в это лиц. Масштабного и долгосрочного воплощения этих идей тогда не получилось ни в теории, ни в нормативных документах, ни на практике. В числе причин этого, среди прочего, в то время констатировалось отсутствие: заметного углубления и расширения фронта исследований проблем психологической подготовки; потребности практики в них; заниженный уровень их осознания потребителем и т.д. [20, с. 6; 21, с. 9-10].

В XXI в. по рассматриваемой проблематике в прямой постановке выполнено две отечественные докторские диссертации по психологическим наукам, из них одна связана с силовыми структурами (В.Н. Смирнов, 2004). За 2014-2018 гг. защищена одна кандидатская диссертация по психологии (А.Б.-Ц. Дишинимаева, 2015). Однако на практике ситуация изменилась и сегодня организация психологической подготовки все шире вменяется практическим психологам к исполнению. Результаты этого нередко оставляют желать лучшего. Причин этому много и это тема отдельного рассмотрения.

Перспективы совершенствования психологической подготовки на основе профессионально-личностного развития специалиста

Под психологической подготовкой в данном подходе, относимом к ее моделям второго порядка, понимается комплекс мероприятий по целенаправленному привнесению соответствующего конечным целям оперативно-служебной деятельности, профессионального обучения сотрудников, их профессиональной служебной и физической подготовке психологического содержания, а также внедрение в них апробированных психологических технологий, позволяющих повысить результативность выполнения задач по предназначению.

Готовы ли к этому практические психологи? На уровне здравого смысла – да. И это уместнее определять рекомендациями по наращиванию общей психологической подготовки. А дальше за редким исключением – нет, по ряду понятных причин, в т.ч. их квалификации, статуса, возложенных задач и др. Эти проблемы носят комплексный характер, понимаются многими и для их решения предпринимаются определенные меры [12].

Могут ли практические психологи «пойти дальше»? Да. Для этого целесообразно с них и начать, выделив в их составе или введя в него тех, кто будет (готов) этим более основательно заниматься. Им кроме мотивации и других общеизвестных атрибутов целесообразно:

а) иметь соответствующую подготовку и опыт выполнения задач конкретной профессиональной деятельности;

б) иметь достаточное психологическое образование, позволяющее осмыслить с его позиций служебные знания и опыт;

в) владеть стандартизированным инструментом анализа первого через призму второго на предмет выявления разнополярных рассогласований и выработки аргументированных предложений по их учету;

г) иметь возможность участвовать в мероприятиях профессионально-психологического отбора, профессиональной подготовки специалистов и выполнения ими задач или (и) доступ к их анализу для целостного понимания того, что из трудностей выполнения задач обусловлено ригидными качествами и требует коррекции системы отбора (подбора), а что детерминировано пластичными качествами и может быть скорректировано иными средствами;

д) иметь возможность оперативного обмена информацией между собой и научно-методическими подразделениями психологической работы и др.

Предлагаемый подход «тянет за собой» понятный шлейф проблем, требующих решений. Однако представляется, что только так может быть пройден «Рубикон» в понимании и организации психологической подготовки к современным практико-ориентированным подходам.

Один из них основан на системно-ситуативном анализе (не путать с кейс-методом, ситуационизмом и др.), но не ограничен им. Он реализуется на межведомственной основе в инициативном порядке с 1990-х гг. в конструкте *профессионально-личностного развития специалиста*, относящемся к модели психологической подготовки второго порядка [25; 26; 27].

Он основан на нескольких теоретико-методологических конструктах.

1. Распространенной в силовых структурах *психологической теории личности специалиста* (рис. 1).

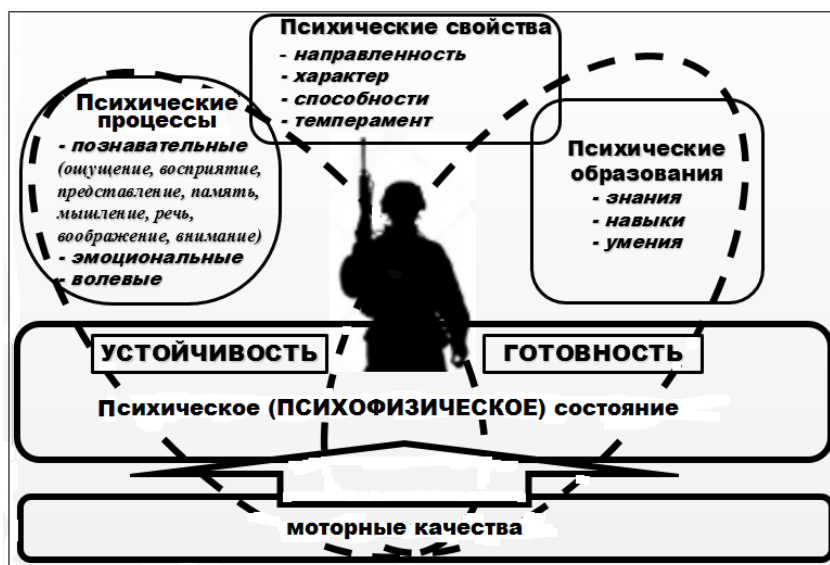

Рис. 1. Психологическая структура личности специалиста силовых структур и базовые подструктуры, на которые направлена его психологическая подготовка

Как видно на рисунке 1, подструктуры личности специалиста, на которые направлена психологическая подготовка, соотнесены с его базовыми элементами структуры личности.

2. Разработанном в силовых структурах *системно-ситуативном подходе*, реализация которого предполагает непрерывность исследования выполнения задач оперативно-служебной деятельности определенным инструментом с целью выявления проблем и их минимизации за счет уточнения задач, инструментария и т.д. профессионального психологического отбора и профессиональной подготовки [10; 25; 26] (рис. 2).

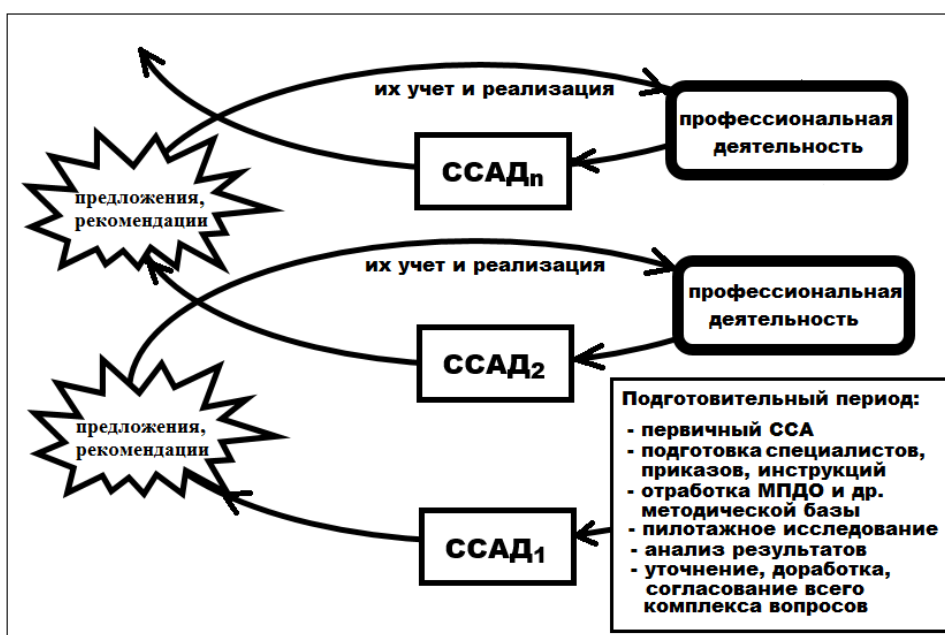

Рис. 2. Непрерывный цикл реализации системно-ситуативного подхода в психологической подготовке

Представленный на рисунке 2 психологический механизм реализации психологической подготовки специалиста является одним из базовых в рассматриваемом подходе. Это обусловлено тем, что совершенствующиеся задачи оперативно-служебной деятельности, формы, средства, методы и т.д. их выполнения, уровень готовности и устойчивости специалиста и проч. (и проблемы в этом) требуют оперативного и адекватного реагирования в т.ч. в системе психологической подготовки.

3. Структура сознания В.П. Зинченко в рамках деятельностного подхода и концепция «живого движения» как первичной ячейки, базиса развития психологической структуры личности по Н.А. Бернштейну [4; 5] (рис. 3) и др.

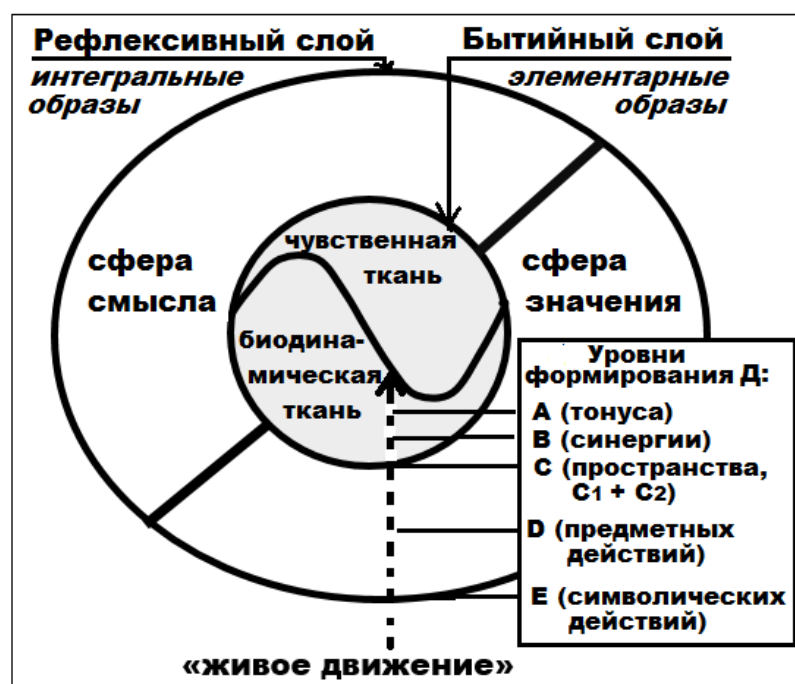

Рис.3. Структура сознания В.П. Зинченко на основе подхода А.Н. Леонтьева и концепции «живого движения» Н.А. Бернштейна

В соответствии с представленными на рисунках 1-3 конструктах, рассматриваемая модель психологической подготовки определена как процесс непрерывного профессионально-личностного развития специалиста, направленного на достижение ранее недоступной эффективности и надежности решения профессиональных задач за счет количественно-качественных и структурных психофизических изменений в его личности.

Для того, чтобы включенному в этот процесс практическому психологу понимать, как психологически осмысленно совершенствовать существующую систему подготовки специалиста, необходимо принять за аксиому идею о том, что и он, и соответствующие специалисты силовых структур должны быть непрерывно развивающимися профессионалами исходя из запросов практики, а также учета своих личностных особенностей и ресурсов [10, 26].

При этом первоначально акцент делается на трудностях (классифицируемых на срывы, ошибки, затруднения) для последующего психологического анализа их причин по элементам структуры ситуации (задача-условия-субъект, рис. 4).

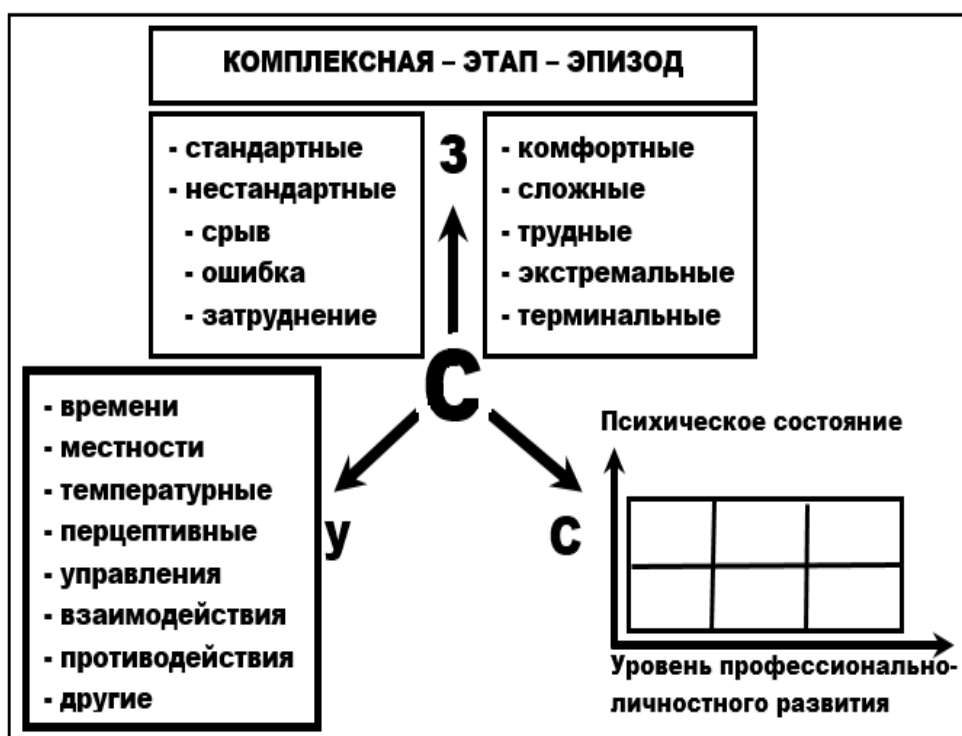

Рис. 4. Структурно-содержательная теоретическая модель системно-ситуативного анализа деятельности специалиста

Ядром подхода является комплексная система развития универсальной профессионально-ориентированной сенсомоторной базы в рамках освоения разделов и дисциплин профессиональной подготовки (рис. 5).

Рис. 5. Структурно-содержательная теоретическая модель профессионально-личностного развития специалиста

Как видно на рисунке 5, реализация рассматриваемой модели начинается с целенаправленного развития инвариантной профессионально-ориентированной сенсомоторной сферы. На определенном этапе этот процесс реализуется уже самостоятельно и выступает условием совершенствования когнитивной, эмоциональной и волевой сфер на основе целенаправленного конструирования профессиональных образов в определенной последовательности. В свою очередь, способность к осознанному конструированию образов обуславливает формирование оптимальных для профессиональной деятельности психических состояний. На их основе в процессе погружения в ситуации выполнения реальных и моделируемых задач и условий формируются требуемые качества профессионала соответствующих уровней (рис. 6).

Рис. 6. Структурно-блочная теоретическая модель профессионально-личностного развития специалиста

Как видно на рисунке 6, психологическая подготовка в рассматриваемом конструкте представляет замкнутый контур непрерывного системно-ситуативного изучения запросов практики и их отработки психологически осмысленными средствами и технологиями с апробацией полученных результатов и т.д. Ее задачи реализуются в рамках плановых занятий профессиональной служебной и физической подготовки, специализированных разделов, тем и др., ситуативных тренингов и моделирования стрессовых факторов последовательно-параллельным методом.

Таким образом, психологическая подготовка с участием психологов нуждается в уточнении базовых положений и обоснования перспективных моделей ее реализации. Одной из них может быть профессионально-личностное развитие специалиста.

Литература

1. Абдрахманов А.И. Трагедия полиции в феврале 1917-го // Служу Закону. 2018. № 2 (54). С. 8-9.
2. Аппаратные средства в психологической подготовке: Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур / под ред. А.Г. Караяни, С.И. Данилова. – М.: ВУ, Школа современных психотехнологий, 2018. 164 с.
3. Ахметов Р.С. Психологическая подготовка сотрудников ОВД // Эпоха науки. 2016. № 5. С. 3-6.
4. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии. М.: Ф и С, 1991. 287 с.
5. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Функциональная структура действия. – М.: МГУ, 1982. – 208 с.
6. Горлинский И.В., Постоев Б.П., Скобелев И.В. Опыт проведения психологической подготовки с младшим начальствующим составом. М: Академия МВД России, 1986. 58 с.
7. Гуманизация взаимоотношений военнослужащих: разрешение конфликтов и психотерапия. Тезисы выступлений на Международной научно-практической конференции «Социальные аспекты военной реформы», 23-25 мая 1994 года, г. Москва. М.: ВУ 1995. 56 с.
8. Дзячук И.А., О.Я. Безушко, Ю.Г. Жариков и др. Методические рекомендации по организации психологической подготовки личного состава. М.: ГУРЛС ВС РФ, Психологическая служба ВС РФ, 2016. 59 с.
9. Захаров А.В., Хозиев Б.И. Психологическая подготовка войск: история, теория, практика // Военный академический журнал. 2016. № 2 (10). С. 138-150.
10. Крук В.М., Кубышко В.Л. К обучению системно-ситуативному анализу понимания роли полиции в истории отечества // Психология обучения. 2017, № 8. С. 119-136.
11. Кубышко В.Л. Психология истории российской полиции: уроки и вызовы // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2018). Материалы международной научно-практической конференции 29 марта 2018 г. / под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2018. Электрон. опт. диск. С. 15-20.
12. Кубышко В.Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28). С. 95-103.

13. Марьин М.И., Петров В.Е., Сафронов А.Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2014. 157 с.
14. Материалы третьей научной конференции по советской военной психологии (2 февраля 1990). М.: ВПА, 1991. 136 с.
15. Научно-практическая конференция «Основные направления совершенствования психологической подготовки войск (сил). URL. <https://aleksey-pelevin.blogspot.ru/2018/03/blog-post.html> (дата обращения 30.3.2018).
16. Полковник Игорь Дьячук о «Школе военных психологов-2016»; полковник Вадим Савич о «Школе военных психологов-2016»; Школа ВП. Функциональная проба – 20 приседаний за 30 секунд; Доверься мне. Тренинг доверия и сплочения подразделения; Поза (проба) Ромберга. Экспресс-оценка состояния ЦНС. URL: https://aleksey-pelevin.blogspot.ru/2016/10/2016_6.html (дата обращения 30.11.17).
17. Психологическая подготовка сотрудников органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях [Электронное издание]: курс лекций /сост. А.В. Гирин. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – 210 с.
18. Психологическая подготовка сотрудников полиции: учебное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2016. – 64 с.
19. Психологическая подготовка. URL. <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14728%40morfdictionary> (дата обращения 12.02.2018).
20. Пути повышения эффективности морально-политической и психологической подготовки личного состава в подразделении, части (тезисы докладов и научных сообщений). – М.: ВПА, 1987. – 56 с.
21. Пути повышения эффективности морально-политической и психологической подготовки личного состава в подразделении, части. Материалы научно-практической конференции 1987 г. – М.: ВПА, 1989. – 195 с.
22. Семчук И. Психологические аспекты формирования профессиональных качеств сотрудника ОВД // Профessionал. 2013. № 6. С. 33-38.
23. Смирнов В.Н. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников специальных подразделений органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях. Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – 38 с.
24. Сысоев В.В., Овсяник О.А. К вопросу о психологической подготовке специалиста к профессиональной деятельности // Вестник МГОУ. Сер. Психологические науки. 2015. № 3. С. 99-111.

25. Федотов А.Ю. Принципы и основные технологии психологического обеспечения профессиональной надежности сотрудников силовых структур // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2017. № 3. С. 216-219.
26. Федотов А.Ю. Современные подходы к профессиональной и психологической подготовке сотрудников ОВД к действиям в особых условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С. 107-113.
27. Федотов А.Ю., Медведев И.Н. Эмоциональные состояния, негативно влияющие на профессиональную деятельность сотрудников органов внутренних дел и их преодоление. 2-е изд. М.: ДГСК МВД России, 2014. 120 с.
28. Юстицкий В.В. Психологическая подготовка работников уголовного розыска. М.: МВГИ МВД России, 1982. 93 с.

Psychological training: lessons and prospects in the context of professional and personal development of a specialist

Kubyshko V.L., PhD (Pedagogy), head of the Department of public service and personnel of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (84956673764@mail.ru)

Kruk V.M., Doctor of Psychology, Professor, Leading Consultant of the Department of Organization of the Psychological Work of the Department of the State Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kvm@fsvgroup.ru)

Fedotov A. Yu., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, UNK Psychology of Service Activities, FGKOU V Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. V.Ya. Kikotia (fedot-andrey2008@yandex.ru)

The article is devoted to psychological training and prospects of its improvement in the context of professional and personal development of a specialist. It is argued that modern interventions based on the development of past years and being models of the first level or common sense are in demand, but have little effect. The little-known fact that at the end of XX century variability of its interpretation, low interest of practice in it and need of reconsideration by psychologists was stated is reminded. The constructiveness of the approach to psychological training based on the interdepartmental model of the second level and consisting in the integral concept of professional and personal development of the trained specialist is proved. Its theoretical and methodological foundations are a continuous cycle of system-situational analysis of the difficulties of the tasks performed, as well as the development and implementation from certain positions of multi – level recommendations for their accounting in the systems of professional psychological selection, training and advanced training, other types of training, specialized psychophysical training under the guidance of an instructor-an experienced professional and psychologist.

Key words: psychological preparation, readiness, stability, models of psychological preparation of the first and second order, professional and personal development, system-situational analysis, levels of formation of actions in the structure of consciousness, sensorimotor sphere, psychophysical training, self-regulation, modeling.

References

1. Abdrahmanov A.I. Tragediya policii v fevrale 1917-go // Sluzhu Zakonu. 2018. № 2 (54). pp. 8-9.
2. Apparatnye sredstva v psihologicheskoy podgotovke: Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii psihologov silovyh struktur / pod red. A.G. Karayani, S.I. Danilova. M.: VU, SHkola sovremennyh psihotekhnologij, 2018.164 p.

3. Ahmetov R.S. Psihologicheskaya podgotovka sotrudnikov OVD // Ehpora nauki. 2016. № 5. pp. 3-6.
4. Bernshtejn N.A. O lovkosti i ee razvitii. M.: F i S, 1991. 287 p.
5. Gordeeva N.D., Zinchenko V.P. Funkcional'naya struktura dejstviya. M.: MGU, 1982. 208 p.
6. Gorlinskij I.V., Postoev B.P., Skobelev I.V. Opyt provedeniya psihologicheskoy podgotovki s mladshim nachal'stvuyushchim sostavom. M: Akademiya MVD Rossii, 1986. 58 p.
7. Gumanizaciya vzaimootnoshenij voennosluzhashchih: razreshenie konfliktov i psihoterapiya. Tezisy vystuplenij na Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Social'nye aspekty voennoj reformy», 23-25 maya 1994 goda, g. Moskva. M.: VU 1995. 56 p.
8. Dyachuk I.A., O.YA. Bezushko, YU.G. ZHarikov i dr. Metodicheskie rekomendacii po organizacii psihologicheskoy podgotovki lichnogo sostava. M.: GURLS VS RF, Psihologicheskaya sluzhba VS RF, 2016. 59 p.
9. Zaharov A.V., Hoziev B.I. Psihologicheskaya podgotovka vojsk: istoriya, teoriya, praktika // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2016. № 2 (10). pp. 138-150.
10. Kruk V.M., Kubyshko V.L. K obucheniyu sistemno-situativnomu analizu ponimaniya roli policii v istorii otechestva // Psihologiya obucheniya. 2017, № 8. pp. 119-136.
11. Kubyshko V.L. Psihologiya istorii rossijskoj policii: uroki i vyzovy // Aktual'nye problemy psihologii pravoohranitel'noj deyatel'nosti: koncepcii, podhody, tekhnologii (Vasil'evskie chteniya – 2018). Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 29 marta 2018 g. / pod red. YU.A. SHaranova, V.A. SHapovala. SPb: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 2018. EHlektron. opt. disk. pp. 15-20.
12. Kubyshko V.L. Sovershenstvovanie psihologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psihologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennih del // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2017. № 4 (28). pp. 95-103.
13. Marin M.I., Petrov V.E., Safronov A.D. Psihologicheskaya podgotovka sotrudnikov policii k professional'noj deyatel'nosti: uchebno-metodicheskoe posobie. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2014. 157 p.
14. Materialy tret'ej nauchnoj konferencii po sovetskoj voennoj psihologii (2 fevralya 1990). M.: VPA, 1991. 136 p.
15. Nauchno-prakticheskaya konferenciya «Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya psihologicheskoy podgotovki vojsk (sil). URL. <https://aleksey-pelevin.blogspot.ru/2018/03/blog-post.html> (Accessed 30.3.2018).
16. Polkovnik Igor' D'yachuk o «SHkole voennyh psihologov-2016»; polkovnik Vadim Savich o «SHkole voennyh psihologov-2016»; SHkola VP. Funkcional'naya proba – 20 prisedanij

- за 30 секунд; Dover'sya mne. Trening doveriya i splocheniya podrazdeleniya; Poza (proba) Romberga. EHkspress-ocenka sostoyaniya CNS. URL: https://aleksey-pelevin.blogspot.ru/2016/10/2016_6.html (Accessed 30.11.17).
17. Psihologicheskaya podgotovka sotrudnikov organov vnutrennih del k dejstviyam v ehkstremaal'nyh usloviyah [EHlektronnoe izdanie]: kurs lekciy /sost. A.V. Girin. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. 210 p.
  18. Psihologicheskaya podgotovka sotrudnikov policii: uchebnoe posobie. M.: DGSK MVD Rossii, 2016. 64 p.
  19. Psihologicheskaya podgotovka. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14728%40morfDictionary> (Accessed 12.02.2018).
  20. Puti povysheniya ehffektivnosti moral'no-politicheskoy i psihologicheskoy podgotovki lichnogo sostava v podrazdelenii, chasti (tezisy dokladov i nauchnyh soobshchenij). M.: VPA, 1987. 56 p.
  21. Puti povysheniya ehffektivnosti moral'no-politicheskoy i psihologicheskoy podgotovki lichnogo sostava v podrazdelenii, chasti. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii 1987 g. M.: VPA, 1989. 195 p.
  22. Semchuk I. Psihologicheskie aspekty formirovaniya professional'nyh kachestv sotrudnika OVD // Professional. 2013. № 6. pp. 33-38.
  23. Smirnov V.N. Professional'no-psihologicheskaya podgotovka sotrudnikov special'nyh podrazdelenij organov vnutrennih del k dejstviyam v ehkstremaal'nyh usloviyah. Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. – M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2004. 38 p.
  24. Sysoev V.V., Ovsyanik O.A. K voprosu o psihologicheskoy podgotovke specialista k professional'noj deyatel'nosti // Vestnik MGOU. Ser. Psihologicheskie nauki. 2015. № 3. pp. 99-111.
  25. Fedotov A.YU. Principy i osnovnye tekhnologii psihologicheskogo obespecheniya professional'noj nadezhnosti sotrudnikov silovyh struktur // Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii. 2017. № 3. pp. 216-219.
  26. Fedotov A.YU. Sovremennye podhody k professional'noj i psihologicheskoy podgotovke sotrudnikov OVD k dejstviyam v osobyh usloviyah //Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. № 1 (56). pp. 107-113.
  27. Fedotov A.YU., Medvedev I.N. EHmocional'nye sostoyaniya, negativno vliyayushchie na professional'nuyu deyatel'nost' sotrudnikov organov vnutrennih del i ih preodolenie. 2-e izd. M.: DGSK MVD Rossii, 2014. 120 p.
  28. Yustickij V.V. Psihologicheskaya podgotovka rabotnikov ugolovnogo rozyska. M.: MVGI MVD Rossii, 1982. 93 p.

Характеристика некоторых особенностей рисунков осужденных, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, по данным ассоциативного рисуночного теста

Диденко А.В., доктор медицинских наук, доцент, заместитель начальника по учебной и научной работе, Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний» (dedzone@yandex.ru)

Писарев О.М., кандидат психологических наук, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, Федеральное казенное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний» (olbig@sibmail.com)

Ланина М.Н., начальник психологической лаборатории, Федеральное казенное учреждение, лечебно-исправительное учреждение № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Томской области (LaninaMa@yandex.ru)

Цель исследования: изучение возможности использования ассоциативного рисуночного теста (АРТ) на сексуальных преступниках, совершивших преступления в отношении несовершеннолетних и отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы. Объект исследования: анализ специфических проявлений графических феноменов и их интерпретация в аспекте отношений личности к противоположному полу, характеристики его образа, выраженности и направленности агрессии, а также особенности субъективного восприятия и оценки окружающей действительности. Всего обследовано 34 осужденных мужского пола, из которых сексуальные преступники составили 12 человек (первая группа), имущественные преступники — 22 человека (вторая группа). Результаты исследования: установлены характерные для сексуальных преступников графические элементы и интерпретации, свидетельствующие о наличии актуальных проблем, связанных с полоролевой идентификацией, неустойчивым полоролевым образом Я и разделением половой роли на мужскую и женскую, неспособностью выстраивать конструктивные отношения либо

неудовлетворенностью отношениями с противоположным полом. Применение АРТ в работе с сексуальными преступниками, отбывающими уголовные наказания в исправительных учреждениях за преступления совершенные в отношении несовершеннолетних, в качестве основной методики носит ограниченный характер, поскольку графические образы могут быть связаны с психогенными факторами пенитенциарной социальной среды, влияющими на актуальное психическое состояние.

Ключевые слова: ассоциативный рисуночный тест, сексуальные преступники, исправительные учреждения.

Для цитаты:

Диденко А.В., Писарев О.М., Ланина М.Н. Характеристика некоторых особенностей рисунков осужденных, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, по данным ассоциативного рисуночного теста. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 236-251. doi: 10.17759/psylaw.2018080420

For citation:

Didenko A.V., Pisarev O.M., Lanina M.N. Characteristics of some features of drawings of convicts who have committed sexual crimes against minors, according to the associative drawing test. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 4. pp.236-251. doi: 10.17759/psylaw.2018080420

Введение

Изучение психологических характеристик осужденных за сексуальные преступления в отношении лиц, не достигших половой зрелости, является неотъемлемой частью профессиональной деятельности пенитенциарного психолога. Широкий спектр совершаемых преступных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних предопределяет выделение пенитенциарным психологом базовых нарушений в определенных сферах психической деятельности, которые в дальнейшем послужат мишенью психологической (психотерапевтической) коррекции.

Перспективным направлением в психодиагностической работе является использование проективных методов, направленных на изучение полового самосознания в виде полоролевой идентичности, полоролевых стереотипов, полоролевого поведения, полоролевых и сексуальных предпочтений [2]. Например, использование цветового теста отношений для изучения лиц с клиническим диагнозом «педофилия» (ЦТО — А.М. Эткинд [11] в модификации И.А. Кудрявцева, Н.Г. Дозорцевой [6]) позволяет выделить у преступников отличия в эмоциональной сфере в отношении представителей того или иного пола, с установлением ассоциативно-семантических связей и различий между гетеро- и гомосексуальными педофилами [4].

Большой блок исследований базовых психологических нарушений при сексуальном насильственном поведении сконцентрирован на анализе проблемы половой идентичности и связанного с ней гипермаскулинного и фемининного поведения. Нарушения полового самосознания в виде нарушений полоролевой идентичности выделяются в качестве основного психологического фактора развития сексуально-агрессивного поведения [10]. Так, было установлено, что для лиц с парафилией характерна преобладающая фемининная базовая полоролевая идентичность. Кроме этого, показано наличие расхождения между Я-идеальным и мужским нормативным поведением, составляющим основу искаженного типа полоролевой идентичности. В качестве других проявлений нарушения полоролевой идентичности отмечается феномен «трансформированности Я-образа» в виде неустойчивого, диффузного переживания Я [9].

Другое направление изучения аномального сексуального поведения сконцентрировано на анализе эмпатических нарушений. При этом у лиц с педофилией отмечается нечеткость восприятия половозрастных особенностей объекта сексуального влечения со склонностью приписывать ребенку качества взрослого человека. Указанные особенности также находят свое графическое выражение в проективных методиках в виде изображения ребенка с дополнительной атрибутикой, подчеркивающей его возраст (бант, игрушка и пр.), а также проявляются в отрицательном отношении к женщинам (гомосексуальные педофилы) или установлении связи с образами «ребенок—женщина» (у гетеросексуальных педофилов) [10].

По мнению С. Старовича [8], использование в работе различных «нерутинных» методов позволит дополнить сексологическое исследование за счет изучения не только определенных характеристик личности, связанных с аномалией сексуального поведения, но и оценить особенности значимых межличностных отношений, восприятия, самоотношения и пр.

Однако спектр профессиональных задач психолога исправительного учреждения не предполагает использование специальных методик для диагностики нарушений в сексуальной сфере у осужденных. Кроме этого, для работы с такими методиками необходима дополнительная специализация. В связи с этим использование **ассоциативного рисуночного теста**, нашедшего широкое применение в пенитенциарной практике (далее АРТ), позволяет анализировать некоторые из указанных выше характеристик, специфичных для лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних.

АРТ — проективная тестовая методика, направленная на диагностику личности и ее системы отношений, разработанная во ВНИИ МВД Ю.Н. Кудряковым и В.П. Голубевым [7]. Как указывают авторы, методика направлена, прежде всего, на выявление представлений осужденного (преступника) о самом себе, актуальной агрессии, особенностей поведения личности в группе и общении (в том числе в конфликтной ситуации), определение специфики взаимоотношений с противоположным полом.

В этой связи **целью** проводимого исследования явилось изучение возможностей использования АРТ как традиционного для пенитенциарной практики психолога проективного инструмента оценки психического состояния на первичном этапе психологического изучения личности по прибытии в исправительное учреждение. Были изучены и проанализированы специфические проявления графических феноменов и их

интерпретации в аспекте отношений личности к противоположному полу, характеристиками его образа, выраженностью агрессии и ее вектором, а также особенностей субъективного восприятия и оценки окружающей действительности.

Эмпирический материал исследования

Всего было обследовано 34 осужденных мужского пола, отбывающих уголовные наказания в исправительном учреждении строгого режима.

Первую группу составили 12 осужденных (средний возраст 38 ± 1 лет), совершивших преступления сексуального характера, квалифицированных по следующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ): ст. 131 (изнасилование), ст.132 (насильственные действия сексуального характера), ст. 133 (понуждение к действиям сексуального характера), ст. 134 (половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста), ст.135 (развратные действия). Характерным для данной группы явилось совершение преступлений, квалифицированных по нескольким статьям УК РФ. Предыдущая судимость за сексуальные преступления отмечалась только у одного осужденного (8,3%). Средняя продолжительность срока назначенного наказания за совершенное преступление составила 9 лет 8 мес. Анализ семейного положения показал, что всего 2 осужденных состояли в зарегистрированном браке (16,6% группы), остальные лица состояли в незарегистрированных отношениях ($n=5$; 41,6%) либо были не женаты и вели одинокий образ жизни ($n=5$; 41,6%). Отягощенность анамнеза по наличию психических и поведенческих расстройств, диагностированных по критериям МКБ-10, отмечалась у более половины осужденных группы ($n=7$; 58,2%). Среди них были выявлены: зависимость от психоактивных веществ (опиоидная наркомания — $n=3$; 25,0%), умственная отсталость легкой степени, с выраженными поведенческими нарушениями ($n=1$; 8,3%), органическое расстройство личности ($n=1$; 8,3%), эмоционально-неустойчивое расстройство личности импульсивного типа ($n=2$; 16,6%). Характерно, что ни одному осужденному из обследованной группы не был выставлен диагноз расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии.

Вторую группу (22 человека — средний возраст $38 \pm 0,5$ лет) составили осужденные, отбывающие уголовные наказания за преступления, квалифицированные по следующим статьям УК РФ: ст.158 (кража), ст. 159 (мошенничество), ст. 161 (грабеж), ст.162 (разбой). В криминальном анамнезе лиц, составивших данную группу, преступлений на сексуальной почве выявлено не было. Средний возраст — 38,5 лет. Средняя длительность назначенного срока наказания составила — 10 лет 6 мес. Семейное положение осужденных второй группы характеризовалось существенным преобладанием лиц, состоящих в брачных и незарегистрированных отношениях ($n=16$; 72,7%), над лицами, ведущими одиночный образ жизни ($n=8$; 36,4%). Отягощенность анамнеза по наличию психических и поведенческих расстройств отмечалась менее чем у половины группы ($n=9$; 40,9%). В структуре выделяемых психических расстройств (критерии МКБ-10) отмечались: зависимость от психоактивных веществ (опиоидная наркомания — $n=5$; 20,0%), органическое расстройство личности ($n=1$; 4,5%), эмоционально-неустойчивое расстройство личности импульсивного типа ($n=3$; 13,6%).

Психическое состояние у осужденных с диагностированными психическими расстройствами в обеих группах на момент проведения обследования характеризовалось

как стабильное (ремиссия у осужденных с зависимостью от психоактивных веществ и компенсация состояния у осужденных с расстройствами личности), не требующее терапевтической коррекции.

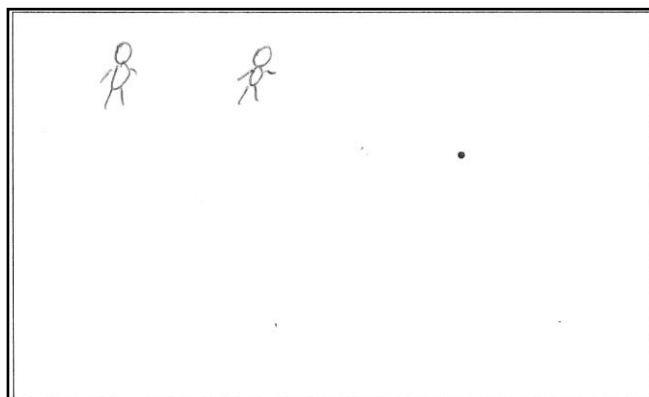
В ходе исследования применялась АРТ — проективная тестовая методика в соответствии со стандартной внутренней структурой и процедурой проведения. Стимульный материал к методике состоял из восьми пронумерованных, согласно указаниям авторов методики, прямоугольников размером 6x8 см, в шести из которых был вписан стимульный материал [7]. В первом прямоугольнике (исходный стимульный материал — точка в правом верхнем углу) предлагалось нарисовать все, что захочется; во втором прямоугольнике — нарисовать крокодила; в третьем (стимульный материал — прямоугольник) — нарисовать слона в прямоугольнике; в четвертом — поставить свою подпись; в пятом (стимульный материал — солнце в левом верхнем углу, луна — в правом верхнем углу) — нарисовать все, что угодно; в шестом (стимульный материал; в левом нижнем углу — берег, внизу вода, на берегу — дерево без листвы) — дорисовать по собственному усмотрению; в седьмом (стимульный материал — наклоненная фигура) — также нарисовать все, что угодно; в восьмом (стимульный материал — по две вертикальных и горизонтальных дуги, направленных друг к другу) — дорисовать.

Однако если при проведении стандартной процедуры в первом прямоугольнике испытуемому предлагалось нарисовать «все, что хочется», в настоящем исследовании осужденному было предложено изобразить двух человек. Также, как и при стандартном проведении процедуры, испытуемым предлагалось использовать стимульный материал; последовательность заполнения прямоугольников не регламентировалась. После завершения работы осужденные подробно опрашивались по вопросам относительно того, что изображено на рисунке, мыслей и чувств по этому поводу (например, мыслей, чувств, интересов одушевленного предмета, изображенного на рисунке), требовалось пояснить некоторые детали рисунка. Результаты, полученные при использовании методики, оценивались в контексте психодиагностической беседы.

Анализ результатов исследования

Сравнительный анализ графических объектов, представленных осужденными двух изучаемых групп, показал характерные различия, определяемые в первом, втором, третьем и шестом прямоугольниках. В оставшихся прямоугольниках (четвертом, пятом, седьмом и восьмом) между графическими объектами, представленными изучаемыми группами осужденных, существенных различий обнаружено не было.

Первый прямоугольник — направлен на выявление особенностей ориентации индивида в среде, учета элементов окружающего мира, характера отношений с противоположным полом. Как в первой, так и во второй группе большинство испытуемых не замечали стимульного объекта «точка» и не учитывали его при прорисовке изображения. Эта особенность говорила о том, что поведение имело тенденцию к реализации под влиянием внутренних побуждений, без учета требований среды, с ориентацией на созерцательное и пассивное отношение к действительности.

Рис. 1. Особенности прорисовки объекта испытуемыми первой группы с использованием элемента «точка» (осужд. Ч., 42 года, ст. 132 УК РФ)

Однако в первой группе при выполнении задания нарисовать в этом прямоугольнике двух людей выявлялись характерные различия, связанные с особенностями полоролевых представлений. Так, у 10 из 12 обследованных в качестве изображения двух людей были нарисованы лица с недифференцированным полом (рис. 1). В процессе послетестовой беседы эти осужденные отмечали, что не считали нужным изображать людей разного пола, используя при этом такие аргументы, как «разницы никакой нет», «просто два человечка», «не хотел рисовать женщину».

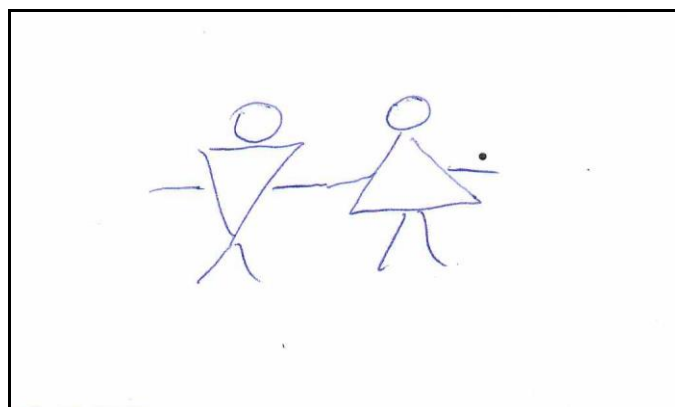
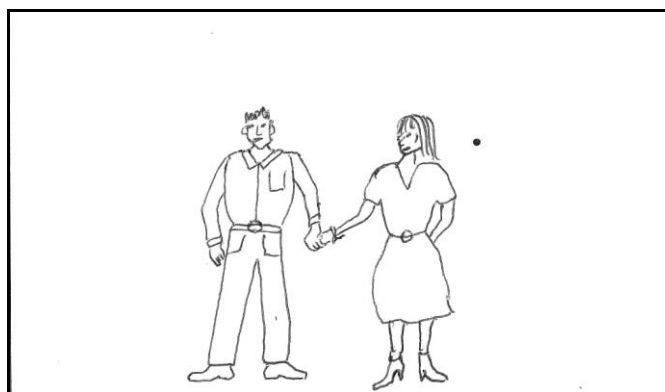
Два оставшихся рисунка были представлены с изображением ребенка, вероятно, мужского пола, с использованием имевшейся на рисунке точки в качестве зрачка глаза (рис. 2), что могло свидетельствовать о том, что человек пропускает события окружающего мира через свою систему понятий и взглядов, в его поле зрения находится ребенок с характерными для его возраста признаками.

Рис. 2. Особенности прорисовки объекта испытуемыми первой группы с использованием элемента «точка» (осужд. В., 35 лет, ст. 134 УК РФ)

Характер рисунков, представленных осужденными второй группы свидетельствовал о противоположной тенденции, связанной с изображением разнополых объектов зрелого

возраста (рис. 3). Лишь только в двух случаях из 22 были изображены недифференцированные в половом отношении объекты (маленькие однополые человечки).

Рис. 3. Особенности прорисовки объекта испытуемыми второй группы с использованием элемента «точка» (осужд. А., 34 года, ст.161 УК РФ; осужд. Т., 40 лет, ст. 158 УК РФ)

Второй прямоугольник, связанный с заданием нарисовать крокодила, был направлен на выявление агрессивных тенденций. Для осужденных первой группы были характерны тщательно прорисованные рисунки крокодила с открытой пастью и зубами (рис. 4). При этом у 10 из 12 лиц отмечались поворот головы крокодила влево (что может говорить о направленности агрессии по отношению к прошлому) и тщательная прорисовка деталей кожи крокодила (что может говорить о наличии защитных механизмов в поведении).

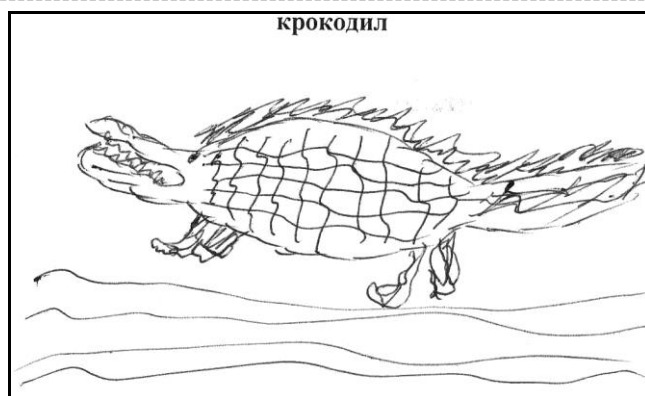

Рис. 4. Особенности выполнения задания «Крокодил» осужденными первой группы (осужд. Р., 35 лет, ст. 131 УК РФ)

В беседе с осужденным после выполнения задания отмечалось отрицание агрессии по отношению к самому себе, но высказывались настороженность и боязнь конфликтных отношений в исправительном учреждении. У двух осужденных при анализе рисунка отмечалось наличие множества лишних штрихов, выполненных при слабом нажиме карандаша, что свидетельствовало о проявлениях тревожности в актуальном психическом состоянии.

Для осужденных второй группы при анализе рисунков отмечалось меньшее количество элементов, характеризующих защитные тенденции. При этом изображения характеризовались наличием агрессии, направленной в будущее (поворот головы крокодила вправо — рис. 5) или латентной агрессии (крокодил не прорисован, находится в воде).

Рис. 5. Особенности выполнения задания «Крокодил» осужденными второй группы (направленность агрессии в будущее без выраженных защитных механизмов у осужд. В., 38 лет, ст. 158 УК РФ)

Третий прямоугольник — связан с анализом поведения человека в социальной группе, его способности учитывать социально-ролевые позиции. В качестве задания требовалось нарисовать слона, при этом в прямоугольнике находился стимульный материал в виде другого прямоугольника. При анализе графических образов, представленных осужденными первой группы, слон был вписан в прямоугольник,

отличался небольшими размерами, однако в большинстве рисунков был изображен с несоразмерно большими ушами и поднятым вверх хвостом (у 10 испытуемых). Указанные особенности объяснялись осужденными как свойство слона впадать в возбуждение и вести себя в нем «неконтролируемо и безудержно». Тем не менее, по описаниям авторов методики, указанные выше особенности могут быть связаны с тенденцией придерживаться социальных норм, но с наличием у личности низкого социального статуса (что действительно характерно для осужденных, совершивших насильственные сексуальные преступления в отношении детей и находящихся в местах лишения свободы). При этом некоторые практические психологи элемент рисунка в виде поднятого хвоста связывали с «готовностью» к вступлению в пассивные гомосексуальные связи (рис. 6).

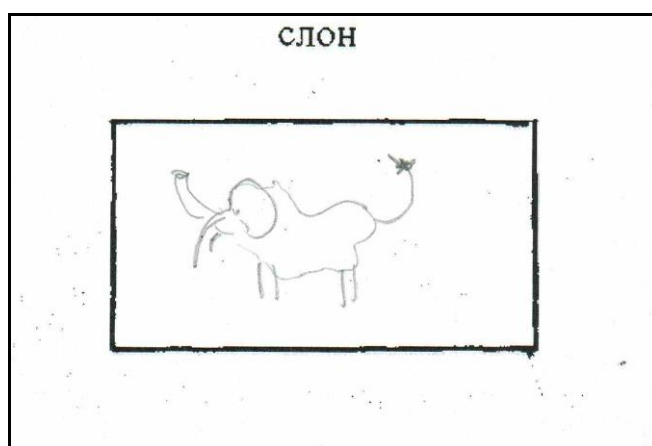

Рис. 6. Особенности выполнения задания «Слон» осужденными первой группы (вписанный в прямоугольник слон небольшого размера) (осужд. Н., 39 лет, ст. 132 УК РФ)

Для испытуемых второй группы было также характерно изображение слона внутри прямоугольника, что может говорить об учете социальных норм, мнения окружающих при выстраивании своего поведения в исправительном учреждении. У всех испытуемых такие элементы рисунка, как хвост и хобот, были опущены вниз. Тем не менее, у одного из обследованных изображение слона выходило за пределы прямоугольника, а у другого слон на рисунке был ориентирован спиной (рис. 7), что символически может означать игнорирование социальных установлений и каких-либо обязательств перед окружающими.

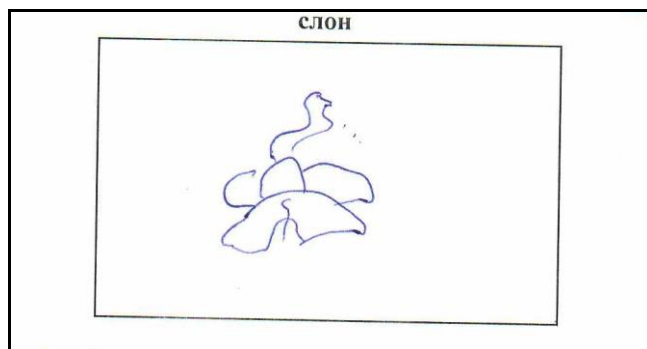

Рис. 7. Особенности выполнения задания «Слон» осужденным второй группы (вписанный в прямоугольник слон, но повернутый спиной) (осужд. П., 29 лет, ст. 162 УК РФ)

Шестой прямоугольник — направлен на выявление актуального для личности характера отношений с противоположным полом. В этой связи большую роль играл представленный стимульный материал в виде нарисованного берега, дерева, растущего на берегу (стабильная среда), и волны на реке, море (нестабильная среда). В первой группе у всех обследованных выявлялись актуальные проблемы взаимоотношений с противоположным полом, что проявлялось в изображении корабля, плывущего к берегу, либо в том, что вода воспринималась как почва (рис. 8) и на нее помещались деревья (у двух обследованных).

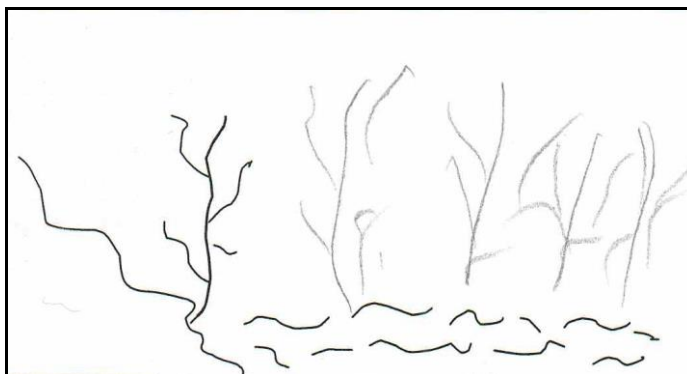

Рис. 8. Особенности выполнения задания в шестой позиции осужденным первой группы (вода воспринимается как почва) (осужд. Ч., 42 года, ст. 132 УК РФ)

В беседе с психологом осужденный негативно высказывался о реализации каких-либо отношений с женщинами, в достаточно категоричной форме озвучил мысль о том, что лучше жить одному, не связывая себя с кем-либо определенными обязательствами. Обычно это связано с негативным эмоционально-чувственным опытом взаимоотношений, либо с острой проблемой неудовлетворенности.

При расспросе других осужденных первой группы об особенностях изображений на рисунках чаще всего встречались пояснения о том, что «корабль движется к пристани, в море непогода, и нужно срочно пришвартоваться», однако, «причала нет, и корабль вынужден качаться на волнах». Таким образом, символы, представленные на рисунке, иллюстрировали неспособность конструировать отношения с противоположным полом. Деревья, изображаемые на воде, могли интерпретироваться как выражение проблемы неудовлетворенности в отношениях с противоположным полом.

Во второй группе осужденные придают большое значение бытовому оформлению межличностных отношений, что проявляется в дополнительной дорисовке деревьев на берегу, листьев (рис. 9). Однако не один из обследованных не выражал в символической форме неудовлетворенности по поводу отношений с противоположным полом (отсутствовали деревья на воде).

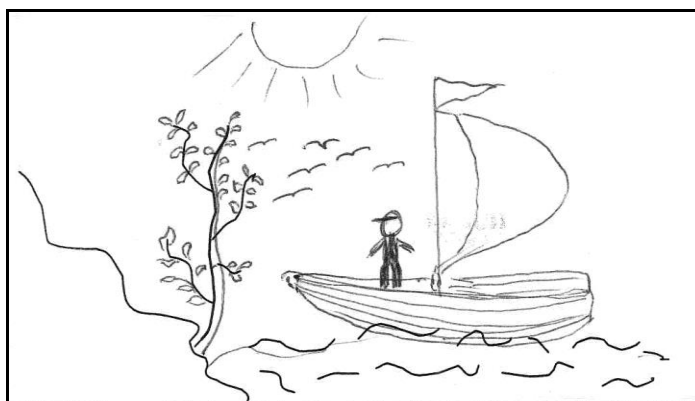

Рис. 9. Особенности выполнения задания в шестой позиции осужденным второй группы (бытовое оформление отношений — прорисованные листья деревьев) (осужд. В., 38 лет, ст. 158 УК РФ)

У 15 обследованных отмечалось отсутствие значимых проблем и трудностей в эмоционально-чувственном аспекте отношений, не отмечалась необходимость смены личной ситуации, что проявлялось в отсутствии на рисунке кораблика или лодки.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют об имеющихся различиях в графических характеристиках АРТ по выделенным четырем прямоугольникам теста у обследованных осужденных двух групп. При этом для осужденных, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности несовершеннолетних (первая группа), характерны следующие особенности:

- графические признаки, говорящие о наличии актуальных проблем, связанных с полоролевой идентичностью, неустойчивым полоролевым образом Я и разделением половой роли на мужскую и женскую, что проявляется в изображении людей с недифференцированным полом и возрастом либо в подчеркивании возраста ребенка с дополнительной атрибутикой (уменьшенный рост);
- имеющиеся в актуальном психическом состоянии проявления защитных механизмов, обусловленные влиянием негативного отношения в пенитенциарной среде к осужденным сексуальным преступникам, совершившим преступления в отношении детей, проявляются в виде графических элементов, говорящих о направленности агрессии в прошлое (поскольку актуальное проявление агрессии в пенитенциарной среде для подобных осужденных жестко табуировано) и наличии скрываемых от окружающих проявлений аффективной неустойчивости;
- для социального поведения осужденных характерен учет социальных норм и следование им с признанием своего низкого социального статуса в пенитенциарной среде, что проявляется в размещении графического элемента «Слон» в пределах границ прямоугольника с выделяющимися большими ушами;

- графические проявления, характеризующие актуальные взаимоотношения с противоположным полом, носят проблемный характер, связанный с неспособностью выстраивать конструктивные отношения, либо с неудовлетворенностью отношениями с противоположным полом.

Указанные особенности выполнения АРТ, наличие определенных элементов и специфические графические феномены необходимо учитывать при проведении в местах лишения свободы психодиагностической работы с осужденными, совершившими сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних. Говоря о методике в целом, следует отметить, что применение ее непосредственно для работы с сексуальными преступниками, отбывающими уголовные наказания в местах лишения свободы (в особенности с диагнозом педофилия), в качестве основной психодиагностической методики или в экспертных целях носит ограниченный характер. В представленных для анализа графических образах находят непосредственное выражение факторы пенитенциарной социальной среды, а возможно, имеющиеся психические расстройства, влияющие на актуальное психическое состояние. Указанное влияние может создавать определенные сложности в интерпретации результатов, а также вносить дополнительные помехи в плане их анализа в сексологическом аспекте. Выявление особенностей (или нарушений) психосексуальной сферы все же целесообразно проводить апробированными для этой цели методиками, такими, например, как: методика МИФ (маскулинность и фемининность), модифицированная Н.В. Дворянчиковым [2]; методики «Цветовой тест отношений» [1; 11], «Кодирование» [5], «Пиктограмма» [3] и др., — детально изложенными в соответствующих руководствах.

Работа выполнена на базе Федерального казенного учреждения дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний».

Литература

1. *Бодалев А.А., Столин В.В.* Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2000. 440 с.
2. *Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1998. 20с.
3. *Дворянчиков Н.В., Малькова Е.А.* Использование модифицированной методики «Пиктограмма» для установления влияния гендерных схем на когнитивные процессы // Сексология и сексопатология. 2003. № 1. С. 20—24.
4. *Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К.* Половое самосознание и методы его диагностики: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2011. 216 с.
5. *Ениколопов С.Н., Герасимов А.В., Дворянчиков Н.В.* Проблемы психологического исследования лиц с аномалиями сексуального влечения; Материалы юбилейной конференции «Социальная и судебная психиатрия: история и современность», секция «Судебная сексопатология» М.: Изд-во ГНЦ СиСП имени В.П. Сербского, 1996. С. 382—385.
6. *Кудрявцев И.А., Дозорцева Е.Г.* Смысловая сфера у лиц с особенностями

психосексуальной ориентации // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 107—117.

7. *Кудряков Ю.Н., Голубев В.П.* Ассоциативный рисуночный тест: основы интерпретации и опыт применения // *Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.М. Антонян. М.: ВНИИ МВД СССР, 1988. С. 31—43.*
8. *Старович З.* Судебная сексология: пер. с польского. М.: Юридическая литература, 1991. 254 с.
9. *Ткаченко А.А.* Сексуальные извращения-парафилии. М.: Триада-Х, 1999 С. 208—212.
10. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. 2-е изд. испр. и доп. М.: БИНОМ, 2015. 648 с.
11. *Эткинд А.М.* Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами / *Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. С. 110—114.*

Characteristics of some features of drawings of convicts who have committed sexual crimes against minors, according to the associative drawing test

Didenko A. V., doctor of medical Sciences, associate professor, Deputy chief on educational and scientific work of Federal state institution of additional professional education "Tomsk Institute of improvement of professional skill of workers of the Federal service of execution of punishments" (*dedzone@yandex.ru*)

Pisarev O. M., PhD in psychology, head of the Department of human, social, psychological and educational work, Federal state institution of additional professional education "Tomsk Institute of improvement of professional skill of workers of the Federal service of execution of punishments" (*olbig@sibmail.com*)

Lanina M. N., head of the psychological laboratory, Federal state institution, medical and correctional institution No. 1 of the Federal penitentiary service of the Russian Federation in the Tomsk region (*LaninaMa@yandex.ru*)

The purpose of the study: to study the possibility of using the associative drawing test (ART) on sexual offenders who have committed crimes against minors and serving criminal sentences in prisons. Object of research: analysis of specific manifestations of graphic phenomena and their interpretation in the aspect of the relationship of the individual to the opposite sex, characteristics of his image, the severity and direction of aggression, as well as features of subjective perception and evaluation of the surrounding reality. The study included 34 male convicts, of which sex offenders made up 12 people (the first group), property offenders, 22 people (the second group). The results of the study: it was found typical for sex offenders, graphic elements and interpretation, indicating the presence of current problems related to paroloi identification, unstable poliolefin by the way I split gender roles for men and women, the inability to build a constructive relationship or dissatisfaction with relations with the opposite sex. The use of ART in dealing with sexual offenders serving criminal sentences in correctional institutions for crimes committed against minors as a basic technique is limited, since graphic images can be associated with psychogenic factors of the penitentiary social environment that affect the actual mental state.

Key words: associative drawing test, sex offenders, correctional institutions.

The research was supported by Federal state institution of additional professional education «Tomsk institute of improvement of professional skill workers of Federal service of execution of punishments».

References

1. Bodalev A.A., Stolin V.V. *Obshhaja psihodiagnostika* [General psychodiagnosics]. Saint-Petersburg: Izd-vo «Rech'», 2000. 440 p.
2. Dvorjanchikov N.V. *Polorolevaja identichnost' u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem: Dis. ... kand. psihol. nauk.* [Gender-role identity in persons with deviant sexual behavior: Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow., 1998. 20 p.
3. Dvorjanchikov N.V., Mal'kova E.A. *Ispol'zovanie modifitsirovannoj metodiki «Piktogramma» dlja ustanovlenija vlijanija gendernyh shem na kognitivnye processy* [Using the modified technique of «pictogram» to determine the effect of gender schemas on cognitive processes]. *Seksologija i seksopatologija* [Sexology and sexual pathology]. 2003. №1. pp. 20-24. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Dvorjanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. *Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki: uchebnoe posobie* [Sexual consciousness and methods of its diagnostics: the manual]. Moscow: Flinta, Nauka, 2011. 216 p.
5. Enikolopov S.N., Gerasimov A.V., Dvorjanchikov N.V. *Problemy psihologicheskogo issledovanija lic s anomalijami seksual'nogo vlechenija* [Problems of psychological research of persons with anomalies of sexual attraction]. In *Materialy jubilejnoj konferencii «Social'naja i sudebnaja psihiatrija: istorija i sovremennost'», sekcija «Sudebnaja seksopatologija»* [Materials of the anniversary conference «Social and forensic psychiatry: history and modernity», section «Forensic sexology»]. Moscow: Izd-vo GNC SiSP im. V.P. Serbskogo, 1996. pp. 382-385.
6. Kudrjavcev I.A., Dozorceva E.G. *Smyslovaja sfera u lic s osobennostjami psihoseksual'noj orientacii* [Semantic sphere of the persons with the peculiarities of psychosexual orientation]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 1993. Vol. 14, №4. pp. 107-117. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Kudrjakov Ju.N., Golubev V.P. *Associativnyj risunochnyj test: osnovy interpretacii i opyt primenenija* [Associative drawing test: basics of interpretation and application experience]. In Antonjan Ju.M. (eds.) *Lichnost' prestupnika: metody izuchenija i problemy vozdeystvija: Sb. nauch. tr.* [The identity of the offender: methods of study and the impact of]. Moscow: VNII MVD SSSR, 1988. pp. 31-43.
8. Starovich Z. *Sudebnaja seksologija* [Forensic sexology]. *Per. s pol'skogo.* Moscow.: Juridicheskaja literatura, 1991. 254 p.
9. Tkachenko A.A. *Seksual'nye izvrashhenija-parafilii* [Sexual perversions-paraphilia]. Moscow., «Triada-H», 1999. pp. 208-212.
10. Tkachenko A.A., Vvedenskij G.E., Dvorjanchikov N.V. *Sudebnaja seksologija* [Forensic sexology]. *Izd. 2-e, ispr. i dop.* Moscow: BINOM, 2015. 648 p.
11. Jetkind A.M. *Cvetovoj test otnoshenij i ego primenenie v issledovanii bol'nyh nevrozami* [Color test of relationships and its application in the study of patients with neuroses]. In

Диденко А.В., Писарев О.М., Ланина М.Н. Характеристика некоторых особенностей рисунков осужденных, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, по данным ассоциативного рисуночного теста. *Психология и право psyandlaw.ru* 2018. Том 8. №4. С. 236-251.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Lanina M.N. Characteristics of some features of drawings of convicts who have committed sexual crimes against minors, according to the associative drawing test. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2018. Vol. 8. no.4. pp. 236-251.

Social'no-psihologicheskie issledovanija v psihonevrologii [Socio-psychological research in Psychoneurology]. Leningrad, 1980. pp. 110-114.

Анализ стресс-факторов, влияющих на физическое и психическое здоровье мирных жителей в зоне конфликта на Юго-Востоке Украины

Рядинская Е.Н., кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики, ФГАОУВО «Южный федеральный университет» (michalola@mail.ru)

Статья представляет собой эмпирическое исследование стресс-факторов, влияющих на физическое и психическое здоровье мирных жителей, проживающих в зоне конфликта на Юго-Востоке Украины. В статье приведены результаты исследования по разработанной автором социально-психологической анкете «Определение субъективного восприятия значимости стресс-факторов для личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта». Вопросы анкеты были сгруппированы в шесть блоков стресс-факторов: угрозы жизни, здоровью, экономические, общественно-политические; социальные, психологические факторы. Выявлено, что за время вооруженного конфликта в психическом состоянии жителей, проживающих в сложных условиях, произошли существенные трансформации. Эмпирически показано, что в интенсивно обстреливаемых районах (ИРО) основными факторами, влияющими на психическое и физическое здоровье жителей, являются факторы угрозы здоровью, угрозы жизни, а также социальные, тогда как в малоинтенсивных районах обстрелов (МИРО) — социальные, общественно-политические и психологические факторы. Сделан вывод о том, что у мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, наблюдаются существенные изменения в физическом и психическом здоровье, которые в постконфликтный период могут отразиться на формировании смысловых стратегий, в изменениях ценностно-смысловой структуры личности, подвергая их серьезной трансформации.

Ключевые слова: стресс, стресс-факторы, физическое здоровье, психическое здоровье, зона вооруженного конфликта, малоинтенсивный район обстрелов, интенсивный район обстрелов, трансформация личности.

Для цитаты:

Рядинская Е.Н. Анализ стресс-факторов, влияющих на физическое и психическое здоровье мирных жителей в зоне конфликта на Юго-Востоке Украины. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 252-266.

doi: 10.17759/psylaw.2018080421

For citation:

Ryadinskaya E.N. Analysis of the stress factors affecting the physical and mental health of the civilians living in the area of the conflict in the south-east of Ukraine. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 4. pp.252-266. doi: 10.17759/psylaw.2018080421

Введение

Современное состояние общества характеризуется тенденциями к возникновению разного рода конфликтов и террористических угроз в тех регионах, где происходит разрыв между интересами человека и общества. Данные тенденции влекут за собой рост политической напряженности, терроризма, экстремизма и, как следствие, психологическую напряженность и нестабильность для каждой личности [4; 6].

Исследования большого количества авторов показывают, что стресс представляет собой состояние сильного и длительного психологического напряжения, которое возникает у человека, когда его нервная система получает эмоциональную нагрузку [3; 5; 9; 17; 18].

Стресс является одним из наиболее тяжелых видов психоэмоционального напряжения и затрагивает весь организм в целом; даже если едва выражен, он все равно оказывает влияние на физиологическое и психическое состояние человека [7; 10; 16]. Негативные эмоции активируют вегетативную нервную систему, которая, в свою очередь, воздействует на эндокринную и нервно-гуморальную системы [22]. Исследования некоторых авторов показывают, что длительные стрессы оказывают влияние не только на психологическое состояние (появляются бессонница, проблемы с аппетитом, различные страхи, тревога, негативные эмоции), но и на физическое здоровье человека [2; 19; 20].

Особенно это проявляется у людей, проживающих в зоне вооруженного конфликта (ЗВК). Пережив тяжелые испытания в виде постоянных многочасовых обстрелов, гибели близких, собственных ранений, постоянного страха за свою жизнь и жизнь близких, детей, пожилых родителей, человек уже никогда не будет прежним. Но у людей по-разному проявляются эти изменения — в зависимости от условий проживания, пола, возраста, семейного положения и профессионального статуса [1; 21]. Таким образом, важным является проведение анализа стресс-факторов, влияющих на психическое и физическое здоровье человека, проживающего в зоне вооруженного конфликта.

Эмпирическое исследование имело **целью** проведение анализа стресс-факторов, влияющих на физическое и психическое здоровье мирных жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 723 человека в возрасте от 17 до 75 лет. С целью получить более достоверную информацию по изучаемой проблеме нами были сформированы две группы: первая группа (335 человек) проживала в районах малоинтенсивных обстрелов (МИРО), во вторую (388 человек) входили жители из районов

интенсивных обстрелов (ИРО). Выборка была гетерогенной; семейное положение респондентов было различным (проживали в паре или были одиноки). Исследование проводилось в восьми городах Донецкой Народной Республики (г. Ясиноватая, Горловка, Докучаевск, Дебальцево, Иловайск, Макеевка, Донецк, Енакиево), в которых с 2014 по 2018 г. с разной интенсивностью проходят боевые действия.

Для анализа стресс-факторов, сопровождающих проживание населения в условиях вооруженного конфликта, нами использовались следующие **методы**: авторская анкета «Определение субъективного восприятия значимости стресс-факторов для личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта», состоящая из 62 вопросов, которые были сгруппированы в следующие блоки факторов: угроза жизни, здоровью, экономические, общественно-политические, социальные, психологические факторы; с респондентами также проводились индивидуальные беседы с целью анализа субъективных оценок изменения физического и психического состояния в период вооруженного конфликта.

Результаты исследования и их обсуждение

К первому блоку стресс-факторов (угроза жизни) нами были отнесены: артобстрелы с воздуха; наземные артобстрелы; действие диверсионных групп; возможность осуществления терактов (террористическая угроза); гибель членов семьи, близких родственников в ходе боевых действий от разных видов огнестрельного оружия (пуль, мин, снарядов, осколков и т. д.); вероятность гибели в ходе вооруженного конфликта; вероятность стать заложником, военнопленным; нападение на личность; сексуальное насилие; наличие членов семьи, близких, родственников, пропавших в период вооруженного конфликта и т. д.

Анализируя значимость стресс-факторов по первому блоку «угроза жизни» нами было выявлено, что в основном для респондентов в возрасте от 19 до 60 лет и старше, проживающих как в районах малоинтенсивных обстрелов (МИРО), так и в районах интенсивных обстрелов (ИРО) представляют опасность наземные и воздушные артобстрелы (рис. 1).

Рассмотрим подробнее значимость стресс-факторов обстрелов для населения. В первой группе (МИРО) респонденты в возрасте 16—19 лет практически не ощущают на себе влияние воздушных обстрелов, так как живут в относительно спокойных регионах ($p > 0,05$). Из них 90,3% юношей и 70,7% девушек отмечают, что на их психическое и физическое состояние обстрелы никакого влияния не оказывают. Они воспринимают их как отголоски, больше похожие на раскаты грома.

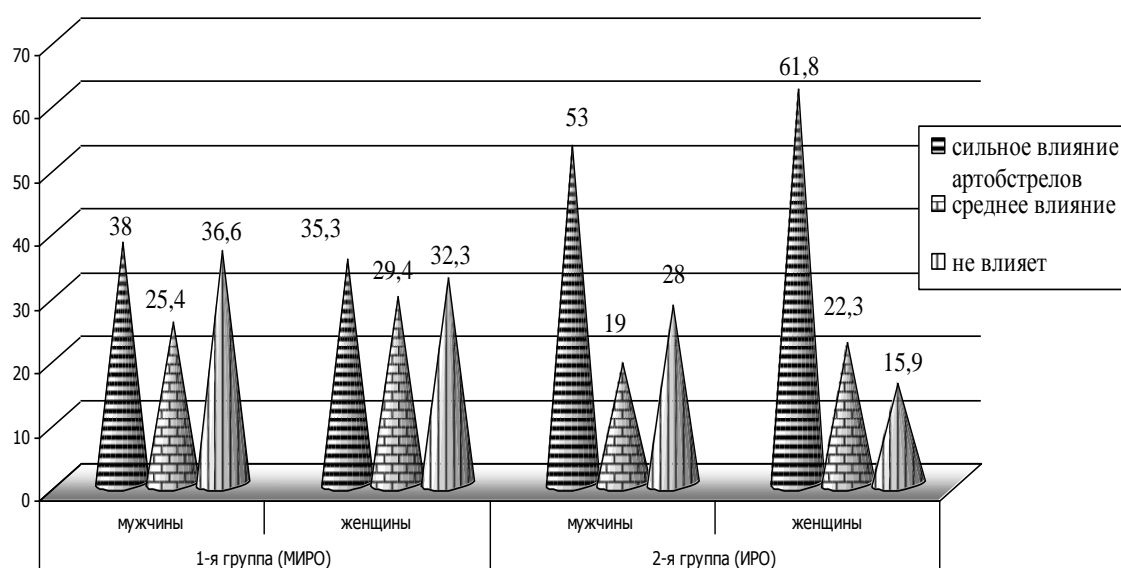

Рис. 1. Значимость стресс-факторов воздушных и наземных артобстрелов для населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта (в %):

1-ая группа — жители районов малоинтенсивных обстрелов (МИРО);

2-ая группа — жители районов интенсивных обстрелов (ИРО)

Во второй группе исследуемых (ИРО) этой же возрастной категории наблюдается подобная картина лишь с незначимыми различиями — 89,7% юношей и 50,9% девушек указали, что не ощущают никакого влияния обстрелов. Вместе с тем почти у трети девушек (28,8%) отмечено сильное влияние обстрелов, а у 20,3% — среднее влияние. Данные результаты указывают, прежде всего, на особенности юношеского возраста.

Известно, что в период юности люди охотнее идут на риск, они непримиримы в отстаивании своих взглядов, им присуща максималистская позиция, хочется острых ощущений: идет погоня за адреналиновым возбуждением нейронов от необычных и неожиданных событий [12]. Вооруженный конфликт для них может восприниматься как очередное приключение, возможность показать себя окружающим, доказать себе свою состоятельность и значимость.

Респонденты в возрасте от 19 до 35 лет этой группы также в меньшей степени ощущают на себе влияние обстрелов и характеризуются более устойчивыми взглядами, меньшей степенью импульсивности, стремлением упорядочить свою жизнь, добиться реализации целей, карьеры, создать семью и необходимый материальный базис и т. д.

Вторая группа (ИРО) исследуемых той же возрастной категории (19—35 лет) показала более высокие результаты по данному стресс-фактору: 80% мужчин и 100% женщин отметили сильное или среднее влияние на их жизнь каждодневных обстрелов.

Большинство респондентов возрастной группы 35—60 лет и 60 и более лет обеих групп также указали на то, что постоянные обстрелы очень сильно влияют на их жизнь

(первая группа — 81,6% мужчин и 81,5% женщин; вторая группа — 95,3% мужчин и 96,4% женщин).

Значимость стресс-факторов воздушных артобстрелов в обеих группах имеет особое значение для возрастных категорий от 35 до 60 лет и от 60 лет и старше. Однако у жителей, проживающих в зоне интенсивных обстрелов (ИРО), по сравнению с первой группой (МИРО) более выражена боязнь за свою жизнь, они острее чувствуют опасность, реальнее представляют угрозу обстрелов, поскольку постоянно живут в страхе и тревоге за себя и своих близких ($p < 0,01$).

Результаты по вопросу о степени влияния наземных артобстрелов на человека в первой исследовательской группе (МИРО) указывают на то, что респонденты серьезно относятся к данным стресс-факторам. Больше половины опрошенных мужчин (51,5%) отметили сильное влияние на них обстрелов, треть (33,3%) — среднее влияние, а на 15,2% это никак не влияет. Более 60% женщин указали на то, что наземные артобстрелы существенно влияют на их жизнь. Прежде всего, их беспокоит будущее детей, постоянная угроза жизни и здоровью.

Данный блок стресс-факторов анкеты касался отношения респондентов к возможности собственной гибели или гибели близких людей, проживающих в зоне вооруженного конфликта (рис. 2).

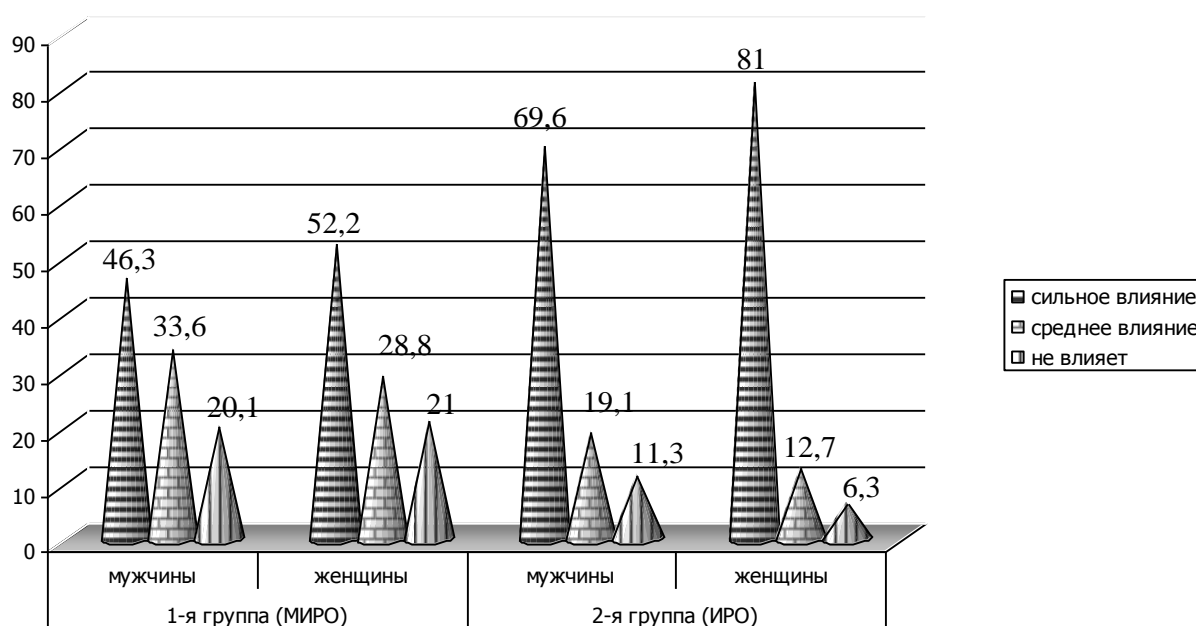

Рис. 2. Значимость стресс-факторов «собственная гибель», «гибель родственников» в первой и второй исследовательских группах (в %)

В первой группе (МИРО) половина респондентов, как мужчин (46,3%), так и женщин (52,2%), обозначили стресс-факторы вероятной собственной гибели или гибели родных наиболее значимыми. Треть опрошенных (33,6% мужчин и 28,8% женщин) указали на среднюю степень влияния этих факторов, 20% опрошенных указали, что подобные возможные явления их не волнуют.

Большинство мужчин (69,6%) и женщин (81%) второй группы (ИРО) констатировали, что подобные стресс-факторы являются для них значимыми. Лишь небольшое количество опрошенных (11,3% и 6,3%), в основном из возрастной категории 16—19 лет, заявили, что они им не важны.

Здоровье — это самое ценное, что есть у человека. Здоровье во всех обществах входит в число социальных ценностей и определяет специфику современного общества в его движении к исторически новому состоянию. Всевозможные стрессовые события разного характера (экологического, политического, технического, естественного, социально-психологического) вызывает эмоционально-психическое напряжение, вследствие которого страдает не только психическое, но и физическое состояние человека [14; 15].

К блоку факторов угрозы здоровью мы отнесли следующие: болезнь близких как результат негативных последствий вооруженного конфликта; состояние своего здоровья; переживание за жизнь и здоровье детей; потеря здоровья близких или родственников в ходе боевых действий; участие в боевых действиях членов семьи; собственное ранение; ранение близких или родственников и т. д.

Анализируя ответы на вопросы второго блока анкеты относительно важности здоровья респондентов, мы выяснили, что существенных значимых различий в двух группах не выявлено ($p > 0,05$) (рис. 3).

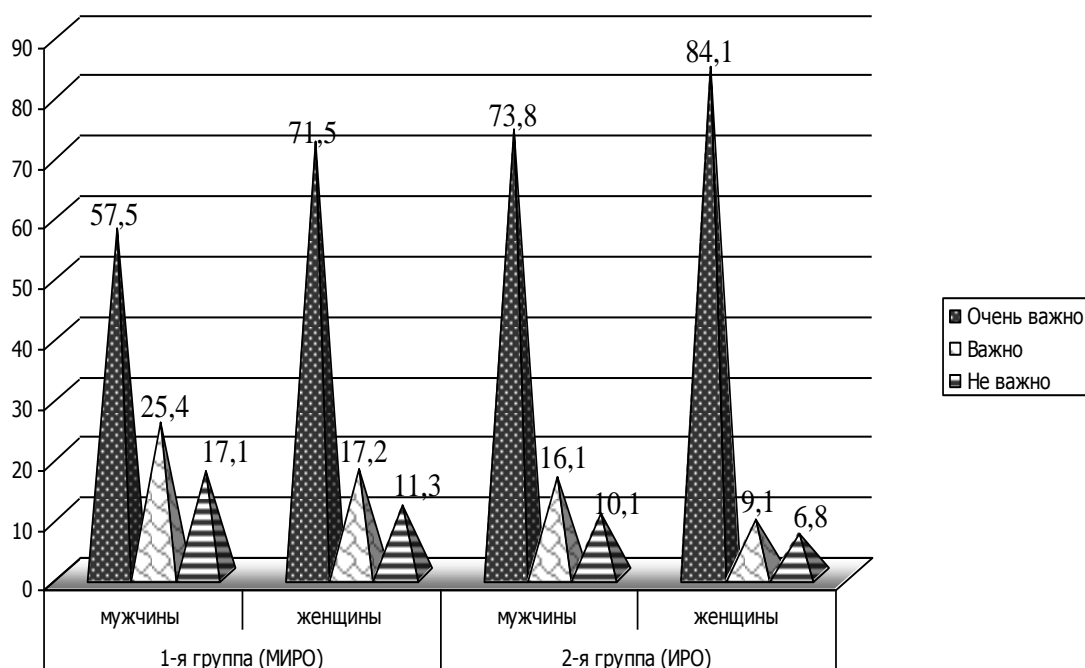

Рис. 3. Значимость стресс-факторов «угроза здоровью» для 1-ой и 2-ой исследуемых групп (в %)

Мы выявили, что у большинства опрошенных из двух групп по данному блоку факторов здоровье имеет большое значение. У женщин этот показатель выше, чем у мужчин (1-я группа: мужчины — 57,5%; женщины — 71,7%; 2-я группа соответственно: мужчины — 73,8%; женщины — 84,1%). Объясняется это, прежде всего, ответственностью, заложенной в

женском организме на генетическом уровне, из-за которой она более бережно относится к своему здоровью, чаще посещает врачей и меньше совершает необдуманных поступков [11].

Вегетативный дисбаланс и напряжение механизмов центральной адаптации приводят к истощению процессов регуляции и управления, развитию состояний перенапряжения и астенизации, с последующим переходом в психосоматические расстройства [8; 13].

Структура жалоб на психосоматические расстройства по данным анкетирования двух групп населения, проживающего в зонах вооруженного конфликта, достоверно не отличается ($p > 0,05$). Лишь незначительная часть молодых людей в возрасте от 16 до 19 лет, как первой, так и второй групп (11,1% и 7,7% соответственно), не предъявили жалоб на свое здоровье. Вероятно, это связано с возрастом, когда собственное здоровье не имеет большой ценности в силу молодости.

Вопросы экономического и общественно-политического блоков анкеты затронули практически всех респондентов. К данному блоку стресс-факторов мы отнесли: невозможность осуществления нормальной жизнедеятельности, трудовой деятельности; финансовая нестабильность (невозможность оплаты по кредитам, коммунальным платежам, медицинским и образовательным услугами т.д.); материальная нестабильность (отсутствие организованного отдыха детей и взрослых, отсутствие разнообразия в покупках и т. д.); разрушение собственных домов; вид разрушенных производств и жилых массивов; сложности с трудоустройством; осознание несоблюдения собственных гражданских прав; собственное внутреннее несогласие со сложившейся системой общественных отношений; невозможность свободно высказывать свое мнение; затрудненность территориального передвижения (блок-посты) и т. д.

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что экономическая и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в зоне вооруженного конфликта, экономическая и социальная блокада Юго-Восточного региона Украины усложняют все процессы жизнедеятельности. Достоверных различий по стресс-факторам данных блоков в двух группах выявлено не было ($p > 0,1$).

Восприятие общественно-политической ситуации населением региона остается сложным. Людей волнует разрушение родственных связей, отсутствие понимания близких с территории, где нет военных действий, конфликты с бывшими сослуживцами, которые уехали из зоны вооруженного конфликта, разлука с некоторыми членами семьи и невозможность полноценного общения.

Все эти стресс-факторы вызывают у людей различные негативные состояния, которые отражаются, прежде всего, на их физическом и психическом здоровье. При этом большинство респондентов, как первой, так и второй групп, считают проблемы экономического характера наиболее важными и значимыми (1-я группа : 67,9% — мужчины, 85,6% — женщины; 2-я группа: 72% — мужчины и 82,3% — женщины). Относительно в более благоприятном положении находятся пенсионеры обеих групп (55—65 лет), так как они получают социальную помощь и работают. Лишь для небольшого количества респондентов (8,9%) экономическая составляющая жизни не очень важна.

Многие мужчины из первой группы (53,7%) и значительная часть мужчин второй группы (73,2%) в возрасте 35—60 лет отмечают, что утратили веру в будущее и осознают реальное отсутствие жизненных перспектив. Сложность в трудоустройстве из-за закрытия многих предприятий вследствие блокады и военных действий, низкая заработная плата вызывают у них чувство растерянности и безысходности. Так, у 8,2% мужчин первой группы и у 11,3% мужчин второй группы брак распался вследствие отсутствия работы и невозможности содержать семью.

Женщины обеих групп (первая группа — 7,5%, вторая группа — 9,2%) также свидетельствуют об утрате жизненных перспектив и отсутствии возможности планировать будущее. Однако постоянная тревога и ответственность за детей заставляют их активизировать свои жизненные ресурсы для организации нормального существования в условиях военных действий.

Вопросы социального блока анкеты имеют также большее значение для жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта. В данный блок вошли следующие факторы: отсутствие социальной защиты со стороны государства (невыплата пенсий, пособий по уходу за ребенком, инвалидности и т. д.); невозможность или ограничение обучения в общеобразовательных, средних и высших учебных заведениях; невозможность в полном объеме получить качественные медицинские услуги; отсутствие нормальных бытовых условий (вода, электро- и газоснабжение, стационарная и мобильная связь, интернет и т. д.) вследствие боевых действий и пр.

Так, большинство респондентов первой (61,2%) и второй (77,8%) групп беспокоят проблемы социального плана, особенно в период с 2014 по 2017 г., когда Украиной осуществлялась социально-экономическая блокада Юго-Восточного региона. Невозможность или затрудненность получения пенсий, пособий по уходу за ребенком и по инвалидности, отсутствие элементарных бытовых условий для жизни создавали серьезную угрозу для дальнейшей жизнедеятельности. В 2014—2015 гг. дети практически не посещали учебные учреждения, особенно в районах сильных артобстрелов, студенческая молодежь обучалась дистанционно, что снижало качество обучения.

К психологическим стресс-факторам мы отнесли: отсутствие понимания со стороны близких и родственников, отсутствие жизненных перспектив; конфликты по причине разных политических взглядов; конфликты с друзьями или коллегами как следствие незаслуженных оскорблений; потеря расположения руководителя; потеря любви; разлука с семьей; одиночество вследствие гибели близких; вид пострадавших людей; работа в условиях боевых действий; негативное влияние средств массовой информации на психику вследствие недостатка или излишка информации; неопределенность возникшей ситуации; страх потерять контроль над внезапно возникшей ситуацией, агрессивное поведение; асоциальное и аддиктивное поведение; утраченная идентичность, проблемы с памятью и с концентрацией внимания; бессонница и потеря аппетита и т. д.

Влияние всех факторов наиболее остро проявились у жителей интенсивно обстреливаемых районов по сравнению с районами малоинтенсивных обстрелов (в первой группе — 42,4% и во второй группе — 75%.) Это свидетельствует о том, что их привычная картина мира разрушена, насилие лишило их иллюзии безопасности, жизненные ценности, будучи ранее приоритетными, утратили свою актуальность. Главной и единственной ценностью стала собственная жизнь и жизнь близких людей.

Так, почти половина (49,2%) респондентов второй группы (ИРО) отмечали немотивированные вспышки ярости и агрессии, особенно когда слушали украинские новости, часто отмечали у себя неадекватные реакции на происходящее, 35% мужчин и 40,5% женщин жаловались на бессонницу. Жители данной группы (19% мужчин и 23,6% женщин) стали замечать у себя проблемы с памятью и концентрацией внимания.

В первой группе (МИРО) треть респондентов также указывали на немотивированную агрессию, которая особенно проявлялась у женщин возрастной группы 35—60 лет. Жители этих районов менее пострадали физически, но у них отмечались психологические изменения: проявление подавленного настроения, утрата жизненного смысла вследствие нарушения привычного порядка жизни, страх возможных обстрелов и боязнь угроз уничтожения, разрыв отношений с родными, у некоторых — потеря близких.

44,7% женщин первой группы и 59% второй группы одиноки, из них у 6% (1-я группа) и у 10% (2-я группа) мужа погибли, принимая участие в вооруженном конфликте. Некоторые одинокие женщины также отмечали, что их семьи распались по причине чрезмерного употребления мужьями алкоголя — привычки, которая проявилась в период вооруженного конфликта, особенно в его начале, когда невозможно было осуществлять профессиональную деятельность из-за сильных обстрелов.

Выводы

Обобщая вышеизложенное, мы пришли к выводу о том, что значимость стресс-факторов воздушных и наземных артобстрелов в обеих группах имеет особое значение для возрастных категорий от 35 до 60 лет и от 60 лет и старше. Это касается и мужчин, и женщин. Однако у жителей, проживающих в зоне интенсивных обстрелов по сравнению с первой группой (районы малоинтенсивных обстрелов) более выражена боязнь за свою жизнь, они острее чувствуют опасность, реальнее представляют угрозу обстрелов, поскольку постоянно живут в страхе и тревоге за себя и своих близких. Нами выявлено, что большую значимость для двух исследовательских групп имеют стресс-факторы из блока «угроза здоровью», но у женщин этот показатель выше, чем у мужчин. Определено, что большинство респондентов, как первой, так и второй групп, считают проблемы экономического и общественно-политического характера наиболее важными и значимыми (1-я группа: 67,9% — мужчины, 85,6% — женщины; 2-я группа: 72% — мужчины и 82,3% — женщины). И мужчины, и женщины двух групп указывают на сложности с трудоустройством из-за закрытия многих предприятий вследствие блокады и военных действий, низкую заработную плату, потерю смысла жизни, неверие в жизненные перспективы, отсутствие возможности планировать будущее. Установлено, что социальные стресс-факторы также имеют большое значение для жителей, проживающих в зоне вооруженного конфликта; респондентов первой (61,2%) и второй (77,8%) групп беспокоят: отсутствие социальной защиты со стороны государства (невыплата пенсий, пособий по уходу за ребенком, инвалидности и т. д.); невозможность или ограничение обучения в общеобразовательных, средних и высших учебных заведениях; невозможность в полном объеме получить качественные медицинские услуги; отсутствие нормальных бытовых условий (вода, электро- и газоснабжение, стационарная и мобильная связь, интернет и т. д.) вследствие боевых действий и пр. Доказано, что психологические стресс-факторы (отсутствие понимания со стороны близких и родственников; отсутствие жизненных перспектив; конфликты по причине разных политических взглядов; конфликты с друзьями или коллегами как следствие незаслуженных оскорблений; потеря расположения руководителя;

потеря любви; разлука с семьей; одиночество вследствие гибели близких; вид пострадавших людей; работа в условиях боевых действий; негативное влияние средств массовой информации на психику вследствие недостатка или излишка информации; неопределенность возникшей ситуации; страх потерять контроль над внезапно возникшей ситуацией, агрессивное поведение; асоциальное и аддиктивное поведение; утраченная идентичность, проблемы с памятью и с концентрацией внимания; бессонница и потеря аппетита и т. д.) наиболее остро проявились у мужчин и женщин интенсивно обстреливаемых районов по сравнению с жителями районов малоинтенсивных обстрелов.

Таким образом, проанализировав влияние стресс-факторов на мирных жителей, проживающих в непосредственной зоне вооруженного конфликта, можно сделать вывод о существенных изменениях в их физическом и психическом здоровье, которое впоследствии может отразиться на формировании смысло-жизненных стратегий в постконфликтный период, проявиться в изменениях в ценностно-смысловой структуре личности, подвергая ее серьезной трансформации.

Литература

1. *Абакумова И.В., Рядинская Е.Н.* Особенности постконфликтного восстановления: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Красноярского педагогического университета имени В.П. Астафьева. Серия «Психологические науки». 2016. № 4 (38). С. 208—214.
2. *Абульханова К.А., Воловикова М.И.* Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 5—14.
3. *Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И. и др.* Психогении в экстремальных условиях. М.: Медицина, 1991. 96 с.
4. *Ганджакова М.Г.* Историческое значение национального примирения в Таджикистане // Вестник Таджикского государственного педагогического университета. 2012. № 5 (48). С. 107—111.
5. *Зеленов М.В., Лазебная Е.О., Тарабрина Н.В.* Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34—47.
6. *Кирюхин Д.* Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Весь мир, 2013. С. 195—218.
7. *Ковалева М.Е., Булыгина В.Г.* Психофизиологические предикторы психической адаптивности у специалистов опасных профессий (на примере военнослужащих) // Психология и право. 2017. Т. 7. № 4. С. 137—150.
8. *Кожевникова Е.Н., Симакова Т.А.* Формирование жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних: программа и методологические принципы // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 144—152.

9. Корниенко Д.С. Личностные предикторы психологического благополучия // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11-2. С. 429—432.
10. Лазебная Е.О. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // *Психол. журн*. 1999. № 5. С. 62—74.
11. Лунин С.Л. Особенности личностных трансформаций юношей и девушек мигрантов и вынужденных переселенцев из территорий локальных военных конфликтов: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Ростов-н/Д: ЮФУ, 2016. 142 с.
12. Магомед-Эминов М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // *Вестник Московского ун-та*. 1996. № 4. С. 26—35.
13. Насибуллов К.И. Особенности смысловой сферы личности при разрушении ценности собственной жизни: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Казань, 2002. 166 с.
14. Урываев В.А., Бойчук Б.В. Трансформации личности как многоаспектная проблема [Электронный ресурс] // *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика*. Электрон. науч. журн. 2013. № 2 (2). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 05.03.2015).
15. Чернов А.Ю., Буланова И.С. Эмпирические модели трансформации личности // *Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 7. Философия*. 2014. № 1 (21). С. 59—66.
16. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб: Питер, 2008. 256 с
17. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. *Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation*. New York, McGraw-Hill, 1955. 243 p.
18. Dohrenwend B.P., Link B.G., Kern R., Shrout P.E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue:II-IV. *Advances in measuring life stress* // *Stress Med*. 1990. Vol. 6. № 3. P. 179—187.
19. Duffy R.D., Allan B.A, Autin K.L, Bott E.M Calling and life satisfaction: It's not about having it, it's about living it // *Journal of Counseling Psychology*. 2013. Jan 60 (1). P. 42—52. doi: 10.1037/a0030635
20. Lens W., Paixão M. P., Herrera D., Grobler A. Future time perspective as a motivational variable: content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation // *Japanese psychological research, Special issue: Time perspective study now*. 2012. Vol. 54. № 3. P. 321—333.
21. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict / «The Tenth International Conference on Eurasian scientific development». Proceedings of the Conference (September 02, 2016). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2016. P. 40—43.

Рядинская Е.Н. Анализ стресс-факторов, влияющих на физическое и психическое здоровье мирных жителей в зоне конфликта на Юго-Востоке Украины. *Психология и право psyandlaw.ru* 2018. Том 8. №4. С. 252-266.
Ryadinskaya E.N. Analysis of the stress factors affecting the physical and mental health of the civilians living in the area of the conflict in the south-east of Ukraine. *Psychology and law psyandlaw.ru* 2018. Vol. 8. no.4. pp. 252-266.

---

22. Wong P.T.P. Meaning in life [Электронный ресурс] / А.С. Michalos (Ed.) // Encyclopedia of quality of life and well-being research, 2014. P. 3894—3898. URL: <http://www.springer.com/us/book/9789400707528> (дата обращения: 05.03.2015).

Analysis of the stress factors affecting the physical and mental health of the civilians living in the area of the conflict in the south-east of Ukraine

Ryadinskaya E.N., PhD (Psychology), Associate Professor, Academy of Psychology and Pedagogy, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Southern Federal University" (*muchalola@mail.ru*)

The article is an empirical study of the stress factors that affect the physical and mental health of the civilians living in the area of the conflict in the South-East of Ukraine. The article presents the results of the research based on the socio-psychological questionnaire "Determination of subjective perception of the significance of stress factors for a person living in the area of the armed conflict" developed by the author. The questions of the questionnaire were grouped into six blocks of stress factors: threats to life, health, economic, socio-political; social, psychological factors. It has been revealed that during the armed conflict significant transformations took place in the mental state of the residents living in difficult conditions. Empirically it has been shown that in the areas of intensive shelling (AIS) the main factors affecting the mental and physical health of the civilians are threats to health, threats to life, and also social factors, whereas in the areas of low-intensity shelling (ALIS) social, socio-political and psychological factors are of prior significance. The conclusion is made that the civilians living in the area of the armed conflict experience significant changes in physical and mental health, which in the post-conflict period may affect the formation of the sense of life strategies, changes in the value-semantic structure of the individual, having subjected them to a serious transformation.

Key words: stress, stress factors, physical health, mental health, area of armed conflict, the area of low-intensity shelling, the area of intensive shelling, personality transformation.

References

1. Abakumova I.V., Ryadinskaya Ye. N. Osobennosti postkonfliktnogo vosstanovleniya: otyechestvennyi i zarubyezchnyi opyt [Specific features of post-conflict reconstruction: domestic and foreign experience]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universityeta im. V.P. Astafyeva* [Bulletin of V.P. Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical University], 2016, no. 4 (38), pp. 208—214. (in Russ.).
2. Abulkhanova K.A., Volovikova M.I. Psikhosotsialnyi i subyektnyi podkhody k issledovaniyu lichnosti v usloviyakh sotsialnykh izmeneniy [Psychosocial and subjective approaches to the study of personality under conditions of social change]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal], 2007, Vol. 28, no. 5, pp. 5—14. (in Russ.).

3. Aleksandrovsky Yu. A., Lobastov O.S., Spivak L.I., Shchukin V.P. *Psikhogenii v ekstremalnykh usloviyakh* [Psychogeniuses in extreme conditions]. Moscow: Meditsina, 1991. 96 p. (in Russ.).
4. Gandzhakova M.G. Istoricheskoye znachenie natsional'nogo primiryeniya v Tadjikistane [The historical significance of national reconciliation in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universityeta*. [Bulletin of Tajik State Pedagogical University], 2012, no. 5 (48), pp. 107—111 (in Russ.).
5. Zelenov M.V., Lazebnaya Ye.O., Tarabrina N.V. Psikhologicheskiye osobennosti posttravmaticheskikh stressovykh sostoyaniy u uchastnikov voyny v Afganistane [Psychological features of post-traumatic stress disorders in Afghanistan war veterans]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1997, Vol. 18, no. 2, pp. 34—47. (in Russ.).
6. Kiryukhin D. Mul'tikul'turalizm, natsionalizm i identichnost': ukrainskiy kontekst [Multiculturalism, nationalism and identity: the Ukrainian context] *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* — The crisis of multiculturalism and the problems of national policy; Eds. M.B.Pogrebinskogo i A.K.Tolpygo. Moscow: Ves' mir, 2013, pp. 195—218 (in Russ.).
7. Kovaleva M.E., Bulygina V.G. Psihofiziologicheskie prediktoryi psicheskoy adaptivnosti u spetsialistov opasnykh professiy (na primere voennosluzhaschih) [Psychophysiological predictors of mental adaptability among specialists of extreme profile (servicemen)]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and law], 2017, Vol. 7. no. 4, pp. 137-150 (in Russ.).
8. Kozhevnikova E. N., Simakova T. A. Formirovanie zhiznennykh strategiy uslovno osuzhdennykh nesovershennoletnih: programma i metodologicheskie printsipy [The formation of life strategies juvenile probation: the program and methodological principles]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and law], 2017, Vol. 7. no. 1, pp. 144-152 (in Russ.).
9. Korniyenko D.S. Lichnostnye prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiya [Personal predictors of psychological well-being]. *Fundamental'nye isslyedovaniya* [Fundamental Researches], 2014, Vol. 11, no. 2, pp. 429—(in Russ.).
10. Lazebnaya Ye.O. Voyenno-travmaticheskii stress: osobennosti posttravmaticheskoy adaptatsii uchastnikov boyevykh dyeystviy [Military-traumatic stress: characteristics of posttraumatic adaptation of combatants]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1999, no. 5, pp. 62—74. (in Russ.).
11. Lunin S.L. Osobennosti lichnostnykh transformatsiy y unoshey I dyevushek migrantov I vynuzhdennykh pereselentsev iz territoriy lokal'nykh voyennykh konfliktov [Features of personal transformations of young men and women of migrants and internally displaced persons from the territories of local military conflicts]. Diss. Cand. Sci. (Psychology). Rostov-on-Don: YuFU [Southern Federal University], 2016, 142 p. (in Russ.).

12. Magomed-Eminov M. Sh. Lichnost i ekstryemalnaya zhiznyennaya situatsiya [Personality and extreme life situation]. *Vestnik Moskovskogo universityeta. Ser. 14: Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 1996, no. 4, pp. 26—35. (in Russ.).
13. Nasibullov K.I. Osobennosti smyslovoy sfery lichnosti prirazrushenii tsennosti sobstvennoy zhizni: [Features of the semantic sphere of the personality when the value of one's own life is destroyed] Diss. Cand. Sci. (Psychol). Kazan, 2002. 166 p. (in Russ.).
14. Uryvayev V.A., Boychuk B.V. Transformatsii lichnosti kak mnogoaspektnaya problema [Transformation of the personality as a multidimensional problem] [Elyektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obucheniye, praktika. Elyektronnyi nauchnyi zhurnal [Clinical and medical psychology: research, training, practice. Electronic scientific journal]*, 2013, no. 2 (2). URL: <http://medpsy.ru/climp> (date of access: 05.03.2015). (in Russ.).
15. Chernov A. Yu., Bulanova I.S. Empiricheskiye modeli transformatsii lichnosti [Empirical models of personality transformation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universityeta. Seriya 7, Filisofiya [Bulletin of Volgograd State University. Series 7, Philosophy]*. 2014, no. 1 (21), pp. 59—66 (in Russ.).
16. Shcherbatykh Yu.V. Psikhologiya stressa i metody korrektsii [Psychology of stress and correction techniques]. S. Peterburg: Piter, 2008. 256 p. (in Russ.).
17. Basowitz H., Persky H., Korchin. Sh., Grinker R. Anxiety and Stress: An Interdisciplinary Study of a Life Situation. New York: McGraw-Hill, 1955. 243 p. (In Engl.).
18. Dohrenwend B.P., Link B.G., Kern R., Shrout P.E. et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue: II-IV. *Advances in measuring life stress. Stress Med*, 1990, Vol. 6, no. 3, pp. 179—187 (In Engl.).
19. Duffy R.D., Allan B.A, Autin K.L, Bott E.M Calling and life satisfaction: It's not about having it, it's about living it. *Journal of Counseling Psychology*, 2013, Jan 60 (1), pp. 42—52 doi: [10.1037/a0030635](https://doi.org/10.1037/a0030635) (In Engl.).
20. Lens W., Paixão M. P., Herrera D., Grobler A. Future time perspective as a motivational variable: content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation. *Japanese psychological research, Special issue: Time perspective study now*, 2012, Vol. 54, no. 3, pp. 321—333 (In Engl.).
21. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict. «*The Tenth International Conference on Eurasian scientific development*». Proceedings of the Conference (September 02, 2016). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, 2016, pp. 40—43. (In Engl.).
22. Wong P.T.P. Meaning in life. In A. C. Michalos (Ed.). *Encyclopedia of quality of life and well-being research*, 2014, pp. 3894-3898. URL: <http://www.springer.com/us/book/9789400707528> (date of access: 05.03.2015). (In Engl.).